ЗАМѢТКИ

О

РУССКОЙ АДВОКАТУРѢ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СОВѢТА ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

за 1866—74 г.

К. К. АРСЕНЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип В Демакова. Новый пер:, д. № 7.
1875.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Замѣтки о русской адвокатурѣ.

СТР. АН.

Введеніе 1

I. Различные виды адвокатуры.—Законъ 25 Мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ.—Отношеніе частныхъ повѣренныхъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ.—Необходимость заботиться объ укрѣпленіи и распространеніи присяжной адвокатуры. 7

II. Составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. — Можно ли открыть къ нему доступъ для лицъ, не получившихъ юридическаго образованія? — Сокращеніе срока практической подготовки къ званію присяжнаго повѣреннаго. — Важность права, предоставленнаго Совѣтамъ ст. 380-ою Учр. Суд. Уст. — Испытанія, производимыя С.-Петербургскимъ Совѣтомъ 14

III. Положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ виду закона 25 Мая 1874 г. — Необходимость организаціи сословія помощниковъ. — Раздѣленіе помощниковъ на группы или колонны. — Коммиссія помощниковъ . . 29

IV. Положеніе вопроса о монополіи присяжныхъ повѣренныхъ, въ виду закона 25 Мая 1874 г. — Возможность и необходимость предоставленія присяжнымъ повѣ-

реннымъ такихъ правъ, которыми не пользовались бы частные повѣренные 49

V. Важное значеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.— Необходимость повсемѣстнаго, при первой къ тому возможности, открытія Совѣтовъ. — Измѣненія въ составѣ Совѣта; смѣна предсѣдателя его и членовъ. — Избирательная агитація. — Вопросъ о повелительныхъ полномочіяхъ; отношеніе Совѣта къ общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ. 60

VI. Судебный характеръ дѣятельности Совѣта. — Предѣлы дисциплинарной его власти. — Вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ являться защитниками той или другой партіи въ общемъ собраніи акціонеровъ . . . 88

VII. Званія и занятія несовмѣстныя съ адвокатурой. — Предѣлы власти Совѣта въ этомъ отношеніи. — Вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей. 105

VIII. Способъ исчисленія адвокатскаго вознагражденія — Право присяжныхъ повѣренныхъ заключать условія о вознагражденіи и взыскивать его судебнымъ порядкомъ. — Размѣръ адвокатскаго вознагражденія; условія, при которыхъ сложилась теперь принятая норма этого вознагражденія 120

IX. Нападенія противъ адвокатской профессіи. Возможно ли честное исполненіе адвокатскихъ обязанностей? Обязанности защитника, назначеннаго судомъ. Необходима ли разборчивость въ выборѣ дѣлъ, добровольно принимаемыхъ адвокатомъ? Чѣмъ долженъ руководствоваться адвокатъ при выборѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ? Обстоятельства, отъ которыхъ иногда зависитъ принятіе уголовной защиты. Можетъ ли выборъ дѣлъ подлежать контролю Совѣта? Гарантіи правильнаго выбора дѣлъ. Настоящее положеніе нашей адвокатуры съ этой точки зрѣнія 143

X. Способъ веденія дѣлъ адвокатами; подчиненъ ли онъ

контролю Совѣта? Отношеніе защитника къ вопросамъ общественной жизни. Средства вліянія на присяжныхъ. Перекрестный допросъ. Совѣты защитника подсудимому. Отношеніе защитника къ обвинителю. Обязанности адвоката при веденіи дѣлъ гражданскихъ. Способъ изученія дѣлъ и приготовленія къ защитѣ. 178

Заключеніе 202

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1866—74 г.

СТРАН

Глава первая. Составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. 1

1. Формальныя условія, необходимыя для вступленія въ присяжные повѣренные. 2. Временныя правила 1865 г. 3. Толкованіе ст. 354 Учр. Суд. Уст. 4. Формальныя препятствія къ вступленію въ присяжные повѣренные. 5. Ходатайства Совѣта о сокращеніи пятилѣтняго срока. 6. Примѣненіе ст. 380 Учр. Суд Устан. 7. Испытанія, установленныя Совѣтомъ. 8 Число присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургскомъ округѣ. 9. Необходимость дѣятельности въ предѣлахъ округа. 10. Увольненіе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.

Глава вторая. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ. . 41

11. Первоначальное положеніе помощниковъ. 12. Первыя мѣры Совѣта по организаціи сословія помощниковъ. 13. Предоставленіе помощникамъ возможности защищать подсудимыхъ и вести дѣла въ Коммерческомъ Судѣ. 14. Противудѣйствіе одного изъ помощниковъ мѣрамъ Совѣта. 15. Настоящее устройство сословія помощниковъ.

16. Ходатайство Совѣта о легальной организаціи сословія помощниковъ. 17. Коммиссія помощниковъ.

Глава третья. Избраніе Совѣта, его составъ и дѣлопроизводство 65

18. Образованіе Совѣта и число его членовъ. 19. Порядокъ производства выборовъ. 20. Возобновленіе Совѣта. Годовое общее собраніе. 21. Способъ рѣшенія дѣлъ Совѣтомъ. Обязанности и права предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ. 22. Дѣлопроизводство Совѣта. 23. Печатаніе рѣшеній Совѣта.

Глава четвертая. Отношенія Совѣта къ Судебной Палатѣ, Прокурору Палаты и общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ 86

24. Жалобы на постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго. 25. Жалобы частныхъ лицъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ. 26. Жалобы присяжныхъ повѣренныхъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ. 27. Протесты прокурора Судебной Палаты на постановленія Совѣта. 28. Срокъ и порядокъ обжалованія и опротестованія постановленій Совѣта и опредѣленій Судебной Палаты, которыми они утверждены или отмѣнены. 29. Общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ; занятія ихъ; правила, которымъ они подчиняются. 30. Отношеніе общихъ собраній къ Совѣту.

Глава пятая. Дисциплинарная власть Совѣта. 101

31. Способъ начатія дисциплинарныхъ дѣлъ. 32. Послѣдствія примиренія обвинителя съ обвиняемымъ. 33. Продолженіе дисциплинарнаго производства не смотря на просьбу обвиняемаго объ увольненіи его изъ сословія. 34. Распространяется ли дисциплинарная власть Совѣта на дѣйствія, совершенныя присяжнымъ повѣреннымъ до вступленія въ сословіе. 35. Кругъ дѣйствій и предѣлы дисциплинарной власти Совѣта. 36. Оппозиція противъ расширенія предѣловъ дисциплинарной власти Совѣта. Окончательное разрѣшеніе вопроса Прав. Сенатомъ. 37. Слу-

чаи осужденія присяжныхъ повѣренныхъ за дѣйствія, совершенныя ими не въ качествѣ адвокатовъ. 38. Внушенія, дѣлаемыя Совѣтомъ. 39. Общій характеръ дисциплинарныхъ взысканій. 40. Предостереженія. 41. Выговоры. 42. Запрещенія на время исправлять обязанности повѣреннаго. 43. Исключенія изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. 44. Общая статистика взысканій, наложенныхъ Совѣтомъ. 45. Общія начала, руководящія Совѣтомъ при разсмотрѣніи дѣлъ дисциплинарныхъ.

Глава шестая. Дѣятельность Совѣта внѣ круга его дисциплинарной власти 172

46. Обязанности возложенныя на Совѣтъ самимъ закономъ. 47. Обязанности Совѣта по взиманію десяти-процентнаго сбора. 48. Мѣры, принятыя Совѣтомъ къ огражденію общихъ интересовъ корпораціи. 49. Можетъ ли Совѣтъ заступаться оффиціально за отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ? 50. Разъясненіе недоумѣній, встрѣчаемыхъ присяжными повѣренными 51. Общіе расходы корпораціи и касса пособій. 52. Библіотека и консультація.

Глава седьмая. Обязанности и права присяжныхъ повѣренныхъ 194

53. Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовать безвозмездно по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. 54. Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ защищать подсудимыхъ по назначенію суда. 55. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ ихъ довѣрителямъ: а) во время веденія дѣла. 56. б) При разсчетѣ за веденіе дѣла. 57. в) При отказѣ или устраненіи отъ веденія дѣла. 58. г) При ходатайствѣ по дѣламъ лицъ, состоящихъ между собою въ тяжбѣ. 59. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ противной сторонѣ и третьимъ лицамъ. 60. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ суду и должностнымъ лицамъ. 61. Столкновеніе между обязанностями защитника и свидѣтеля. 62. Обязанности присяжныхъ по-

вѣренныхъ въ отношеніи другъ къ другу и къ цѣлой корпораціи. 63. Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ по платежу десяти-процентнаго сбора. 64. Права присяжныхъ повѣренныхъ.

Дополненіе 279

Приложенія 285

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗАМѢТКИ

О

РУССКОЙ АДВОКАТУРѢ.

Русская адвокатура, организованная въ первый разъ судебными уставами 1864 г., раздѣляетъ въ настоящее время участь всѣхъ *новыхъ* учрежденій — новыхъ не только по формѣ, но и по содержанію, не имѣющихъ корня въ прошедшемъ государства. Отъ такихъ учрежденій, неиспытанныхъ еще на опытѣ, всегда ожидаютъ слишкомъ многаго, не принимая въ разсчетъ условій, при которыхъ они должны дѣйствовать, силъ, которыми они располагаютъ, преградъ, лежащихъ на ихъ дорогѣ. Чѣмъ рѣзче они отличаются отъ порядка вещей, имъ предшествовавшаго, чѣмъ жизненнѣе начало, положенное въ ихъ основаніе, тѣмъ радостнѣе встрѣчаются ихъ первые шаги, тѣмъ охотнѣе выставляются на видъ ихъ первые успѣхи; самые враги учрежденія возстаютъ больше противъ идеи, въ немъ воплощенной, чѣмъ противъ практической его дѣятельности. Но пора первоначальнаго увлеченія проходитъ; оборотная сторона медали, безъ которой не обходится ни одно дѣло, начинаетъ обращать на себя вниманіе предпочтительно передъ другою; требованія слишкомъ высокія, и потому не вполнѣ удовлетворенныя, переходятъ въ обвиненія, въ

упреки; достоинства учрежденія, къ которымъ уже всѣ привыкли, меркнутъ въ сравненіи съ его недостатками, о возможности или лучше сказать неизбѣжности которыхъ прежде забывали. Этимъ всеобщимъ охлажденіемъ и разочарованіемъ пользуются систематическіе противники реформы и выступаютъ на сцену съ предложеніями взять ее назадъ или исказить до неузнаваемости основныя ея черты, устранить все что въ ней есть самаго существеннаго и драгоцѣннаго. Такая минута, пережитая или переживаемая и земствомъ, и судомъ, несомнѣнно настала для сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Нападеніямъ, которымъ оно подвергается въ обществѣ и литературѣ—и притомъ не въ однѣхъ только сферахъ, вообще враждебныхъ судебной реформѣ — соотвѣтствуютъ появляющіеся отъ времени до времени слухи о проектахъ законодательныхъ мѣръ, равносильныхъ, въ сущности, уничтоженію самостоятельной адвокатуры. На друзьяхъ учрежденія, при такихъ условіяхъ, лежитъ обязанность обратиться къ изслѣдованію того, что сдѣлано, достигнуто имъ, параллельно съ тѣмъ, чего еще остается достигнуть. Есть факты, которые говорятъ сами за себя, которые стоитъ только сопоставить, сгруппировать, чтобы разсѣять предубѣжденіе, основанное на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Такихъ фактовъ въ короткомъ прошедшемъ нашей адвокатуры можно указать уже довольно много. Она имѣетъ свою исторію, въ которой и слѣдуетъ преимущественно искать доказательствъ ея права на свободное существованіе.

Для самихъ адвокатовъ исторія адвокатуры представляетъ еще интересъ другаго рода. Всякая корпорація, сколько-нибудь самостоятельная, всегда выработываетъ обычаи, преданія, составляющіе ея силу, дающіе ей нравственное един-

ство, поддерживающіе ее, какъ цѣлое, и руководящіе каждымъ отдѣльнымъ ея членомъ. Въ средѣ нашего сословія присяжныхъ повѣренныхъ эта внутренняя работа началась съ самаго перваго дня его дѣятельности и достигла уже опредѣленныхъ результатовъ. Взгляды и понятія, такимъ образомъ сложившіеся, не имѣютъ, конечно, той устойчивости, которая дается только временемъ; но авторитетъ ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ, и будетъ, можетъ быть, увеличиваться еще быстрѣе, если свести ихъ въ одну общую систему и закрѣпить ихъ печатнымъ словомъ. Такова задача, которую желалъ хотя отчасти исполнить составитель настоящей книги. Онъ остановился на одной петербургской адвокатурѣ, потому что она одна была ему на столько извѣстна, чтобы выводы его могли имѣть достаточную твердость и достовѣрность. Пробѣлъ, остающійся вслѣдствіе этого въ его трудѣ, не такъ значителенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Обычаи и преданія образуются только въ средѣ корпораціи — а корпорація немыслима безъ самоуправленія, безъ органа, который бы служилъ ея представителемъ. *Присяжныхъ повѣренныхъ* мы видимъ вездѣ, гдѣ введены въ дѣйствіе новые судебные уставы; но *сословіе присяжныхъ повѣренныхъ* является только тамъ, гдѣ открытъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ продолженіе восьми лѣтъ оно существовало лишь въ двухъ судебныхъ округахъ — С. Петербургскомъ и Московскомъ, къ которымъ въ маѣ нынѣшняго года наконецъ присоединился Харьковскій. Только совѣтъ, избираемый корпораціей, обновляющійся на столько, чтобы служить вѣрнымъ ея отраженіемъ, но не на столько, чтобы безпрестанно терять нить едва обрисовывающейся традиціи, — можетъ быть въ одно

и тоже время источникомъ и хранителемъ обычаевъ корпораціи. Составитель настоящей книги не имѣлъ случая познакомиться съ журналами Московскаго совѣта; но его отчеты, если сравнить ихъ съ отчетами С.-Петербургскаго совѣта, доказываютъ несомнѣнно, что кругъ дѣятельности послѣдняго гораздо шире и самая дѣятельность гораздо разностороннѣе. Въ отчетахъ Московскаго совѣта только недавно стала появляться разработка общихъ вопросовъ, возникающихъ въ средѣ адвокатуры, между тѣмъ какъ отчеты С.-Петербургскаго совѣта посвящены ей съ самого начала. Ошибочно было бы думать, что эта параллель между двумя совѣтами проводится съ цѣлью превознести одинъ изъ нихъ на счетъ другаго. Различіе, замѣчаемое между ними, объясняется вполнѣ различіемъ условій, при которыхъ они дѣйствуютъ. Обычаи и взгляды адвокатуры вырабатываются преимущественно при разсмотрѣніи дѣлъ дисциплинарныхъ, т. е. обвиненій всякаго рода, взводимыхъ на присяжныхъ повѣренныхъ. Совѣтъ не предусматриваетъ и не можетъ предусмотрѣть заранѣе всѣхъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть на практикѣ, не занимается изданіемъ общихъ правилъ, ничѣмъ не вызываемыхъ; онъ разрѣшаетъ отдѣльные случаи, по мѣрѣ того, какъ они доходятъ до его свѣдѣнія, и только при этомъ прямо высказываетъ или безмолвно установляетъ руководящія начала для своей собственной дѣятельности и для дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ. Понятно, что отъ числа и свойства дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе совѣта, зависитъ въ значительной степени объемъ и направленіе его организаціонной работы; понятно также, что нигдѣ матеріаловъ для этой работы не можетъ быть такъ много, какъ въ Петербургѣ. Петербургское общество болѣе подвижно, болѣе требова-

тельно, чѣмъ московское; тамъ гдѣ московскій довѣритель промолчитъ или махнетъ рукой, петербургскій довѣритель почти всегда обратится съ жалобой въ совѣтъ. Контроль надъ адвокатами — нѣчто до такой степени новое, что не всѣ легко усвоиваютъ себѣ его значеніе. До судебной реформы адвокаты — или лучше сказать ходатаи по дѣламъ — были вполнѣ безотвѣтственны, дѣйствуя, въ большей части случаевъ не гласно, даже не подъ своимъ собственнымъ именемъ; жаловаться на нихъ обманутый довѣритель или обиженный противникъ не имѣлъ почти никакой возможности, если бы и существовало лице или мѣсто для принятія подобныхъ жалобъ. Для общества, привыкшаго къ такому порядку вещей, нужно было довольно много времени, чтобы понять перемѣну, произведенную въ этомъ отношеніи учрежденіемъ правильной адвокатуры и въ особенности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ Петербургѣ перемѣна была понята быстрѣе и полнѣе, чѣмъ въ Москвѣ; убѣдясь въ легкости и доступности пути, открытаго для жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ, и въ безпристрастной строгости учрежденія, разсматривающаго эти жалобы, петербургскіе тяжущіеся стали прибѣгать къ нему все чаще и чаще. Московскіе тяжущіеся, повидимому, относятся къ новому дѣлу съ бо́льшимъ скептицизмомъ, медленно и трудно уступающимъ опыту. Далѣе, судебныя дѣла въ петербургскомъ округѣ разнообразнѣе, чѣмъ въ московскомъ; достаточно вспомнить, что въ Петербургѣ много судебныхъ учрежденій, которыхъ нѣтъ въ Москвѣ (кассаціонные и судебные Департаменты Правительствующаго Сената, Коммиссія Прошеній, не говоря уже о Министерствахъ, къ которымъ также случается обращаться присяжнымъ повѣреннымъ). Наконецъ, вся петербургская обстановка больше вызываетъ на живую,

энергическую дѣятельность, на постоянную работу надъ самимъ собою — и это не могло не отразиться на петербургской адвокатурѣ. Нельзя отрицать, что ей принадлежитъ иниціатива многихъ мѣръ, важныхъ для сословія присяжныхъ повѣренныхъ — напримѣръ организаціи помощниковъ, учрежденія библіотеки, консультаціи, кассы пособій, — что ея примѣръ имѣетъ важное значеніе для провинціальной адвокатуры, лишенной до сихъ поръ своего собственнаго представительства. Петербургскій Совѣтъ можетъ занять со временемъ между другими русскими совѣтами то мѣсто, которое во Франціи издавна принадлежитъ парижскому совѣту адвокатовъ.

Составленный авторомъ систематическій обзоръ постановленій С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ обнимаетъ собою первыя восемь лѣтъ его дѣятельности (1866—74). Число дисциплинарныхъ и другихъ дѣлъ, подлежавшихъ за это время разрѣшенію Совѣта, было такъ велико, что Совѣтъ успѣлъ коснуться весьма многихъ вопросовъ, существенно-важныхъ для русской адвокатуры. Попытка вывести изъ постановленій Совѣта общія начала, которыми руководствуется наша адвокатура, не можетъ, поэтому, быть признана преждевременною. Для того чтобы обозрѣніе дѣятельности Совѣта имѣло чисто объективный характеръ, составитель его старался, гдѣ это было возможно, говорить подлинными словами совѣта, и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибавлялъ къ выводамъ, сдѣланнымъ изъ его постановленій, свои собственныя замѣчанія. Въ первой части книги высказано, на оборотъ, личное мнѣніе автора о положеніи и задачахъ нашей адвокатуры, основанное на восьмилѣтнемъ опытѣ его, какъ присяжнаго повѣреннаго и члена Совѣта. Оставивъ, лѣтомъ 1874 г., сосло-

віе присяжныхъ повѣренныхъ, авторъ не можетъ относиться къ нему какъ посторонній, равнодушный наблюдатель; оно всегда будетъ для него дорого и близко; но сочувствіе не исключаетъ безпристрастія, и авторъ надѣется, что въ его трудѣ увидятъ не панегирикъ, не апологію русской адвокатуры, а попытку правдивой характеристики ея первыхъ шаговъ, ея потребностей, ея достоинствъ и недостатковъ.

I.

Защита передъ судомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ можетъ быть разсматриваема или какъ одна изъ функцій судебной власти, отправляемая, наравнѣ со всѣми остальными, отъ имени правительства и его органами, — или какъ обыкновенное занятіе, доступное для каждаго желающаго избрать его, — или какъ профессія, подчиненная, въ видахъ общей пользы, извѣстнымъ условіямъ и правиламъ, за примѣненіемъ которыхъ наблюдаетъ либо правительственная власть, либо учрежденіе, свободно избираемое членами профессіи изъ своей собственной среды.

Первый способъ устройства защиты, съ особенною послѣдовательностію проведенный Фридрихомъ Великимъ, представляетъ явныя неудобства и исчезаетъ даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ до-сихъ поръ былъ принятъ. Правильная защита немыслима безъ свободы выбора и дѣйствій, невозможной тамъ, гдѣ защитникъ — чиновникъ, исполняющій приказанія начальства. У насъ никто не ду-

малъ и не думаетъ о причисленіи адвокатовъ къ чинамъ судебнаго вѣдомства. Второй способъ устройства защиты отличается большою простотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ гарантій для тяжущихся и подсудимыхъ; господство его предполагаетъ либо такую систему судопроизводства, при которой роль защиты — самая незначительная и жалкая, либо такой общественный складъ, при которомъ безусловно дѣйствуетъ правило: «help yourself», и государство не беретъ на себя огражденіе гражданъ отъ шарлатановъ и невѣжъ даже на томъ поприщѣ, гдѣ это всего нужнѣе — на поприщѣ медицины. Россія не подходитъ больше подъ первое изъ этихъ условій и не скоро, безъ сомнѣнія, подойдетъ — если только когда-нибудь подойдетъ — подъ второе. При прежнемъ нашемъ судоустройствѣ можно было обходиться безъ организованной адвокатуры; но для правильнаго дѣйствія новыхъ судебныхъ уставовъ необходима и правильная защита. Восьмилѣтній опытъ ясно доказалъ невозможность оставить частное ходатайство по дѣламъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно до-сихъ поръ существовало; между тѣмъ въ этотъ періодъ времени у насъ уже было сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, безъ котораго вредъ отъ частной адвокатуры конечно былъ бы еще гораздо больше. Остается, такимъ образомъ, только третій способъ устройства защиты, въ настоящее время существующій у насъ въ обоихъ главныхъ своихъ видахъ. Рядомъ съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, созданныхъ судебными уставами 1864 г., законъ 25 Мая 1874 г. поставилъ лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ, или короче — частныхъ повѣренныхъ. Первое управляется избранными изъ среды его Совѣтами, подъ контролемъ Судебныхъ Палатъ и Правительствующаго

Сената; вторые не имѣютъ самоуправленія и находятся въ непосредственной зависимости и отъ судовъ, и отъ Министерства Юстиціи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что регламентація, путемъ закона, нашей частной адвокатуры была безусловно необходима *). Безъ крайняго вреда для тяжущихся, безъ напраснаго обремененія судебныхъ мѣстъ нельзя было дольше терпѣть существованіе неорганизованной и безотвѣтственной толпы частныхъ ходатаевъ, большинство которыхъ было совершенно лишено и знаній, и нравственныхъ качествъ, существенно важныхъ для адвоката; между тѣмъ воспретить частнымъ лицамъ ходатайство по дѣламъ не представлялось никакой возможности, потому что сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, даже съ присоединеніемъ къ нему помощниковъ, оказалось бы далеко недостаточнымъ для веденія всей массы уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и въ мировыхъ учрежденіяхъ. Условія русской жизни таковы, что у насъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо возможно сосредоточеніе адвокатскихъ занятій въ рукахъ одного сословія, сравнительво немногочисленнаго. Беграмотность громадной массы населенія, отдаленность отъ нея нетолько окружныхъ судовъ, но и мировыхъ съѣздовъ, затруднительность сообщеній — все это вмѣстѣ взятое заставляетъ обращаться къ посредничеству адвокатовъ даже по такимъ дѣламъ, которыя, повидимому, легко могли-бы быть ведены самими тяжущимися. Съ другой стороны, бѣд-

---

*) Признавая необходимость регламентаціи частной адвокатуры, мы выражаемъ этимъ согласіе только съ основною мыслью закона 25 мая 1874 г., но отнюдь не съ способомъ осуществленія ея, во многихъ отношеніяхъ далеко неудовлетворительнымъ.

ность нашихъ уѣздныхъ и многихъ губернскихъ городовъ, отсутствіе въ нихъ всякой умственной жизни, служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ быстрому и повсемѣстному распространенію сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Они группируются почти исключительно въ столицахъ и въ немногихъ провинціальныхъ городахъ, хоть сколько-нибудь подходящихъ къ столичному типу. Тяга къ этимъ центрамъ умственной дѣятельности такъ сильна, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ начинаетъ уже чувствоваться переполненіе сословія—и тѣмъ не менѣе продолжаютъ находиться лица, предпочитающія жить въ Москвѣ или Петербургѣ почти безъ дѣлъ, чѣмъ искать ихъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ. Конечно, это положеніе дѣлъ могло бы измѣниться къ лучшему, еслибы былъ облегченъ доступъ въ присяжные повѣренные и вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ привлеченію ихъ въ провинцію; но ни отъ того, ни отъ другаго число присяжныхъ повѣренныхъ конечно не увеличилось бы на столько, чтобы сдѣлаться повсемѣстно достаточнымъ для удовлетворенія потребности въ адвокатахъ. Въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, при окружныхъ судахъ четвертаго разряда, институтъ присяжныхъ повѣренныхъ разростется не скоро, несмотря ни на какія искуственныя мѣры Притомъ, требованія закона, опредѣляющія условія вступленія въ присяжные повѣренные, могутъ быть понижены только до извѣстнаго предѣла; въ противномъ случаѣ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ перестало бы возвышаться надъ уровнемъ частной адвокатуры и потеряло бы право на отдѣльное существованіе. Въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, возможно предоставленіе присяжнымъ повѣреннымъ исключительнаго права на веденіе гражданскихъ дѣлъ во всѣхъ *общихъ судебныхъ установленіяхъ*; но масса

дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ едвали когда-нибудь будетъ по силамъ одного сословія присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, и слѣдовательно едвали когда-нибудь можно будетъ обойтись безъ регламентированной закономъ частной адвокатуры.

Но если для Россіи въ настоящее время необходимы—и долго будутъ необходимы—оба вида адвокатской профессіи, то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы одинъ изъ нихъ не имѣлъ преимущества передъ другимъ, чтобы для государства было безразлично развитіе и преобладаніе того или другаго. *Корпорація*, сплоченная тройною связью обычаевъ и преданій, самоуправленія и нравственной солидарности, обладаетъ такою внутреннею силой, которая недоступна для частныхъ ходатаевъ, не имѣющихъ, кромѣ однородности занятій, ничего общаго другъ съ другомъ. Недаромъ же во всѣхъ почти западно-европейскихъ государствахъ существуетъ издавна или образуется на нашихъ глазахъ корпоративное устройство адвокатуры. Какъ бы внимательно ни относились судебныя мѣста къ обязанностямъ, возложеннымъ на нихъ по надзору за адвокатами, надзоръ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить дѣятельности учрежденія, избраннаго корпораціею адвокатовъ. Для Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ разсмотрѣніе просьбъ о принятіи въ сословіе и жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ составляетъ жизненный вопросъ, къ правильному разрѣшенію котораго направлены всѣ его силы; для суда наблюденіе за частными повѣренными—только второстепенное, побочное занятіе въ числѣ многихъ другихъ, несравненно болѣе важныхъ. Совѣтъ, какъ представитель сословія, прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы въ сословіе не проникло и чтобы въ немъ не оставалось ни одного лица, недостойнаго при-

надлежать къ нему; для суда подобнаго интереса не существуетъ, потому что никакой солидарности между нимъ и частными ходатаями нѣтъ и быть не можетъ. Совѣтъ, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ обращаемыхъ къ нему жалобъ и сообщеній, самъ возбуждаетъ дисциплинарное производство, какъ только узнаетъ о поступкѣ присяжнаго повѣреннаго, позволяющемъ сомнѣваться въ его добросовѣстности; судъ, обремененный занятіями, едвали станетъ увеличивать ихъ обсужденіемъ дѣйствій адвоката, совершенныхъ не въ присутствіи суда и никѣмъ не обжалованныхъ. Совѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ своими избирателями, вырабатываетъ мало-по-малу правила, обязательныя для сословія или по крайней мѣрѣ служащія ему руководствомъ; судъ, ничѣмъ, кромѣ чисто-формальныхъ отношеній, не связанный съ частными ходатаями, не можетъ вліять на нихъ иначе, какъ мѣрами карательными, репрессивными, т. е. весьма недостаточными. Короче, предупредить вопіющія злоупотребленія со стороны адвокатовъ можетъ и судъ, но создать *адвокатуру*, какъ общественную силу, достойную быть дополненіемъ и опорой магистратуры, можетъ только самостоятельная корпорація, управляемая свободно избраннымъ совѣтомъ. *Сословіе* присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ такое же преимущество передъ *совокупностью* частныхъ ходатаевъ, какъ органическое цѣлое передъ отдѣльными частицами, ничѣмъ не соединенными между собою.

Другое, неменѣе важное преимущество сословія прясяжныхъ повѣренныхъ передъ частной адвокатурой заключается въ томъ, что присяжными повѣренными могутъ быть только лица, получившія высшее юридическое образованіе, а отъ частныхъ ходатаевъ нетолько юридическаго, но и никакого образованія не требуется. Практическимъ знакомствомъ съ

дѣлами конечно нельзя восполнить недостатковъ образованія, въ особенности общаго *). Наконецъ, въ частные ходатаи могутъ поступать лица, предшествовавшая дѣятельность которыхъ вовсе не служила подготовкой къ адвокатскимъ занятіямъ, между тѣмъ какъ отъ кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго законъ требуетъ или пятилѣтней службы по судебному вѣдомству, или пятилѣтней судебной практики въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ кандидатомъ на званіе присяжнаго повѣреннаго является лице, объ общественной дѣятельности котораго легко могутъ быть собраны самыя точныя и полныя свѣдѣнія, между тѣмъ какъ кандидатами въ частные повѣренные весьма часто будутъ лица никому неизвѣстныя и ничѣмъ себя не заявившія. Конечно, лице, недостойное довѣрія, можетъ быть исключено изъ числа частныхъ ходатаевъ, какъ и изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ; но до тѣхъ поръ, пока представится къ тому достаточное основаніе, оно можетъ причинить много вреда своимъ довѣрителямъ и другимъ лицамъ.

Все сказанное выше приводитъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ должно оставаться, несмотря на организацію частной адвокатуры, одною изъ главныхъ задачъ судебнаго управленія, и что всякое поощреніе частной адвокатуры въ ущербъ присяжной отозвалось бы неблагопріятно на общемъ ходѣ правосудія. Для того, чтобы сословіе присяжныхъ по-

*) Исходя изъ этого убѣжденія, с.-петербургскій Совѣтъ, даже при дѣйствіи временныхъ правилъ 1865 г., не принималъ въ присяжные повѣренные лицъ, окончившихъ курсъ только въ низшемъ учебномъ заведеніи. (См. ниже, часть вторую, стр. 7 и 8).

вѣренныхъ могло занять принадлежащее ему по праву мѣсто въ ряду судебныхъ учрежденій и принести всю ожидаемую отъ него пользу, необходимо, какъ намъ кажется: 1) облегчить доступъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ — въ особенности въ провинціяхъ, — не колебля однако тѣхъ основаній, которыми оно существенно отличается отъ частной адвокатуры; 2) организовать сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, связавъ его неразрывно съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, и 3) предоставить присяжнымъ повѣреннымъ такія права, которыя были бы соразмѣрны съ ихъ обязанностями и побуждали бы лицъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для вступленія въ присяжные повѣренные, предпочитать это званіе званію частнаго повѣреннаго. Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ этихъ мѣръ, составляющихъ только примѣненіе и логическое развитіе основныхъ началъ судебныхъ уставовъ 1864 г.

II.

Изъ двухъ условій, требуемыхъ закономъ для вступленія въ присяжные повѣренные—высшаго юридическаго образованія и пятилѣтней практической подготовки, въ качествѣ чиновника судебнаго вѣдомства или помощника присяжнаго повѣреннаго—первое закрываетъ доступъ въ присяжные повѣренные сравнительно большему числу лицъ; тѣмъ не менѣе измѣненіе его не представляется желательнымъ. Лице, окончившее курсъ наукъ въ университетѣ, хотя бы и не по юридическому факультету, конечно способно усвоить себѣ

безъ слишкомъ большаго труда тѣ общія начала права, знаніе которыхъ отличаетъ образованнаго юриста отъ практика-рутинера; нетрудно было бы привести въ подтвержденіе этого нѣсколько примѣровъ изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ, вступившихъ въ сословіе при дѣйствіи временныхъ правилъ 19 октября 1865 г. Но для сословія, какъ цѣлаго, весьма важно, чтобы оно состояло исключительно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе—если можно такъ выразиться, изъ *патентованныхъ юристовъ*; въ этомъ, какъ уже замѣчено выше, заключается, между прочимъ, его сила, сравнительно съ частной адвокатурой. Всякое ослабленіе, въ этомъ отношеніи, требованій закона клонилось бы къ стушеванію границы, которая существуетъ и должна существовать между сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ и частными ходатаями. Юридическое образованіе вездѣ составляетъ необходимое условіе для вступленія въ адвокаты. Исключеніе изъ этого общаго правила могло бы быть допущено у насъ развѣ тамъ, гдѣ только что начинаетъ формироваться присяжная адвокатура; но оно должно быть ограничено опредѣленнымъ срокомъ и не должно простираться такъ далеко, какъ облегчительныя правила 1865 г., при буквальномъ толкованіи которыхъ возможно принятіе въ присяжные повѣренные даже лицъ, никакого образованія не получившихъ. Достаточно было бы, напримѣръ, разрѣшить принятіе въ присяжные повѣренные при судебныхъ мѣстахъ вновь открываемыхъ, въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ со времени ихъ открытія, лицъ, получившихъ высшее образованіе—хотя бы и не юридическое—въ университетахъ или другихъ, равноправныхъ съ ними, учебныхъ заведеніяхъ.

Гораздо болѣе радикальная и общая перемѣна могла бы

быть, по нашему мнѣнію, произведена въ другомъ условіи, требуемомъ отъ кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго. Пятилѣтній срокъ практической подготовки къ этому званію не можетъ не быть признанъ слишкомъ продолжительнымъ, если принять во вниманіе, что право на назначеніе въ члены окружнаго суда пріобрѣтается, по закону (Учр. Суд. Устан. ст. 203), *трехлѣтнею* службой по судебному вѣдомству, а на практикѣ судебныя должности, даже высшія, предоставляются довольно часто лицамъ вовсе не служившимъ по судебному вѣдомству или пробывшимъ въ немъ весьма короткое время. С.-Петербургскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ указалъ еще въ 1869 г. на аномалію, проистекающую изъ такого порядка вещей—на невозможность принятія въ присяжные повѣренные члена окружнаго суда, занимавшаго эту должность въ продолженіе трехъ лѣтъ, участковаго мироваго судьи, избраннаго вторично въ это званіе, прокурора, руководившаго дѣятельностью обвинительной власти при одномъ изъ важнѣйшихъ окружныхъ судовъ имперіи, и т. п. Въ виду этой аномаліи, Совѣтъ ходатайствовалъ о распространеніи права поступать въ присяжные повѣренные на всѣхъ членовъ судебныхъ учрежденій, образованныхъ по уставамъ 20 Ноября 1864 г., на прокуроровъ окружныхъ судовъ и участковыхъ мировыхъ судей, если эти лица получили высшее юридическое образованіе и прослужили по судебной части не менѣе трехъ лѣтъ *). Ходатайство Совѣта не было уважено, хотя основательность его едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію; возражать противъ него можно развѣ съ той точки зрѣнія, что оно коснулось лишь одной стороны вопроса, и

*) См. ниже, ч. 2, стр. 20—22.

что правило о пятилѣтней подготовкѣ требуетъ измѣненій болѣе широкихъ чѣмъ то, о которомъ представлялъ Совѣтъ *). Дѣйствительно, трехлѣтнія практическія занятія судебными дѣлами вполнѣ достаточны для того, чтобы сдѣлать молодаго человѣка, получившаго высшее юридическое образованіе, способнымъ къ исправленію обязанностей присяжнаго повѣреннаго. Во Франціи и Бельгіи такъ называемый *стажъ* (stage), т. е. приготовленіе къ адвокатурѣ, продолжается три года; въ Женевскомъ кантонѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, только два года; такой же срокъ приготовленія къ адвокатурѣ существуетъ и въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, напр. въ Баденѣ; въ Брауншвейгѣ не требуется даже никакой практической подготовки, и въ адвокаты допускается всякій, выдержавшій установленное испытаніе. Въ Англіи лица, имѣющія университетскую степень, допускаются въ адвокаты (are called to the bar) послѣ трехлѣтняго пребыванія въ одной изъ корпорацій, называемыхъ inns of court **). Болѣе продолжительные сроки практическаго приготовленія въ адвокаты существуютъ тамъ, гдѣ это званіе составляетъ или недавно составляло какъ бы должность, замѣщаемую правительствомъ (Пруссія, Австрія). У насъ въ Россіи С.-Петербургскій Коммерческій Судъ уже четыре года допускаетъ въ присяжные стряпчіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, пробывшихъ въ этомъ званіи *два года*,—а жалобъ на неопытность такихъ моло-

*) Совѣтъ, какъ видно изъ постановленія 6 апрѣля 1868 г. (см. ниже, ч. 2, стр. 16), вполнѣ сознавалъ необходимость такихъ измѣненій, но считалъ несвоевременнымъ ходатайствовать о нихъ.

**) *Brix*, Organisation der Advocatur (Wien, 1868), стр, 303, 198; 176, 350.

дыхъ присяжныхъ стряпчихъ ни съ чьей стороны не слышно. Сокращеніе срока подготовки представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что опытность и знанія растутъ соразмѣрно не съ чйсломъ лѣтъ, проведенныхъ въ извѣстномъ званіи, а съ числомъ и свойствомъ дѣлъ, проходящихъ черезъ руки кандидата въ присяжные повѣренные, съ суммою труда, посвящаемаго имъ на изученіе своихъ обязанностей. Съ этой точки зрѣнія усиленіе надзора за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ со стороны Совѣта—средство гораздо болѣе надежное, чѣмъ требованіе пятилѣтней бытности въ званіи помощника.

Для лицъ, имѣющихъ степень магистра или доктора правъ, или занимавшихъ въ судебномъ вѣдомствѣ должность не ниже судебнаго слѣдователя, срокъ подготовки могъ бы быть назначенъ еще менѣе продолжительный, чѣмъ предлагаемый нами трехлѣтній. Такое же сокращеніе срока могло бы быть допущено и для лицъ, желающихъ вступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ судахъ,—на основаніи соображеній, подробно изложенныхъ въ постановленіи Совѣта 6 апрѣля 1868 г. (см. ниже, ч. 2, стр. 13—20).

Есть основаніе думать, что сокращеніе пятилѣтняго срока, установленнаго ст. 354 Учр. Суд. Устан., способствовало бы въ значительной степени увеличенію числа присяжныхъ повѣренныхъ, устранивъ одну изъ причинъ, затрудняющихъ въ настоящее время доступъ въ это сословіе. Положеніе помощника присяжнаго повѣреннаго на столько не самостоятельно и непрочно—въ особенности со времени изданія закона 25 мая 1874 г., поставившаго помощниковъ на одинъ уровень съ частными повѣренными,—что перспектива оставаться въ немъ цѣлыхъ пять лѣтъ легко

можетъ удержать многихъ молодыхъ людей отъ избранія адвокатскаго поприща. Еще болѣе тягостенъ продолжительный срокъ подготовки для тѣхъ, у кого желаніе поступить въ адвокаты возникаетъ не вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса, а черезъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ занятіяхъ другаго рода; между тѣмъ вступленіе такихъ лицъ въ присяжные повѣренные должно быть признано особенно желательнымъ, потому что у нихъ рѣшимость сдѣлаться адвокатомъ является, въ большинствѣ случаевъ, плодомъ зрѣлаго обсужденія, служащаго гарантіей серьезнаго отношенія къ обязанностямъ адвоката.

Въ нашей періодической литературѣ было указываемо въ послѣднее время на другія причины, затрудняющія доступъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и замедляющія численное усиленіе его. Такими причинами нѣкоторые считаютъ принадлежащее совѣтамъ по закону (Учр. Суд. Устан. ст. 380) право отказывать въ званіи присяжнаго повѣреннаго на основаніи собранныхъ о просителѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній, и *присвоенное* себѣ С.-Петербургскимъ Совѣтомъ, *вопреки закону*, право экзаменовать кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго.

При обсужденіи вопроса, такимъ образомъ возбужденнаго, можно имѣть въ виду или интересъ отдѣльныхъ лицъ, желающихъ вступить въ присяжные повѣренные, или интересъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, совпадающій въ данномъ случаѣ съ интересомъ цѣлаго общества. Съ точки зрѣнія кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго—или лучше сказать нѣкоторыхъ изъ нихъ—конечно желательно, чтобы Совѣтъ пользовался предоставленнымъ ему ст. 380-ою правомъ по возможности снисходительно, и въ случаѣ сомнѣнія, всегда толковалъ бы его въ пользу проснтеля, подобно тому какъ въ уго-

ловномъ судѣ всякое сомнѣніе разрѣшается въ пользу подсудимаго; но съ точки зрѣнія болѣе общей такой образъ дѣйствій конечно не можетъ быть признанъ полезнымъ и правильнымъ. Разсматривая просьбы о принятіи въ присяжные повѣренные, Совѣтъ дѣйствуетъ не какъ судъ, а какъ учрежденіе, которому ввѣрено охраненіе сословія отъ наплыва вредныхъ элементовъ. Предоставляя извѣстному лицу званіе присяжнаго повѣреннаго, Совѣтъ этимъ самымъ признаетъ его имѣющимъ право на довѣріе общества; онъ долженъ, поэтому, быть увѣренъ, что принимаемое лице дѣйствительно заслуживаетъ довѣрія. Ошибки въ этомъ отношеніи безъ сомнѣнія возможны, и Совѣтъ не можетъ отвѣчать за нихъ, если только въ моментъ принятія онъ не имѣлъ никакой основательной причины сомнѣваться въ добросовѣстности принимаемаго лица; но если такая причина существовала, то оставленіе ея безъ вниманія было бы явнымъ нарушеніемъ обязанностей Совѣта. «Можно пожалѣть»—сказано въ первомъ отчетѣ С.-Петербургскаго Совѣта—«о человѣкѣ, которому одна ошибка, быть можетъ до извѣстной степени и извинительная, преграждаетъ доступъ къ профессіи, соотвѣтствующей его способностямъ и силамъ; но интересъ сословія, или лучше сказать интересъ цѣлаго общества, тѣсно связанный съ первымъ, долженъ одержать верхъ надъ интересомъ частнаго лица. Въ первое время существованія нашего сословія излишняя снисходительность была бы опаснѣе излишней строгости». Слова эти сохраняютъ всю свою силу и въ настоящее время. Указываютъ на то, что отъ Совѣта всегда зависитъ исключить изъ сословія лице, оказавшееся недобросовѣстнымъ; но вѣдь до совершенія имъ и въ особенности до обнаруженія такихъ дѣйствій, которыя составляютъ достаточный поводъ къ исключенію изъ сосло-

вія, можетъ пройти довольно значительный промежутокъ времени, въ продолженіе котораго частныя лица могутъ понести вредъ иногда невознаградимый *). Лучше предупредить ошибку, чѣмъ исправлять ее, когда быть можетъ уже слишкомъ поздно. Притомъ, исключеніе изъ сословія тягостнѣе, по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ отказъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, дѣлающійся извѣстнымъ, въ большей части случаевъ, только весьма немногимъ и часто, какъ мы видимъ это на опытѣ, вовсе не отзывающійся на дальнѣйшей дѣятельности лица получившаго отказъ, даже на адвокатскомъ поприщѣ. Говорятъ, что совѣты нерѣдко основываютъ отказъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго не на конкретныхъ фактахъ, не на доказанныхъ поступкахъ лица, желающаго получить это званіе, а на общей молвѣ или общихъ неблагопріятныхъ отзывахъ. Не знаемъ, справедливо ли это мнѣніе относительно Московскаго Совѣта (весьма рѣдко, впрочемъ, примѣняющаго на практикѣ ст. 380-ую); но относительно С.-Петербургскаго Совѣта оно безусловно ошибочно. С.-Петербургскій Совѣтъ никогда не основывалъ и не основываетъ своихъ отказовъ на молвѣ, на неопредѣленныхъ слухахъ, на дурной репутаціи просителя; поводомъ къ отказу, какъ сказано въ первомъ отчетѣ Совѣта, могутъ служить — и дѣйствительно служатъ — только опредѣленные факты, установленные съ такой достовѣрностью, которая была бы достаточна для внутренняго убѣжденія членовъ Совѣта **). Еслибы Совѣтъ сталъ дѣйствовать вопреки этому правилу, то Судебная Палата, узнавъ изъ объясненій

---

*) См. ниже, ч. 2, стр. 26.

**) См. ниже, ч. 2, стр. 27.

Предсѣдателя Совѣта *), что отказъ основанъ только на предположеніяхъ или слухахъ, могла бы отмѣнить его безъ всякихъ затрудненій. Постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго остаются въ силѣ не потому, чтобы они не могли быть повѣрены Палатой, а потому что Палата раздѣляетъ образъ мыслей Совѣта и взглядъ его на значеніе ст. 380-ой.

Признавая такимъ образомъ примѣненіе ст. 380-ой, установившееся въ практикѣ Совѣтовъ, вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ духомъ и цѣлью закона, мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы оно удерживало отъ вступленія въ присяжные повѣренные кого-либо кромѣ тѣхъ, кто самъ сознаетъ небезупречность своего прошедшаго и имѣетъ основаніе ожидать заслуженнаго отказа со стороны Совѣта,— а отъ отсутствія въ сословіи такихъ лицъ никакой потери ни для сословія, ни для общества конечно не происходитъ. Пускай сословіе присяжныхъ повѣренныхъ долго еще остается малочисленнымъ, лишь бы только оно по прежнему не допускало въ свою среду лицъ не имѣющихъ права на общественное довѣріе. Сила сословія заключается не въ численности, а въ безукоризненности, по крайней мѣрѣ сравнительной, его членовъ. Открыть слишкомъ широко его двери, въ видахъ скорѣйшаго, хотя бы и не разборчиваго пополненія его, значило бы сдѣлать величайшую ошибку, которая неминуемо отозвалась бы на всемъ дальнѣйшемъ развитіи адвокатуры. Односторонній интересъ сословія требовалъ бы по видимому—особенно въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, когда можно было еще надѣяться на скорое объявленіе комплекта въ Мо-

*) См. ниже, ч. 2, стр. 31, 87—88.

сквѣ и С.-Петербургѣ—возможно большихъ облегченій доступа въ присяжные повѣренные; но Совѣты—и въ этомъ заключается ихъ несомнѣнная заслуга — съумѣли понять, что для достиженія мгновенныхъ выгодъ не слѣдуетъ жертвовать будущностью сословія, и никогда не заботились объ увеличеніи числа членовъ сословія въ ущербъ внутреннему достоинству его. Что такой образъ дѣйствій былъ вполнѣ сознательный и обдуманный—это видно съ особенною ясностью изъ перваго отчета С.-Петербургскаго Совѣта *). Теперь, когда рядомъ съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ образуется частная адвокатура, всякое ограниченіе права, предоставленнаго Совѣтомъ ст. 380-ой, было бы вдвойнѣ вредно и опасно.

Вопросъ объ испытаніяхъ, также поднятый нашей періодической литературой, находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о примѣненіи ст. 380-й. Если главная задача совѣтовъ — скорѣйшее, во что бы то ни стало, укомплектованіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, то образъ дѣйствій С.-Петербургскаго Совѣта, установившаго испытанія, конечно заслуживаетъ полнѣйшаго порицанія; но если удовлетворительный составъ сословія важнѣе его численности, то польза и даже необходимость испытаній совершенно очевидна. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ доказалъ съ достаточною ясностью, что можно соединять въ себѣ всѣ формальныя условія, требуемыя закономъ для вступленія въ присяжные повѣренные, и все таки не быть знакомымъ съ самыми элементарными началами права и судопроизводства, безъ знанія которыхъ, если можно такъ выразиться, адвокатъ не можетъ сдѣлать ни одного шага. Одинъ присяжный

*) См. ниже, ч. 2, стр. 24—25.

повѣренный не зналъ, что рѣшеніе окружнаго суда, постановленое въ отсутствіи *истца*, не считается заочнымъ, и пропустилъ вслѣдствіе этого срокъ на обжалованіе рѣшенія; другой полагалъ, кто копія съ приговора мироваго съѣзда должна быть сообщена съѣздомъ подсудимому, и что срокъ на обжалованіе приговора считается со дня полученія этой копіи*). Понятно, какъ тяжело отзывались такія ошибки на интересахъ тяжущихся или подсудимыхъ, поручившихъ свои дѣла присяжнымъ повѣреннымъ именно въ томъ предположеніи, что съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго неразрывно связана по крайней мѣрѣ извѣстная доля юридическихъ свѣдѣній. Взысканія, къ которымъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ прибѣгать совѣтъ, не могли вознаградить тяжущихся или подсудимыхъ за вредъ, причиненный имъ невѣжествомъ ихъ повѣренныхъ. Конечно, ошибки со стороны присяжныхъ повѣренныхъ останутся возможными не смотря ни на какія испытанія; ошибаться случается и тому, кто вполнѣ знакомъ съ своимъ дѣломъ и относится къ нему какъ нельзя болѣе серьезно. Но предупредить ошибки слишкомъ грубыя испытаніе можетъ уже потому, что оно заставляетъ кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго пополнить и повѣрить свои свѣдѣнія, прежде чѣмъ подать просьбу о принятіи въ сословіе**).

Противъ испытаній приводятся обыкновенно слѣдующіе

---

*) См. ниже, ч. 2, стр. 147 — 148. Оба лица, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не принадлежатъ больше къ числу присяжныхъ повѣренныхъ.

**) Подробное изложеніе соображеній, по которымъ С.-Петербургскій Совѣтъ установилъ испытанія, читатели найдутъ ниже, ч. 2, стр. 31—37.

доводы: 1) они *незаконны*, потому что совѣту не предоставлено право производить ихъ; 2) они *излишни*, потому что присяжнымъ повѣреннымъ можетъ быть только лице, получившее юридическое образованіе и подготовленное практически къ занятію судебными дѣлами; 3) они *неприличны*, потому что не по силамъ и не по свѣдѣніямъ членовъ совѣта контролировать профессоровъ, экзаменовавшихъ просителя при окончаніи имъ курса наукъ и удостовѣрившихъ достаточность его юридическихъ познаній; 4) они *унизительны* для лица, подвергающагося имъ, потому что ставятъ какъ бы ни во что всю прежнюю его дѣятельность и подчиняютъ его суду такихъ лицъ, которыя свѣдущи, можетъ быть, ничуть не больше его; 5) они *вредны*, потому что закрываютъ для многихъ доступъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Доводы эти кажутся намъ крайне неубѣдительными. Право Совѣта производить испытанія имѣетъ твердое основаніе въ ст. 380-й Учр. Суд. Устан., предоставляющей совѣту принимать въ соображеніе, при разрѣшеніи просьбы о принятіи въ присяжные повѣренные, *всѣ свѣдѣнія, которыя совѣтъ признаетъ нужными*. Если законъ не опредѣляетъ, какія именно свѣдѣнія могутъ быть принимаемы въ соображеніе Совѣтомъ, и не установляетъ путей или способовъ для собиранія свѣдѣній, то отсюда слѣдуетъ заключить, что совѣтъ имѣетъ право удостовѣряться, путемъ испытанія, и въ достаточности познаній кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго. Противники испытаній ссылаются между прочимъ на законъ 25-го мая 1874 г., предоставляющій судебнымъ мѣстамъ право экзаменовать кандидатовъ на званіе частнаго повѣреннаго только въ такомъ случаѣ, если они не получили высшаго юридическаго образованія. Эта ссылка, по нашему мнѣнію, ни-

чего не доказываетъ, потому что при принятіи въ присяжные повѣренные должна, по объясненнымъ уже нами причинамъ, господствовать несравненно большая разборчивость и строгость, чѣмъ при допущеніи къ исправленію обязанностей частнаго повѣреннаго. Постановленія закона о частныхъ повѣренныхъ не могутъ, поэтому, быть примѣняемы по аналогіи къ присяжнымъ повѣреннымъ.

Опредѣляя условія, необходимыя для вступленія въ присяжные повѣренные, законодатель имѣлъ въ виду возвысить это сословіе, закрыть къ нему доступъ для лицъ недостаточно образованныхъ или недостаточно опытныхъ, установить предѣлъ, за который не долженъ выходить совѣтъ при принятіи въ присяжные повѣренные. Безъ соединенія условій, требуемыхъ закономъ, никто не можетъ сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякій, соединяющій эти условія, имѣлъ абсолютное право на званіе присяжнаго повѣреннаго. Мы видѣли уже, что юридическое образованіе и пятилѣтняя служба по судебному вѣдомству не составляютъ гарантіи противъ ошибокъ, несовмѣстныхъ съ тѣмъ довѣріемъ, которымъ должны пользоваться присяжные повѣренные. Это становится вполнѣ понятнымъ, если припомнить, что служебныя занатія часто знакомятъ только съ одной стороной, съ однимъ небольшимъ отдѣломъ права или судопроизводства. Такъ напримѣръ, лице, занимавшееся въ продолженіе пяти лѣтъ исключительно производствомъ предварительныхъ слѣдствій, можетъ быть столь же несвѣдуще по части гражданскаго права и процесса, какъ и лице никогда не служившее по судебному вѣдомству. Принять такое лице въ присяжные повѣренные безъ всякаго удостовѣренія въ свѣдѣніяхъ его по гражданскому праву и судопроизводству, значило бы по-

ступить согласно съ буквой, но противно духу закона, конечно требующему подготовки *ко всѣмъ главнымъ сторонамъ* адвокатской дѣятельности. Намъ могутъ возразить, что судебный слѣдователь, получившій юридическое образованіе, не можетъ быть совершенно незнакомъ съ гражданскимъ правомъ и судопроизводствомъ, и что испытаніе его изъ этихъ предметовъ было бы повтореніемъ сданнаго имъ университетскаго экзамена. Въ основаніи этого возраженія лежитъ ошибочный взглядъ на характеръ испытаній, установленныхъ С.-Петербургскимъ Совѣтомъ. Имѣя одну только цѣль—убѣдиться въ практической подготовкѣ экзаменуемаго— совѣтъ останавливается не на тѣхъ общихъ вопросахъ права или судопроизводства, которые составляютъ предметъ университетскаго преподаванія, а на формахъ, срокахъ, судебныхъ обычаяхъ, знаніе которыхъ, вовсе не нужное для оканчивающаго курсъ студента, необходимо для начинающаго свою дѣятельность присяжнаго повѣреннаго. Испытаніе, производимое совѣтомъ, отличается такимъ образомъ весьма существенно отъ университетскаго экзамена и не можетъ быть признано ни излишнимъ, ни колеблющимъ авторитетъ университетскаго аттестата или диплома.

Если смотрѣть на испытаніе съ этой точки зрѣнія, то нужно обладать очень раздражительнымъ и притомъ довольно мелкимъ самолюбіемъ, чтобы считать его для себя оскорбительнымъ или унизительнымъ. По принятому совѣтомъ и постоянно соблюдаемому имъ правилу, испытаніе касается только тѣхъ отдѣловъ права или судопроизводства, знаніе которыхъ не доказывается прежнею дѣятельностью испытуемаго; слѣдовательно никакъ нельзя сказать, чтобы дѣятельность эта не была принимаема въ соображеніе совѣтомъ. Съ другой стороны едва ли можетъ подлежать ка-

кому-либо сомнѣнію, что запасъ *опытности и практическихъ знаній*, которымъ располагаютъ члены совѣта, *вмѣстѣ взятые*, больше того, съ которымъ является экзаменуемый, хотя бы онъ и превосходилъ всѣхъ членовъ совѣта общимъ образованіемъ и свѣдѣніями по теоріи права. *Достоинство* кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго пострадать отъ испытанія ни въ какомъ случаѣ не можетъ; испытаніе можетъ задѣть, повторяемъ еще разъ, только самолюбіе испытуемаго, ревнивое охраненіе котораго кажется намъ довольно страннымъ, когда дѣло идетъ о предохраненіи тяжущихся и подсудимыхъ отъ вреда, наносимаго имъ несвѣдущими и неопытными присяжными повѣренными. Вотъ почему мы думаемъ, что незачѣмъ особенно заботиться о тѣхъ немногихъ лицахъ, которыхъ нежеланіе подвергнуться испытанію удерживаетъ отъ вступленія въ присяжные повѣренные. Вмѣсто того, чтобы отказываться изъ-за нихъ отъ пользы, несомнѣнно приносимой испытаніями, пускай лучше они откажутся отъ предразсудка, мѣшающаго имъ согласиться на испытаніе. Число такихъ лицъ, во всякомъ случаѣ, крайне незначительно, и конечно не испытанія, установленныя совѣтомъ, замедляютъ возрастаніе числа присяжныхъ повѣренныхъ. Замѣтимъ, что испытаніе, однажды не выдержанное, можетъ быть повторено неопредѣленное число разъ, и что до сихъ поръ не было еще примѣра невыдержанія испытанія кандидатомъ на званіе присяжнаго повѣреннаго.

Итакъ, признавая необходимость облегчить доступъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, мы видимъ къ этому лишь одно средство — сокращеніе срока практической подготовки, требуемой закономъ, къ которому только въ провинціи, на первое время послѣ введенія въ дѣйствіе су-

дебныхъ уставовъ, могло бы быть прибавляемо предоставленіе права на званіе присяжнаго повѣреннаго лицамъ получившимъ высшее, хотя бы и не юридическое образованіе. Всѣ другія мѣры, предлагаемыя съ тою же цѣлью — повсемѣстное допущеніе въ присяжные повѣренные лицъ не получившихъ юридическаго или даже вообще высшаго образованія, ограниченіе права, принадлежащаго Совѣтамъ по ст. 380-ой Учр. Суд. Устан., отмѣна испытаній — принесли бы, по нашему глубокому убѣжденію, гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы.

III.

Учрежденіе судебныхъ установленій создало помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, поставивъ занятія въ этомъ качествѣ, какъ практическое приготовленіе къ званію присяжнаго повѣреннаго, на одинъ урбвень съ службой по судебному вѣдомству; но оно не установило никакихъ правилъ о порядкѣ и условіяхъ вступленія въ помощники, о правахъ и обязанностяхъ ихъ, о контролѣ надъ ними, о ихъ отвѣтственности. Убѣдясь на опытѣ въ необходимости пополнить этотъ пробѣлъ, С.-Петербургскій Совѣтъ принялъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ возможно-правильному устройству отношеній между помощниками съ одной стороны, довѣрителями ихъ, присяжными повѣренными и Совѣтомъ — съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ началѣ 1872 г., вошелъ съ представленіемъ о легальной организаціи сословія помощниковъ. Представленіе это осталось безъ

послѣдствій, и законъ 25 Мая 1874 г. уравнялъ помощниковъ съ частными повѣренными, распространивъ на первыхъ въ полной мѣрѣ дѣйствіе правилъ, установленныхъ для послѣднихъ *) (ст. 2-ая). Мы видимъ въ этомъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ закона 25 Мая. Само собою разумѣется, что онъ не уничтожилъ и не могъ уничтожить самаго званія помощника присяжнаго повѣреннаго, что оно по прежнему остается однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія права на званіе присяжнаго повѣреннаго, и что Совѣтъ, разсматривая помощниковъ какъ кандидатовъ въ присяжные повѣренные, по прежнему имѣетъ право — черезъ посредство присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ — наблюдать за ними и обсуждать приносимыя на нихъ жалобы; тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что законъ 25 Мая ослабляетъ связь между помощниками, разсматриваемыми какъ одно цѣлое, и сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, и ставитъ помощниковъ въ положеніе крайне тягостное и ненормальное. Они подчинены теперь въ одно и тоже время и присяжнымъ повѣреннымъ, при которыхъ числятся — а черезъ нихъ Совѣту, — и суду, который выдаетъ имъ свидѣтельства на право ходатайства и имѣетъ надъ ними дисциплинарную власть, и Министерству Юстиціи, которое можетъ устранить ихъ отъ ходатайства; они обложены сборомъ чрезвычайно обременительнымъ для лицъ только что начинающихъ адвокатскую дѣятельность — гораздо болѣе обременительнымъ, чѣмъ былъ бы для нихъ

---

*) С.-Петербургскій Совѣтъ, ознакомившись съ проектомъ закона о частныхъ повѣренныхъ, ходатайствовалъ о нераспространеніи дѣйствія его на помощниковъ (см. ниже, ч. 2, стр. 62).

десятипроцентный сборъ, платимый присяжными повѣренными. Все это было бы вполнѣ понятно, еслибы до изданія закона 25 Мая помощники ничѣмъ не отличались отъ частныхъ ходатаевъ, находились внѣ всякаго контроля и были вполнѣ безотвѣтственны; но они были поставлены, de facto, въ такія же точно условія, какъ и присяжные повѣренные, и надзоръ Совѣта оказывался на практикѣ одинаково дѣйствительнымъ и для тѣхъ, и для другихъ. Чѣмъ же объяснить постановленіе закона 25 Мая, уравнявшее помощниковъ съ частными повѣренными? Недовѣріемъ къ контролю Совѣтовъ? Едва-ли, такъ какъ этотъ контроль по прежнему признается достаточнымъ для присяжныхъ повѣренныхъ, и почти одновременно съ изданіемъ закона 25 Мая открытъ еще одинъ Совѣтъ, въ Харьковѣ. Желаніемъ подчинить помощниковъ налогу, отъ котораго они были до тѣхъ поръ вовсе изъяты? Но въ такомъ случаѣ гораздо проще было бы распространить на нихъ правила о десятипроцентномъ сборѣ. Намъ кажется, что въ основаніи новаго правила лежитъ стремленіе уменьшить число помощниковъ и затруднить доступъ въ это сословіе для молодыхъ людей, только что окончившихъ свое образованіе.

Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что адвокатура — не лучшая школа для молодаго человѣка, вступающаго въ жизнь прямо съ университетской скамьи. Она не даетъ ему привычки къ правильному, постоянному труду, потому что ему часто приходится быть вовсе безъ дѣлъ и занятій. Черезъ его руки проходитъ сравнительно небольшое число дѣлъ, знакомящихъ его лишь съ немногими вопросами права и судопроизводства. Онъ можетъ, конечно, посѣщать засѣданія судовъ; но этотъ способъ *пассивнаго*, такъ сказать, воспріятія знаній не можетъ замѣнить активнаго пріі-

обрѣтенія ихъ путемъ самостоятельной работы. Желаніе составить себѣ хоть какую-нибудь практику, въ связи съ матеріальной нуждой, слишкомъ часто тяготѣющей надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, можетъ привести къ недостаточной осторожности и разборчивости въ выборѣ дѣлъ. Въ исключительныхъ случаяхъ быстраго и легкаго успѣха можетъ явиться новая опасность — стремленіе къ обогащенію во что бы то ни стало, или по крайней мѣрѣ охлажденіе къ лучшимъ сторонамъ адвокатской дѣятельности, индифферентизмъ, почти всегда вызываемый преждевременной заботой о матеріальномъ благосостояніи. Молодой человѣкъ, поступающій на службу по судебному вѣдомству, поставленъ, съ этой точки зрѣнія, въ условія болѣе благопріятныя. У него есть постоянныя, опредѣленныя занятія, знакомящія его по крайней мѣрѣ съ одною областью права или процесса и интересующія его помимо большей или меньшей выгодности ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Для него невозможенъ рѣзкій переходъ отъ бѣдности къ полному достатку, невозможна даже мечта о такомъ переходѣ. Самыя лишенія, которыя онъ испытываетъ, имѣютъ для него безспорно воспитательное значеніе. Нѣсколько лѣтъ такого труда и такой жизни дѣлаютъ молодаго человѣка и болѣе способнымъ къ адвокатской дѣятельности, и болѣе закаленнымъ противъ соблазновъ, которые она для начинающаго иногда представляетъ.

Но если вступленіе на службу по судебному вѣдомству кажется намъ, вообще говоря, болѣе желательнымъ для молодаго человѣка, только что окончившаго свое образованіе, чѣмъ вступленіе въ помощники присяжнаго повѣреннаго, то это конечно еще не значитъ, чтобы избраніе послѣдней дороги заслуживало, въ нашихъ глазахъ, безусловнаго

осужденія, еще менѣе — чтобы доступъ къ ней могъ быть затрудняемъ какими-либо искуственными препятствіями. Не подлежитъ никакому сомнѣнію — и мы сами знаемъ факты, въ томъ удостовѣряющіе — что и въ званіи помощника можно пріобрѣсти всѣ качества, необходимыя для адвоката, избѣжать всѣхъ опасностей, указанныхъ нами выше. Во Франціи, въ Англіи, множество молодыхъ людей посвящаютъ себя съ самаго начала адвокатурѣ — и это нисколько не мѣшаетъ адвокатскому сословію занимать высокое мѣсто въ англійскомъ или французскомъ обществѣ. Если молодой человѣкъ сознаетъ въ себѣ способность и чувствуетъ влеченіе къ адвокатской дѣятельности, если ему тяжело было бы избрать какую бы то ни было другую, онъ конечно не долженъ идти на-перекоръ своему призванію. Нельзя не замѣтить также, что служба по судебному вѣдомству, для начинающихъ съ нея, сопряжена въ настоящее время съ весьма серьезными затрудненіями. Огромное большинство молодыхъ людей, получившихъ юридическое образованіе, не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни; между тѣмъ, если они хотятъ служить по судебному вѣдомству, имъ приходится большею частью поступать въ кандидаты на судебныя должности, и оставаться въ этомъ званіи иногда по нѣскольку лѣтъ, безъ всякаго содержанія. Мы убѣждены, что надежда скорѣе найти оплачиваемыя, хоть и скудно, занятія для весьма многихъ служитъ единственной побудительной причиной къ вступленію въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Назначеніе кандидатамъ на судебныя должности небольшаго, но опредѣленнаго вознагражденія было бы гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ уменьшить наплывъ въ помощники, чѣмъ принятіе противъ него рестриктивныхъ мѣръ, прямыхъ или

косвенныхъ. Съ другой стороны, наплывъ этотъ — явленіе временное; самая чрезмѣрность его должна привести къ реакціи, къ остановкѣ. Помощниковъ въ С.-Петербургѣ теперь уже болѣе двухъ-сотъ; если прибавить къ нимъ присяжныхъ повѣренныхъ, присяжныхъ стряпчихъ Коммерческаго суда, частныхъ повѣренныхъ — число которыхъ по всей вѣроятности останется значительнымъ, несмотря на законъ 25 Мая — и наконецъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ заниматься адвокатурой подъ прикрытіемъ ст. 389-ой Учр. Суд. Уст. *), то получится — для С.-Петербурга — такая цифра, которой едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительная потребность въ адвокатахъ. Въ силу того общаго закона, по которому предложеніе регулируется запросомъ, можно ожидать скорѣе уменьшенія, чѣмъ увеличенія общаго числа адвокатовъ. Извѣстно, что переполненіе юридическихъ факультетовъ, достигшее высшей степени пять или шесть лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, теперь уже значительно уменьшилось, такъ что численный перевѣсъ опять возвращается на сторону медицинскихъ факультетовъ. Это явленіе неминуемо отразится и на адвокатурѣ, въ особенности на сословіи помощниковъ. Когда вступленіе въ помощники сдѣлается очевидно невыгоднымъ, по крайней мѣрѣ для большинства, то число лицъ, ищущихъ этого званія, уменьшится само собою.

При нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ числится въ настоящее время по восьми, десяти и даже болѣе помощ-

*) На основаніи этой статьи, оставшейся въ силѣ и послѣ изданія закона 25 Мая, право ходатайствовать принадлежитъ, между прочимъ, лицамъ, завѣдывающимъ по довѣренностямъ дѣлами или имѣніями тяжущихся.

никовъ. Намъ случалось слышать совершенно невѣрное объясненіе этого факта. Говорятъ, что присяжные повѣренные, принимающіе неопредѣленное число помощниковъ, имѣютъ въ виду набирать какъ можно больше дѣлъ и распредѣлять ихъ между своими помощниками, возлагая на нихъ всю тяжесть работы и пользуясь только ея выгодами. Достаточнымъ опроверженіемъ этой догадки — способствовавшей, быть можетъ, подведенію помощниковъ подъ дѣйствіе закона 25 Мая — служитъ уже то обстоятельство, что далеко не всѣ помощники присяжнаго повѣреннаго, у котораго ихъ нѣсколько, получаютъ занятія отъ него или черезъ его посредство. Двое, трое дѣйствительно помогаютъ ему или рекомендуются имъ для веденія дѣлъ, за которыя онъ самъ не хочетъ или не можетъ взяться; но остальные только числятся при немъ, вовсе не работая для него и имѣя совершенно самостоятельную практику. Настоящая причина указаннаго нами факта заключается въ слѣдующемъ. У насъ нѣтъ кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго (въ родѣ французскихъ avocats stagiaires или англійскихъ readers for the bar), а есть и по закону (Учр. Суд. Устан. ст. 354) могутъ быть только лица занимающіяся при присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ. Желающій пріобрѣсти этимъ путемъ право на вступленіе въ присяжные повѣренные долженъ, поэтому, найти присяжнаго повѣреннаго, который согласился бы зачислить его къ себѣ въ помощники. Достигнуть этого не всегда легко; большинство присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ не особенно много дѣлъ, съ которыми и справляются собственными силами или при содѣйствіи одного помощника; записывать кого-нибудь къ себѣ въ помощники, не имѣя возможности доставлять ему занятія, многіе не рѣшаются, потому что

не хотятъ брать на себя нравственную отвѣтственность за лице, которое будетъ заниматься не подъ наблюденіемъ и руководствомъ ихъ. Другіе присяжные повѣренные, наоборотъ, не считаютъ себя въ правѣ отказывать кому-либо въ званіи помощника; они находятъ, что еслибы всякій присяжный повѣренный сталъ принимать лишь столькихъ помощниковъ, сколькимъ онъ можетъ доставить занятія, то множество молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться адвокатами, должны были бы отказаться отъ этого намѣренія, къ явному вреду для адвокатуры. Правиленъ ли этотъ взглядъ— объ этомъ мы скажемъ ниже; теперь для насъ достаточно доказать, что неравномѣрное распредѣленіе помощниковъ между присяжными повѣренными вовсе не имѣетъ того неблаговиднаго смысла, какой ему иногда по недоразумѣнію или незнанію придаютъ, и не можетъ служить аргументомъ въ пользу искуственнаго ограниченія числа помощниковъ.

Если существованіе особаго класса лицъ, посвятившихъ себя приготовленію къ адвокатской дѣятельности, вытекаетъ изъ самой силы вещей и не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій, то задачей законодательства должна быть организація этого класса на твердыхъ началахъ, наиболѣе благопріятныхъ для его дальнѣйшаго развитія. Подчиненіе помощниковъ дѣйствію правилъ, установленныхъ для частныхъ повѣренныхъ, конечно не можетъ быть признано осуществленіемъ этой задачи. Относительно частныхъ повѣренныхъ контроль суда является мѣрой вызванной необходимостью и ничѣмъ незамѣнимой; но относительно помощниковъ онъ представляется, съ одной стороны, излишнимъ, потому что они подлежатъ уже контролю Совѣта, отнюдь не менѣе строгому, съ другой стороны недостаточнымъ, потому что онъ можетъ только удалить изъ среды помощни-

ковъ или не допустить въ нее лицъ, недостойныхъ этого званія, но не можетъ способствовать приготовленію помощниковъ къ адвокатской дѣятельности. Возлагать на судъ исполненіе такой обязанности, которая столь же хорошо или даже лучше можетъ быть исполнена — и на самомъ дѣлѣ исполняется—другимъ учрежденіемъ, значитъ напрасно увеличивать безъ того тяжелое бремя обязанностей, на судѣ лежащихъ. Мы уже сказали, что контроль суда надъ помощниками не устранитъ контроля надъ ними со стороны Совѣта; но если тяжущіеся станутъ обращаться съ жалобами на помощниковъ, должностныя лица и присутственныя мѣста—съ сообщеніями о дѣйствіяхъ ихъ, преимущественно къ суду, а не къ Совѣту, то наблюденіе послѣдняго за помощниками конечно ослабнетъ, связь между помощниками и сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ сдѣляется менѣе чувствительною; а это было бы явленіемъ весьма прискорбнымъ. Помощники, готовясь быть присяжными повѣренными, должны какъ можно раньше усвоить себѣ традиціи этого сословія, проникнуться мыслью о своей солидарности съ нимъ, принять къ сердцу его интересы. Совѣтъ, съ другой стороны, долженъ знать помощниковъ какъ можно ближе, чтобы правильно разрѣшить вопросъ о возможности допущенія ихъ, по окончаніи пятилѣтняго срока, въ присяжные повѣренные. Только Совѣтъ можетъ, не ограничиваясь карательными мѣрами, *предупреждать* ошибки и упущенія помощниковъ, заботиться о пріобрѣтеніи ими практическихъ свѣдѣній и о развитіи въ нихъ правильнаго взгляда на обязанности адвоката. Однимъ словомъ, для того, чтобы помощники могли занять прочное мѣсто въ ряду судебныхъ учрежденій, необходимо соединить ихъ въ одно цѣлое, тѣсно связанное съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ и орга-

низованное путемъ закона. Проектъ такой организаціи давно уже начертанъ С.-Петербургскимъ Совѣтомъ *), мнѣніе котораго мы вполнѣ раздѣляемъ. Не останавливаясь, поэтому, на вопросѣ о будущемъ устройствѣ сословія помощниковъ, мы укажемъ только на тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты въ настоящее время собственною властью Совѣта, для лучшаго исполненія обязанностей его относительно помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Еслибы каждый помощникъ дѣйствительно занимался дѣлами вмѣстѣ съ своимъ патрономъ или подъ его руководствомъ, еслибы каждый присяжный повѣренный близко и хорошо зналъ своихъ помощниковъ, то надзоръ Совѣта за помощниками могъ бы не отличаться существенно отъ надзора его за присяжными повѣренными, хотя конечно не слѣдовало бы упускать изъ виду, что не всѣ присяжные повѣренные одинаково *способны* быть руководителями своихъ помощниковъ. Но большинство помощниковъ на самомъ дѣлѣ только *числится* при своихъ патронахъ; отношенія между ними имѣютъ совершенно формальный характеръ. Присяжные повѣреные, считающіе себя нравственно-обязанными принимать къ себѣ въ помощники чуть-ли не каждаго, кто о томъ проситъ, не успѣваютъ, да часто и не стараются слѣдить за всѣми лицами, такимъ образомъ принятыми, и ограничиваются относительно многихъ изъ нихъ представленіемъ Совѣту, безъ всякой повѣрки, отчетовъ, самими помощниками составленныхъ. Намъ извѣстенъ только одинъ присяжный повѣренный, собирающій вокругъ себя, разъ въ недѣлю, всѣхъ своихъ многочисленныхъ помощниковъ, для бесѣды съ ними о юридическихъ предметахъ и для разрѣ-

*) См. ниже, ч. 2, стр. 58—62.

шенія вопросовъ, которые въ практикѣ ихъ возникаютъ *). Примѣръ этотъ, къ сожалѣнію, не находитъ подражателей. Присяжные повѣренные, ограничивающіеся небольшимъ числомъ помощниковъ, часто относятся къ нимъ ничуть не лучше, оставляя ихъ почти безъ всякаго надзора и руководства. Нельзя не замѣтить, что и сами помощники не всегда ищутъ сближенія съ своимъ патрономъ, не всегда достаточно цѣнятъ пользу, которую они могли бы извлечь изъ его совѣтовъ. Все это вмѣстѣ взятое даетъ Совѣту, какъ намъ кажется, достаточный поводъ приступить теперь же къ осуществленію той мѣры, которую онъ считаетъ необходимой на случай новой организаціи сословія помощниковъ, т. е. на случай уничтоженія личныхъ отношеній между помощниками и ихъ патронами—къ раздѣленію помощниковъ на группы, съ подчиненіемъ каждой изъ нихъ непосредственному наблюденію и руководству одного изъ членовъ Совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, по выбору Совѣта. Образцемъ для такого устройства могли бы послужить *колонны*, на которыя раздѣлены въ Парижѣ avocats stagiaires. Раздѣленіе на колонны, существовавшее еще до французской революціи, было узаконено ордонансомъ 20 ноября 1822 г., этимъ краеугольнымъ камнемъ французской адвокатуры. Въ 1830 г. оно было отмѣнено, но въ 1851 г. вновь введено парижскимъ Совѣтомъ для подвѣдомственныхъ ему стажіеровъ. Всѣхъ колоннъ десять; стажіеры распредѣляются между ними поровну предсѣдателемъ Совѣта (bâtonnier), съ

*) Для того чтобы нельзя было подумать, что авторъ—теперь, впрочемъ, и не принадлежащій болѣе къ числу присяжныхъ повѣренныхъ,—говоритъ здѣсь о самомъ себѣ, онъ спѣшитъ замѣтить, что у него никогда не было болѣе трехъ помощниковъ.

помощью двухъ членовъ и секретаря Совѣта. Во главѣ каждой колонны стоятъ два члена Совѣта, назначаемые по жребію. Они собираютъ членовъ колонны по крайней мѣрѣ два раза въ годъ и объясняютъ имъ обычаи, правила, обязанности и права адвокатской профессіи. На самомъ дѣлѣ колонна собирается обыкновенно три раза въ годъ. Въ пригласительныхъ письмахъ, которыми созываются члены колонны, означаются вопросы, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ собраніи. Присутствіе или отсутствіе въ собраніи каждаго члена колонны отмѣчается въ протоколѣ и принимается въ соображеніе, когда наступаетъ срокъ вступленія его въ адвокаты. По мнѣнію какъ французскихъ, такъ и бельгійскихъ адвокатовъ, учрежденіе колоннъ принесло весьма полезные результаты *). И дѣйствительно, это едва ли не единственный путь къ правильной организаціи сословія помощниковъ или кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго. Присяжные повѣренные не признаютъ за собою, въ большей части случаевъ, никакихъ обязанностей относительно своихъ помощниковъ; члены совѣта, поставленные во главѣ колонны или группы, считали бы себя безусловно обязанными заниматься возложеннымъ на нихъ дѣломъ. Контролю отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ помощники часто подчиняются не совсѣмъ охотно; контроль уполномоченныхъ отъ совѣта имѣлъ бы въ ихъ глазахъ гораздо большее нравственное значеніе. Устроивать для своихъ помощниковъ бесѣды о юридическихъ вопросахъ могутъ только тѣ присяжные повѣренные, у которыхъ по-

*) *Mollot*, règles de la profession d'avocat, deuxième edition (Paris, 1866), Tome II, p. 55—61. *Duchaine* et *Picard*, Manuel pratique de la profession d'avocat (Bruxelles 1869), p. 115.

мощниковъ очень много; при существованіи группъ, устройство такихъ бесѣдъ не представляло бы никакихъ затрудненій. Не всѣ присяжные повѣренные одинаково знакомы съ обычаями, преданіями сословія; члены совѣта не могутъ не знать ихъ, потому что безпрестанно примѣняютъ ихъ на практикѣ. Противъ раздѣленія помощниковъ на группы приводятъ обыкновенно два главныя возраженія: оно возложитъ на членовъ совѣта, безъ того уже обремененныхъ дѣлами, слишкомъ тяжелую обязанность, которая поэтому и не будетъ исполняема какъ слѣдуетъ; оно не встрѣтитъ сочувствія со стороны помощниковъ, и поэтому обратится въ мертвую букву. Прежде чѣмъ отвѣтить на эти возраженія, сдѣлаемъ одну оговорку: мы не считаемъ необходимымъ включать въ предлагаемыя нами группы *всѣхъ* помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Срокъ бытности въ этомъ званіи, требуемый нашимъ закономъ, слишкомъ продолженъ; мы уже видѣли выше, что его слѣдовало бы сократить съ пяти лѣтъ на три года. Если такимъ образомъ лице, пробывшее помощникомъ три года, безъ всякаго неудобства могло бы быть принято въ присяжные повѣренные, то нѣтъ, очевидно, никакой надобности оставлять его подъ спеціальнымъ контролемъ, учреждаемымъ для молодыхъ, неопытныхъ людей, только-что вступившихъ на адвокатское поприще. Мы думаемъ даже, что принадлежность къ группѣ, руководимой членомъ совѣта, могла бы быть сдѣлана для помощниковъ безусловно-обязательной только на первые два года со времени вступленія ихъ въ помощники; дольше они могли бы оставаться въ ней не иначе, какъ по собственному желанію или по особому постановленію совѣта, въ случаѣ признанія ихъ недостаточно

приготовленными къ самостоятельной дѣятельности *). При такомъ устройствѣ группъ, въ составъ каждой изъ нихъ— предполагая, что ихъ будетъ только девять, по числу членовъ Совѣта—входило бы не болѣе десяти помощниковъ **). Намъ кажется, что наблюденіе за десятью лицами, устроенное на раціональныхъ началахъ, было бы совершенно по силамъ каждаго изъ членовъ совѣта. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, должны были бы заключаться обязанности руководителя группы. Онъ долженъ былъ бы назначить опредѣленный часъ (не менѣе одного въ недѣлю), въ который каждый членъ его группы имѣлъ бы право обращаться къ нему для разрѣшенія недоразумѣній, встрѣчаемыхъ имъ при принятіи или веденіи дѣлъ, при разсчетахъ съ довѣрителями и т. п. Онъ долженъ былъ бы собирать у себя всѣхъ членовъ своей группы для юридическихъ бесѣдъ, предметъ которыхъ былъ бы заранѣе назначенъ; такихъ собраній могло бы быть не два или три въ годъ,

---

*) Само собою разумѣется, что для лицъ, поступающихъ въ помощники не прямо съ университетской скамьи, причисленіе къ группѣ, руководимой членомъ совѣта, также не было бы обязательно, развѣ если бы между окончаніемъ ими курса и вступленіемъ въ помощники прошло менѣе двухъ лѣтъ.

**) Еслибы число помощниковъ стало возростать съ особенною быстротою, или практика доказала бы необходимость уменьшить число членовъ каждой группы, то къ членамъ совѣта, завѣдующимъ группами, совѣтъ могъ бы присоединить нѣсколько другихъ присяжныхъ повѣренныхъ, пользующихся общимъ уваженіемъ въ средѣ сословія. Само собою разумѣется, что во главѣ каждой группы достаточно поставить одно лице. Если въ Парижѣ завѣдываніе колонной возлагается на двухъ членовъ совѣта, то не слѣдуетъ забывать, что Парижскій Совѣтъ состоитъ изъ двадцати одного члена, а въ нашихъ совѣтахъ ихъ девять или семь.

какъ во Франціи, а по крайней мѣрѣ шесть, для того, чтобы каждый принадлежащій къ группѣ помощникъ могъ по очереди разработать одинъ изъ вопросовъ, избранныхъ руководителемъ группы. Онъ долженъ былъ бы выслушать въ судѣ по крайней мѣрѣ двѣ рѣчи каждаго изъ членовъ группы—одну по гражданскому, другую по уголовному дѣлу,—и сообщить ему свои замѣчанія о нихъ. Онъ долженъ былъ бы, наконецъ, познакомить руководимыхъ имъ помощниковъ съ главнѣйшими правилами адвокатской дѣятельности, выработанными практикой, избирая для этого по возможности форму разговора, а не лекціи. Во всемъ этомъ нѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, ничего неудобоосуществимаго, ничего утопическаго; пожертвовавъ на это часами шестью, семью въ мѣсяцъ, каждый членъ совѣта принесъ бы сословію гораздо больше пользы, чѣмъ можетъ принести ему цѣлый рядъ отлично обдуманныхъ и мотивированныхъ постановленій совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ. Совѣту не приходилось бы тогда—какъ приходится теперь — встрѣчаться съ полнымъ непониманіемъ адвокатскихъ обязанностей, непониманіемъ, доходящимъ напримѣръ до того, что помощникъ bona fide считаетъ себя въ правѣ прибѣгать къ обману или нравственному насилію противъ своихъ кредиторовъ, грозить имъ вмѣшательствомъ полиціи, прописываться за городомъ, на самомъ дѣлѣ оставаясь въ Петербургѣ *). Въ средѣ помощниковъ защищаемая нами мѣра могла бы вызвать неудовольствіе или сопротивленіе развѣ со стороны немногихъ, крайне самоувѣренныхъ личностей, считающихъ для себя оскорбительнымъ всякій контроль, излишней — всякую нравственную поддержку. Громадное

*) См. ниже, ч. 2, стр. 136.

большинство помощниковъ, начинающихъ свою дѣятельность, чувствуетъ потребность въ наставленіи, въ руководствѣ, и охотно, свободно подчинилось бы вліянію членовъ Совѣта, чуждому всякаго принудительнаго характера, всякой повелительной формы. Какъ бы то ни было, ничто не мѣшаетъ приступить теперь же къ устройству группъ, въ видѣ опыта; при согласіи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, онѣ могутъ быть созданы собственною властью Совѣта, какъ создавались всѣ правила, дѣйствующія въ настоящее время относительно помощниковъ. Если опытъ окажется неудачнымъ, возвратиться къ прежнему порядку вещей будетъ не трудно; но мы ни мало не опасаемся неудачи, зная обычную энергію Совѣта и готовность его потрудиться для пользы корпораціи.

Въ послѣднее время въ средѣ самихъ помощниковъ становится замѣтнымъ стремленіе къ обособленію, къ созданію отдѣльной, самостоятельной корпораціи, соединенной съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ только косвенною связью,— въ родѣ той, которая существуетъ между присяжными повѣренными и судебнымъ вѣдомствомъ, вслѣдствіе подчиненія Совѣта Судебной Палатѣ. Коммиссія, избираемая съ 1872 г. изъ среды помощниковъ, желала бы присвоить себѣ роль Совѣта какъ относительно принятія въ помощники, такъ и относительно дисциплинарной надъ ними власти, и предоставить Совѣту, по всѣмъ дѣламъ помощниковъ, исключительно значеніе инстанціи апелляціонной. До сихъ поръ Совѣтъ не сдѣлалъ коммиссіи ни одной уступки; сообщая ей попрежнему имена лицъ, желающихъ вступить въ помощники и получая отъ нея собранныя ею объ этихъ лицахъ свѣдѣнія, онъ оставляетъ за собою право повѣрять эти свѣдѣнія наравнѣ со всякими другими и рѣшать во-

просъ о принятіи или непринятіи просителя въ число помощниковъ. Отсюда можно заключить, какъ Совѣтъ отнесся бы къ вопросу о предоставленіи коммиссіи дисциплинарной власти надъ помощниками, еслибы вопросъ этотъ былъ прямо ему предложенъ. Взглядъ Совѣта кажется намъ вполнѣ правильнымъ, настойчивое и послѣдовательное проведеніе его—какъ нельзя болѣе желательнымъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ лица, готовящіяся въ адвокаты, нигдѣ не составляютъ самостоятельнаго сословія; они примыкаютъ къ адвокатской корпораціи и управляются избранными ея представителямн. Во Франціи, въ Бельгіи допущеніе къ стажу зависитъ отъ Совѣтовъ, которымъ принадлежитъ и дисциплинарная власть надъ стажіерами. Въ Англіи inns of court находятся подъ управленіемъ старѣйшихъ адвокатовъ (benchers). Въ Австріи, на основаніи закона 1868 г., кандидаты въ адвокаты (Advokaturkandidaten) хотя и числятся при адвокатахъ, подъ руководствомъ которыхъ занимаются, но состоятъ въ завѣдываніи комитета, избираемаго адвокатами изъ среды своей (Ausschuss der Advokatenkammer). Въ основаніи такого порядка лежатъ начала совершенно раціональныя. Званіе кандидата въ адвокаты, стажіера, помощника—только переходная ступень, ведущая къ адвокатурѣ. Лица, стоящія на этой ступени, не имѣютъ отдѣльныхъ интересовъ, независимыхъ отъ интересовъ адвокатской корпораціи; они связаны съ нею гораздо тѣснѣе, чѣмъ другъ съ другомъ. Особыхъ обычаевъ, преданій у нихъ также быть не можетъ. Составъ ихъ измѣняется гораздо быстрѣе, чѣмъ составъ адвокатовъ; по мѣрѣ того, какъ наиболѣе опытные изъ нихъ, окончивъ свою подготовку, переходятъ въ число адвокитовъ или присяжныхъ повѣренныхъ, ряды ихъ пополняются громаднымъ контингентомъ лицъ, незнакомыхъ съ

жизнью, съ адвокатскими обязанностями, лицъ, изъ которыхъ многія не имѣютъ даже твердой рѣшимости посвятить себя адвокатурѣ, а хотятъ только испытать свою способность къ адвокатскому поприщу. Мы едвали ошибемся, если скажемъ, что въ средѣ помощниковъ большинство, въ каждую данную минуту, находится именно на сторонѣ этого элемента, подвижнаго, ни на чемъ не остановившагося и конечно неподготовленнаго къ управленію сословіемъ. Въ пользу автономіи помощниковъ приводятся обыкновенно слѣдующіе аргументы: помощники не участвуютъ въ избраніи Совѣта и слѣдовательно не должны быть подчиняемы ему на томъ же основаніи, какъ избирающіе его присяжные повѣренные; члены Совѣта не могутъ быть такъ хорошо знакомы съ дѣятельностью каждаго помощника, какъ его товарищи; Совѣтъ не имѣетъ тѣхъ побудительныхъ причинъ къ бдительному надзору за помощниками, какія имѣла бы коммиссія, ими самими избранная. Противъ перваго изъ этихъ аргументовъ достаточно замѣтить, что избирательное право вездѣ и всегда обусловливается достиженіемъ извѣстнаго возраста — а между тѣмъ никому не приходило на мысль доказывать, что власть избраннаго учрежденія не распространяется на несовершеннолѣтнихъ, такъ какъ они не участвовали въ его избраніи. Помощники—это несовершеннолѣтніе члены адвокатской корпораціи; отношенія ихъ къ ней слишкомъ непродолжительны и непрочны, чтобы она могла признать ихъ равноправными съ другими ея членами. Это не отказъ въ правѣ, а только вызванная необходимостью отсрочка въ пользованіи имъ. Что касается до знакомства съ дѣятельностью каждаго помощника, то, при многочисленности помощниковъ, оно одинаково затруднительно и для коммиссіи помощниковъ, и для Совѣта; въ настоящее время

его скорѣе всего можно ожидать отъ присяжнаго повѣреннаго, у котораго помощникъ числится, а при предлагаемой нами системѣ его можно будетъ требовать отъ члена Совѣта, къ группѣ котораго принадлежитъ или принадлежалъ помощникъ. Притомъ, свѣдѣнія о помощникѣ, имѣющіяся у коммиссіи, всегда могутъ быть сообщены ею Совѣту. Наконецъ, въ поддержаніи и развитіи между помощниками правильныхъ взглядовъ на адвокатскія обязанности Совѣтъ заинтересованъ не меньше, а больше коммиссіи, такъ какъ отношенія помощниковъ къ коммиссіи ограничены извѣстнымъ срокомъ, а отношенія ихъ къ Совѣту прекращаются только въ случаѣ совершеннаго оставленія ими адвокатскаго поприща. Контроль Совѣта надъ помощниками созданъ, если можно такъ выразиться, самою жизнью; частныя и должностныя лица стали обращаться къ нему съ жалобами на помощниковъ еще прежде, нежели онъ призналъ возможнымъ принимать ихъ къ своему разсмотрѣнію. Контроль коммиссіи помощниковъ былъ бы, на-оборотъ, учрежденіемъ чисто-искуственнымъ; сколько намъ извѣстно, никто изъ имѣющихъ дѣло съ помощниками не обращался до сихъ поръ къ коммиссіи для разбора своихъ неудовольствій или недоразумѣній. Идя по стопамъ Совѣта, примѣняя къ помощникамъ тѣ же начала, которыя онъ выработалъ для присяжныхъ повѣренныхъ, коммиссія была бы излишней; дѣйствуя въ разрѣзъ съ Совѣтомъ, она сдѣлалась бы вредной, потому что въ интересахъ адвокатуры — возможно бо̀льшее единодушіе между настоящими и будущими присяжными повѣренными. Правда, нѣкоторые изъ защитниковъ опровергаемой нами системы предлагаютъ поставить коммиссію въ такое отношеніе къ Совѣту, въ какомъ находится низшая инстанція къ высшей; но предложеніе это не

устраняетъ неудобствъ, указанныхъ нами. Апелляціонная инстанція не должна повторять работы, исполненной судомъ первой степени, не должна вновь выслушивать обвиняемаго, свидѣтелей и т. п.; между тѣмъ Совѣтъ, постановляющій свои рѣшенія по внутренему убѣжденію, никакъ не могъ бы согласиться принять за основаніе ихъ письменные акты и протоколы коммиссіи; если же ему приходилось бы начинать производство дѣла съизнова, то разборъ дѣла въ коммиссіи, очевидно, обратился бы въ пустую форму.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго до сихъ поръ, что мы возстаемъ противъ самаго существованія коммиссіи помощниковъ? Нисколько. Правильно понимая свою задачу, стараясь помогать Совѣту, а не встать на его мѣсто, она можетъ принести большую пользу. Задача коммиссіи—содѣйствіе Совѣту въ собираніи свѣдѣній о лицахъ, желающихъ вступить въ помощники, разработка общихъ вопросовъ, касающихся всего сословія помощниковъ, и сообщеніе ихъ на разсмотрѣніе Совѣта, принятіе мѣръ къ сближенію помощниковъ между собою устройствомъ юридическихъ бесѣдъ, консультацій и т. п. Если коммиссія съумѣетъ пріобрѣсти нравственный авторитетъ въ средѣ помощниковъ, она можетъ, сверхъ того, сдѣлаться судомъ чести въ личныхъ столкновеніяхъ между помощникамя и даже въ другихъ случаяхъ, болѣе важныхъ, при согласіи обѣихъ сторонъ подчиниться ея разбору. Впрочемъ, съ сокращеніемъ срока подготовки, требуемой закономъ отъ помощниковъ, притязанія коммиссіи на большую самостоятельность исчезнутъ, по всей вѣроятности, сами собою. Когда помощники будутъ оставаться въ этомъ званіи не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ, едва ли кому-ни будь изъ нихъ придетъ на мысль заботиться объ установ-

ленiи рѣзкой черты между сословiемъ помощниковъ и сословiемъ присяжныхъ повѣренныхъ.

IV.

Составителямъ нашихъ судебныхъ уставовъ предстояло разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли предоставить присяжнымъ повѣреннымъ исключительное право на веденiе гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ учрежденiяхъ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ съ большою осторожностью. Не увлекаясь примѣромъ Францiи и другихъ государствъ, заимствовавшихъ отъ нея основы своего судебнаго устройства, составители судебныхъ уставовъ сохранили за тяжущимися право личнаго ходатайства передъ судомъ, безъ обязательнаго обращенiя къ адвокату; этого мало—они уполномочили тяжущихся давать довѣренности на веденiе тяжебныхъ дѣлъ своимъ родителямъ, супругамъ, дѣтямъ и лицамъ, имѣющимъ одну общую съ ними тяжбу или завѣдывающимъ по довѣренностямъ ихъ имѣнiями или дѣлами (Учр. Суд. Устан. ст. 386, 389). Исключительное, затѣмъ, право на веденiе тяжебныхъ дѣлъ было дано присяжнымъ повѣреннымъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они имѣютъ жительство *въ достаточномъ числѣ*, а опредѣлить число, признаваемое достаточнымъ для каждаго города, должна была особая табель, вносимая министромъ юстицiи, по представленiямъ судебныхъ Палатъ, чрезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее утвержденiе (ст. 387, 388). Закономъ 25 мая 1874 г. всѣ эти постановленiя не отмѣнены, что видно

уже изъ ссылки, сдѣланной въ немъ на ст. 389, состоящую въ тѣсной связи съ ст. 387 и 388; они сохраняютъ, съ формальной точки зрѣнія, полную силу, но на практикѣ остаются безъ осуществленія. Несмотря на неоднократныя ходатайства С.-Петербургскаго Совѣта, несмотря на представленіе С.-Петербургской Судебной Палаты, число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ для С.-Петербурга и для другихъ городовъ Имперіи, до сихъ поръ не опредѣлено, и табель, о которой говорится въ ст. 388 Учр. Суд. Устан., до сихъ поръ не издана. Очевидно, что во взглядахъ на вопросъ о такъ называемой монополіи присяжныхъ повѣренныхъ произошла, со времени изданія судебныхъ уставовъ, рѣшительная перемѣна. Между тѣмъ, въ виду составителей судебныхъ уставовъ безъ сомнѣнія были всѣ доводы, которые могутъ быть приведены противъ монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Если несмотря на это она была установлена закономъ—въ тѣхъ предѣлахъ и съ тѣми ограниченіями, о которыхъ мы упомянули выше,—то окончательное разрѣшеніе вопроса о пользѣ или вредѣ, о необходимости или ненужности ея слѣдовало бы, какъ намъ кажется, поставить въ зависимость не отъ новаго теоретическаго разбора, для котораго пока нѣтъ новыхъ данныхъ, а отъ указаній опыта, жизни. Другими словами, слѣдовало бы привести въ исполненіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи — напр. хоть въ Петербургѣ и Москвѣ,— законъ, начертанный въ учрежденіи судебныхъ установленій, и посмотрѣть, къ какимъ бы это привело практическимъ результатамъ *).

---

*) Подобное изложеніе доводовъ въ пользу установленія комплекта см. ниже, ч. 2, стр. 267—277; мы останавливаемся здѣсь

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что поднимать вопросъ о монополіи присяжныхъ повѣренныхъ теперь несвоевременно, что онъ надолго предрѣшенъ, въ отрицательномъ смыслѣ, изданіемъ закона 25 мая; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла не трудно убѣдиться, что изданіе этого закона составляетъ, наоборотъ, шагъ впередъ на пути, ведущемъ къ установленію монополіи. Главнымъ аргументомъ противъ монополіи присяжныхъ повѣренныхъ всегда служило и служитъ проистекающее изъ нея стѣсненіе правъ и свободы частныхъ лицъ, затрудненіе въ выборѣ адвоката, возвышеніе платы за адвокатскій трудъ, возможность стачекъ между адвокатами и т. п. Другими словами, противники монополіи стояли и стоятъ—если они хотятъ быть послѣдовательными — за право *каждаго* лица, совершеннолѣтняго и неопороченнаго судебнымъ приговоромъ, принимать на себя веденіе поручаемыхъ ему судебныхъ дѣлъ, за право каждаго тяжущагося поручать веденіе своего дѣла *кому онъ пожелаетъ*, безъ всякаго ограниченія,—короче, за тотъ порядокъ вещей, который существовалъ у насъ до изданія закона 25 мая. Съ изданіемъ этого закона положеніе дѣла радикально измѣнилось; *монополія создана*, только не для однихъ присяжныхъ повѣренныхъ, а для нихъ вмѣстѣ съ частными повѣренными. Давнишній споръ переносится этимъ самымъ на совершенно новую почву; рѣчь можетъ идти уже не о томъ, быть или не быть монополіи, а о томъ, въ какія границы она должна быть поставлена, кто долженъ пользоваться ею. На этой почвѣ вопросъ зна-

---

преимущественно на тѣхъ сторонахъ вопроса, которыя не были разработаны въ представленіяхъ и отчетахъ С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

*

чительно упрощается. Разъ что монополія признана полезной и необходимой, разъ что избраніе адвоката перестало безусловно зависѣть отъ усмотрѣнія тяжущагося, задача законодательства очевидно заключается въ томъ, чтобы оградить тяжущихся какъ можно больше отъ неудачнаго выбора адвоката, не уменьшая однако чрезмѣрно числа лицъ, изъ среды которыхъ можетъ быть произведенъ выборъ. Въ концѣ концевъ все сводится, такимъ образомъ, къ одному пункту, важность котораго была вполнѣ оцѣнена уже составителями судебныхъ уставовъ — *къ достаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ*. Тамъ, гдѣ оно достаточно для полнаго и безпрепятственнаго удовлетворенія потребности въ адвокатахъ, частные повѣренные не имѣютъ, если можно такъ выразиться, никакого права на существованіе, никакой raison d'être, потому что превосходство присяжныхъ повѣренныхъ, какъ сословія, надъ частными повѣренными, какъ совокупностью лицъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію и спору. Тамъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ недостаточно для достиженія вышеуказанной цѣли, право на веденіе гражданскихъ дѣлъ по необходимости должно принадлежать одинаково присяжнымъ и частнымъ повѣреннымъ. Польза тяжущихся и интересы правосудія требуютъ сосредоточенія адвокатскихъ занятій въ рукахъ лицъ вполнѣ приготовленныхъ къ тому теоретически и практически; отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено только тамъ, гдѣ соблюденіе его оказывается фактически невозможнымъ,—вотъ тѣ начала, изъ которыхъ логически вытекаетъ исключительное право присяжныхъ повѣренныхъ на веденіе гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ тѣхъ городовъ, гдѣ число ихъ достигаетъ извѣстной цифры. Какъ высока должна быть эта цифра для каждой мѣстности, въ

которой введены въ дѣйствіе судебные уставы,— это опредѣлить нетрудно, съ помощью статистическихъ свѣдѣній о числѣ дѣлъ, производившихся въ судѣ, и о пропорціи между дѣлами веденными при участіи повѣренныхъ и дѣлами веденными безъ ихъ участія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ было бы признано достаточнымъ, право на веденіе гражданскихъ дѣлъ могло бы быть предоставлено, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и ихъ помощникамъ, съ извѣстными ограниченіями, необходимыми въ интересахъ тяжущихся *). Число адвокатовъ, между которыми тяжущимся предстояло бы сдѣлать выборъ, никогда, такимъ образомъ, не могло бы быть слишкомъ незначительно, тѣмъ болѣе, что установленіе комплекта нисколько не мѣшало бы принятію новыхъ лицъ въ среду присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Расширеніе этой среды, по указанному нами уже закону, постоянно соотвѣтствовало бы увеличенію числа дѣлъ и запроса на адвокатовъ. И теперь, конечно, увеличеніе числа дѣлъ вызываетъ увеличеніе числа *адвокатовъ*, но число *присяжныхъ повѣренныхъ* возрастаетъ медленно, даже въ столицахъ. Явленіе это несомнѣнно состоитъ въ связи съ неустановленіемъ комплекта, т. е. числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое признается достаточнымъ для той или другой мѣстности.

Присяжные повѣренные несутъ на себѣ въ настоящее время повинность троякаго рода: ходатайство по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, защиту подсудимыхъ по назначенію суда и платежъ десятипроцентнаго сбора. Первую изъ этихъ повинностей каждому присяжному

*) См. ниже, ч. 2, стр. 60—62.

повѣренному приходится исполнять весьма рѣдко; но послѣднія двѣ имѣютъ весьма серьезное значеніе. Защита подсудимыхъ составляетъ несомнѣнно одну изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей присяжнаго повѣреннаго, часто требующую отъ него усиленнаго, многодневнаго труда, съ оставленіемъ всѣхъ другихъ занятій. Десятипроцентный сборъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, менѣе обременителенъ для начинающаго адвоката, чѣмъ единовременный взносъ, которымъ обложены частные повѣренные,—потому что онъ взыскивается не при самомъ вступленіи на адвокатское поприще, а съ адвокатскаго дохода, дѣйствительно полученнаго; но въ другихъ случаяхъ первый часто тяжелѣе послѣдняго, потому что частный повѣренный, заплативъ 150 руб., ничего больше не вноситъ по всѣмъ дѣламъ, производимымъ имъ въ теченіе года въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ, между тѣмъ какъ присяжный повѣренный обязанъ вносить десятипроцентный сборъ со всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ дѣйствію таксы, сколько бы такихъ дѣлъ у него ни было. Очевидно, что бо́льшимъ обязанностямъ по справедливости должны соотвѣтствовать и бо́льшія права, лишь бы только они не были сопряжены съ вредомъ для общества или для частныхъ лицъ. Пока присяжныхъ повѣренныхъ, въ извѣстной мѣстности, немного, предоставленіе имъ исключительнаго права на веденіе гражданскихъ дѣлъ было бы невозможно безъ крайняго стѣсненія для тяжущихся; но когда число ихъ становится достаточнымъ, принципъ соразмѣрности между обязанностями и правами получаетъ, въ отношеніи къ нимъ, полную силу. Между тѣмъ законъ 25 мая, не распространяя на частныхъ повѣренныхъ обязанностей, лежащихъ на присяжныхъ повѣренныхъ, даетъ первымъ, въ сущности, тѣ же права, какими пользуются послѣдніе.

Противъ этого могутъ возразить, что присяжные повѣренные сохраняютъ право ходатайствовать во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имперіи, а частные повѣренные могутъ являться только въ тѣхъ судахъ, отъ которыхъ получили свидѣтельства, со взносомъ установленной платы; что въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената частные повѣренные могутъ дѣйствовать только по тѣмъ дѣламъ, которыя они вели въ низшихъ инстанціяхъ, а присяжные повѣренные—по всѣмъ дѣламъ. Это различіе между присяжными и частными повѣренными дѣйствительно существуетъ *), но практическое значеніе его—самое ничтожное. Дѣятельность громаднаго большинства присяжныхъ повѣренныхъ ограничивается судебною палатой и окружнымъ судомъ того города, въ которомъ они имѣютъ постоянное мѣсто жительства; право ходатайствовать во всѣхъ судахъ имперіи имѣетъ, поэтому, цѣнность только для немногихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Притомъ, каждый разъ, когда частному повѣренному представится случай взяться за сколько-нибудь значительное дѣло въ судѣ другаго города, ему конечно нетрудно будетъ получить свидѣтельство на право

*) Нельзя не замѣтить однако, что по мнѣнію нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстъ, присяжные повѣренные внѣ округа, къ которому они приписаны, должны подчиняться дѣйствію правилъ о частныхъ повѣренныхъ. Мнѣніе это кажется намъ совершенно ошибочнымъ, какъ потому, что въ ст. 1-ой закона 25 мая не сдѣлано никакой оговорки о пространствѣ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и потому, что присяжные повѣренные, гдѣ бы они ни дѣйствовали, остаются подъ контролемъ совѣта, устраняющимъ необходимость въ спеціальномъ контролѣ судебныхъ мѣстъ; но если оно одержитъ верхъ, то положеніе присяжныхъ повѣренныхъ, сравнительно съ частными повѣренными, сдѣлается конечно еще болѣе невыгоднымъ.

ходатайства въ этомъ судѣ; случаи отказа въ выдачѣ свидѣтельства такому лицу, которое имѣетъ уже свидѣтельство отъ другаго, равнаго судебнаго мѣста, будутъ безъ сомнѣнія встрѣчаться весьма рѣдко. Что касается до втораго изъ вышеуказанныхъ преимуществъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ кассаціонномъ производствѣ самое главное—составленіе кассаціонной жалобы или объясненія противъ нея, которое обыкновенно лежитъ на обязанности повѣреннаго, ходатайствовавшаго по дѣлу въ мѣстѣ разрѣшенія его по существу; словесная поддержка или словесное опроверженіе кассаціонной жалобы имѣетъ значеніе второстепенное и предпринимается тяжущимися, живущими внѣ Петербурга, весьма рѣдко. Право петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя веденіе дѣлъ, поступающихъ въ Кассаціонные Департаменты не изъ петербургскихъ судебныхъ мѣстъ, доставляетъ, поэтому, каждому изъ нихъ самое ничтожное увеличеніе практики и не можетъ считаться привилегіей, сколько-нибудь серьезной; а для другихъ присяжныхъ повѣренныхъ привилегія эта вовсе не существуетъ. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что положеніе частныхъ повѣренныхъ, *какъ ходатаевъ по дѣламъ*, ничѣмъ существенно не отличается отъ положенія присяжныхъ повѣренныхъ. Правда, они не образуютъ корпораціи, не имѣютъ самоуправленія, и—что всего важнѣе—могутъ быть устраняемы отъ ходатайства безъ судебнаго разбора, по распоряженію Министра Юстиціи. Въ этомъ отношеніи присяжные повѣренные поставлены безъ сомнѣнія въ условія несравненно болѣе благопріятныя, чѣмъ частные повѣренные,—и этимъ объясняется тотъ фактъ, что несмотря на отсутствіе привилегій, несмотря на тяжесть обязанностей, находилось и находится не

мало лицъ, ищущихъ званія присяжнаго повѣреннаго и неизмѣняющихъ ему въ пользу частной адвокатуры. Но корпоративныя права, какъ они ни цѣнны, не устраняютъ указанной нами несоразмѣрности между правами и обязанностями каждаго отдѣльнаго присяжнаго повѣреннаго. Мысль о томъ, что повинности, сопряженныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, придется взять на себя немедленно послѣ полученія этого званія, а практики, можетъ быть, долго не будетъ вовсе, не можетъ не удерживать многихъ отъ вступленія въ присяжные повѣренные, не можетъ не служить для многихъ побудительной причиной къ предпочтенію званія частнаго повѣреннаго. Есть полное основаніе предполагать, что опредѣленіе числа присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемаго достаточнымъ для извѣстной мѣстности—хотя бы число это значительно превышало число наличныхъ, въ данную минуту, присяжныхъ повѣренныхъ—имѣло бы послѣдствіемъ (безъ всякихъ послабленій со стороны совѣтовъ) быстрое увеличеніе сословія до и даже свыше требуемой цифры *).

Исходя изъ той мысли, что права присяжныхъ повѣренныхъ, несмотря на законъ 25-го мая, не соотвѣтствуютъ ихъ обязанностямъ, мы находимъ, что до установленія комплекта возможно и справедливо было бы предоставить при-

---

*) Замѣтимъ, по этому поводу, что доказывая необходимость установленія комплекта, мы далеки отъ мысли, чтобы настоящее число присяжныхъ повѣренныхъ гдѣ бы то ни было, даже въ Петербургѣ, могло быть признано достаточнымъ; мы желали бы только, чтобы заранѣе было назначено и объявлено число, *которое будетъ признано достаточнымъ*. Такъ смотритъ на дѣло и С.-Петербургскій Совѣтъ (см. ниже, ч. 2, стр. 276—277).

сяжнымъ повѣреннымъ нѣкоторыя преимущества передъ частными повѣренными — преимущества, которыя были бы вмѣстѣ съ тѣмъ полезны для тяжущихся, для общества. Всего правильнѣе было бы, по нашему мнѣнію, признать за присяжными повѣренными исключительное право на веденіе гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, если только число ихъ въ томъ городѣ, гдѣ помѣщается палата, достаточно въ сравненіи съ числомъ дѣлъ, въ палату поступающихъ *). Отсюда само собою проистекало бы исключительное право присяжныхъ повѣренныхъ на обжалованіе рѣшеній судебной палаты въ кассаціонномъ порядкѣ. Этотъ порядокъ вещей представлялъ бы слѣдующія несомнѣнныя выгоды: апелляціонныя дѣла поступали бы на разсмотрѣніе палаты въ болѣе разработанномъ видѣ; отъ сторонъ можно было бы требовать окончательныхъ письменныхъ заключеній (conclusions motivées), значительно облегчающихъ трудъ членовъ палаты **); тяжущіеся, живущіе внѣ города, гдѣ помѣщается палата, получили бы возможность просить о назначеніи имъ повѣренныхъ, согласно съ ст. 392 Учр. Суд. Устан., между тѣмъ какъ въ настоящее время выборъ повѣреннаго для веденія дѣла въ палатѣ часто сопряженъ для

---

*) Съ этой точки зрѣнія достаточнымъ могло бы быть, конечно, признано число меньшее противъ того, которое было бы необходимо для предоставленія присяжнымъ повѣреннымъ исключительнаго права на веденіе гражданскихъ дѣлъ во *всѣхъ* общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

**) Мысль о необходимости такихъ заключеній была высказана въ первый разъ старшимъ предсѣдателемъ С.-Петербургской Судебной Палаты еще въ 1868 году, но не могла быть осуществлена именно потому, что требуетъ соглашенія между сторонами, возможнаго только тогда, когда представителями ихъ являются присяжные повѣренные.

ихъ съ величайшими затрудненіями; число неосновательныхъ кассаціонныхъ жалобъ сдѣлалось бы гораздо меньше, поводы къ кассаціи были бы указываемы съ точностью, мотивируемы ясно и подробно. Наравнѣ съ присяжными повѣренными къ веденію апелляціонныхъ дѣлъ могли бы быть допущены и помощники, пробывшіе въ этомъ званіи не менѣе двухъ лѣтъ.

Ошибочно было бы думать, что съ принятіемъ одной изъ мѣръ, защищаемыхъ нами, т. е. съ установленіемъ комплекта или съ предоставленіемъ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ исключительнаго права на веденіе гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ — для присяжныхъ повѣренныхъ наступилъ бы тотъ золотой вѣкъ, о которомъ мечтаютъ одни, противъ котораго возстаютъ другіе. Неравномѣрное распредѣленіе занятій между присяжными повѣренными не могло бы быть устранено монополіей, подобно тому какъ монополія на право леченья не устраняетъ неравномѣрнаго распредѣленія занятій между докторами. На первое время, можетъ быть, установленіе монополіи привело бы къ увеличенію числа дѣлъ преимущественно у тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые и теперь не имѣютъ въ нихъ недостатка. Но присяжные повѣренные, обремененные дѣлами, по необходимости стали бы передавать ихъ своимъ товарищамъ, болѣе свободнымъ; сами тяжущіеся во многихъ случаяхъ стали бы обращаться къ послѣднимъ, предполагая, что они посвятятъ болѣе времени и труда ввѣренному имъ дѣлу. Наконецъ, постановленіе ст. 392 Учр. Суд. Устан., вмѣняющее совѣту въ обязанность (при существованіи комплекта) назначать присяжнаго повѣреннаго для веденія дѣла каждаго тяжущагося, не имѣющаго возможностио прибыть лично въ городъ, гдѣ должно производиться ег

дѣло, или же не успѣвшаго согласиться съ мѣстными присяжными повѣренными,—доставило бы практику всѣмъ, даже начинающимъ присяжнымъ повѣреннымъ, и притомъ, что̀ именно для начинающихъ весьма важно, практику заранѣе оплачиваемую (см. 18-й пунктъ таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ). Опасаться стачки между присяжными повѣренными, чрезмѣрнаго, вслѣдствіе монополіи, возвышенія платы за адвокатскій трудъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, именно въ виду только-что приведенной нами статьи 392 Учр. Суд. Устан., а также въ виду статьи 389, дающей тяжущимся возможность обходиться, и при монополіи, безъ содѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ. Однимъ словомъ, монополія, въ чемъ бы она ни заключалась, не обогатитъ присяжныхъ повѣренныхъ, но доставитъ каждому изъ нихъ возможность существовать своимъ трудомъ, не тяготясь обязанностями, сопряженными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго и не предпочитая ему менѣе самостоятельной, но болѣе легкой роли частнаго адвоката.

V.

Мы говорили до сихъ поръ о реформахъ, которыя могли бы упрочить, укрѣпить положеніе сословія присяжныхъ повѣренныхъ; теперь мы переходимъ къ тѣмъ сторонамъ его устройства, которыя требуютъ не измѣненія, а только поддержанія и дальнѣйшаго развитія. Мы имѣемъ въ виду корпоративную организацію сословія, въ теоріи не оставляющую желать ничего лучшаго, на практикѣ уже успѣвшую

крѣпко привиться къ нашей почвѣ. Нѣсколько времени тому назадъ можно было думать, что этой организаціи угрожаетъ серьезная опасность; носились слухи объ уничтоженіи самоуправленія, даннаго присяжнымъ повѣреннымъ судебными уставами, о непосредственномъ подчиненіи ихъ суду или даже административной власти. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ слуховъ послужило открытіе, въ маѣ нынѣшняго года, Харьковскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и возобновленіе пріостановленнаго одно время пріема въ присяжные повѣренные при провинціальныхъ окружныхъ судахъ. Мы не будемъ, поэтому, защищать учрежденіе, не нуждающееся, къ счастью, ни въ чьей защитѣ. Замѣтимъ только, что раздающіяся отъ времени до времени жалобы на неограниченную, безконтрольную власть совѣтовъ, на полную независимость присяжныхъ повѣренныхъ, основаны на явномъ недоразумѣніи. Отъ административной власти зависитъ возбудить дисциплинарное производство о всякомъ дѣйствіи или упущеніи присяжнаго повѣреннаго, сообщивъ о немъ совѣту прямо отъ себя или черезъ посредство прокурорскаго надзора *); постановленіе совѣта, состоявшееся по поводу такого сообщенія, можетъ быть опротестовано прокуроромъ судебной палаты; въ случаѣ утвержденія его судебною палатою, дѣло можетъ быть доведено, также путемъ протеста, до Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Судебная палата имѣетъ полное право принимать къ своему разсмотрѣнію не только протесты прокуроровъ, но и жалобы частныхъ лицъ на постановленія совѣта **). Присяжные повѣренные подчинены такимъ об-

*) См. ниже, ч. 2, стр. 102—104.

**) См. ниже, ч. 2, стр. 88—92.

разомъ не только Совѣту, но и суду, дѣятельность котораго можетъ быть возбуждена административною властью. Подчинить присяжныхъ повѣренныхъ непосредственно суду, значило бы уничтожить безъ всякой надобности контроль Совѣта, нисколько, въ сущности, не увеличивая власти суда надъ присяжными повѣренными. Подчинить присяжныхъ повѣренныхъ непосредственно администраціи значило бы нарушить то великое начало, въ силу котораго никакое пріобрѣтенное право не можетъ быть ограничено или взято назадъ иначе какъ путемъ судебнаго рѣшенія, — и нарушить его, притомъ, безъ всякой надобности, потому что администрація, какъ мы только-что видѣли, вовсе не лишена законныхъ средствъ вліянія на присяжныхъ повѣренныхъ (черезъ посредство судебной власти). Изъ комментарія къ ст. 357 Учр. Суд. Устан. видно, что учрежденіе, для высшаго надзора за присяжными повѣренными, особаго губернскаго присутствія изъ должностныхъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомства было признано не только излишнимъ, но и неудобнымъ, на томъ основаніи, «что если совѣту предоставляется власть и оказывается довѣріе, то нельзя ограничивать эту власть одною обязанностью переписываться съ высшими властями, а самому не имѣть никакихъ правъ». Въ комментаріи къ ст. 365 мы читаемъ, что «учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ правительство считаетъ въ особенности необходимымъ и полезнымъ для того, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ оправдало всѣ возлагаемыя на него надежды». Съ этой точки зрѣнія остается только желать, чтобы совѣты были открываемы во всѣхъ округахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы, какъ только это становится по закону возможнымъ, т. е. какъ только число присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ достигаетъ

двадцати, и они входятъ въ палату съ просьбою о разрѣшеніи имъ избрать совѣтъ (Учр. Суд. Устан. ст. 358). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что при малочисленности присяжныхъ повѣренныхъ и при распредѣленіи ихъ между всѣми главными городами судебнаго округа, открытіе совѣта представляется неудобнымъ, такъ какъ пришлось бы или избрать въ совѣтъ исключительно присяжныхъ повѣренныхъ, живущихъ въ мѣстѣ его открытія, т. е. въ мѣстѣ нахожденія палаты, что было бы несправедливо относительно иногородныхъ ихъ товарищей, или составить совѣтъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, живущихъ въ разныхъ городахъ, чѣмъ крайне затруднилось бы устройство правильныхъ засѣданій Совѣта. Но эти соображенія недостаточно сильны, чтобы помѣшать повсемѣстному открытію совѣтовъ. Если большинство мѣстъ въ совѣтѣ достанется присяжнымъ повѣреннымъ, живущимъ въ городѣ, гдѣ онъ открывается *), то это будетъ совершенно естественно, потому что мѣсто нахожденія палаты служитъ обыкновенно мѣстомъ пребыванія наибольшаго числа и притомъ наиболѣе способныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, центромъ усиленной умственной дѣятельности и общественной жизни (въ подтвержденіе этого достаточно назвать Тифлисъ,

---

*) Изъ числа семи членовъ вновь избраннаго Харьковскаго Совѣта шестеро, если мы не ошибаемся, живутъ въ Харьковѣ, и только одинъ въ другомъ городѣ Харьковскаго округа. Избраніе предсѣдателя и товарища предсѣдателя совѣта изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ того города, гдѣ открывается совѣтъ, почти неизбѣжно или по крайней мѣрѣ весьма желательно, для того, чтобы въ мѣстѣ пребыванія совѣта всегда, на случай какихъ-нибудь экстренныхъ дѣлъ, находились главные его представители.

Харьковъ, Одессу); присоединеніе же къ нимъ нѣсколькихъ иногородныхъ присяжныхъ повѣренныхъ едва ли будетъ сопряжено съ серьезными неудобствами, при тѣхъ легкихъ способахъ сообщенія, которые существуютъ или скоро будутъ существовать между губернскими городами Европейской Россіи. Харьковъ, напримѣръ, соединенъ желѣзнымъ путемъ съ Воронежемъ, Ельцемъ, Орломъ, Курскомъ, Полтавой, Одесса — съ Кишиневомъ и Елизаветградомъ, пароходнымъ сообщеніемъ — съ Екатеринославомъ, Херсономъ, Таганрогомъ и скоро будетъ соединена и съ Симферополемъ. Въ провинціи едва ли понадобятся еженедѣльныя засѣданія совѣта; если онъ будетъ собираться разъ въ мѣсяцъ, то пріѣздъ въ засѣданіе едва ли затруднитъ кого либо изъ его членовъ. Трудно предположить, чтобы присяжные повѣренные того города, гдѣ находится совѣтъ, захотѣли подчинить себѣ, съ помощью принадлежащаго имъ большинства голосовъ, иногородныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, или поставить ихъ въ положеніе менѣе выгодное, условія менѣе благопріятныя; во всякомъ случаѣ такое злоупотребленіе властью, если бы оно могло придти кому-нибудь въ голову, было бы пресѣчено въ самомъ началѣ вмѣшательствомъ судебной палаты, т. е. отмѣной неправильныхъ постановленій совѣта. Повторяемъ еще разъ, съ открытіемъ совѣта контроль судебной власти надъ присяжными повѣренными вовсе не прекращается и даже не ослабляется; къ нему только присоединяется ничѣмъ незамѣнимый контроль корпоративный, контроль выборныхъ представителей сословія.

Въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ сосредоточивается не только дисциплинарная власть надъ присяжными повѣренными, но и та внутренняя, организаціонная работа, по-

средствомъ которой образуются обычаи, преданія сословія,— сосредоточивается, однимъ словомъ, жизнь сословія, какъ цѣлаго. Избраніе членовъ совѣта представляется, поэтому, не только однимъ изъ важнѣйшихъ правъ, но и одною изъ важнѣйшихъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ. Законъ даетъ членамъ совѣта кратковременныя полномочія, опредѣляя, что выборы въ совѣтъ производятся *ежегодно*; и это совершенно понятно, въ виду той обширной и отчасти дискреціонной власти, которою облеченъ совѣтъ и которую онъ могъ бы употреблять во зло, еслибы пользовался ею слишкомъ долго и безотчетно. Интересы сословія требуютъ однако, чтобы составъ совѣта не измѣнялся слишкомъ быстро и слишкомъ радикально; въ противномъ случаѣ совѣтъ не успѣлъ бы создать ничего прочнаго, одни не созрѣвшіе, не повѣренные на опытѣ взгляды смѣнялись бы другими, такими же, нить только-что слагающейся традиціи безпрестанно бы обрывалась. Съ другой стороны, введеніе въ совѣтъ, отъ времени до времени, новыхъ элементовъ нельзя не признать желательнымъ какъ потому, что число членовъ сословія, способныхъ управлять его дѣлами, безъ сомнѣнія превышаетъ число членовъ совѣта, такъ и потому, что оставаясь постоянно въ одномъ и томъ же составѣ, совѣтъ легко могъ бы впасть въ апатію и односторонность. Во Франціи и въ Бельгіи особенно необходимою считается частая перемѣна предсѣдателя совѣта (bâtonnier). Начиная съ 1830 г. ни одинъ предсѣдатель Парижскаго Совѣта не оставался въ этомъ званіи болѣе двухъ лѣтъ; но избраніе на второй годъ составляетъ общее правило, также не допускающее исключенія. Случаевъ новаго, черезъ нѣсколько лѣтъ, избранія въ предсѣдатели лица, однажды уже занимавшаго эту должность, въ Парижѣ до сихъ поръ

не было *). Въ Бельгіи до 1847 г. существовалъ обычай избирать въ предсѣдатели совѣта постоянно одно и то же лице, пока оно оставалось въ сословіи и не отказывалось отъ избранія; съ тѣхъ поръ принято, наоборотъ, избирать *ежегодно* новаго предсѣдателя, при чемъ однако лице, бывшее однажды предсѣдателемъ, можетъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, быть вновь избрано на эту должность. Такъ напримѣръ, Вергегенъ (бывшій предсѣдатель бельгійской палаты представителей) былъ предсѣдателемъ брюссельскаго совѣта въ 1852 и 1859 г., Декенъ — въ 1856, 1863 и 1868 г. **). Какъ во Франціи, такъ и въ Бельгіи бывшіе предсѣдатели остаются обыкновенно членами совѣта и занимаютъ въ немъ первыя мѣста послѣ предсѣдателя. Что касается до членовъ совѣта, то во Франціи нѣсколько разъ возникалъ вопросъ, не слѣдуетъ ли установить выбытіе ихъ изъ совѣта по очереди, съ обязательнымъ избраніемъ, на мѣсто выходящихъ, новыхъ членовъ, но съ тѣмъ, чтобы за одинъ разъ выходило не болѣе одной трети членовъ совѣта и чтобы очередь выхода не распространялась на предсѣдателя и бывшихъ предсѣдателей. Въ пользу утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса было приводимо, главнымъ образомъ, слѣдующее соображеніе: если члены совѣта не выбываютъ по очереди, то неизбраніе кого-нибудь изъ нихъ является какъ-бы оскорбленіемъ, а такъ какъ оскорблять ихъ товарищи вовсе не желаютъ, то ихъ и выбираютъ вновь изъ года въ годъ, хотя есть другіе адвокаты, не меньше или даже больше ихъ заслуживающіе избранія. Съ другой стороны возражали, что такъ какъ избраніе въ совѣтъ новаго члена по необходимости влечетъ

*) *Молло*, Т. II, стр. 11—12, 26—27.

**) *Дюшенъ* и *Пикаръ*, стр. 93—95.

за собою неизбраніе одного изъ прежнихъ членовъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть только знакъ довѣрія и уваженія къ вновь избранному члену, а никакъ не оскорбленіе для члена неизбраннаго; что избраніе новыхъ членовъ, если оно представляется желательнымъ, всегда можетъ быть достигнуто путемъ свободнаго соглашенія между избирателями; что установленіе очереди совершенно напрасно стѣснило бы свободу избирателей, препятствуя имъ избирать въ совѣтъ тѣхъ, кого они желаютъ въ немъ видѣть, заставляя ихъ подавать голосъ за кандидатовъ, которыхъ они по собственному побужденію не выбрали бы; что оно имѣло бы, de facto, послѣдствіемъ выборъ членовъ совѣта не на одинъ годъ, какъ этого требуетъ законъ, а на три года (если допустить выходъ по очереди *одной трети* членовъ совѣта). Это послѣднее мнѣніе, принятое Парижскимъ совѣтомъ, одержало верхъ, и мысль о выходѣ членовъ совѣта по очереди была отвергнута. На практикѣ, однако, въ Парижскій Совѣтъ большею частью вступаетъ ежегодно отъ двухъ до четырехъ новыхъ членовъ *). Въ Бельгіи тотъ же вопросъ одно время былъ разрѣшенъ иначе; въ 1846 г. брюссельскіе адвокаты — а вслѣдъ за ними и адвокаты нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ — приняли за правило избирать ежегодно по меньшей мѣрѣ трехъ новыхъ членовъ совѣта (изъ числа пятнадцати), на мѣсто трехъ выбывающихъ по жребію. На практикѣ это правило привело къ тому, что три члена, выбывшіе изъ совѣта по жребію въ 1847 г., были избраны вновь въ 1848 г., три члена выбывшіе въ 1848 г. были избраны вновь въ 1849 г., и такъ далѣе, почти безъ всякихъ исключеній. Въ 1868 г. выходъ по

*) *Молло*, Т. II, стр. 12—20.

жребію трехъ членовъ совѣта былъ отмѣненъ и избирателямъ возвращена полная свобода дѣйствій *).

Намъ кажется, что періодическое обновленіе совѣта не можетъ и не должно быть предметомъ регламентаціи, а должно зависѣть отъ свободнаго, ничѣмъ не стѣсненнаго усмотрѣнія избирателей. Французскіе и бельгійскіе защитники обязательнаго, по частямъ, обновленія совѣта и обязательной смѣны предсѣдателя исходятъ, между прочимъ, изъ того предположенія, что званіе члена и въ особенности предсѣдателя совѣта есть награда за долговременную и безупречную адвокатскую дѣятельность, вѣнецъ, которымъ слѣдуетъ украшать всѣхъ его заслужившихъ. «Откладывать избраніе въ предсѣдатели»—говоритъ Молло—«лицъ, приближающихся къ концу своего поприща, значитъ навсегда лишить ихъ этого званія и *омрачитъ* (flétrir) послѣдніе дни ихъ жизни; въ лицахъ менѣе престарѣлыхъ такая отсрочка поселяетъ *гибельное уныніе* (découragement funeste), *бросая тѣнь* на будущность ихъ (en ternissant leur avenir)». «Званіе предсѣдателя совѣта» говорятъ Дюшенъ и Пикаръ—«есть прекрасная награда за долгій путь, пройденный съ честью. Каждый адвокатъ, заслуживающій ея, долженъ имѣть надежду на ея полученіе... Если избраніе въ члены совѣта—честь, оказываемая адвокату, то эта честь должна доставаться по очереди всѣмъ ея достойнымъ». Въ основаніи подобныхъ взглядовъ лежитъ явная ошибка. Мы вполнѣ понимаемъ, какую высокую цѣну имѣетъ въ глазахъ адвоката званіе члена или предсѣдателя совѣта; но избиратели, предоставляя это званіе тому или другому лицу, должны имѣть въ виду вовсе не вознагражденіе избираемаго за его

*) *Дюшенъ* и *Пикаръ*, стр. 95—96.

прежнюю дѣятельность, а пользу, которую онъ можетъ принести сословію, способности и силы, которыя онъ можетъ посвятить ему. Съ этой же точки зрѣнія долженъ, прежде всего, смотрѣть на свое званіе и самъ избираемый. Чтобы быть послѣдовательными, Молло и другіе писатели, раздѣляющіе его мнѣніе, должны были бы стоять за избраніе въ предсѣдатели совѣта каждаго адвоката, отпраздновавшаго свою серебряную свадьбу съ сословіемъ и ни въ чемъ предосудительномъ за все это время незамѣченнаго; они должны были бы порицать избраніе въ предсѣдатели человѣка сравнительно молодаго, свѣжаго, полнаго силъ, т. е. именно такого, который всего лучше можетъ исполнять обязанности этого званія. Званіе предсѣдателя совѣта сдѣлалось бы, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ пряжки за долговременную и безпорочную службу. Если же оно должно доставаться наиболѣе способному и достойному, независимо отъ того, близокъ ли онъ къ концу своей каррьеры, то нѣтъ, очевидно, никакого основанія мѣнять предсѣдателя непремѣнно каждый годъ или каждые два года, точно такъ же какъ нѣтъ основанія считать его чуть не безсмѣннымъ. Слишкомъ долго мѣсто предсѣдателя не должно быть оставляемо за однимъ лицемъ, потому что продолжительное и непрерывное исполненіе тяжелыхъ обязанностей легко можетъ вызвать утомленіе, упадокъ энергіи, даже рутинное отношеніе къ дѣлу; но отрывать предсѣдателя отъ его дѣятельности, какъ только онъ привыкъ къ ней и овладѣлъ всѣми ея сторонами, было бы еще менѣе цѣлесообразно. Отъ такта и благоразумія избирателей зависитъ подмѣтить тотъ моментъ, дальше котораго не должна продолжаться дѣятельность предсѣдателя; въ однихъ случаахъ этотъ моментъ, конечно, наступаетъ раньше, чѣмъ въ другихъ, такъ что установлене-

какого-нибудь опредѣленнаго, для всѣхъ одинаковаго срока было бы крайне непрактично. Пока адвокатское сословіе, въ данной мѣстности, не окрѣпло, не сложилось окончательно, должность предсѣдателя не безъ пользы можетъ быть сохраняема въ однѣхъ рукахъ долѣе обыкновеннаго; въ послѣдствіи времени, въ особенности при многочисленности сословія, она можетъ переходить изъ рукъ въ руки съ большею, сравнительно, быстротою. Если въ Парижскомъ Совѣтѣ предсѣдатели мѣняются каждые два года и вновь уже не избираются, то это отчасти объясняется богатствомъ силъ, которыми располагаетъ парижская адвокатура; въ спискѣ предсѣдателей Парижскаго Совѣта за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мы встрѣчаемъ множество именъ, имѣющихъ европейскую извѣстность *). Во Франціи званіе предсѣдателя совѣта сопряжено съ большимъ вліяніемъ, чѣмъ у насъ, какъ въ силу историческихъ воспоминаній, имъ вызываемыхъ, такъ и потому, что въ средѣ французской адвокатуры сильно развито уваженіе къ старшинству, къ авторитету, къ репутаціи, всѣми признанной **). Во Франціи пред-

*) Назовемъ, для примѣра, Дюпена старшаго, предсѣдателя Палаты Депутатовъ при Людовикѣ-Филиппѣ и Законодательнаго Собранія во время второй республики (предс. совѣта въ 1830 г.), Могена, одного изъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ оппозиціи при Людовикѣ-Филиппѣ (1830—32), Делангля (1836—38), Ше-д'Эстъ-Анжа (1842—44) и Бароша (1846—48), въ послѣдствіи министровъ при Наполеонѣ III-мъ, Мари (1840—42), члена временнаго правительства 1848 г., Бетмона (1854—56), министра этого правительства, вождя легитимистовъ Беррье (1852—54), наконецъ изъ современныхъдѣяте лей—Жюля Фавра (1860—62), Дюфора (1862—64), Греви (1868—70).

**) *Молло*, Т. I, стр. 131, Т. II, стр. 27; *Дюшенъ и Пикаръ*, стр. 328.

сѣдатель совѣта считается главою сословія (chef de l'ordre); по выраженію Молло, онъ и внѣ совѣта стоитъ на рулѣ маленькаго адвокатскаго государства*). Онъ предсѣдательствуетъ въ общихъ собраніяхъ адвокатовъ, даже тогда, когда происходятъ выборы въ совѣтъ; онъ назначаетъ докладчиковъ по всѣмъ вопросамъ, а въ случаѣ надобности и коммиссіи для предварительной разработки вопросовъ особенно важныхъ, и предсѣдательствуетъ какъ въ этихъ коммиссіяхъ, такъ и на конференціяхъ, имѣющихъ цѣлью способствовать ораторскому и юридическому образованію молодыхъ адвокатовъ. Онъ служитъ посредникомъ въ спорахъ и недоразумѣніяхъ между адвокатами, только въ важнѣйшихъ случаяхъ переносимыхъ на разсмотрѣніе совѣта. У насъ роль предсѣдателя совѣта и по закону, и по обычаю, гораздо скромнѣе. Законъ не предоставляетъ ему права предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ, созываемыхъ для избранія совѣта; обычай требуетъ, чтобы и въ другихъ общихъ собраніяхъ предсѣдательствовало лице, не входящее въ составъ совѣта. Въ совѣтѣ дѣла распредѣляются между членами, для доклада и составленія опредѣленій, по взаимному ихъ соглашенію, при чемъ предсѣдатель работаетъ наравнѣ съ членами. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда признается необходимымъ учрежденіе коммиссіи для разсмотрѣнія какого-либо вопроса, она избирается непосредственно общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ. Споры между присяжными повѣренными обыкновенно поступаютъ прямо на разсмотрѣніе совѣта. Тѣмъ не менѣе обязанности предсѣдателя совѣта и у насъ имѣютъ весьма важное значеніе. Прежде всего онъ, какъ и во Франціи, представляетъ сословіе въ сношеніяхъ съ судебными мѣстами, съ админи-

*) *Молло*, Т. I, стр. 134.

страціей. Онъ управляетъ преніями въ совѣтѣ, ставитъ вопросы, объявляетъ резолюціи, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію совѣта, получали своевременное разрѣшеніе. Онъ даетъ общему собранію словесный и письменный отчетъ въ дѣятельности совѣта; на немъ преимущественно, хотя и не исключительно, лежитъ объясненіе и защита всѣхъ предложеній и постановленій совѣта, возбуждающихъ съ чьей-либо стороны недоумѣніе, противудѣйствіе или порицаніе. Для успѣшнаго исполненія всѣхъ этихъ обязанностей онъ долженъ имѣть извѣстный нравственный авторитетъ, уже потому, что у насъ слишкомъ часто расположены судить о цѣломъ учрежденіи по личности, занимающей въ немъ самое видное мѣсто. Общій выводъ, къ которому мы такимъ образомъ приходимъ, слѣдующій: число лицъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для занятія предсѣдательскаго мѣста, не можетъ быть очень велико, особенно въ сословіи начинающемъ свою дѣятельность и не очень многочисленномъ; слишкомъ частая смѣна предсѣдателя, безъ важныхъ къ тому основаній, принесла бы болѣе вреда чѣмъ пользы, но смѣна его отъ времени до времени необходима*); лице, бывшее однажды предсѣдателемъ, можетъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, быть вновь избрано на эту должность.

Замѣчанія наши объ избраніи предсѣдателя примѣнимы отчасти и къ избранію членовъ совѣта. Парижскій Совѣтъ

---

*) Это конечно не значитъ, чтобы лице, пробывшее нѣсколько лѣтъ сряду предсѣдателемъ совѣта, не могло остаться въ немъ въ качествѣ товарища предсѣдателя или члена; напротивъ того, если бывшій предсѣдатель не потерялъ права на довѣріе сословія, то весьма желательно, чтобы онъ продолжалъ служить совѣту своею опытностью и знаніемъ дѣла.

былъ совершенно правъ, отвергнувъ обязательное, каждый годъ, избраніе извѣстнаго числа новыхъ членовъ совѣта, на мѣсто такого же числа выходящихъ по очереди. Чтобы убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ, что изъ числа девяти членовъ совѣта трое не оправдали ожиданій избирателей, которые не желаютъ болѣе оставлять ихъ въ совѣтѣ; другіе трое, составляющіе, по убѣжденію избирателей, главную силу совѣта, должны выбыть изъ него по очереди. Избирателямъ представляется, такимъ образомъ, слѣдующая альтернатива: или избрать въ совѣтъ за одинъ разъ шесть новыхъ членовъ (хотя можетъ быть въ цѣломъ сословіи, въ данную минуту, и нѣтъ такого числа лицъ, вполнѣ способныхъ быть членами совѣта), поколебать такимъ образомъ систему, которой до тѣхъ поръ, при общемъ одобреніи, держался совѣтъ, поставить дальнѣйшій ходъ управленія въ зависимость отъ случая,—или оставить въ совѣтѣ членовъ, не пользующихся болѣе довѣріемъ сословія. Порядокъ, при которомъ возможны такіе результаты, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Безусловно отвергая безсмѣнность предсѣдателя совѣта, мы думаемъ, что для отдѣльныхъ членовъ совѣта она можетъ быть допущена, de facto, безъ всякаго неудобства. Есть члены сословія на столько уважаемые всѣми, на столько опытные, на столько преданные общимъ интересамъ корпораціи, что удалить ихъ изъ совѣта, хотя бы на время, значило бы уменьшить его авторитетъ въ глазахъ сословія и публики. Обязанности членовъ совѣта не такъ утомительны, какъ обязанности предсѣдателя; энергія ихъ ослабѣваетъ не такъ скоро, и для поддержанія ея совершенно достаточно вступленія въ совѣтъ, отъ времени до времени, нѣсколькихъ новыхъ лицъ, приносящихъ съ собою новые взгляды или

по крайней мѣрѣ критическое отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ прежней дѣятельности совѣта. Чтобы очистить мѣсто для такихъ лицъ, слѣдуетъ не избирать вновь тѣхъ членовъ совѣта, которые, пробывъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, могутъ быть замѣнены другими, безъ всякой потери для сословія и для самого совѣта. Само собою разумѣется, что выбывшіе такимъ образомъ члены совѣта могутъ со временемъ быть вновь избираемы въ совѣтъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, начинающемъ, по видимому, распространяться въ средѣ нашей адвокатуры, обновленіе совѣта не можетъ вредить устойчивости и послѣдовательности его образа дѣйствій, и неизбраніе въ совѣтъ не можетъ быть ни для кого оскорбительно. Въ исторіи С.-Петербургскаго совѣта мы встрѣчаемъ одинъ только случай слишкомъ радикальной перемѣны въ составѣ Совѣта: въ 1868 г. было избрано сразу пять новыхъ членовъ (изъ числа девяти). Въ продолженіе трехъ лѣтъ сряду (въ 1871, 1872 и 1873 г.) въ Совѣтъ не было введено ни одного новаго лица; но въ 1874 г. избрано два новыхъ члена. сколько намъ извѣстно — именно для того, чтобы Совѣтъ не оставался постоянно въ одномъ и томъ же составѣ. Остается только желать и на будущее время такого же осторожнаго отношенія къ дѣлу, такого же благоразумнаго пользованія избирательнымъ правомъ.

Находя, что перемѣны въ составѣ совѣта должны быть производимы не въ заранѣе назначенные сроки и не въ заранѣе опредѣленныхъ размѣрахъ, а по свободному усмотрѣнію избирателей, мы признаемъ этимъ самымъ въ полной мѣрѣ необходимость предварительныхъ совѣщаній между избирателями о предстоящихъ выборахъ, о членахъ совѣта, не подлежащихъ избранію, о новыхъ кандидатахъ на званіе члена совѣта. Трудно понять, почему Молло возстаетъ про-

тивъ подобныхъ совѣщаній. Парижскій Совѣтъ, отвергая обязательное обновленіе совѣта, замѣтилъ между прочимъ, что отъ адвокатовъ зависитъ вступать въ соглашеніе на счетъ кандидатуръ, которыя они намѣрены поддерживать, такъ чтобы голоса не раздроблялись, а соединялись на именахъ, заранѣе опредѣленныхъ; Молло, вопреки ясному смыслу этого замѣчанія, утверждаетъ, что Совѣтъ вовсе не думалъ разрѣшать адвокатамъ собираться для обсужденія кандидатуръ, еще менѣе—подвергать ихъ предварительному голосованію. По мнѣнію Молло, это было бы слишкомъ похоже на то, что происходитъ въ политическихъ собраніяхъ, и потому несовмѣстно съ достоинствомъ (!) адвокатской профессіи *). Намъ кажется, что предварительное совѣщаніе избирателей—необходимое приготовленіе ко всякому серьезному избранію, все равно, имѣетъ ли оно политическій, корпоративный или какой-либо иной характеръ. При отсутствіи такого совѣщанія, результатъ выборовъ легко можетъ зависѣть отъ слѣпаго случая и вовсе не соотвѣтствовать важности дѣла. Особенно полезнымъ совѣщаніе бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ сдѣлать выборъ изъ числа нѣсколькихъ лицъ, соединяющихъ въ себѣ, почти въ одинаковой мѣрѣ, всѣ условія для занятія извѣстнаго мѣста. Какъ остановиться на одномъ изъ нихъ, если права каждаго не будутъ подвергнуты самому подробному сравнительному обсужденію? Каждый избиратель можетъ сообщить своимъ товарищамъ такіе факты, которые были имъ неизвѣстны, обратить ихъ вниманіе на такія стороны дѣятельности кандидата, которыя не были достаточно оцѣнены ими. Между избирателями могутъ, наконецъ, быть и такіе, которые, толь-

*) Молло, т. II стр. 20, т. I стр. 146—147.

ко что вступивъ въ сословіе, не успѣли ознакомиться съ своими товарищами, а слѣдовательно и составить себѣ мнѣніе о лицахъ, подлежащихъ или не подлежащихъ избранію; для нихъ предварительное совѣщаніе—единственное средство придти къ правильному заключенію по этому предмету. Но если избиратели не должны относиться къ своей роли пассивно, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы присяжные повѣренные, считающіе себя въ правѣ занять мѣсто въ совѣтѣ, могли сами ставить и поддерживать свою кандидатуру, чтобы члены совѣта могли сами стараться объ оставленіи ихъ въ этомъ званіи. Въ этомъ отношеніи между выборами въ совѣтъ и выборами въ политическое собраніе существуетъ значительная разница. Кандидатъ въ депутаты можетъ быть совершенно неизвѣстенъ большинству избирателей; они могутъ даже не знать, согласенъ ли, желаетъ ли онъ принять на себя званіе депутата; открытое заявленіе имъ своей кандидатуры, подкрѣпленное изложеніемъ его взглядовъ, его программы, можетъ, поэтому, быть дѣйствительно необходимымъ. Въ небольшой средѣ присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ надобности прибѣгать къ подобнымъ средствамъ. Каждый присяжный повѣренный — возможный кандидатъ на званіе члена совѣта; дѣйствуя постоянно передъ глазами своихъ товарищей, онъ имѣетъ, сверхъ того, полную возможность познакомить ихъ съ своими взглядами въ общихъ собраніяхъ, въ собраніяхъ членовъ консультаціи, на частныхъ сходкахъ передъ выборами; постановка кандидатуры, при такихъ условіяхъ, представляется или совершенно излишней, или даже вредной, какъ искуственное средство вліянія на убѣжденіе избирателей. Еще менѣе приличны были бы, конечно, какія-либо усилія членовъ совѣта сохранить за собою это званіе. Званіе члена совѣта, какъ мы уже го-

ворили, есть преимущественно обязанность, которой никто не долженъ искать, отъ которой никто не долженъ и отказываться. Само собою разумѣется, что никого нельзя заставить вступить въ совѣтъ или остаться въ немъ; но сословіе имѣетъ право ожидать отъ своихъ членовъ, что они не станутъ уклоняться безъ особенно важныхъ причинъ отъ службы, возлагаемой на нихъ въ видахъ общей пользы.

Итакъ, хорошій личный составъ совѣта, измѣняющійся не слишкомъ быстро, но не остающійся и вовсе безъ перемѣны—вотъ необходимое условіе для успѣшной дѣятельности совѣта; но есть еще другое условіе, не менѣе важное—это существованіе правильныхъ отношеній между совѣтомъ и общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ. Установленіе и поддержаніе такихъ отношеній требуетъ именно въ настоящее время особеннаго вниманія. Исторія попытокъ, направленныхъ къ ограниченію власти совѣта, къ подчиненію его, въ большей или меньшей степени, вліянію избирателей, изложена нами въ другомъ мѣстѣ *). До 1874 г. всѣ эти попытки оставались безъ успѣха; но передъ послѣдними выборами въ совѣтъ общимъ собраніемъ была принята резолюція, имѣвшая цѣлью указать совѣту, какъ онъ долженъ дѣйствовать по одному вопросу на будущее время. Отъ такой резолюціи только одинъ шагъ до возложенія на членовъ совѣта такъ-называемаго повелительнаго полномочія (mandat impératif), до требованія, чтобы избираемый въ члены совѣта заранѣе обязался во всемъ и всегда слѣдовать взглядамъ и указаніямъ своихъ избирателей. Не вдаваясь во всестороннее обсужденіе вопроса объ отношеніяхъ между избираемыми и избирателями, мы разсмотримъ его

*) См. ниже, ч. 2, стр 98—100, 124—126.

только въ примѣненіи къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ.

Мысль о необходимости повелительныхъ полномочій возникла въ Западной Европѣ вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: продолжительности срока, на который избиралось то или другое собраніе, и не всегда достаточнаго знакомства избирателей съ личными качествами избираемаго. При соединеніи этихъ двухъ условій, лицо, избранное для защиты извѣстной системы, извѣстныхъ взглядовъ, легко могло очутиться въ противуположномъ лагерѣ и дѣйствовать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, прямо наперекоръ желаніямъ своихъ избирателей. На долго освобожденное отъ всякаго контроля, окруженное вліяніями, соблазнами всякаго рода, оно могло забыть, и на самомъ дѣлѣ нерѣдко забывало, кѣмъ и для чего оно было избрано. Полномочіе, данное ему съ опредѣленною цѣлью, могло сдѣлаться въ его глазахъ какъ бы личною его собственностью, въ распоряженіи которою нѣтъ надобности давать отчета. Ни о чемъ подобномъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи въ скромной сферѣ, съ которой мы теперь имѣемъ дѣло—въ сферѣ адвокатскаго сословія. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на весьма короткій, годовой срокъ, и притомъ хорошо извѣстныхъ избирателямъ. Побужденій, которыя могли бы произвести быстрый, рѣзкій переворотъ въ образѣ мыслей и дѣйствій члена совѣта, нельзя себѣ представить, потому что никакихъ выгодъ отъ такой перемѣны онъ пріобрѣсти не можетъ, никакихъ давленій извнѣ не испытываетъ, никакимъ соблазнамъ не подвергается. Нѣсколько повліять на него можетъ развѣ долговременное пользованіе властью; но возобновленіе или невозобновленіе данныхъ ему полномочій совершенно зависитъ отъ усмо-

трѣнія избирателей. Избирая въ совѣтъ лучшихъ своихъ членовъ, сословіе не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого основанія не довѣрять имъ, стѣснять, связывать ихъ какими-либо условіями или обязательствами. Съ другой стороны, безъ полной самостоятельности, которую конечно не слѣдуетъ смѣшивать съ безотчетностью или безотвѣтственностью — немыслима правильная дѣятельность совѣта. Совѣтъ—учрежденіе преимущественно судебное, облеченное обширною карательною властью. Какъ и всякій судья, членъ совѣта долженъ руководствоваться, при рѣшеніи дѣла, исключительно своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и подавать голосъ не заботясь о томъ, что скажутъ по этому поводу его избиратели. Заранѣе обѣщавъ дѣйствовать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстномъ смыслѣ, членъ совѣта легко можетъ быть поставленъ въ необходимость или измѣнить этому обѣщанію, или рѣшить дѣло вопреки своему убѣжденію. Предохранить его отъ такой альтернативы могутъ только избиратели, сохраняя за нимъ полную свободу дѣйствій, признавая за нимъ право слѣдовать, въ каждомъ данномъ случаѣ, его собственному взгляду, а не взгляду большинства, его избравшаго. «Сосредоточивая судебно-дисциплинарную власть надъ присяжными повѣренными въ рукахъ совѣта», сказано въ отчетѣ С.-Петербургскаго Совѣта за 1870—71 г., «законодатель безъ сомнѣнія руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что для всесторонняго разсмотрѣнія и правильнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ необходимо коллегіальное учрежденіе, не слишкомъ многочисленное, постоянно (въ теченіе извѣстнаго срока) дѣйствующее въ одномъ и томъ же составѣ, и несущее полную нравственную отвѣтственность за свои постановленія. Предоставленіе общимъ собраніямъ, многочисленнымъ, случайно составлен-

нымъ и безотвѣтственнымъ, права обсуждать во всякое время дисциплинарныя постановленія совѣта лишило бы эти постановленія необходимаго нравственнаго авторитета и перенеело бы центръ тяжести дисциплинарной власти, вопреки намѣренію законодателя, изъ совѣта въ общее собраніе». Всѣ эти соображенія примѣнимы вполнѣ и къ вопросу, теперь насъ занимающему. Обязательныя полномочія, исходящія отъ общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, были бы ничѣмъ инымъ, какъ предрѣшеніемъ значительной части дѣлъ, подсудныхъ совѣту, перенесеніемъ на общее собраніе тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ и должны принадлежать исключительно совѣту. Сдѣлавшись простымъ исполнителемъ воли большинства, часто и легко измѣняющейся, совѣтъ лишился бы независимости и безпристрастія — необходимыхъ условій правильнаго суда и потерялъ бы возможность способствовать образованію прочныхъ обычаевъ и традицій, столь важныхъ для сословія. Въ составъ совѣта легко могли бы войти не самые выдающіеся, а самые гибкіе члены сословія, искатели популярности, готовые поддерживать сегодня одно, завтра другое, противуположное, лишь бы только получить или сохранить за собою мѣсто въ совѣтѣ.

Претензія общихъ собраній на первую роль въ управленіи сословіемъ была бы тѣмъ менѣе основательна, что они далеко не всегда представляютъ собою настоящее большинство сословія. Корпоративная жизнь развита у насъ еще не на столько, чтобы быть живымъ интересомъ для каждаго отдѣльнаго члена корпораціи. Есть присижные повѣренные, которые систематически держатся въ сторонѣ отъ общихъ дѣлъ сословія—одни вслѣдствіе равнодушія ко всему тому, что не прямо каеается ихъ личныхъ выгодъ, другіе вслѣдствіе лѣности, третьи вслѣдствіе излишней осторожности,

нежеланія открыто высказаться за ту или другую сторону и тѣмъ навлечь на себя чью-либо непріязнь. Постоянное участіе въ дѣлахъ сословія принимаетъ небольшая, сравнительно, группа дѣятельныхъ, подвижныхъ, большею частью молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ; отъ которыхъ всего чаще идетъ и оппозиція совѣту. Средину между тѣми и другими занимаютъ люди колеблющіеся, нерѣшительные, не уклоняющіеся отъ участія въ общихъ дѣлахъ корпораціи, но относящіеся къ нимъ скорѣе пассивно, примыкающіе то къ одной, то къ другой изъ спорящихъ сторонъ. Присяжные повѣренные первой категоріи почти никогда не являются въ общія собранія, присяжные повѣренные второй категоріи посѣщаютъ ихъ весьма аккуратно; присутствіе или отсутствіе присяжныхъ повѣренныхъ третьей категоріи часто зависитъ отъ причинъ случайныхъ. Чтобы судить о численномъ отношеніи между этими тремя категоріями, достаточно замѣтить, что хотя общія собранія созываются среднимъ числомъ не болѣе пяти или шести разъ въ годъ, они не всегда могутъ состояться, потому что число явившихся присяжныхъ повѣренныхъ не всегда достигаетъ одной трети всего числа наличныхъ членовъ сословія; превышаетъ же оно этотъ minimum только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Понятно, что при такомъ составѣ общихъ собраній рѣшенія ихъ не всегда могутъ имѣть достаточную нравственную силу. Правда, что и для выборовъ въ Совѣтъ собирается, въ послѣднее время, едва половина наличныхъ присяжныхъ повѣренныхъ *); но это объясняется тѣмъ, что сословіе, вообще говоря, довольно дѣя-

*) См. ниже. ч. 2, стр. 71. Въ 1874 г. изъ 115 присяжныхъ повѣренныхъ принимали участіе въ выборахъ 58.

тельностью совѣта и не желаетъ существенной перемѣны въ его составѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что всякій разъ, когда въ средѣ сословія начиналась сильная избирательная агитація, когда стремленіе измѣнить, въ значительной степени, составъ совѣта вызывало съ другой стороны стремленіе сохранить его почти безъ измѣненій, общія собранія бывали особенно многочисленны—напримѣръ въ 1867, 1868, 1870, 1872 г.—Совѣтъ является, такимъ образомъ, дѣйствительнымъ представителемъ большинства сословія, чего никакъ нельзя сказать объ обыкновенныхъ общихъ собраніяхъ, т. е. именно о тѣхъ, на которыхъ обсуждаются дѣйствія и постановленія совѣта.

Если совѣтъ долженъ приступать къ своей дѣятельности свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ передъ присяжными повѣренными, его избравшими, то судебныя постановленія совѣта, по тѣмъ же причинамъ, не должны подлежать ревизіи или даже обсужденію со стороны общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ. Общее собраніе, какъ мы уже видѣли, не обладаетъ и не можетъ обладать ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для отправленія суда, а слѣдовательно и для повѣрки судебнаго приговора; между тѣмъ, признать за каждымъ присяжнымъ повѣреннымъ право представлять общему собранію возраженія противъ судебныхъ постановленій совѣта, за общимъ собраніемъ — право обсуждать эти возраженія, значило бы, говоря словами совѣта (отчетъ за 1870—1871 г.), «перенести центръ тяжести дисциплинарной власти, вопреки намѣренію законодателя, изъ совѣта въ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ». Постановленія совѣта, при-такихъ условіяхъ, потеряли бы всякое значеніе, всякую силу; лице, формально осужденное совѣтомъ, могло бы быть нравственно оправдано общимъ собраніемъ,

и наоборотъ; исходъ дѣла былъ бы поставленъ въ зависимость отъ состава общаго собранія, каждый разъ измѣняющагося, отъ его симпатій или антипатій, отъ его случайнаго настроенія. Безпристрастное, объективное отношеніе къ дѣлу становится невозможнымъ, какъ только разсмотрѣніе его теряетъ строго-судебный характеръ.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ, что общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ не должны заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ выборовъ въ совѣтъ, что самое созваніе ихъ въ промежутокъ между выборами представляется излишнимъ, что корпоративная жизнь сословія должна выражаться исключительно въ дѣятельности совѣта? Нѣтъ; мы придаемъ общимъ собраніямъ серьезное значеніе и полагаемъ, что они могутъ быть весьма полезны и не вторгаясь въ кругъ дѣйствій совѣта. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, разсматриваемое какъ одно цѣлое, имѣетъ свои общія дѣла, свои интересы, завѣдываніе которыми не отнесено закономъ къ числу обязанностей совѣта, но принадлежитъ ему по самой силѣ вещей, какъ исполнительному органу сословія. Объ этихъ-то дѣлахъ и интересахъ совѣтъ можетъ и долженъ совѣщаться съ своими избирателями. Какъ учрежденіе, облеченное извѣстною, закономъ опредѣленною властью, совѣтъ долженъ дѣйствовать совершенно самостоятельно; но какъ представитель сословія, онъ долженъ руководствоваться желаніями и взглядами большинства и не имѣетъ никакого права идти въ разрѣзъ съ ними или оставлять ихъ безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, совѣтъ не могъ бы безъ согласія общаго собранія установить кассу пособій нуждающимся присяжнымъ повѣреннымъ, опредѣлить порядокъ взноса десятипроцентнаго сбора (взиманіе котораго закономъ совѣту не предо-

*

ставлено), требовать отъ присяжныхъ повѣренныхъ представленія отчетовъ о дѣятельности ихъ помощниковъ, учреждать вообще надзоръ за помощниками, ходатайствовать объ облегченіи для нѣкоторыхъ лицъ доступа въ присяжные повѣренные, печатать постановленія совѣта и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ совѣтъ можетъ только предлагать общему собранію ту или другую мѣру, но принятіе или непринятіе ея должно зависѣть отъ общаго собранія. Дѣятельность общаго собранія этимъ еще далеко не исчерпывается. Сохраняя за собою право самостоятельнаго разрѣшенія дисциплинарныхъ дѣлъ и просьбъ о вступленіи въ присяжные повѣренные, совѣтъ можетъ и даже долженъ выслушивать мнѣніе общаго собранія по всѣмъ важнѣйшимъ общимъ вопросамъ, возникающимъ при разборѣ дѣлъ и просьбъ этого рода, для того чтобы обезпечить всестороннее разсмотрѣніе, а слѣдовательно и правильное разрѣшеніе ихъ. Но мнѣніе общаго собранія, повторяемъ еще разъ, не должно быть въ этихъ случаяхъ обязательно для совѣта, не должно стѣснять его свободу; во всемъ томъ, что закономъ предоставлено власти совѣта, общее собраніе можетъ имѣть голосъ только совѣщательный. Когда въ началѣ 1870 года одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ отказался отъ защиты, возложенной на него судомъ *), и возбудилъ этимъ самымъ общій вопросъ объ обязательности такихъ защитъ для присяжныхъ повѣренныхъ, совѣтъ предложилъ этотъ вопросъ на предварительное обсужденіе общаго собранія, но предупредилъ его, что дисциплинарное опредѣленіе о присяжномъ повѣренномъ, отказавшемся отъ защиты, будетъ постановлено совѣтомъ независимо отъ того, какъ выска-

*) См. ниже, ч. 2, стр. 204.

жется общее собраніе по вышеупомянутому вопросу. Этотъ прецедентъ былъ положенъ въ основаніе дальнѣйшей дѣятельности совѣта, и принятое совѣтомъ правило было одобрено общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ *). Кромѣ вопроса объ обязательности защитъ, совѣтъ предлагалъ на обсужденіе общаго собранія вопросы объ обязанности присяжныхъ повѣренныхъ давать свидѣтельскія показанія по дѣламъ своихъ кліентовъ, о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ передавать возложенныя на нихъ судомъ защиты другимъ лицамъ, о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ дѣйствовать единовременно по довѣренностямъ двухъ лицъ, состоящихъ между собою въ тяжбѣ, и т. п.

Наконецъ, общему собранію принадлежитъ еще одно несомнѣнное право — разсматривать, въ концѣ каждаго отчетнаго года, всю дѣятельность совѣта за этотъ годъ, для приведенія въ ясность, слѣдуетъ ли, и если слѣдуетъ, то въ какой мѣрѣ, измѣнить личный составъ совѣта **). Дисциплинарныя постановленія совѣта могутъ при этомъ быть подвергаемы критическому разбору, но лишь настолько, насколько въ нихъ выразились общіе взгляды членовъ совѣта, а не въ отношеніи правильности разрѣшенія совѣтомъ частныхъ вопросовъ о винѣ и отвѣтственности обвиняемыхъ. Само собою разумѣется, что избиратели имѣютъ полное право подать голосъ противъ члена совѣта, котораго они считаютъ слишкомъ строгимъ или слишкомъ снисходительнымъ въ выборѣ мѣръ взысканія, слишкомъ скептическимъ или слишкомъ довѣрчивымъ въ оцѣнкѣ доказательствъ; но публичныя раз-

*) См. ниже, ч. 2, стр. 99—100.

**) Мѣры, принятыя совѣтомъ съ цѣлью облегчить общему собранію пользованіе этимъ правомъ, изложены ниже, ч. 2, стр. 99—100.

сужденія по этому предмету представляли бы то неудобство, о которомъ мы говорили выше, т. е. подрывали бы значеніе дисциплинарныхъ постановленій совѣта, — и притомъ были бы совершенно безплодны, потому что убѣжденіе, вынесенное каждымъ членомъ совѣта изъ данныхъ въ его присутствіи показаній и объясненій, не можетъ быть правильно оцѣнено присяжными повѣренными, не присутствовавшими при разборѣ дѣла. Обсужденіе дисциплинарныхъ постановленій совѣта съ этой точки зрѣнія кажется намъ столь же нераціональнымъ, какъ и обсужденіе вердикта присяжныхъ по чисто фактическому вопросу лицами, знакомыми съ процессомъ только по печатному о немъ отчету. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ критика слишкомъ легко можетъ впасть въ ошибку, потому что не располагаетъ всѣми данными, на которыхъ основано критикуемое рѣшеніе. Что касается до мѣры наказанія, то опредѣленіе ея, при отсутствіи точныхъ правилъ о проступкахъ присяжныхъ повѣренныхъ и о соотвѣтствующихъ имъ взысканіяхъ, по необходимости зависитъ отъ личнаго взгляда членовъ совѣта, правильность котораго трудно доказать, но еще труднѣе опровергнуть. Въ частныхъ собраніяхъ, предшествующихъ выборамъ, дѣятельность каждаго отдѣльнаго члена совѣта можетъ быть обсуждаема безъ всякихъ стѣсненій; но въ общемъ собраніи, созываемомъ для разсмотрѣнія отчета, не слѣдуетъ, какъ намъ кажется, выходить изъ указанныхъ нами предѣловъ. Просторъ для преній внутри этихъ предѣловъ остается большой, такъ какъ характеръ и направленіе дѣятельности совѣта выражается преимущественно въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ, вполнѣ доступномъ для критики.

Не всякое разногласіе между общимъ собраніемъ и совѣтомъ должно неминуемо вести къ измѣненію состава со-

вѣта. Если совѣтъ съ честью стоитъ во главѣ сословія и служитъ вѣрнымъ выраженіемъ лучшихъ его сторонъ и стремленій, то странно было бы передавать веденіе дѣлъ въ другія, не испытанныя еще руки только потому, что по вопросу или вопросамъ не первостепенной важности члены совѣта не считаютъ возможнымъ дѣйствовать согласно съ желаніями своихъ избирателей. Присяжные повѣренные С.-Петербургскаго округа понимали это до сихъ поръ какъ нельзя лучше; не дальше какъ на послѣднихъ выборахъ въ составъ совѣта было вновь избрано нѣсколько лицъ, энергически возставшихъ противъ той резолюціи, которая, какъ мы видѣли выше, должна была въ извѣстной степени стѣснить свободу дѣйствій совѣта, и заранѣе объявившихъ, что они не будутъ—если останутся въ совѣтѣ—слѣдовать высказанному въ ней взгляду. Замѣчательно, что эти лица получали гораздо больше голосовъ, чѣмъ тотъ членъ совѣта, который одинъ изъ всѣхъ своихъ товарищей говорилъ и подалъ голосъ въ пользу резолюціи. Все это позволяетъ надѣяться, что отношенія между избираемыми и избирателями въ петербургскомъ округѣ останутся и на будущее время столь же нормальными и правильными, какъ они были до сихъ поръ. Оппозиція противъ совѣта весьма желательна, какъ элементъ оживляющій корпоративную жизнь сословія, поддерживающій энергію и въ немъ, и въ самомъ совѣтѣ; но цѣлью ея должно быть постепенное обновленіе совѣта—а не рѣзкое измѣненіе его состава, указаніе совѣту его ошибокъ или пробѣловъ въ его дѣятельности—а не подчиненіе его общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ.

VI.

Обязанности совѣта, какъ учрежденія, облеченнаго дисциплинарною властью надъ адвокатами, могутъ быть понимаемы весьма различно. Во Франціи, напримѣръ, укоренилось мнѣніе, что дѣятельность совѣта по надзору надъ адвокатами должна имѣть характеръ не судебный, а отеческій, семейный, домашній. «Le Conseil», говоритъ Молло *), «s'est toujours regardé comme une institution paternelle et de famille... Il y a un principe ancien qui répute affaires *d'intérieur et de famille* toutes les déliberations du Conseil». Этотъ принципъ приводится парижскимъ совѣтомъ съ большою послѣдовательностью. Совѣтъ считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ формальностей, соблюдаемыхъ судебными мѣстами; онъ не ведетъ даже журнала или протокола своихъ засѣданій. Обвинитель, т. е. лице жалующееся на адвоката, не вызывается въ совѣтъ и не выслушивается имъ; исключеніе изъ этого правила было допущено только одинъ разъ, въ 1831 г., и Молло выражаетъ надежду, что оно больше не повторится. Просьбы жалующихся о допущеніи ихъ къ личнымъ объясненіямъ въ присутствіи совѣта оставляются безъ послѣдствій; они выслушиваются только членомъ-докладчикомъ, если онъ признаетъ это нужнымъ **). Копіи съ постановленій совѣта ни жалующимся, ни обвиняемымъ не выдаются. Важнѣйшія постановленія совѣта иногда печатаются собственно для разсылки адвокатамъ; но Молло возстаетъ противъ этого обычая, находя, что постановленіе

*) *Молло*, т. II, стр. 38—39.

**) *Молло*, т. II, стр. 176, 190, 34.

однажды напечатанное легко можетъ попасть въ газеты, а такое оглашеніе постановленій совѣта не совмѣстно съ домашнимъ характеромъ его дѣятельноети*). Трудно предположить, чтобы порядокъ дѣлопроизводства, установленный Парижскимъ Совѣтомъ, оставался безъ вліянія на его рѣшенія, чтобы истина была раскрываема имъ вполнѣ, не смотря на устраненіе существенно-важныхъ средствъ къ ея раскрытію; еще труднѣе предположить, чтобы учрежденіе, считающее себя судомъ семейнымъ, могло всегда быть вполнѣ безпристрастнымъ и справедливымъ. Но если и допустить, что чувство собственнаго достоинства, сильно развитое между французскими адвокатами, традиціи, заставляющія ихъ ревниво охранять честь сословія, нейтрализуютъ вредное дѣйствіе келейнаго дѣлопроизводства и дамашняго отношенія къ дѣлу, то для адвокатуры только что образующейся подражаніе французскому образцу было бы во всякомъ случаѣ крайне опасно. С.-Петербургскій Совѣтъ съумѣлъ избѣжать этой опасности. Онъ предоставляетъ обѣимъ сторонамъ одинаковыя средства къ всестороннему разъясненію дѣла, вызывая и выслушивая какъ обвиняемаго, такъ и обвинителя. Засѣданія совѣта происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, но отчеты, содержащіе въ себѣ полный обзоръ его дѣятельности, печатаются во всеобщее свѣдѣніе, равно какъ и важнѣйшія изъ дисциплинарныхъ постановленій; ничто не мѣшаетъ, притомъ, частнымъ лицамъ, обращавшимся съ жалобами въ совѣтъ, оглашать его постановленія, такъ какъ копіи съ нихъ выдаются обѣимъ сторонамъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, совѣтъ исходитъ изъ того убѣжденія, что обязанности, возложенныя на него закономъ, имѣютъ не се-

*) *Молло*, т. II, стр. 39, т. I, стр. 424—5.

мейное, не домашнее, а *общественное* значеніе, и что если ему предоставлена власть, по существу своему судебная, то въ пользованіи ею слѣдуетъ держаться тѣхъ же основныхъ началъ, которыми руководствуется всякій правильно устроенный судъ. Убѣжденіе это отразилось конечно не на одной формѣ дѣлопроизводства, но и на самомъ содержаніи рѣшеній совѣта. Достаточно обратить вниманіе на количество и свойство взысканій, опредѣленныхъ совѣтомъ, на число случаевъ, въ которыхъ эти взысканія были отмѣнены, смягчены или усилены Судебною Палатой, на строгость правилъ, признанныхъ совѣтомъ обязательными для присяжныхъ повѣренныхъ *), чтобы придти къ заключенію, что судъ товарищей надъ товарищами не обратился у насъ въ пустую форму. Въ отеческой снисходительности, въ потворствѣ слабостямъ и проступкамъ присяжныхъ повѣренныхъ его не обвинялъ до сихъ поръ еще никто; упреки были направлены, на оборотъ, противъ стремленія его увеличить число случаевъ, въ которыхъ присяжные повѣренные могутъ быть привлекаемы къ дисциплинарной отвѣтственности. На этомъ обстоятельствѣ стоитъ остановиться нѣсколько подольше.

Вопросъ о томъ, распространяется ли дисциплинарная власть Совѣта на дѣйствія, совершенныя адвокатами не въ качествѣ адвокатовъ, не при отправленіи и не по поводу отправленія ими адвокатскихъ обязанностей, возбуждалъ и возбуждаетъ большіе споры вездѣ, гдѣ существуетъ правильно-организованная адвокатура. Дюшенъ и Пикаръ, въ извѣстной намъ уже книгѣ о бельгійской адвокатурѣ **),

---

*) См. ниже, ч 2, главы пятую и седьмую.

**) Стр. 165—169.

резюмируютъ слѣдующимъ образомъ противоположныя мнѣнія по этому вопросу. «Учрежденіе, облеченное дисциплинарною властью—говорятъ одни—есть судъ всемогущій, цензоръ, отъ котораго ничто не должно оставаться скрытымъ, который предупреждаетъ или подтверждаетъ своимъ рѣшеніемъ приговоръ общественнаго мнѣнія. Для того чтобы поддержать честь сословія, совѣтъ долженъ наблюдать какъ за общественною, такъ и за частною жизнью адвокатовъ, которые должны отличаться не только талантомъ и знаніемъ, но и нравственными качествами, личными добродѣтелями. Нельзя отдѣлять человѣка отъ адвоката; честь одного немыслима безъ чести другаго. Честь, какъ и нравственность, какъ и справедливость, только одна; чтобы быть честнымъ въ своей профессіи, нужно прежде всего быть честнымъ человѣкомъ. Совѣтъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ съ запятнанной репутаціей оставался въ сословіи, достоинство котораго, какъ цѣлаго, зависитъ отъ достоинства отдѣльныхъ его членовъ. Этотъ взглядъ высказанъ, между прочимъ, и общимъ собраніемъ брюссельской судебной палаты (которой подчиненъ брюссельскій совѣтъ адвокатовъ), въ рѣшеніи 1846 г. Защитники другаго мнѣнія указываютъ на то, что человѣкъ, живущій въ обществѣ, имѣетъ обязанности различнаго рода—семейныя, политическія, гражданскія и наконецъ особыя, проистекающія изъ принадлежности его къ той или другой профессіи. Каждая изъ этихъ обязанностей имѣетъ свою санкцію и свой трибуналъ, которому подсудны ея нарушенія. Все касающееся семейства должно быть обсуждаемо исключительно въ его средѣ; политическая дѣятельность подлежитъ суду общественнаго мнѣнія; проступки наказываются уголовнымъ закономъ. Каждая корпорація можетъ имѣть свою дисциплину и своихъ судей.

Однимъ словомъ, каждому нарушенію общественнаго порядка соотвѣтствуетъ особая юрисдикція, и смѣшеніе властей могло бы произвести только замѣшательство въ обществѣ. Подобно тому, какъ дѣйствіе уголовныхъ законовъ не распространяется на все происходящее въ нѣдрахъ семейства, подобно тому, какъ политическій дѣятель подсуденъ общественному мнѣнію только въ предѣлахъ своей общественной жизни—дисциплинарная власть органа извѣстной профессіи не должна простираться дальше дѣйствій, къ этой профессіи относящихся. Расширить ее, значило бы исказить ее и подвергнуть опасности самое ея существованіе. Она могла бы подчинить себѣ всѣ стороны общественной и частной жизни и сдѣлаться настоящей тиранніей». Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи—прибавляютъ уже отъ себя Дюшенъ и Пикаръ — заключается аргументъ весьма серьозный. При господствѣ первой системы, гдѣ граница дискреціонной власти совѣта, гдѣ гарантіи противъ ея злоупотребленій? Какъ предупредить вмѣшательство совѣта въ семейныя дѣла, въ религіозныя и политическія мнѣнія адвоката? Не угрожаетъ ли каждому адвокату опасность исключенія изъ сословія за семейныя отношенія, безразличныя для общества, или за дѣйствія, допускаемыя общими законами государства? Правда, судебная практика давно уже признаетъ за совѣтомъ почти безграничную дисциплинарную власть, а между тѣмъ злоупотребленій ея до сихъ поръ не видно; но сила, столь безобидная при обыкновенныхъ условіяхъ, можетъ проснуться въ эпоху смутъ и умственнаго броженія. Конечно, честь адвоката не можетъ быть отдѣлена отъ чести человѣка; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы совѣтъ могъ взять на себя роль высшаго трибунала, строгаго реформатора нравственной природы человѣка. Такая роль не по силамъ человѣческому

авторитету, каковъ бы онъ ни былъ; современныя учрежденія, и нравы несовмѣстны съ инквизиціей, ни передъ чѣмъ не останавливающейся. Возставая противъ абсолютной, ничѣмъ не стѣсненной дисциплинарной власти совѣта, Дюшенъ и Пикаръ не предлагаютъ, однако, ограничить кругъ дѣйствій ея одними проступками чисто-профессіональными. Поставленный въ такія тѣсныя рамки, совѣтъ не могъ бы и по ихъ мнѣнію, исполнить удовлетворительно свою задачу. Есть дѣйствія, не подлежащія уголовной отвѣтственности и не нарушающія спеціальныхъ обязанностей адвоката, но налагающія печать безчестья на того, кто совершилъ ихъ. Когда репутація адвоката запятнана дѣйствіями этого рода, получившими огласку или вообще общеизвѣстными (faits publics et notoires), совѣтъ конечно имѣетъ право исключить его изъ сословія, подобно тому какъ онъ извергнутъ изъ общества (écarter du tableau celui que la société a mis au ban de l'opinion). Эта средина между двумя крайностями одинаково ограждаетъ, по мнѣнію Дюшена и Пикара, права личности и интересы общества. Молло не разбираетъ спорнаго вопроса такъ подробно, какъ Дюшенъ и Пикаръ, но приходитъ почти къ тому же самому выводу; онъ полагаетъ, что дѣйствія адвоката, хотя бы совершенныя имъ не при отправленіи адвокатскихъ обязанностей, подсудны совѣту, если они получили *непріятную огласку* (notoriété fâcheuse), могущую повредить чести и достоинству сословія. Адвокатъ можетъ имѣть долги, можетъ играть отъ времени до времени на биржѣ, не подвергаясь дисциплинарной отвѣтственности; но если при взысканіи съ адвоката денегъ судебнымъ порядкомъ обнаруживается неблаговидное происхожденіе долга, если адвокатъ, чтобы избѣжать платежа долга, прибѣгаетъ къ обману, кляузамъ, уловкамъ или чисто формальнымъ отговоркамъ, если

онъ отказывается платить долгъ, возникшій изъ биржевой игры, только потому что законъ не признаетъ такихъ долговъ дѣйствительными, то совѣтъ не можетъ и не долженъ относиться къ этому равнодушно *). Изъ приводимыхъ Молло постановленій парижскаго совѣта видно, что онъ нѣсколько разъ признавалъ себѣ подсудными только *профессіональные* проступки адвоката **), но на практикѣ безпрестанно отступалъ отъ этого правила и распространялъ весьма далеко кругъ дѣйствій своей дисциплинарной власти. Такъ напримѣръ, поводами къ наложенію взысканія; иногда весьма строгаго, были признаваемы: допущеніе адвокатомъ до протеста векселей, имъ выданныхъ; постоянное участіе адвоката въ биржевой игрѣ, даже безъ всякихъ предосудительныхъ при этомъ поступковъ; заключеніе контрактовъ и другихъ сдѣлокъ во вредъ кредиторамъ; доставленіе полиціи секретныхъ политическихъ донесеній; полученіе денегъ въ займы подъ вымышленными предлогами; путешествіе вмѣстѣ съ лицемъ, замѣшаннымъ въ уголовномъ дѣлѣ, и полученіе отъ него денегъ на путевые расходы; обманное наименованіе въ паспортѣ любовницы—женою ***) и т. п. Французскій кассаціонный судъ, въ рѣшеніи 8 марта 1847 г., пошелъ еще гораздо дальше чѣмъ парижскій совѣтъ, признавъ, что «невозможно отдѣлять человѣка отъ адвоката; что честь и достоинство адвоката, которыя совѣтъ призванъ охранять, обусловливаются безукоризненностью его частной жизни; что адвокатъ, который, въ качествѣ отца семейства, совершаетъ скандалёзныя дѣйствія, падаетъ на одинъ уро

*) *Молло*, т. I, стр. 45—46.

**) *Молло*, т. II, стр. 179—180.

***) *Молло*, т. II, стр. 245, 268, 278, 279, 361, 381, 385, 396, 403, 408.

вень съ тѣмъ, который нарушаетъ важнѣйшія обязанности своей профессіи; что человѣкъ, позволяющій себѣ въ частной жизни поступки, достойные порицанія, не можетъ пользоваться, какъ адвокатъ, той почетной репутаціей, которой требуетъ это званіе». Едва ли найдется такое предосудительное дѣйствіе адвоката, къ которому не могли бы быть примѣнены эти соображенія французскаго кассаціоннаго суда.

Сопоставляя опытъ иностранной адвокатуры съ результатами восьмилѣтней практики С.-Петербургскаго совѣта *), нельзя, кажется, не придти къ заключенію, что сила вещей неотразимо требуетъ распространенія дисциплинарной власти совѣта за предѣлы собственно-адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ. Привлеченіе присяжнаго повѣреннаго къ отвѣтственности за каждое, хотя бы и маловажное нарушеніе адвокатскихъ обязанностей, и оставленіе безъ вниманія самыхъ безнравственныхъ дѣйствій, если только они совершены имъ не въ качествѣ адвоката, было бы слишкомъ явною несообразностью. Присяжные повѣренные поставлены подъ контроль совѣта и судебной палаты именно въ тѣхъ видахъ, чтобы тяжущіеся могли обращаться къ нимъ съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностью, и чтобы защита ввѣренныхъ имъ интересовъ не была направлена къ нарушенію правъ другихъ частныхъ лицъ или цѣлаго общества. Съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго соединено, такимъ образомъ, извѣстное предположеніе въ пользу лица, его носящаго — предположеніе, что это лице заслуживаетъ довѣрія и неспособно на безчестное дѣйствіе. Очевидно, что это предположеніе одинаково разрушается всякимъ проступкомъ, лишающимъ права на общественное довѣріе, все равно,

*) См. ниже, ч. 2-ю, стр. 120—138.

относится ли оно къ области частной жизни или къ сферѣ адвокатской дѣятельности. Отнять у совѣта возможность удалить изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ лице, совершающее мнимыя сдѣлки во вредъ своимъ или чужимъ кредиторамъ, отрицающее дѣйствительность обязательства, свободно и сознательно имъ на себя принятаго, значило бы нанести ничѣмъ невознаградимый ударъ достоинству сословія или даже подвергнуть опасности самое его существованіе. Спорный вопросъ заключается, поэтому. не въ томъ, можно ли распространить дисциплинарную власть совѣта за предѣлы собственно-адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, а въ томъ, *какъ далеко* она должна быть распространена за эти предѣлы. Разрѣшить этотъ вопросъ не легко, но необходимо, потому что власть неопредѣленно-широкая представляла бы неудобства своего рода, хотя и меньшія, чѣмъ власть заключенная въ слишкомъ узкую рамку. Подчиненіе контролю совѣта убѣжденій и взглядовъ, семейныхъ отношеній присяжныхъ повѣренныхъ не соотвѣтствовало бы той цѣли, съ которою учрежденъ этотъ контроль, и повлекло бы за собою совершенно напрасное стѣсненіе свободы присяжныхъ повѣренныхъ *).

---

*) Привлеченіе адвоката къ отвѣтственности передъ совѣтомъ—въ особенности по иниціативѣ самого совѣта — за публичное выраженіе тѣхъ или другихъ религіозныхъ или политическихъ взглядовъ можетъ съ перваго взгляда показаться совершенно немыслимымъ; но исторія французской адвокатуры доказываетъ противное. Въ эпоху реставраціи парижскій совѣтъ—члены котораго назначались, до 1822 г., прокуроромъ судебной палаты, изъ числа кандидатовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ адвокатовъ, а съ 1822 до 1830 г. поступали въ совѣтъ по праву старшинства—былъ до такой степени проникнутъ консервативнымъ духомъ, что не только не принималъ въ адвокаты,

Мы видѣли уже, что какъ Дюшенъ и Пикаръ, такъ и Молло, говоря о предосудительныхъ дѣйствіяхъ адвоката, совершенныхъ не при отправленіи адвокатскихъ обязанностей, обусловливаютъ подсудность этихъ дѣйствій совѣту преимущественно тѣмъ, получили ли они огласку, сдѣлались ли они общеизвѣстными. Эта попытка разрѣшить спорный вопросъ едва ли можетъ быть признана удачной. Большая или меньшая огласка—обстоятельство чисто случайное, не измѣняющее свойства проступка и въ огромномъ большинствѣ случаевъ не составляющее правильнаго основанія для его наказуемости. Конечно, еслибы единственной заботой совѣта было удаленіе изъ сословія лицъ, роняющихъ достоинство адвокатуры въ глазахъ общества, онъ могъ бы оставлять безъ вниманія самые важные проступки, пока они извѣстны двумъ, тремъ лицамъ и слѣдовательно не вредятъ репута-

---

иногда безъ объясненія причинъ, людей извѣстныхъ либеральнымъ образомъ мыслей—напр. Манюеля, Шарля Конта,—но и преслѣдовалъ адвокатовъ, позволявшихъ себѣ высказывать (хотя бы и не при отправленіи адвокатскихъ обязанностей) мнѣнія несогласныя съ господствовавшей системой. Въ 1822 г. совѣтъ запретилъ на время исправленіе адвокатскихъ обязанностей адвокату, въ консультаціи котораго по одному уголовному дѣлу совѣтъ нашелъ нѣчто похожее на деизмъ; въ 1823 г. та же мѣра взысканія постигла адвоката, отозвавшагося, въ *журнальной статьѣ*, съ слишкомъ большимъ сочувствіемъ, или лучше сказать не съ достаточнымъ негодованіемъ, объ одномъ изъ членовъ лѣвой стороны Національнаго Конвента; въ 1829 г. рѣчь, произнесенная адвокатомъ надъ гробомъ другаго члена Національнаго Конвента, привела къ такому же результату. Послѣ 1830 г. такихъ явныхъ злоупотребленій дисциплинарной власти совѣта мы уже не встрѣчаемъ (*Молло*, т. II, стр. 91, 141, 334, 337, 371)

ціи сословія. Но если признавать, вмѣстѣ съ нами, за совѣтомъ обязанность охранять не только эту репутацію, но и интересы общества, въ той мѣрѣ, въ какой они зависятъ отъ дѣятельности адвокатовъ, то пограничная черта, проводимая бельгійскими и французскими писателями, теряетъ всякое значеніе. Изъ приведенныхъ нами рѣшеній французскаго кассаціоннаго суда и брюссельской судебной палаты видно, что судебныя мѣста Франціи и Бельгіи держатся другаго взгляда на предѣлы дисциплинарной власти совѣта, распространяя ее на всѣ вообще предосудительные поступки адвоката. Недостатокъ этого взгляда—слишкомъ большая неопредѣленность; онъ не установляетъ границъ для дисциплинарной власти совѣта, а на оборотъ дѣлаетъ ее безграничной. Намъ кажется, что С.-Петербургскому совѣту присяжныхъ повѣренныхъ удалось найти, а общему собранію Кассаціонныхъ Департаментовъ—окончательно опредѣлить ту средину между крайними взглядами, о которой говорятъ Дюшенъ и Пикаръ. Верховный судъ имперіи призналъ, что «наблюденіе совѣта должно простираться на всѣ вообще поступки присяжнаго повѣреннаго, могущіе имѣть вліяніе на степень довѣрія къ нему со стороны общества и *на нравственную его оцѣнку*» *). Послѣднее выраженіе кажется намъ слишкомъ общимъ и неопредѣленнымъ; но если разсматривать его какъ дополненіе, разъясненіе предъидущаго, то оно не можетъ подать повода къ недоразумѣнію. Основная—и по нашему мнѣнію безусловно вѣрная—мысль Правительствующаго Сената заключается въ томъ, что присяжный повѣренный, потерявшій, почему бы то ни было, право на довѣріе общества, не долженъ сохранять за собою зва-

*) См. ниже ч. 2, стр. 128.

нія, предполагающаго и вызывающаго довѣріе *). Получилъ ли поступокъ присяжнаго повѣреннаго, за который онъ привлекается къ отвѣтственности, большую или меньшую огласку —это, въ большинствѣ случаевъ, очевидно все равно, потому что отвѣтственность присяжнаго повѣреннаго обусловливается не потерей довѣрія, а *потерей права на довѣріе*. Для того чтобы опредѣлить, когда это право можетъ считаться потереннымъ, необходимо только припомнить, чего общество въ правѣ ожидать и требовать отъ присяжнаго повѣреннаго. Задача присяжнаго повѣреннаго—помогать частнымъ лицамъ въ опредѣленіи, охраненіи и осуществленіи ихъ законныхъ правъ, не выходя изъ предѣловъ закона и дѣйствуя законными, честными средствами. Кто не уважаетъ самъ чужаго права, кто обходитъ или нарушаетъ законъ съ цѣлью доставить себѣ или другимъ матеріальную выгоду, кто отрекается отъ своихъ обязательствъ и измѣняетъ своему слову, тотъ не можетъ ни правильно понять, ни правильно исполнить задачу присяжнаго повѣреннаго. Короче, присяжный повѣренный долженъ дѣйствовать *честно*, воздавая—по старинной римской формулѣ—каждому должное и не нарушая ничьего права (neminem laedere, suum cuique tribuere). Независимо отъ этого главнаго правила, для присяжнаго повѣреннаго, какъ и для всякаго другаго общественнаго дѣятеля, обязательно соблюденіе извѣстныхъ приличій, нарушеніе которыхъ—напр. появленіе пьянымъ въ публичномъ мѣстѣ, участіе въ дракѣ или другомъ публичномъ скандалѣ — колеблетъ уваженіе, а слѣдовательно и довѣріе къ

*) Само собою разумѣется, что проступки менѣе важные, не разрушающіе довѣрія, а только колеблющіе его, также подсудны совѣту, но подлежатъ другимъ взысканіямъ, менѣе строгимъ.

лицу ихъ нарушавшему. Въ случаяхъ послѣдняго рода подсудность поступка совѣту можетъ обусловливаться полученною имъ оглаской. Затѣмъ, семейная жизнь и общественная дѣятельность присяжнаго повѣреннаго, на сколько онѣ не подходятъ подъ одно изъ указанныхъ нами условій, не должны подлежать контролю совѣта; о распространеніи его на мнѣнія, взгляды присяжнаго повѣреннаго конечно не можетъ быть и рѣчи. Заключенная въ такія границы, дисциплинарная власть совѣта достаточно сильна для удержанія адвокатуры на высотѣ ея призванія—и вмѣстѣ съ тѣмъ не угрожаетъ опасностью личной свободѣ и самостоятельности адвокатовъ. С.-Петербургскій совѣтъ ни разу не выходилъ изъ этихъ границъ, но внутри ихъ широко пользовался своею властью—и пользовался ею, какъ намъ кажется, ко благу сословія и общества. Кто возьметъ на себя трудъ внимательно разсмотрѣть постановленія совѣта, приведенныя ниже въ § 37-мъ *), тотъ пойметъ, до какой степени необходимо и справедливо было привлеченіе присяжныхъ повѣренныхъ къ отвѣтственности за дѣйствія, совершенныя ими не при отправленіи адвокатскихъ обязанностей.

Для того чтобы яснѣе выразить нашъ взглядъ на предѣлы дисциплинарной власти совѣта, попробуемъ примѣнить его къ вопросу, возбудившему недавно оживленный споръ въ средѣ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ — къ вопросу о правѣ присяжнаго повѣреннаго являться въ общее собраніе акціонернаго общества, не будучи дѣйствительнымъ акціонеромъ, для защиты, за извѣстное вознагражденіе, дѣйствій или предположеній той или другой группы акціонеровъ. Нѣкоторые присяжные повѣренные находили,

*) Ч. 2, стр. 128—138.

что совѣтъ и общее собраніе вовсе не имѣютъ право возбуждать этотъ вопросъ, что дѣятельность присяжнаго повѣреннаго какъ акціонера — все равно, дѣйствительнаго или мнимаго—не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью его какъ адвоката, и не должна подлежать контролю совѣта. Въ печати, на оборотъ, высказывалось мнѣніе, что контроль совѣта не долженъ ограничиваться тѣми случаями, когда присяжный повѣренный является мнимымъ, подставнымъ акціонеромъ, что его слѣдуетъ распространять и на тѣ случаи, когда присяжный повѣренный, хотя бы и въ качествѣ дѣйствительнаго акціонера, поддерживаетъ своею рѣчью корыстныхъ или безнравственныхъ тузовъ акціонернаго міра. Намъ кажется, что совѣтъ и общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ совершенно правильно остановились на срединѣ между этими двумя крайними мнѣніями. Какъ дѣйствительный акціонеръ, присяжный повѣренный имѣетъ неотъемлемое право говорить и подавать голосъ въ пользу той или другой мѣры, того или другаго лица, сообразно съ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ и при какихъ условіяхъ кажутся ему болѣе обезпеченными его имущественные интересы. Повѣрять въ этомъ отношеніи его дѣйствія, изслѣдовать ихъ мотивы, вмѣнять ему въ вину, что онъ сталъ на ту, а не на другую сторону, значило бы учредить надъ нимъ настоящую опеку, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемую. Положимъ, что присяжный повѣренный, владѣющій извѣстнымъ количествомъ акцій, добросовѣстно убѣжденъ, что для успѣха дѣла необходимо ввѣрить его такому-то лицу, можетъ быть и не безукоризненному въ нравственномъ отношеніи, но знающему и опытному; неужели отъ него можно требовать, чтобы онъ подалъ голосъ за другое лице, болѣе честное, но неспособное, по его мнѣнію, вести дѣло? Вѣдь

отсюда только одинъ шагъ до наблюденія за тѣмъ, какъ и куда присяжный повѣренный помѣщаетъ свои капиталы, не отдаетъ ли онъ ихъ напримѣръ банкиру, дѣлающему изъ нихъ безъ его вѣдома дурное употребленіе, не обращаетъ ли онъ ихъ на поддержку предпріятія, которое, по мнѣнію совѣта, можетъ принести больше вреда чѣмъ пользы. Опредѣленіе въ каждомъ данномъ случаѣ, которая изъ двухъ спорящихъ сторонъ стремится ко благу акціонеровъ, которая—къ своему собственному благу, сопряжено, притомъ, съ затрудненіями иногда неопреодолимыми, по крайней мѣрѣ для совѣта. Не могъ же онъ, напримѣръ взять на себя разрѣшеніе вопроса, кто правъ и кто неправъ въ борьбѣ за постройку привислянской дороги. Само собою разумѣется, что если дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, какъ распорядителя акціонернымъ предпріятіемъ, или слова его, какъ акціонера, будутъ идти въ разрѣзъ съ обязанностями и достоинствомъ адвоката—если напримѣръ присяжный повѣренный, какъ акціонеръ, станетъ оправдывать попытку правленія подкупить то или другое должностное лице,—совѣтъ будетъ имѣть право привлечь его къ отвѣтственности, по основаніямъ, уже установленнымъ нами; но вѣдь въ подобныхъ случаяхъ является прямое и очевидное отступленіе отъ тѣхъ правилъ, которыя вездѣ и всегда обязательны для присяжнаго повѣреннаго. Съ другой стороны, появленіе присяжнаго повѣреннаго въ общемъ собраніи акціонернаго общества, въ качествѣ мнимаго акціонера, съ цѣлью поддержать своимъ ораторскимъ искусствомъ одну изъ враждующихъ акціонерныхъ партій, вызываетъ вмѣшательство совѣта совершенно независимо отъ того, которая изъ двухъ партій имѣетъ нравственное преимущество пе-

редъ другою *). Присяжныхъ повѣренныхъ часто обвиняютъ въ продажѣ своего слова, своего краснорѣчія тому, кто больше за него предложитъ. Мы увидимъ ниже, справедливо ли это обвиненіе; теперь для насъ важно только то, что участіе присяжныхъ повѣренныхъ въ акціонерныхъ собраніяхъ, не въ качествѣ дѣйствительныхъ акціонеровъ, а въ качествѣ ораторовъ за большинство или меньшинство, несомнѣнно дало бы ему новыя основанія, новую силу. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое участія могло бы принести несомнѣнную пользу, уравновѣсивъ шансы борьбы между партіей, заручившейся нѣсколькими бойкими говорунами изъ акціонернаго міра, и партіей, стремящейся къ самымъ лучшимъ цѣлямъ, но не умѣющей вести пренія, находчиво возражать противникамъ, заявлять свои мысли въ понятной и убѣдительной формѣ. Но если бы участіе присяжныхъ повѣренныхъ, какъ ораторовъ, въ акціонерныхъ собраніяхъ сдѣлалось чѣмъ-то постояннымъ, обыкно-

*) Авторъ сначала былъ другаго мнѣнія по этому вопросу; ему казалось, что присяжный повѣренный, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не владѣющей акціями, имѣетъ право явиться въ общее собраніе акціонернаго общества для защиты извѣстной группы акціонеровъ, если онъ предварительно удостовѣрился въ ея безусловной правотѣ и въ безпомощности ея сравнительно съ ея противниками; но болѣе зрѣлое обсужденіе вопроса привело его къ противоположному убѣжденію. Понятно, что ошибавшись самъ, онъ далекъ отъ мысли осуждать тѣхъ глубоко-уважаемыхъ имъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые нашли возможнымъ принять участіе въ общихъ собраніяхъ общества Привислянской желѣзной дороги; онъ полагаетъ только, согласно съ большинствомъ общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, постановившимъ рѣшеніе 8 сентября 1874 г., что для пользы сословія такой образъ дѣйствій на будущее время не долженъ быть допускаемъ.

веннымъ, то конечно они не всегда являлись бы защитниками стороны безусловно-правой; приглашеніе присяжныхъ повѣренныхъ одною партіею влекло бы за собою въ большинствѣ случаевъ такой же маневръ со стороны другой партіи; поддержка присяжныхъ повѣренныхъ, иногда сознательно, иногда безсознательно, доставалась бы лицамъ или группамъ, не имѣющимъ на нее ни малѣйшаго нравственнаго права. Притомъ, часто ли можно встрѣтить акціонерную партію безусловно правую и всѣми признаваемую за правую? Весьма серьознымъ усложненіемъ вопроса представляется и то обстоятельство, что присяжные повѣренные, приглашенные въ общее собраніе акціонеровъ для защиты той или другой партіи, не могли бы принимать на себя эту роль прямо и открыто, а должны были бы надѣвать на себя маску акціонера, такъ какъ только акціонеры могутъ присутствовать и говорить въ собраніи *). Одного этого обстоятельства было бы достаточно для отрицательнаго разрѣшенія вопроса, нами теперь разбираемаго. Всякое двусмысленное положеніе можетъ поколебать довѣріе къ тому, кто добровольно его занимаетъ—а присяжный повѣренный, какъ мы уже видѣли, долженъ всего больше заботиться о томъ,

*) Существуетъ мнѣніе, что за невозможностью отличить въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствительнаго акціонера отъ мнимаго, постановленіе общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ 8 сентября 1874 г. не имѣетъ никакого практическаго значенія. Это мнѣніе совершенно невѣрно. Если, напримѣръ, всѣ акціи извѣстнаго предпріятія принадлежатъ, de facto, двумъ или тремъ лицамъ, которыя сами этого не скрываютъ, а на оборотъ, провозглашаютъ это публично, то всѣ остальныя лица, являющіяся въ общее собраніе акціонеровъ—несомнѣнно мнимые, подставные акціонеры. Въ другихъ случаяхъ тотъ же фактъ можетъ быть обнаруженъ и доказанъ другимъ путемъ.

чтобы не потерять права на общественное довѣріе. Напрасно было бы утверждать, что присяжный повѣренный, говорящій въ общемъ собраніи по приглашенію той или другой партіи, дѣйствуетъ не въ качествѣ адвоката; всякій очень хорошо понимаетъ, что онъ получилъ приглашеніе именно какъ адвокатъ, т. е. какъ человѣкъ привыкшій говорить публично, отвѣчать на возраженія, разбивать доводы противника. Пріобрѣтенная такимъ образомъ способность весьма драгоцѣнна, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало развито ораторское искуство; она можетъ сдѣлать присяжнаго повѣреннаго полезнымъ членомъ городской думы, земскаго собранія, юридическаго общества—но только подъ однимъ условіемъ: чтобы она не служила для него, *внѣ суда*, источникомъ матеріальной выгоды. При соблюденіи этого условія, изъ адвокатовъ могутъ выработаться общественные дѣятели, въ лучшемъ смыслѣ слова; въ противномъ случаѣ, они будутъ считаться риторами, софистами, говорунами, и авторитетъ адвокатскаго слова упадетъ даже тамъ, гдѣ онъ долженъ стоять высоко и непоколебимо, т. е. въ сферѣ собственно судебной.

VII.

Съ вопросомъ о предѣлахъ дисциплинарной власти совѣта тѣсно связанъ вопросъ о занятіяхъ и должностяхъ, совмѣстимыхъ или несовмѣстимыхъ съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго—тѣсно связанъ потому, что въ видахъ охраненія достоинства сословія, члены его не могутъ пользоваться

полной свободой въ выборѣ занятій, не входящихъ въ кругъ адвокатской дѣятельности. Во Франціи отношеніе совѣтовъ къ этому вопросу отличается особенною строгостью, можно даже сказать нетерпимостью. Прежде всего отъ адвоката требуется, чтобы онъ не принималъ отъ частныхъ лицъ порученій, полномочій (mandat); онъ считается не повѣреннымъ, не представителемъ своего кліента, а совѣтникомъ его; отношенія, устанавливающіяся между ними, не разсматриваются какъ договоръ личнаго найма (louage d'ouvrage et d'industrie). «Призваніе адвоката»—сказано въ постановленіи Парижскаго Совѣта 22 декабря 1863 г.—«*помогать* (assister) своимъ кліентамъ, руководя ихъ совѣтами и защищая ихъ письменно или изустно; но *представлять* ихъ, т. е. дѣйствовать вмѣсто нихъ, входить за нихъ въ сдѣлки, предъявлять отъ ихъ имени заключенія, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ. Онъ не долженъ принимать полномочія ни на веденіе дѣла, ни на совершеніе какихъ бы то ни было гражданскихъ актовъ» *). Отступленіе отъ этого правила часто наказывалось запрещеніемъ на вермя исправлять обязанности адвоката или даже исключеніемъ изъ сословія **). Парижскій Совѣтъ признаетъ, далѣе, несовмѣстными съ званіемъ адвоката: 1) званіе директора или члена правленія акціонернаго общества, 2) званіе члена совѣта или наблюдательнаго комитета (conseil de surveillance) въ такомъ обществѣ, 3) званіе управляющаго фабрикой, 4) званіе присяжнаго попечителя по дѣламъ несостоятельнаго должника (syndic salarié dans une faillite), 5) званіе директора училища, 6) званіе профессора или учителя въ

*) *Молло*, Т. I, стр. 6—16, 540—541.

**) *Молло*, Т. II, стр. 323. 325, 340, 352, 388, 395 и др.

высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, за исключеніемъ профессоровъ юридическихъ наукъ, 7) предподаваніе частныхъ уроковъ и 8) званіе издателя или главнаго редактора журнала (редакторы отдѣловъ журнала могутъ быть адвокатами). Занятіе торговлей и коммиссіонерствомъ признается несовмѣстнымъ съ званіемъ адвоката въ силу самаго закона *). Бельгійская адвокатура слѣдуетъ вообще, говоря, примѣру парижской. Дюшенъ и Пикаръ предлагаютъ для руководства слѣдующее общее правило, выработанное французскими юристами еще въ прошедшемъ столѣтіи: «адвокатская профессія несовмѣстима со всякою другою, составляющею или могущею составлять *главное занятіе* человѣка» **). Нашъ законъ установляетъ только одну несовмѣстимость, зависящую собственно отъ занятій: на основаніи 3 пун. ст. 355 Учр. Суд. Устан., присяжными повѣренными не могутъ быть состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности безъ жалованья. «При составленіи ст. 355», сказано въ комментаріи къ ней, «предполагалось постановить, что профессора юридическихъ наукъ могутъ быть присяжными повѣренными, сохраняя званіе и обязанности профессора; но въ послѣдствіи было принято во вниманіе, что въ число присяжныхъ повѣренныхъ не допускаются вообще лица, состоящія на службѣ, очевидно потому, что отъ нихъ, какъ подчиненныхъ, по роду ихъ службы, разнымъ начальствамъ и несущимъ разныя обязанности, нельзя ожидать ни той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго, ни

---

*) *Молло*, Т. II, стр. 73—84, 102, Т. I, стр. 457.

**) Стр. 129; *Молло*, Т. I стр. 237.

той свободы располагать своимъ временемъ, безъ которой невозможно исполнить многочисленныя обязанности, соединенныя съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго. *Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ обязанностей, изъ которыхъ каждая требуетъ всего вниманія, всѣхъ способностей и почти всего времени, должно неминуемо обратиться въ ущербъ той или другой изъ этихъ обязанностей.* По симъ уваженіемъ признано, что профессора и предподаватели юридическихъ наукъ, наравнѣ со всѣми, состоящими на службѣ, не могутъ въ тоже время быть и присяжными повѣренными».

Въ виду ст. 355 Учр. Суд. Устан. и комментарія къ ней, имѣютъ ли наши совѣты право признавать несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго какія-либо званія или занятія, въ ст. 355 не упомянутыя, или же они должны, оставаясь въ предѣлахъ буквальнаго смысла этой статьи, ограничиваться недопущеніемъ въ присяжные повѣренные лицъ, состоящихъ на службѣ? Намъ кажется, что *абсолютно-несовмѣстными* съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго могутъ быть признаваемы, на точномъ основаніи закона, только служебныя занятія, но что совѣты *въ правѣ*, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая, отказывать въ званіи присяжнаго повѣреннаго лицу, не имѣющему возможности, по общественному положенію своему или занятіямъ, исправлять какъ слѣдуетъ обязанности присяжнаго повѣреннаго, и не желающему оставить это положеніе или эти занятія. Мы думаемъ даже, что такое лице, если оно уже состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ, можетъ быть приглашено совѣтомъ къ выходу изъ сословія, и въ случаѣ несогласія на то—признано сложившимъ съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго. Формальныя основанія для нашего

мнѣнія слѣдующія: ст. 380 Учр. Суд. Устан. предоставляетъ совѣту, при разсмотрѣніи просьбъ о вступленіи въ присяжные повѣренные, принимать въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, какія онъ признаетъ нужными. Къ числу этихъ свѣдѣній безъ сомнѣнія могутъ быть отнесены свѣдѣнія о томъ, нѣтъ ли въ положеніи и занятіяхъ кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго чего-либо несовмѣстнаго съ независимостью, необходимой для присяжнаго повѣреннаго, съ довѣріемъ, которымъ онъ долженъ пользоваться. Приведенный нами комментарій къ ст. 355 доказываетъ съ полною ясностью, что именно таковъ былъ взглядъ законодателя, что запрещеніе соединять въ одномъ лицѣ служебныя занятія и обязанности присяжнаго повѣреннаго вызвано такими соображеніями, которыя вполнѣ примѣнимы и ко многимъ другимъ занятіямъ, кромѣ служебныхъ. Занятіе, служащее препятствіемъ къ принятію въ присяжные повѣренные, очевидно должно служить препятствіемъ и къ сохраненію этого званія. Если присяжный повѣренный, поступающій на службу, слагаетъ съ себя ipso facto званіе присяжнаго повѣреннаго, то по тѣмъ же самымъ основаніямъ присяжный повѣренный, принимающій на себя занятія несовмѣстныя съ адвокатскими обязанностями, долженъ удалиться или быть удаленъ изъ сословія.

Какія же именно занятія и званія, кромѣ прямо предусмотрѣнныхъ въ законѣ, могутъ и должны считаться несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго? Приступая къ обсужденію этого вопроса, мы должны прежде всего замѣтить, что французскими правилами и образцами здѣсь слѣдуетъ руководствоваться съ крайнею осторожностью. Въ основаніи общепринятаго во Франціи взгляда на адвокатуру лежитъ фикція, къ нашей адвокатурѣ совершенно непримѣ-

нимая. Утверждать, что адвокатъ — не представитель, не повѣренный своего кліента, что между ними нѣтъ договорныхъ отношеній, и во Франціи можно только съ величайшею натяжкой, но внѣшнее основаніе для такого мнѣнія тамъ всетаки существуетъ, такъ какъ трудъ ходатайства по дѣлу раздѣленъ, по французскому закону, между стряпчими (avoués) и адвокатами, и представителями сторонъ въ гражданскомъ процессѣ считаются первые. У насъ же присяжные повѣренные несутъ на себѣ обязанности и стряпчаго, и адвоката, дѣйствуютъ, въ гражданскомъ процессѣ, не иначе какъ по довѣренности, и слѣдовательно могутъ и должны быть разсматриваемы какъ представители сторонъ. Отсюда бо́льшій просторъ для дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, сравнительно съ французскими адвокатами; они могутъ принимать на себя совершеніе договоровъ и сдѣлокъ отъ имени своихъ кліентовъ, получать и дѣлать вмѣсто нихъ платежи, защищать, по довѣренности, ихъ интересы внѣ-суда, передъ мѣстами и лицами административнаго вѣдомства, и т. п. Независимо отъ этого кореннаго различія, французская система несовмѣстимостей вдается въ крайности, которыя не желательно и не нужно переносить на нашу почву и для которыхъ иногда трудно даже пріискать разумное основаніе. Почему, напримѣръ, главный редакторъ журнала не можетъ, а редакторъ отдѣла — можетъ быть адвокатомъ? Почему адвокатъ не можетъ заниматься преподаваніемъ частныхъ уроковъ? На эти вопросы едва ли можетъ быть данъ какой-нибудь удовлетворительный отвѣтъ. Попытка подвести всѣ отдѣльные случаи несовмѣстимости подъ одно общее правило, сдѣланная Дюшеномъ и Пикаромъ, также не можетъ быть признана удачной. Литературная профессія несомнѣнно можетъ составлять и часто составляетъ

главное занятіе человѣка; а между тѣмъ самые непреклонные ригористы изъ числа французскихъ адвокатовъ не станутъ утверждать, что адвокатъ не можетъ и не долженъ заниматься литературой*). Съ этой точки зрѣнія нельзя признать правильнымъ и положеніе, выставленное въ комментаріи къ ст. 355-й—что соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ обязанностей, изъ которыхъ каждая требуетъ всего вниманія, всѣхъ способностей и почти всего времени, должно неминуемо обратиться въ ущербъ той или другой изъ этихъ обязанностей. Конечно, адвокатскія занятія должны стоять для адвоката на первомъ планѣ; но поглощать все его время они не всегда могутъ, да и не должны, потому что адвокату, замкнутому въ узкой судебной сферѣ, угрожаетъ односторонность, для него еще болѣе опасная, чѣмъ для судьи. Молодой, начинающій адвокатъ можетъ быть поставленъ въ необходимость заниматься, кромѣ ходатайства по дѣламъ, еще чѣмъ-нибудь другимъ, если дѣла не даютъ ему достаточныхъ средствъ къ жизни; адвокатъ, утомленный продолжительною дѣятельностью, но не желающій оставить свою профессію, можетъ принимать меньше дѣлъ и искать развлеченія, умственнаго отдыха въ занятіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ юридическимъ міромъ. Запретить тому и другому соединеніе адвокатскихъ и другихъ занятій, значило бы стѣснить безъ всякой надобности ихъ свободу, а иногда и лишить сословіе силъ, много обѣщающихъ или мо-

---

*) Весьма многіе французскіе и бельгійскіе адвокаты играютъ видную роль на политическомъ поприщѣ, которое конечно въ значительной степени отвлекаетъ ихъ отъ адвокатскихъ обязанностей; никому, однако, не приходитъ въ голову доказывать, что адвокатъ, въ конституціонномъ государствѣ, не долженъ заниматься политикой.

гущихъ еще быть ему полезными. Человѣкъ даровитый, энергическій, трудолюбивый легко можетъ исполнять одновременно двѣ задачи, изъ которыхъ каждая, въ отдѣльности взятая, была бы слишкомъ тяжела для человѣка менѣе счастливо одареннаго природой. Къ чему подводить подъ одну мѣрку силы, до такой степени различныя? Пока адвокатъ исполняетъ свои обязанности вполнѣ удовлетворительно и добросовѣстно, не все ли равно, соединяетъ ли онъ съ ними еще какія-либо другія? Если нельзя помѣшать адвокату употреблять значительную часть времени на игру въ карты, на свѣтскія удовольствія или просто на ничего недѣланіе, то есть ли правильное основаніе ограничивать его въ выборѣ занятій, въ томъ только предположеніи, что они *могутъ* отвлечь его отъ его прямыхъ и главныхъ обязанностей? Вотъ почему намъ кажется, что при разрѣшеніи вопроса о совмѣстимости или несовмѣстимости тѣхъ или другихъ занятій съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго слѣдуетъ обращать вниманіе исключительно на самое свойство этихъ занятій, на возможность соединенія ихъ съ адвокатскою дѣятельностью безъ вреда для нравственнаго ея характера и для достоинства сословія.

По справедливому замѣчанію составителей судебныхъ уставовъ, для адвоката необходима *независимость*, отсутствіе подчиненія. Если лица состоящія на государственной службѣ не могутъ, именно поэтому, быть присяжными повѣренными, то нельзя, очевидно, допускать въ присяжные повѣренные лицъ служащихъ въ частныхъ обществахъ, конторахъ, агентствахъ и т. п.; они подчинены своимъ хозяевамъ, точно такъ, какъ чиновники подчинены своему начальству *) Но

*) Такъ какъ присяжные повѣренные подчинены суду, че-

кромѣ непосредственной зависимости отъ лица, есть еще зависимость отъ положенія, отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій. Человѣкъ, производящій торговлю, зависимъ, въ этомъ смыслѣ, отъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ ведетъ дѣла, которымъ оказываетъ кредитъ или у которыхъ самъ кредитуется. Отсюда возникаетъ вопросъ, совмѣстны ли съ адво-

---

резъ посредство совѣта, то принятіе имъ на себя другихъ обязанностей, также влекущихъ за собою подчиненіе суду, прямое или косвенное, не можетъ быть признано ограниченіемъ ихъ независимости; обязанности присяжнаго попечителя, члена конкурснаго управленія, опекуна представляются, поэтому, вполнѣ совмѣстимыми съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго. Можетъ ли присяжный повѣренный быть членомъ администраціи — это зависитъ отъ того, какъ разрѣшенъ вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣреныхъ заниматься торговлей. Администрація, по закону (Уст. торг. ст. 1870), вступаетъ во всѣ права хозяина, т. е. продолжаетъ его торговыя дѣла; очевидно, поэтому, что если присяжный повѣренный не долженъ торговать отъ своего имени, то не долженъ и принимать участія въ администраціи. Въ С.-Петербургскомъ Совѣтѣ недавно возникалъ вопросъ о томъ, прилично ли присяжному повѣренному становиться такъ называемымъ *казеннымъ* опекуномъ, т. е. выражать заранѣе согласіе на принятіе всѣхъ опекъ, которыя будутъ ему предложены дворянской опекой или сиротскимъ судомъ. Намъ кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, именно потому, что опекуны подчинены, черезъ посредство опекунскихъ учрежденій, судебнымъ мѣстамъ. Званіе опекуна весьма важно, такъ что нельзя не пожелать, чтобы оно чаще было принимаемо лицами образованными, нравственно развитыми и состоящими подъ двойнымъ контролемъ суда и совѣта. Само собою разумѣется, что при отрицательномъ разрѣшеніи вопроса о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей, они не должны принимать на себя опеки надъ лицами, отъ имени которыхъ имъ пришлось бы вести торговыя дѣла.

катурой занятія торговлей? Во Франціи, какъ мы уже видѣли, они недоступны для адвокатовъ въ силу самаго закона. Нашъ законъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ предметѣ. С.-Петербургскій совѣтъ, въ 1869 г., призналъ необходимымъ потребовать отъ одного лица, занимавшагося торговлей и изъявившаго желаніе вступить въ присяжные повѣренные, удостовѣреніе о томъ, что онъ прекратилъ свои торговыя дѣла, и лишь по полученіи такого удостовѣренія выдалъ ему свидѣтельство на званіе присяжнаго повѣреннаго; но въ отчетѣ совѣта за 1869 г. объяснено, что образъ дѣйствій совѣта въ данномъ случаѣ не предрѣшаетъ общаго вопроса о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей *). Въ 1873 г. совѣтъ призналъ, что коммиссіонерство или посредничество въ торговыхъ сдѣлкахъ, въ покупкѣ и продажѣ недвижимыхъ имѣній или другихъ предметовъ, несовмѣстно съ достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго **). Въ настоящее время вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей вновь поднятъ С. Петербургскимъ Совѣтомъ, но къ окончательному заключенію Совѣтъ, сколько намъ извѣстно, еще не пришелъ. Въ пользу утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса приводятся обыкновенно слѣдующія соображенія: занятія торговлей, если она ведется честно, не представляютъ ничего несогласнаго съ достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ родовъ торговли, ставящихъ торговца въ прямую зависимость отъ полиціи или легко навлекающихъ на него подозрѣніе въ неблаговидномъ образѣ дѣйствій (напр. содержаніе трактира, питейнаго дома, кассы ссудъ,

*) См. ниже, ч. 2, стр. 11—12.

**) Тамъ же, стр. 256.

конторы для продажи и покупки всякихъ вещей). Торговля отвлекаетъ присяжнаго повѣреннаго отъ его адвокатскихъ обязанностей ничуть не больше, чѣмъ напримѣръ литературныя занятія, безспорно для него открытыя; она можетъ быть ведена, притомъ, черезъ посредство другихъ лицъ, съ оставленіемъ за присяжнымъ повѣреннымъ только роли наблюдателя или руководителя. Она можетъ достаться присяжному повѣренному по наслѣдству, въ уплату долга или вообще при такихъ условіяхъ, что прекращеніе ея было бы сопряжено для него съ большими потерями, почти съ раззореніемъ. Она можетъ ограничиваться предметами, производимыми въ имѣніи присяжнаго повѣреннаго; запрещеніе ея въ этомъ случаѣ было бы стѣсненіемъ его права собственности. Если признать, что присяжные повѣренные не могутъ заниматься торговлей, то непослѣдовательно было бы оставлять за ними право быть директорами акціонерныхъ обществъ, даже членами совѣта или наблюдательнаго комитета въ такихъ обществахъ, которыя вѣдь почти всѣ въ сущности занимаются торговлей. Французскій взглядъ на несовмѣстимость торговли съ адвокатскими занятіями основанъ на устарѣломъ предразсудкѣ, въ силу котораго торговля причислялась къ занятіямъ низшаго, а адвокатская профессія—къ занятіямъ высшаго рода. Защитники противуположнаго мнѣнія возражаютъ, что съ торговыми занятіями неразрывно связаны привычки, пріемы, взгляды, далеко несогласные съ тѣми, которые свойственны адвокатской профессіи. Такъ, напримѣръ, торговецъ часто по необходимости прибѣгаетъ къ оглашенію производимой имъ торговли, предлагаетъ свой товаръ, предупреждая запросъ на него, самъ выставляетъ на видъ его достоинства — а присяжный повѣренный долженъ выжидать

*

практики, не стараясь привлечь ее къ себѣ искусственно. Торговецъ предпринимаетъ ту или другую операцію, сообразуясь только съ ея выгодностью — присяжный повѣренный долженъ руководствоваться при выборѣ дѣлъ совершенно другими соображеніями. Торговецъ слишкомъ часто смотритъ на своихъ конкурентовъ какъ на враговъ, съ которыми позволительно или даже необходимо бороться — присяжный повѣренный долженъ видѣть въ своихъ конкурентахъ товарищей, имѣющихъ право на его совѣтъ и поддержку. Въ настоящее время торговля немыслима безъ кредита; торговецъ въ каждую данную минуту является и должникомъ, и кредиторомъ, такъ что неисправность его должниковъ можетъ, даже безъ всякой неосторожности съ его стороны, сдѣлать его неисправнымъ передъ его кредиторами. Для присяжнаго повѣреннаго такое положеніе было бы крайне неудобно и даже опасно; завѣдуя дѣлами другихъ лицъ, онъ прежде всего долженъ быть совершенно спокоенъ на счетъ своихъ собственныхъ; разстройство послѣднихъ слишкомъ легко могло бы отозваться и на первыхъ. Между интересами присяжнаго повѣреннаго, какъ торговца, и обязанностями его, какъ адвоката, возможно столкновеніе, изъ котораго онъ не всегда выйдетъ побѣдителемъ; такъ напримѣръ, ему поручено взысканіе съ извѣстнаго лица — между тѣмъ онъ узнаетъ, что раззореніе этого лица, неизбѣжно связанное съ неудачнымъ для него исходомъ процесса, повлечетъ за собою несостоятельность третьяго лица, состоящаго, по торговымъ оборотамъ, должникомъ присяжнаго повѣреннаго на значительную сумму. Конечно, узнавъ объ этомъ, присяжный повѣренный можетъ отказаться отъ порученнаго ему дѣла; но даже отказъ, несвоевременно заявленный, можетъ принести существенный

вредъ довѣрителю, вполнѣ полагавшемуся на своего повѣреннаго. Всѣ эти соображенія примѣнимы и къ управленію дѣлами акціонернаго общества, предпріятіе котораго имѣетъ торговый характеръ, но примѣнимы лишь до извѣстной степени, потому что интересъ директора или члена правленія въ завѣдываемомъ имъ дѣлѣ никогда не можетъ быть такъ силенъ, какъ интересъ торговца въ своей собственной торговлѣ. Къ дѣятельности члена совѣта или наблюдательнаго комитета они почти вовсе непримѣнимы.

Право совѣта признавать нѣкоторые роды торговли несовмѣстными съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго не подлежитъ въ нашихъ глазахъ ни малѣйшему сомнѣнію; достаточно назвать рядомъ адвокатуру и содержаніе, напримѣръ, питейнаго дома, чтобы убѣдиться въ томъ, что одна изъ этихъ профессій *безусловно* исключаетъ другую. Болѣе спорнымъ представляется общій вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей. Не разрѣшая его въ смыслѣ абсолютнаго запрещенія, мы склоняемся однако къ возможно большему разъединенію занятій, дѣйствительно слишкомъ разнородныхъ, чтобы совмѣщеніе ихъ въ одномъ лицѣ могло быть признано совершенно безвреднымъ. Если присяжный повѣренный, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, дѣлается владѣльцемъ торговаго предпріятія—не принадлежащаго къ числу тѣхъ, о которыхъ мы упомянули выше, — совѣтъ, по нашему мнѣнію, не долженъ требовать отъ него немедленнаго отказа или отъ этого предпріятія, или отъ званія присяжнаго повѣреннаго; онъ долженъ назначить срокъ, въ продолженіе котораго присяжный повѣренный — если желаетъ сохранить за собой это званіе — могъ бы принять мѣры къ безубыточному прекращенію торговли или къ передачѣ ея другому лицу; но по истеченіи

срока выборъ между торговлей и званіемъ присяжнаго повѣреннаго долженъ быть сдѣланъ подъ опасеніемъ, потери права на это званіе. Исключеніе изъ общаго правила могло бы быть сдѣлано въ пользу торговли произведеніями собственнаго хозяйства или рукодѣлья присяжнаго повѣреннаго, когда она, по способу производства, принадлежитъ къ разряду торговыхъ дѣйствій, свободныхъ по закону для всѣхъ состояній (положеніе о пошлинахъ за право торговли. ст. 4 пун. 1, ст. 8), и не требуетъ взятія купеческаго свидѣтельства. Противъ принятія присяжными повѣренными званія директора или члена правленія акціонернаго общества нельзя привести столь вѣскихъ возраженій, какъ противъ непосредственнаго веденія имъ торговли; намъ кажется однако, что и этотъ родъ занятій во многихъ случаяхъ не вполнѣ совмѣстенъ съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго. Чѣмъ больше характеръ дѣятельности общества приближается къ характеру торговаго предпріятія, тѣмъ менѣе желательно участіе присяжнаго повѣреннаго въ управленіи его дѣлами. Директоромъ страховаго общества, напримѣръ, присяжный повѣренный можетъ быть съ гораздо меньшимъ неудобствомъ, чѣмъ директоромъ банка. Есть, наконецъ, общества слишкомъ близко соприкасающіяся съ тѣми родами торговли, которые безусловно должны быть закрыты для присяжныхъ повѣренныхъ (напримѣръ общество Европейской гостинницы, общество частнаго ломбарда); къ завѣдыванію дѣлами такихъ обществъ присяжные повѣренные, по нашему мнѣнію, вовсе не должны быть допускаемы *). Во всѣхъ остальныхъ слу-

*) Въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ хозяиномъ или хозяевами предпріятія на самомъ дѣлѣ часто бываютъ одно или два, три лица, представителями которыхъ и служатъ, de facto, члены правленія. Понятно, что вступленіе присяжнаго повѣрен-

чаяхъ вступленіе присяжнаго повѣреннаго въ директоры акціонернаго общества едва ли можетъ вызвать вмѣшательство совѣта; но нельзя не пожелать, чтобы въ средѣ присяжныхъ повѣронныхъ сложилось мнѣніе, неблагопріятное для соединенія этихъ занятій съ адвокатскими обязанностями — мнѣніе на столько общее и твердое, чтобы быть нравственно-обязательнымъ для присяжныхъ повѣренныхъ.

Осуществленіе взгляда, поддерживаемаго нами, не повлечетъ за собою на практикѣ большихъ неудобствъ для присяжныхъ повѣренныхъ, большаго ограниченія ихъ свободы. И теперь уже только не многіе изъ нихъ завѣдуютъ, въ качествѣ директоровъ или членовъ правленія, дѣлами акціонерныхъ обществъ; соединеніе въ одномъ лицѣ адвокатскихъ и торговыхъ занятій—или желаніе соединить ихъ—представляется явленіемъ еще болѣе исключительнымъ. Допущеніе присяжныхъ повѣренныхъ къ производству торговли было бы, можетъ быть, выгодно для нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, но вредно для цѣлаго сословія, репутація котораго должна быть охраняема тѣмъ заботливѣе, чѣмъ чаще оно подвергается незаслуженнымъ или преувеличеннымъ нападеніямъ.

наго въ директоры такого общества представляетъ тѣже неудобства, какъ и принятіе имъ на себя званія кассира, бухгалтера, дѣлопроизводителя общества; и въ томъ и въ другомъ случаѣ положеніе его—не по имени, а по существудѣла—представляется одинаково зависимымъ, не самостоятельнымъ.

VIII.

Мы видѣли уже, что по господствующему во Франціи взгляду адвокатъ не считается повѣреннымъ, уполномоченнымъ своего кліента. Логическимъ послѣдствіемъ этого взгляда является правило — въ законѣ прямо не выраженное, но на практикѣ принятое во Франціи почти повсемѣстно,—въ силу котораго адвокатъ не имѣетъ права ни заключать съ своимъ кліентомъ условія о вознагражденіи, ни требовать вознагражденія судебнымъ порядкомъ. Если адвокатъ—только совѣтникъ, покровитель своего кліента, если между ними нѣтъ и не должно быть никакихъ договорныхъ отношеній, то уплата вознагражденія не можетъ быть разсматриваема иначе какъ свободное, непринужденное дѣйствіе кліента, на которое адвокатъ никакого права не имѣетъ. Адвокатъ, рѣшающійся предъявить къ своему кліенту искъ о вознагражденіи, подвергается обыкновенно исключенію изъ сословія. Взятіе отъ кліента векселя или другаго обязательства, въ обезпеченіе уплаты вознагражденія, также влечетъ за собою дисциплинарную отвѣтственность. Съ особенною строгостью французскіе совѣты относятся къ такъ называемому договору quotâ litis, т. е. къ опредѣленію вознагражденія адвоката извѣстнымъ процентомъ, извѣстною частью цѣнности предмета, о которомъ идетъ споръ. Размѣръ вознагражденія, вообще говоря, не долженъ зависѣть отъ результата процесса. Адвокатъ не долженъ выговаривать себѣ право на удержаніе вознагражденія изъ суммы, которая будетъ присуждена его кліенту. Пока процессъ не оконченъ, и слѣдовательно кліентъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ адвоката, адвокату запрещено занимать у своего

кліента деньги, продавать ему или покупать отъ него что-либо, и вообще вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сдѣлки по имуществу. Требовать уплаты вознагражденія впередъ адвокатъ можетъ только въ такомъ случаѣ, если его просятъ взять на себя дѣло, производящееся не въ томъ городѣ гдѣ онъ живетъ. Такъ какъ уплата вознагражденія не обязательна для кліента, то адвокатъ не долженъ давать ему росписки въ полученіи вознагражденія; только въ такомъ случаѣ, когда оно уплачивается черезъ посредство третьяго лица, адвокатъ можетъ увѣдомить это лице, *письмомъ*, о полученіи денегъ. Вознагражденіе, *добровольно* уплаченное, не можетъ быть, именно поэтому, требуемо обратно отъ адвоката *), Всѣ эти правила унаслѣдованы современными французскими совѣтами отъ прежней, парламентской адвокатуры, обычаи и преданія которой пережили революціонный кризисъ XVIII-го вѣка, уничтоживший на время самое сословіе адвокатовъ, и воскресли вмѣстѣ съ нимъ, когда оно было возстановлено Наполеономъ I-мъ. Запрещеніе адвокатамъ заключать условія о вознагражденіи встрѣчается уже въ законодательныхъ актахъ XIII-го и XIV-го вѣка **). Молло настаиваетъ съ особенною силой на необходимости сохранить неприкосновеннымъ это наслѣдіе старины, составляющее, по его мнѣнію, лучшую особенность и честь адвокатскаго сословія. «Допустить искъ о вознагражденіи», говоритъ онъ, «значило бы глубоко исказить, уничтожить функціи адвоката, превратить ихъ въ наемный трудъ (mandat salarié), дать имъ характеръ личнаго найма, подвергнуть дѣйствія адвоката, его искусство,

---

*) *Молло*, Т. I стр. 112—125, т. II стр. 287, 325, 383 и др.
**) *Молло*, т. I стр. 118, 199, 207.

его достоинство, можетъ быть даже его нравственность, публичному, унизительному для него обсужденію. Что сталось бы тогда съ нашими правилами и прерогативами, съ духомъ приличія и безкорыстія, характеризующимъ и облагороживающимъ нашу профессію, дающимъ ей право на уваженіе со стороны кліентовъ и даже самой магистратуры? Это былъ бы смертельный ударъ для профессіи!»

Нетрудно замѣтить, что этотъ взглядъ на адвокатское вознагражденіе грѣшитъ такою же искусственностью, какъ и знакомая намъ уже французская система несовмѣстимостей. Дѣло въ томъ, что они проистекаютъ изъ одного и того же источника—изъ ошибочнаго, или лучше сказать насильственно извращеннаго, представленія о свойствѣ обязанностей адвоката. Фактически адвокатъ представляетъ лице тяжущагося на судѣ, дѣйствуетъ согласно его указаніямъ, поддерживаетъ его требованія, отстаиваетъ его интересы, получая за это вознагражденіе, во многихъ случаяхъ заранѣе опредѣленное Дѣятельность его совмѣщаетъ въ себѣ такимъ образомъ всѣ характерическія черты дѣятельности повѣреннаго, отношенія его къ кліенту—всѣ характеристическія черты договорныхъ отношеній между повѣреннымъ и довѣрителемъ. Нежеланіе признать эту простую истину обусловливается, какъ намъ кажется, фальшивымъ идеализированіемъ умственнаго труда, въ силу котораго матеріальное вознагражденіе, въ особенности заранѣе опредѣленное, считается унизительнымъ для лица трудящагося. Всего упорнѣе этотъ предразсудокъ держался въ области литературы; у насъ, напримѣръ, болѣе разумный взглядъ на отношенія между авторомъ и издателемъ или книгопродавцемъ сталъ появляться только въ пушкинскую эноху. Само собою разумѣется, что ошибочная исходная точка всегда приво-

дила и приводитъ къ ненормальнымъ результатамъ. Невозможность получать правильное вознагражденіе за литературный трудъ создала меценатство съ одной стороны, попрошайничество съ другой, конечно менѣе благопріятное для достоинства литератора, чѣмъ любой договоръ между нимъ и книгопродавцемъ; невозможность вступать въ сдѣлки прямо съ кліентами влечетъ за собою зависимость адвокатовъ, въ особенности начинающихъ, отъ стряпчихъ, черезъ которыхъ они получаютъ и занятія, и вознагражденіе. Мы узнаемъ отъ самого Молло, что адвокаты даютъ иногда стряпчимъ, не получивъ отъ нихъ ни одного сантима, удостовѣреніе въ полученіи сполна всего гонорара, для того чтобы стряпчій могъ на основаніи этого удостовѣренія истребовать всю показанную въ немъ сумму отъ кліента, не платящаго ея добровольно, и затѣмъ передать ее адвокату (съ удержаніемъ, по всей вѣроятности, извѣстнаго процента за коммиссію). Такой образъ дѣйствій, конечно, признается предосудительнымъ, но не доказываетъ ли онъ необходимость установить болѣе правильныя отношенія между адвокатами и тяжущимися, назвать эти отношенія ихъ настоящимъ именемъ и открыто признать все что логически изъ нихъ проистекаетъ?

Если фикція, въ силу которой адвокатъ не считается повѣреннымъ своего кліента, до сихъ поръ могла, со всѣми своими послѣдствіями, удержаться во Франціи, то этому, какъ мы уже видѣли, значительно способствовало существованіе особаго класса стряпчихъ, служащихъ посредниками между адвокатами и тяжущимися. На оборотъ, отсутствіе такого класса въ Россіи содѣйствовало установленію между присяжными повѣренными и ихъ довѣрителями простыхъ, нормальныхъ отношеній, вполнѣ соотвѣтствующихъ харак-

теру и цѣли адвокатуры. У насъ никто не старался и не старается доказать, что адвокатъ—не повѣренный своего кліента, а нѣчто высшее, что вознагражденіе, получаемое имъ отъ кліента, платится ему въ знакъ дружбы и любви, а не какъ эквивалентъ оказанной имъ услуги. Нашъ законъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи за практикой, установилъ именно ту систему вознагражденія за адвокатскій трудъ, противъ которой такъ сильно возстаютъ французскіе писатели—систему вознагражденія *процентнаго*, измѣняющагося сообразно съ цѣнностью предмета спора. Признаемся откровенно, что мы не видимъ въ этой системѣ не только ничего *постыднаго* (Молло называетъ договоръ о процентномъ вознагражденіи—pacte honteux), но даже ничего неудобнаго или неумѣстнаго. Говорятъ, что она дѣлаетъ адвоката *участникомъ процесса*—а законы всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и нашъ (Учр. Суд. Устан. ст. 400). запрещаютъ адвокатамъ покупать или инымъ образомъ пріобрѣтать права своихъ довѣрителей по дѣламъ, ими производимымъ; если же нельзя пріобрѣтать цѣлаго, то нельзя пріобрѣтать и части. Но предоставленіе адвокату, въ видѣ вознагражденія, извѣстной части спорнаго предмета или его цѣнности не имѣетъ ничего общаго съ покупкой тяжбы отъ довѣрителя. Въ послѣднемъ случаѣ предполагается, что адвокатъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ своего кліента или уменьшая въ его глазахъ шансы выигрыша процесса, можетъ склонить его къ невыгодной для него уступкѣ; въ первомъ случаѣ тяжущійся не поступается своимъ правомъ, а соглашается только, на случай признанія и осуществленія его, удѣлить адвокату извѣстную часть пріобрѣтенной такимъ образомъ выгоды. При такомъ соглашеніи тяжущійся сохраняетъ за собою право уничтожить

довѣренность, имъ выданную, прекратить дѣло, помириться съ противникомъ—однимъ словомъ, онъ остается хозяиномъ дѣла. Конечно, подъ формой условія о вознагражденіи можетъ иногда скрываться фактическая переуступка тяжбы; если напримѣръ вознагражденіе адвоката, въ случаѣ выигрыша дѣла, должно составить 90%, а на случай уничтоженія довѣренности или прекращенія дѣла миромъ выговорена въ его пользу такая же сумма въ видѣ неустойки, то настоящимъ собственникомъ тяжбы является, адвокатъ, а не истецъ; но такой обходъ закона всегда можетъ быть обнаруженъ и наказанъ совѣтомъ. Съ другой стороны, если полученіе адвокатомъ вознагражденія обусловлено выигрышемъ дѣла, то какъ бы оно ни было исчислено и опредѣлено—извѣстнымъ ли процентомъ, круглой ли суммой,—адвокатъ во всякомъ случаѣ становится участникомъ процесса, потому что прямо заинтересованъ въ его исходѣ.

Вопросъ о процентномъ вознагражденіи сводится такимъ образомъ къ другому вопросу—можно ли, слѣдуетъ ли ставить право адвоката на вознагражденіе, а также и цифру вознагражденія, въ зависимость отъ исхода и отъ важности дѣла? Съ точки зрѣнія французской системы, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно, такъ какъ размѣръ вознагражденія и самая уплата его или неуплата предоставляются, въ теоріи, на усмотрѣніе и совѣсть кліента. На практикѣ, конечно, вопросъ разрѣшается и во Франціи нѣсколько иначе; да и слишкомъ странно было бы вознаграждать адвоката одинаково за процессъ въ тысячу и за процессъ въ сто тысячъ франковъ. Если размѣръ вознагражденія французскаго адвоката и не увеличивается строго-пропорціонально увеличенію цѣнности дѣла, то всетаки онъ значительно измѣняется подъ ея вліяніемъ. Столь же несом-

нѣнно и то, что французскій адвокатъ не всегда получаетъ за свой трудъ одну и ту же сумму и въ случаѣ выигрыша, и въ случаѣ проигрыша дѣла. Въ Россіи поставленный нами вопросъ разрѣшается утвердительно и закономъ, и практикою. Практика идетъ даже дальше закона; такса 3-го іюля 1868 г. назначаетъ присяжнымъ повѣреннымъ извѣстное вознагражденіе и на случай проигрыша процесса,—но правило это остается почти вовсе безъ примѣненія, и присяжные повѣренные, за самыми рѣдкими исключеніями, выговариваютъ себѣ вознагражденіе только на случай выигрыша дѣла. Намъ кажется, что такой порядокъ вещей наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни и долженъ установиться вездѣ, гдѣ этому не мѣшаетъ обычай или лучше сказать предразсудокъ, освященный временемъ. Тяжущійся, проигравшій дѣло, весьма часто не въ состояніи уплатить своему повѣренному даже самой небольшой суммы, или по крайней мѣрѣ такая уплата была бы для него крайне затруднительна и непріятна; тяжущійся, выигравшій дѣло охотно готовъ удѣлить сравнительно большую часть выигрыша тому, съ помощью котораго онъ получилъ его. Правда, трудъ адвоката не можетъ быть измѣряемъ ни цѣнностью дѣла, ни его исходомъ; но при опредѣленіи вознагражденія справедливо принимать въ соображеніе какъ количество, такъ и качество труда, часто, если и не всегда, выражающееся въ его результатѣ. Съ другой стороны, если часть адвокатскаго труда остается вовсе неоплаченною, то другая часть по необходимости должна быть оплачиваема нѣсколько выше ея нормальной стоимости. Присяжные повѣренные не получаютъ вознагражденія не только за дѣла проигранныя ими—проигранныя весьма часто безъ всякой вины, безъ всякаго улущенія со стороны адвоката, только

вслѣдствіе разногласія между нимъ и судьями по юридическому вопросу, который можетъ быть разрѣшенъ и такъ, и иначе—но и за дѣла выигранныя, если присужденная въ пользу истца сумма не можетъ быть взыскана съ отвѣтчика. Потери, которыя они такимъ образомъ несутъ, уравновѣшиваются возвышеніемъ вознагражденія по мѣрѣ увеличенія цѣнности процесса. Нельзя отрицать, что надежда на вознагражденіе служитъ однимъ изъ стимуловъ адвокатскаго труда, какъ впрочемъ и всякаго другаго; но никто не замѣчалъ еще, чтобы дѣлами малоцѣнными присяжные повѣренные занимались кое-какъ, обращая все свое вниманіе на дѣла болѣе крупныя. Не говоря уже о сознаніи долга, самолюбіе, желаніе успѣха, опасеніе повредить своей репутаціи или подвергнуться отвѣтственности передъ совѣтомъ—побужденія достаточно сильныя, чтобы внушить присяжному повѣренному одинаковую заботливость о всѣхъ дѣлахъ, ему ввѣренныхъ. Существованіе процентнаго вознагражденія представляется такимъ образомъ вполнѣ совмѣстнымъ какъ съ интересами тяжущихся, такъ и съ достоинствомъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Если писатель, передающій другому лицу право на изданіе своего сочиненія, авторъ оперы или драмы, уполномочивающій на ея представленіе дирекцію того или другаго театра, учитель, берущій на себя преподаваніе въ школѣ, могутъ заключать и заключаютъ письменныя условія о количествѣ слѣдующаго имъ за то вознагражданія, то мы не видимъ причины, по которой заключеніе такихъ условій должно было бы считаться предосудительнымъ со стороны адвоката. Отдавая другому, по свободному соглашенію съ нимъ, свой трудъ, свое время, свои силы, онъ имѣетъ полное право обезпечить себя договоромъ, юридически - обяза-

тельнымъ. Отсюда проистекаетъ само собою право осуществлять этотъ договоръ путемъ судебнаго требованія, потому что въ противномъ случаѣ исполненіе условія зависѣло бы исключительно отъ доброй воли кліента, и самое заключеніе его представлялось бы совершенно излишнимъ. Во Франціи процессы между литераторомъ и книгопродавцемъ, между драматическимъ писателемъ и директоромъ театра встрѣчаются довольно часто — и никто не утверждаетъ, чтобы отъ этого страдало доброе имя писателей, никто не упрекаетъ ихъ по этому поводу въ корыстолюбіи, въ слишкомъ ревнивомъ охраненіи своихъ матеріальныхъ интересовъ. Логично ли, послѣ этого, отказывать адвокатамъ въ правѣ, принадлежащемъ всѣмъ товарищамъ ихъ по умственной дѣятельности? Нужна вся сила вѣковой привычки, чтобы не замѣтить столь явнаго противорѣчія и не отказаться отъ его поддержки. Французское воззрѣніе, перенесенное на нашу почву, дало бы слѣдующіе результаты: недобросовѣстные тяжущіеся стали бы постоянно уклоняться отъ исполненія обѣщаній, данныхъ ими при началѣ дѣла; къ вознагражденію за адвокатскій трудъ прибавилось бы нѣчто въ родѣ страховой преміи, т. е. оно возвысились бы настолько, насколько полученіе его сдѣлалось бы невѣрнымъ и затруднительнымъ; это увеличеніе вознагражденія пало бы всею своею тяжестью на честныхъ тяжущихся, которые платили бы такимъ образомъ и за себя, и за другихъ. Присяжные повѣренные во многихъ случаяхъ стали бы требовать уплаты впередъ всего условленнаго вознагражденія или извѣстной его части, затрудняя этимъ начатіе и веденіе дѣлъ для небогатыхъ тяжущихся. Отправленіе правосудія сдѣлалось бы болѣе дорогимъ и менѣе доступнымъ, а это въ свою очередь не могло бы не уронить адвокатское сословіе въ

глазахъ общества. Безпрестанно становясь жертвой обмана и не имѣя никакихъ средствъ предупредить его, присяжные повѣренные легко могли бы сдѣлаться менѣе разборчивыми и деликатными въ отношеніяхъ своихъ къ довѣрителямъ и противникамъ. Нельзя не признать, поэтому, что нашъ законъ, установивъ таксу вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ, практика нашихъ совѣтовъ, допустивъ судебное взысканіе присяжными повѣренными съ своихъ довѣрителей условленнаго или слѣдующаго по таксѣ вознагражденія, стали на вѣрный путь и дали вопросу совершенно правильное разрѣшеніе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и во Франціи дѣйствительнымъ источникомъ, дѣйствительной опорой уваженія къ адвокатскому сословію служатъ его безспорныя заслуги, его честныя стремленія, а не то или другое юридическое опредѣленіе отношеній адвоката къ кліенту не покровъ тайны, наброшенный на денежные разсчеты ихъ между собою. Не смотря ни на какія фикціи, всякій очень хорошо понимаетъ, что и французскій адвокатъ трудится не даромъ, не въ надеждѣ на великодушіе кліента, а за опредѣленное вознагражденіе; открыто признать это самимъ адвокатамъ мѣшаетъ только ложный стыдъ, а отнюдь не правильно понятое чувство собственнаго достоинства.

Но допуская въ принципѣ заключеніе присяжными повѣренными условій о вознагражденіи и требованіе вознагражденія судебнымъ порядкомъ, мы думаемъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, присяжные повѣренные должны дѣйствовать съ особенною осторожностью и деликатностью. Обезпечивая повѣреннаго, условіе не должно стѣснять довѣрителя, не должно ставить послѣдняго въ зависимость отъ перваго. Отношенія повѣреннаго къ довѣрителю нормальны только тогда, когда они основаны на взаимномъ довѣріи;

они не должны продолжаться вопреки желанію одной изъ сторонъ; повѣренный точно также не долженъ навязывать довѣрителю своихъ услугъ, какъ довѣритель не долженъ навязывать повѣренному веденіе дѣла. Отсюда слѣдуетъ, что присяжные повѣренные не должны требовать отъ своихъ довѣрителей такихъ обязательствъ, которыя, de facto, отнимали бы у довѣрителей возможность уничтожить однажды данную довѣренность, передать дѣло другому лицу. Удерживать за собою такими средствами веденіе процесса — несовмѣстно съ достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго. Достаточнымъ огражденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ противъ недобросовѣстности довѣрителей служитъ пун. 10-ый таксы 3-го іюля 1868 г., опредѣляющій вознагражденіе, на которое присяжный повѣренный имѣетъ право въ случаѣ прекращенія, безъ его вины, даннаго ему уполномочія *). Но еслибы даже уничтоженіе довѣренности и могло причинить присяжному повѣренному невознаградимый убытокъ, то лучше понести его, чѣмъ прибѣгать, для его предупрежденія, къ опредѣленію несоразмѣрно высокой неустойки, связывающей свободу дѣйствій довѣрителя. Условіе не должно, далѣе, ограничивать право довѣрителя на повѣрку того что сдѣлано повѣреннымъ—не должно, напримѣръ, опредѣлять, что вознагражденіе должно быть уплачено повѣренному, хотя

*) Мы думаемъ, что этотъ пунктъ таксы можетъ быть примѣняемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда между присяжнымъ повѣреннымъ и довѣрителемъ заключено письменное условіе, но прекращеніе уполномочія до окончанія дѣла въ немъ не предусмотрѣно. По смыслу пун. 2 ст. 396-ой Учр. Суд. Устан., такса вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ опредѣляетъ всѣ тѣ отношенія между ними и довѣрителями ихъ, которыя не составляютъ предмета особаго между ними соглашенія.

бы онъ ни разу не явился въ судъ и ничѣмъ не выразилъ своего ходатайства по дѣлу. Редакція условій—въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависящая отъ присяжнаго повѣреннаго—должна быть настолько ясна, чтобы не допускать недоразумѣній и сомнѣній, въ особенности ко вреду довѣрителя. Что касается до требованія вознагражденія судебнымъ порядкомъ, то оно должно быть разсматриваемо какъ крайнее средство, къ которому можно прибѣгать только за истощеніемъ всѣхъ другихъ и только тогда, когда удовлетвореніе требованія судомъ не представляется сомнительнымъ. Предъявленію иска должно предшествовать назначеніе, путемъ частной переписки *) или даже нотаріальнаго заявленія, срока, до котораго присяжный повѣренный будетъ ожидать добровольной уплаты вознагражденія. Если довѣритель будетъ просить объ отсрочкѣ и подкрѣпитъ эту просьбу хоть сколько нибудь уважительными основаніями, она должна быть исполнена. Если смыслъ условія возбуждаетъ сомнѣнія, которыя могутъ быть истолкованы не въ пользу присяжнаго повѣреннаго, то лучше вовсе не предъявлять иска—или той его части, въ которой можно ожидать отказа, — такъ какъ отказъ присяжному повѣренному въ искѣ вознагражденія легко можетъ произвести неблагопріятное для него впечатлѣніе, давъ поводъ думать, что онъ требуетъ того, на что не имѣетъ права. Еще болѣе основаній воздержаться отъ предъявленія иска представляется тогда, когда веденіе дѣла со стороны присяжнаго повѣреннаго не было вполнѣ безукоризнено, когда можно ожидать, что отвѣтчикъ будетъ возражать противъ искового требованія ссылкою на

*) Тонъ и форма этой переписки должны быть строго личны (объ этомъ см. ниже, ч. 2, стр. 225—226).

*

пун. 10-й или 16-й таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ *). При исполненіи судебнаго рѣшенія о взысканіи въ пользу присяжнаго повѣреннаго съ бывшаго довѣрителя вознагражденія за веденіе дѣла присяжный повѣренный также долженъ дѣйствовать безъ излишней настойчивости и строгости; онъ не долженъ отказывать должнику въ просьбѣ объ отсрочкѣ или разсрочкѣ, если только она не вызвана желаніемъ уклониться отъ платежа долга, и не долженъ просить о личномъ задержаніи должника **). Уступка присяжнымъ повѣреннымъ своего права на искъ другому лицу не представляется желательною, именно потому, что отъ новаго пріобрѣтателя права нельзя ожидать того снисхожденія къ должнику, котораго можно и должно требовать отъ присяжнаго повѣреннаго.

Мы подходимъ теперь къ одному изъ тѣхъ вопросовъ,

---

*) На основаніи пун. 10-го таксы, присяжный повѣренный имѣетъ право на вознагражденіе, въ случаѣ прекращенія довѣрителемъ уполномочія, лишь тогда, когда онъ самъ не далъ къ тому достаточнаго повода. На основаніи ст. 16-ой, въ указанныхъ ст. 404-ой Учр. Суд. Устан. случаяхъ повѣренный лишается всякаго права на вознагражденіе за ходатайство; а ст. 404-ая предусматриваетъ пропущеніе, по винѣ присяжнаго повѣреннаго, узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе установленныхъ правилъ и формъ.

**) С.-Петербургскій Совѣтъ призналъ за присяжными повѣренными право на предъявленіе такой просьбы (ч. 2, стр. 226, 227)—и съ формальной точки зрѣнія отрицать это право конечно нельзя; намъ кажется, однако, что прежнія отношенія повѣреннаго къ довѣрителю должны удерживать перваго отъ принятія противъ послѣдняго такой мѣры, которая въ огромномъ большинствѣ случаевъ возмущаетъ нравственное чувство и по всей вѣроятности скоро исчезнетъ изъ нашего законодательства.

которые стоятъ въ самой тѣсной связи съ нападеніями, со всѣхъ сторонъ дѣлаемыми на нашу адвокатуру—къ вопросу о размѣрахъ вознагражденія за адвокатскій трудъ. Кому не случалось читать или слышать ироническихъ или негодующихъ восклицаній объ адвокатахъ, загребающихъ золото лопатами, черпающихъ свое вдохновеніе изъ произведеній экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, соперничающихъ въ нелѣпой роскоши съ праздной частью аристократической или купеческой молодежи, примыкающихъ, однимъ словомъ, къ рядямъ ташкентцевъ всѣхъ сортовъ и наименованій? Нельзя, конечно, утверждать, чтобы эта картина имѣла исключительно фантастическій характеръ; нѣкоторыя основанія для нея безспорно существовали и существуютъ. Весь вопросъ въ томъ, не слишкомъ ли поспѣшно и смѣло сдѣланъ общій выводъ изъ нѣсколькихъ единичныхъ фактовъ, не слишкомъ ли безцеремонно присвоены цѣлому сословію характеристическія черты немногихъ его членовъ или даже постороннихъ ему лицъ, связанныхъ съ нимъ только однородностью занятій? Обвиненіе, приведенное нами выше, распадается на двѣ отдѣльныя части: одна касается *способа пріобрѣтенія* денегъ адвокатами, другая—*способа расходованія* ихъ. Останавливаться на послѣдней мы считаемъ излишнимъ; кто захочетъ быть безпристрастнымъ, тотъ безъ сомнѣнія признаетъ вмѣстѣ съ нами, что типъ хвастливаго мота, хлыща, трактирнаго героя, встрѣчается между присяжными повѣренными чрезвычайно рѣдко, что огромное большинство ихъ ведетъ скромный образъ жизни, что если нѣкоторымъ изъ нихъ и кружилъ голову неожиданно-быстрый успѣхъ, то это ненормальное состояніе почти всегда продолжалось недолго и проходило безслѣдно. Гораздо важнѣе другая сторона во-

проса; обвиненіе присяжныхъ повѣренныхъ въ несоразмѣрно-высокой оцѣнкѣ адвокатскаго труда сохраняетъ свою силу независимо отъ того, какъ тратятся пріобрѣтаемыя этимъ путемъ деньги.

Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе объ условіяхъ, опредѣляющихъ размѣръ вознагражденія за адвокатскій трудъ, необходимо обратиться ко времени, непосредственно предшествовавшему судебной реформѣ. До конца пятидесятыхъ или начала шестидесятыхъ годовъ адвокатура, какъ профессія, у насъ, можно сказать, не существовала. Были, конечно, ходатаи по дѣламъ, но они—за рѣдкими исключеніями—занимались не столько разработкой дѣла и возникающихъ въ немъ юридическихъ вопросовъ, сколько закулисными происками и просьбами, личными объясненіями съ чиновниками судебныхъ канцелярій и т. п. Около 1860 г. это положеніе дѣлъ начинаетъ измѣняться. Распространяется слухъ о предстоящемъ коренномъ преобразованіи суда, объ учрежденіи адвокатскаго сословія—слухъ, скоро принимающій характеръ достовѣрности, такъ какъ въ 1862 г. издаются основныя положенія судебной реформы. Въ средѣ молодыхъ людей, занимающихся или предполагающихъ заняться судебными дѣлами, образуются кружки, съ цѣлью приготовленія къ будущей дѣятельности въ качествѣ судей, прокуроровъ, адвокатовъ *). Отчасти изъ этихъ кружковъ, от-

*) Нельзя не пожалѣть, что свѣдѣнія объ этихъ кружкахъ такъ рѣдко появлялись въ печати; они заслуживали бы почетнаго мѣста въ исторіи судебной реформы. Если новое судебное устройство привилось у насъ сравнительно легко и скоро, то этому безъ сомнѣнія способствовала приготовительная работа, тихо, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе плодотворно совершавшаяся въ средѣ частныхъ юридическихъ собраній.

части изъ другихъ сферъ, проникнутыхъ тѣми же стремленіями, выходятъ адвокаты новаго типа, съ любовью от-

---

Объ одномъ изъ такихъ собраній авторъ настоящей книги можетъ свидѣтельствовать по опыту, такъ какъ былъ членомъ его съ самаго его основанія (въ 1859 г.), въ продолженіе почти девяти лѣтъ. Онъ обязанъ ему очень многимъ, и убѣжденъ, что тоже самое скажутъ и другіе его члены. Собираясь постоянно разъ въ недѣлѣ, члены собранія проводили по пяти, по шести часовъ въ самыхъ оживленныхъ бесѣдахъ о судебныхъ дѣлахъ и юридическихъ вопросахъ. До введенія въ дѣйствіе судебной реформы занятія собранія были устроены слѣдующимъ образомъ: первая часть вечера посвящалась чтенію и разбору законопроектовъ по части судопроизводства и дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, а послѣ 20-го Ноября 1864 г.—и самыхъ судебныхъ уставовъ; вторая часть вечера—докладу дѣлъ, при чемъ двое изъ членовъ собранія являлись сторонами, третій исполнялъ обязанность предсѣдателя, а всѣ остальные участвовали въ обсужденіи и разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ доложеннаго дѣла. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время судопроизводство было еще письменное, не гласное, такъ что участіе въ собраніи представлялось для его членовъ единственнымъ средствомъ приготовить себя къ судебнымъ преніямъ, къ постановкѣ вопросовъ, къ резюмированію дѣла. Отсюда живой интересъ, съ которымъ относились къ занятіямъ собранія всѣ его члены. Послѣ осуществленія судебной реформы интересъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ ослабѣть; члены собранія, сдѣлавшись судьями, прокурорами, адвокатами, нашли въ своей оффиціальной дѣятельности все то, что прежде могло дать имъ только собраніе; одни оставили его, для другихъ оно отошло на второй планъ. Существуетъ оно, впрочемъ, до сихъ поръ, какъ и нѣкоторыя другія собранія, имѣющія цѣлью болѣе общее обсужденіе вопросовъ, возникающихъ въ практикѣ каждаго изъ членовъ. Намъ кажется, что всѣ эти собранія, соединенныя въ одно, могли бы сдѣлаться зерномъ юридическаго общества, учрежденіе котораго въ Петербургѣ давно уже является настоятельною потребностью.

носящіеся къ своему призванію. Не ожидая осуществленія судебной реформы, они начинаютъ ходатайствовать по дѣламъ въ судахъ стараго порядка, но вносятъ въ это ходатайство такіе пріемы, которые были ему до тѣхъ поръ почти совершенно чужды. Составленіе состязательныхъ бумагъ и рукоприкладства пріобрѣтаетъ значеніе, котораго оно прежде не имѣло; личныя объясненія съ судьями и дѣлопроизводителями перестаютъ играть главную роль въ дѣятельности адвоката; вся задача его прежде заключалась въ томъ, чтобы *расположить* ихъ въ пользу тяжущагося—теперь является стремленіе *убѣдить* ихъ въ его правотѣ. Прежніе адвокаты большею частью брались только за совершеніе отдѣльныхъ судебныхъ (а можетъ быть и внѣсудебныхъ) дѣйствій, и получали за это извѣстное вознагражденіе, независимо отъ результата ихъ стараній. Новые адвокаты, принимая на себя веденіе дѣла въ полномъ его объемѣ, обусловливаютъ свое вознагражденіе исходомъ процесса. При этомъ выработывается болѣе или менѣе однообразный размѣръ вознагражденія; оно опредѣляется, въ большинствѣ случаевъ, въ десять процентовъ съ той суммы, которая окончательнымъ рѣшеніемъ будетъ присуждена въ пользу истца (и имъ дѣйствительно получена) или отъ взысканія которой будетъ освобожденъ отвѣтчикъ. При тогдашнихъ условіяхъ вознагражденіе въ 10% могло считаться умѣреннымъ; дѣла продолжались по цѣлымъ годамъ, проходили черезъ множество инстанцій; много труда тратилось понапрасну, ожидать уплаты приходилось очень долго, такъ что ограничиваться небольшимъ гонораромъ для адвоката, живущаго исключительно своею профессіей, а не занимающагося ею такъ, между прочимъ, было почти невозможно. Таково было положеніе дѣлъ, когда были введены

въ дѣйствіе судебные уставы. Въ продолженіе двухъ лѣтъ таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ вовсе не существовало, и размѣръ адвокатскаго гонорара опредѣлялся исключительно условіями между тяжущимися и ихъ повѣренными. Понятно, что норма, уже вошедшая въ обычай, не могла не отразиться на этихъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что присяжныхъ повѣренныхъ, да и вообще адвокатовъ, сначала—при большомъ наплывѣ дѣлъ—было сравнительно немного, и самый трудъ ихъ, среди новой, непривычной обстановки, былъ сравнительно тяжелѣе. Десятипроцентное вознагражденіе осталось такимъ образомъ, на первое время, самымъ обыкновеннымъ; но уже осенью 1866 г. С.-Петербургскій Совѣтъ указывалъ на то, что оно слишкомъ высоко для дѣлъ многоцѣнныхъ—другими словами, что процентъ вознагражденія долженъ понижаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается цѣна иска. Это начало и было положено въ основаніе таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ, изданной, наконецъ, въ іюлѣ 1868 г. Мы не можемъ опредѣлить съ точностью вліянія ея на размѣръ вознагражденія, назначаемаго по свободному соглашенію между тяжущимися и ихъ повѣренными; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что съ самаго изданія таксы вознагражденіе это начинаетъ клониться къ пониженію, и что основное положеніе таксы—уменьшеніе процента вознагражденія по мѣрѣ увеличенія цѣны иска—соблюдается большею частью и въ тѣхъ случаяхъ, къ которымъ такса непримѣнима. Присяжные повѣренные получаютъ, по условію, иногда больше, иногда меньше, чѣмъ слѣдовало бы по таксѣ; но больше десяти процентовъ они выговариваютъ себѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, при особенной сложности дѣла, или при принятіи на свой счетъ всѣхъ расходовъ по

его веденію,—а вознагражденіе, меньшее десяти процентовъ, предлагается тяжущимися и принимается присяжными повѣренными очень часто. Въ виду постоянно увеличивающагося числа присяжныхъ повѣренныхъ, въ будущемъ слѣдуетъ ожидать еще дальнѣйшаго уменьшенія адвокатскаго гонорара. Остановить пониженіе или вызвать возвышеніе его не могло бы, какъ намъ кажется, даже объявленіе комплекта, уже потому, что отъ тяжущихся всегда зависѣло бы воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ ст. 392 Учр. Суд. Уст., и пріобрѣсти такимъ образомъ содѣйствіе присяжнаго повѣреннаго за вознагражденіе, опредѣленное таксой.

Сравнительно-высокое вознагражденіе за адвокатскій трудъ, существующее въ настоящую минуту, объясняется, однако, не одними только временными, случайными условіями; оно имѣетъ и другія, болѣе прочныя основанія. Мы видѣли уже, что уплата гонорара, по принятому у насъ обычаю, зависитъ большею частью отъ исхода процесса; въ случаѣ проигрыша дѣла, а также въ случаѣ неполученія истцемъ присужденныхъ въ его пользу денегъ, трудъ адвоката чаще всего остается вовсе не вознагражденнымъ. Понятно, что пропорціонально этой потерѣ должно увеличиваться вознагражденіе за выигранныя дѣла, оплачивающее, de facto, всѣ занятія адвоката. Еслибы всякій трудъ адвоката былъ вознаграждаемъ соотвѣтственно его внутренней цѣнности, независимо отъ его результата, другими словами — еслибы адвокатъ получалъ нѣчто въ родѣ задѣльной платы, то гонораръ его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ конечно могъ бы быть значительно меньше нормы, принятой въ настоящее время; но такой способъ вознагражденія представлялъ бы неудобства другаго рода, уже указанныя нами. Каждый адво-

катъ употребляетъ много времени на изученіе дѣлъ, ему предлагаемыхъ, на объясненія съ просителями, на подачу совѣтовъ; всѣ эти занятія остаются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе безъ вознагражденія, такъ какъ у насъ не принято платить адвокату за каждое совѣщаніе съ нимъ; оплачиваются только формальныя консультаціи по дѣламъ особенно важнымъ. Далѣе: адвокатская дѣятельность требуетъ такого напряженія физическихъ и умственныхъ силъ, что долго выдержать ее могутъ только особенно сильные организмы. Если мы видимъ между французскими адвокатами шестидесяти-семидесятилѣтнихъ стариковъ, сохраняющихъ полную бодрость и свѣжесть (напр. Жюль Фавръ, Кремье, Лашо), то не слѣдуетъ забывать, что значительная часть адвокатскихъ обязанностей, и притомъ весьма трудныхъ, лежитъ во Франціи на стряпчихъ, между тѣмъ какъ наши присяжные повѣренные выносятъ на своихъ плечахъ и приготовительный, до-судебный фазисъ дѣла, и письменную его инструкцію, и судебныя пренія, а во многихъ случаяхъ и наблюденіе за исполненіемъ рѣшенія. Чего стоютъ одни ночныя засѣданія по уголовнымъ (а иногда и гражданскимъ) дѣламъ, которыя во Франціи составляютъ величайшую рѣдкость, а у насъ—явленіе довольно обыкновенное? Къ физической усталости присоединяются волненія, сопряженныя съ защитой и съ ожиданіемъ приговора, самообвиненія въ случаѣ неудачи, постоянное сознаніе тяжелой нравственной отвѣтственности. Все это вмѣстѣ взятое дѣйствуетъ на нервы такъ сильно, какъ немногія другія занятія. Между тѣмъ, какъ бы продолжительна ни была дѣятельнвсть адвоката, она не даетъ ему права на пенсію; онъ знаетъ, что въ случаѣ болѣзни, крайняго утомленія, преждевременнаго упадка умственныхъ силъ, ему не на что раз-

считывать, кромѣ сдѣланныхъ имъ сбереженій, и потому по необходимости долженъ заботиться о томъ, чтобы сумма получаемаго имъ вознагражденія—пока онъ способенъ работать—превышала цифру текущихъ его расходовъ. Нельзя не замѣтить также, что *количество* работы—на которомъ выигрывается иногда то, что теряется на ея цѣнности—не можетъ быть увеличиваемо адвокатомъ по его произволу, что онъ долженъ *ожидать* работы, а не создавать ея для себя самъ, и что онъ часто, вопреки желанію своему, остается вовсе безъ работы. Само собою разумѣется, что всѣ эти обстоятельства не могутъ не вліять на возвышеніе вознагражденія за адвокатскій трудъ, сравнительно съ другими отраслями умственнаго труда. Съ другой стороны, вознагражденіе за трудъ опредѣляется не только съ точки зрѣнія трудящагося лица, но и съ точки зрѣнія того, въ пользу котораго трудъ направленъ—не только усиліями и временемъ, которыхъ онъ стоилъ, но и результатами, къ которымъ онъ привелъ. Понятно, что тяжущійся, выигравшій дѣло, подсудимый, оправданный судомъ, охотно увеличиваютъ вознагражденіе, платимое ими адвокату, сообразно съ цѣнностью тѣхъ интересовъ, охраненію которыхъ онъ содѣйствовалъ. Если вознагражденіе адвоката за уголовную защиту достигаетъ иногда весьма значительной цифры, то это объясняется именно важностью дѣла для подсудимаго, приписывающаго свое оправданіе, по крайней мѣрѣ отчасти, таланту и усердію своего защитника.

Разсуждая теоретически, можно предполагать, что на размѣръ адвокатскаго гонорара всегда и сильно вліяетъ степень искуства адвоката или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе громкая его извѣстность; но факты, насколько мы ихъ знаемъ, не оправдываютъ этого предположенія. При-

сяжные повѣренные, какъ члены корпораціи, пользуются, конечно, лучшею репутаціей, чѣмъ частные ходатаи; между тѣмъ вознагражденіе, получаемое первыми, скорѣе ниже, чѣмъ выше вознагражденія, получаемаго послѣдними. Объясняется это отчасти тѣмъ, что положеніе частныхъ ходатаевъ менѣе обезпечено и прочно, отчасти тѣмъ, что они имѣютъ дѣло преимущественно съ малоразвитыми классами общества. Что касается до присяжныхъ повѣренныхъ, то самые извѣстные изъ нихъ выговариваютъ себѣ обыкновенно вознагражденіе отнюдь не большее нормальнаго, общепринятаго въ данную минуту. Если они зарабатываютъ больше, чѣмъ присяжные повѣренные, не возвышающіеся надъ общимъ уровнемъ, то это зависитъ не отъ болѣе высокаго процента вознагражденія, а отъ числа и въ особенности отъ цѣнности производимыхъ ими дѣлъ, такъ какъ самые крупные, по суммѣ иска, процессы сосредоточиваются, за немногими исключеніями, въ рукахъ десяти—пятнадцати присяжныхъ повѣренныхъ. Есть основаніе думать, что съ теченіемъ времени размѣръ вознагражденія сдѣлается менѣе однообразнымъ, что норма его упадетъ не для всѣхъ адвокатовъ въ одинаковой степени, что и у насъ, какъ за границей *), большинство адвокатовъ будетъ довольствоваться самымъ скромнымъ вознагражденіемъ, между тѣмъ какъ немногіе изъ ихъ числа будутъ получать гонораръ сравнительно высокій. Предупредить это неравенство невозможно, потому что оно коренится въ самой природѣ вещей; но нельзя не пожелать, чтобы оно не достигло у

*) Въ Англіи, напримѣръ, начинающіе или вообще мало извѣстные адвокаты часто получаютъ за дѣло одну, двѣ гинеи (отъ 7 до 14 рублей), а для знаменитостей адвокатуры существуетъ совсѣмъ другой масштабъ вознагражденія.

насъ слишкомъ большихъ размѣровъ, и чтобы неизбѣжное пониженіе адвокатскаго гонорара не отразилось на одной только части адвокатскаго сословія. Мы надѣемся, что обычай, сложившійся съ самаго начала, не допуститъ установленія слишкомъ рѣзкой черты между знаменитостями адвокатуры и большинствомъ адвокатовъ.

Ко всему сказанному нами необходимо прибавить одну оговорку. Безспорно, существующая у насъ въ настоящее время норма вознагражденія за адвокатскій трудъ довольно высока; адвокатъ, пользующійся большою извѣстностью, можетъ заработать больше литератора, пожалуй даже больше доктора, сравнительно столь же извѣстнаго (хотя, конечно, меньше первостепенныхъ пѣвца или пѣвицы); но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы слухи о громадныхъ состояніяхъ, быстро нажитыхъ тѣми или другими присяжными повѣренными, имѣли правильное основаніе. Мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ, ни одного факта, которымъ подтверждались бы эти слухи, а фактовъ, ихъ опровергающихъ, знаемъ много. Называть имена, приводить доказательства мы не считаемъ себя въ правѣ; мы желали бы только, чтобы газетныя извѣстія и городскіе толки о громадномъ вознагражденіи, уплаченномъ тому или другому присяжному повѣренному, не принимались публикой на вѣру, какъ нѣчто несомнѣнное или по меньшей мѣрѣ крайне вѣроятное, чтобы присяжные повѣренные не были причисляемы огуломъ къ эксплуататорамъ общества, чтобы миѳическій присяжный повѣренный, «загребающій золото лопатой», не былъ смѣшиваемъ съ реальнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, которому скромное состояніе достается цѣною продолжительнаго и тяжелаго труда. Искать въ адвокатскомъ мірѣ примѣровъ такого же быстраго, баснословнаго обогащенія, какое мы видѣли въ

мірѣ откупщиковъ, видимъ въ мірѣ акціонерныхъ тузовъ, желѣзно-дорожныхъ концессіонеровъ, значитъ совершенно не знать или не понимать тѣхъ условій, которыми на самомъ дѣлѣ обставленъ трудъ адвоката.

IX *).

Размѣръ адвокатскаго вознагражденія составляетъ самую обыкновенную, но далеко не самую важную тему нападеній на адвокатуру. Они становятся гораздо болѣе серьезными, когда направляются съ одной стороны противъ призванія, противъ задачъ адвокатуры, съ другой — противъ способа пониманія и исполненія ею этихъ задачъ. Конечно, и здѣсь дѣло не обходится безъ недоразумѣній, намѣренныхъ и ненамѣренныхъ; изъ числа обвиненій, взводимыхъ на адвотатуру, многія не имѣютъ другаго источника, кромѣ новости предмета, неяснаго взгляда на роль защитника въ уголовномъ или повѣреннаго въ гражданскомъ процессѣ, невѣрныхъ представленій о самыхъ цѣляхъ правосудія. Такія обвиненія не опасны; они падаютъ сами собою, по мѣрѣ ознакомленія общества съ началами и результатами судебной реформы. Теперь уже немногіе рѣшатся утверждать, что во всякомъ безъ исключенія гражданскомъ дѣлѣ одна изъ сторонъ дѣйствуетъ недобросовѣстно, стремится къ нарушенію чужаго права, и что слѣдовательно изъ двухъ адво-

*) Нѣкоторыя изъ мыслей, развиваемыхъ въ этой главѣ, были высказаны нами, много лѣтъ тому назадъ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1868 г., №№ 354 и 356, 1869 г. № 8, передовыя статьи); сущность нашего взгляда на адвокатуру съ тѣхъ поръ не измѣнилась.

катовъ, ведущихъ другъ противъ друга гражданскій процессъ, одинъ непремѣнно убѣжденъ въ неправотѣ своихъ требованій или возраженій. Все рѣже и рѣже встрѣчается довольно распространенный одно время взглядъ на защиту въ уголовномъ дѣлѣ, какъ на организованное противудѣйствіе правосудію, какъ на потворство преступленіямъ всякаго рода. Наше общество начинаетъ понимать, что защита столь же необходима для правосудія, какъ и обвиненіе, что не слѣдуетъ покровительствовать одному въ ущербъ другой, что интересы подсудимаго не могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто безусловно противуположное интересамъ общества, что не одинъ только обвинитель имѣетъ право считать себя представителемъ и охранителемъ этихъ послѣднихъ интересовъ. Однимъ словомъ, защита, какъ юридическій институтъ, пріобрѣла или по крайней мѣрѣ пріобрѣтаетъ право гражданства въ нашей государственной и общественной жизни. Казалось бы, что параллельно съ этимъ должно идти уменьшеніе недовѣрія къ сословію, посвятившему себя судебной защитѣ; но на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Примиреніе съ защитой не влечетъ за собою примиренія съ защитниками. Въ профессіи защитника многіе продолжаютъ видѣть школу софизма и деморализаціи. Адвокатъ — говорятъ они—не можетъ имѣть ни твердыхъ убѣжденій, ни постоянныхъ руководящихъ началъ для своей дѣятельности; онъ поддерживаетъ сегодня одно мнѣніе, завтра другое, прямо противуположное; доказывая невинность подсудимыхъ, въ винѣ которыхъ онъ самъ нисколько не сомнѣвается, онъ привыкаетъ играть словомъ, видѣть въ немъ не орудіе къ раскрытію истины, а средство затемненія ея; онъ вступаетъ на каждомъ шагу въ сдѣлки съ своею совѣстью и теряетъ, наконецъ, всякое нравственнее чувство,

всякую способность распознавать добро отъ зла, правду отъ обмана; единственнымъ мѣриломъ правоты дѣла становится для него матеріальная выгода, которую оно ему можетъ доставить. Такой взглядъ на адвокатуру, иногда въ болѣе рѣзкой, иногда въ болѣе мягкой формѣ, далеко не рѣдкость даже между людьми, признающими, въ принципѣ, пользу защиты и не принадлежащими къ числу противниковъ судебной реформы.

Въ подтвержденіе этого взгляда ссылаются обыкновенно на французскую адвокатуру, приписывая ея вліянію значительную долю той политической неустойчивости, которою страдаетъ Франція XIX вѣка. Конечно, между выдающимися французскими адвокатами нетрудно найти людей, быстро и радикально мѣнявшихъ свои убѣжденія, переходившихъ нѣсколько разъ изъ одного лагеря въ другой, искусно избѣгая только лагеря побѣжденныхъ; но въ той же средѣ мы видимъ яркіе примѣры непоколебимой вѣрности однажды избранному знамени. Именамъ Барта, Дюпена, Бильйо, Бароша, Шэ-д'Эстъ-Анжа можно противупоставить имена Манюэля, Мишеля (изъ Буржа), Беррье, Кремье, Греви. Объяснять упадокъ политической честности во Франціи вліяніемъ адвокатуры, значило бы принимать послѣдствіе за причину, одинъ изъ признаковъ явленія — за его первоначальный источникъ. Безпрестанные перевороты, расшатавшіе французское общество, не могли не отразиться и на французской адвокатурѣ. Теряя мало по малу вѣру въ политическіе идеалы, привыкая признавать силу совершившагося факта, большинство французскихъ адвокатовъ шло рука объ руку съ большинствомъ французскаго общества, скорѣе отставая отъ него, чѣмъ опережая его на этой дорогѣ. Политическія превращенія вошли въ моду во Франціи еще въ началѣ

нынѣшняго вѣка, при переходѣ отъ республики къ имперіи — а въ это время французская адвокатура только что возобновляла свою дѣятельность послѣ революціоннаго погрома, и не имѣла и тѣни того значенія, которое пріобрѣла впослѣдствіи, въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи. Въ самую печальную годину новѣйшей французской исторіи, въ періодъ времени между 1851 и 1860 г., въ адвокатурѣ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было хранилась вѣрность забытымъ и попраннымъ идеямъ. Если Жюль Фаврь и Эрнесть Пикаръ, какъ министры Тьера, часто дѣйствовали на-перекоръ тѣмъ началамъ, за которыя они боролись какъ оппозиціонные депутаты законодательнаго корпуса, то такую же точно роль, и гораздо дольше, чѣмъ они, игралъ, напримѣръ, Жюль Симонъ, никогда не бывшій адвокатомъ. Адвокатура другихъ странъ никогда не навлекала на себя тѣхъ обвиненій, которымъ подвергаются французскіе адвокаты. Никто не утверждаетъ и не утверждалъ, чтобы англійскіе или нѣмецкіе адвокаты подавали своимъ соотечественникамъ примѣръ политическаго отступничества или индифферентизма. А между тѣмъ, еслибы зародышъ подобныхъ тенденцій лежалъ въ самомъ назначеніи адвокатуры, то вліяніе ихъ сказывалось бы вездѣ, гдѣ существуетъ адвокатское сословіе.

Говоря объ адвокатурѣ, необходимо отличать ея внутреннюю сущность отъ тѣхъ особенностей, которыя свойственны ей въ данной мѣстности, въ данное время, ея принципъ отъ тѣхъ болѣе или менѣе несовершенныхъ формъ, въ которыхъ онъ осуществляется на практикѣ. Разсматриваемая съ отвлеченной точки зрѣнія, адвокатура не имѣетъ ничего общаго съ защитой чего угодно и какъ угодно; неразборчивость въ выборѣ дѣлъ и средствъ вовсе не проистекаетъ

изъ самаго свойства адвокатскихъ обязанностей и занятій. Перо литератора-столь же легко можетъ быть обращено въ орудіе для поддержки дурнаго дѣла, какъ и слово адвоката; никто, однако, не видитъ вслѣдствіе этого въ литературной профессіи источника деморализаціи для общества. Наравнѣ съ писателемъ, наравнѣ со всякимъ другимъ общественнымъ дѣятелемъ, адвокатъ долженъ и можетъ избѣгать противорѣчія между мыслью и словомъ, между словомъ и дѣломъ, долженъ и можетъ быть твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Отъ него, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, зависитъ выборъ дѣлъ, которыя онъ на себя принимаетъ — зависитъ, поэтому, и отказъ отъ всякой защиты, которую онъ не могъ бы вести по убѣжденію или которая могла бы вовлечь его въ противурѣчіе съ самимъ собою, съ прежде высказанными имъ взглядами. Что касается до защитъ по назначенію суда, то, безспорно, онѣ могутъ иногда поставить адвоката въ затруднительное положеніе, заставляя его говорить за человѣка, въ виновности котораго онъ внутренно убѣжденъ; но затрудненіе это не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда. Если защитникъ ex officio не имѣетъ права идти прямо въ разрѣзъ съ объясненіями подсудимаго *), призна-

*) Въ одномъ только случаѣ защитникъ не только можетъ, но даже долженъ опровергать объясненія подсудимаго — въ случаѣ намѣреннаго взведенія на ссбя подсудимымъ такихъ дѣйствій, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ вовсе не совершалъ. Въ февралѣ 1873 г. въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ слушалось дѣло Скорино, который явно неправильно обвинялъ самъ себя въ покушеніи на убійство. Присяжный повѣренный В. Н. Герардъ, назначенный его защитникомъ, совершенно вѣрно сравнилъ себя съ докторомъ, обязаннымъ лечить боль-

вать его виновнымъ, когда онъ не сознается въ преступленіи, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы защита должна была поддерживать каждое слово, сказанное подсудимымъ, доказывать каждое обстоятельство, приведенное имъ въ свое оправданіе. Защитникъ, обращающійся въ обвинителя, совершаетъ одно изъ самыхъ тяжкихъ нарушеній адвокатскаго долга *); защитникъ, ограничивающійся не мо-

---

наго, хотя бы больной и желалъ смерти,—и направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы доказать неосновательность объясненій подсудимаго. Присяжные оправдали подсудимаго Скорино по обвиненію въ покушеніи на убійство.

*) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что просьба о назначеніи защитника — *право* подсудимаго, данное ему закономъ для огражденія его интересовъ. Принимая на себя роль обвинителя — роль вовсе ненужную, такъ какъ она уже исполнена прокуроромъ, — защитникъ нарушаетъ, слѣдовательно, довѣріе, съ которымъ относился къ нему подсудимый. Еслибы подсудимый могъ предвидѣть такое превращеніе защиты въ обвиненіе онъ конечно, не просилъ бы о назначеніи защитника, основательно предпочитая имѣть одного обвинителя, а не двухъ. Законъ предоставляетъ защитнику право объясняться съ подсудимымъ наединѣ, именно для того, чтобы сдѣлать возможной полную откровенность со стороны подсудимаго; мыслима ли такая откровенность, если подсудимый можетъ опасаться внезапнаго перехода защиты на сторону обвиненія? Повтореніе такихъ случаевъ, какой недавно былъ въ Москвѣ, могло бы надолго поколебать существующія теперь нормальныя отношенія между защитниками и подсудимыми. Мы не понимаемъ, поэтому, снисходительности Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, который не призналъ возможнымъ подвергнуть дисциплинарному взысканію присяжнаго повѣреннаго, произнесшаго на судѣ обвинительную рѣчь противъ своего кліента. Мы позволяемъ себѣ выразить увѣренность, что С.-Петербургскій Совѣтъ отнесся бы къ этому поступку совершенно иначе.

тивированною, вялою просьбою о снисхожденіи къ подсудимому, выказываетъ такое равнодушіе къ своему призванію, которое заслуживаетъ строгаго порицанія; но защитникъ, отстаивающій съ жаромъ, съ увлеченіемъ правоту подсудимаго, котораго онъ въ душѣ считаетъ кругомъ виноватымъ, вдается въ другую крайность, столь же нежелательную, какъ и первая. Задача защитника, назначеннаго судомъ, состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ дѣла, сгруппировать, выставить въ надлежащемъ свѣтѣ всѣ обстоятельства, говорящія въ пользу подсудимаго, т. е. опровергающія обвиненіе или уменьшающія его силу. Такія обстоятельства найдутся въ каждомъ дѣлѣ, найдутся и безъ извращенія фактовъ, безъ намѣреннаго искаженія истины. Какъ бы ни были сильны улики, на ряду съ ними всегда есть данныя, которыя могутъ быть безъ натяжки истолкованы въ пользу подсудимаго. Какъ бы велика ни была испорченность преступника, тяжесть преступленія—попытка объяснить нравственное паденіе подсудимаго, отыскать въ его прошедшемъ черты, уменьшающія его отвѣтственность, рѣдко будетъ совершенно напрасной. Устранить предубѣжденіе, съ которымъ присяжные могутъ относиться къ подсудимому, показать имъ, что довело его до преступленія, приготовить ихъ къ снисходительному или по крайней мѣрѣ спокойному обсужденію дѣла—вотъ цѣль, къ которой долженъ стремиться и которой можетъ достигнуть защитникъ ex officio, даже тогда, когда онъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго. Защита, руководимая такими началами, не можетъ развить въ адвокатѣ наклонности къ софизмамъ, умѣнья искуственно увлекаться или притворяться убѣжденнымъ; однимъ словомъ, она не можетъ сдѣлать изъ него ритора, играющаго

словомъ, видящаго въ дѣлѣ только матеріалъ для громкихъ фразъ и ораторскихъ эффектовъ.

Но идеалъ всегда далекъ отъ дѣйствительности—и адвокатская профессія не составляетъ исключенія изъ этого общаго закона. Она особенно богата подводными камнями; проходить между ними, никогда не задѣвая ни за одинъ изъ нихъ—задача крайне трудная, какъ бы хороши ни были намѣренія адвоката. Мы сказали, что выборъ дѣлъ въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ адвоката—и говоря отвлеченно, это совершенно справедливо; но на практикѣ этотъ выборъ обусловливается самыми разнообразными обстоятельствами, часто болѣе сильными, чѣмъ воля адвоката. Нельзя не признать, что ожиданіе большой матеріальной выгоды или большаго ораторскаго успѣха можетъ повліять, иногда незамѣтно для самого адвоката, на рѣшимость его взяться за веденіе того или другаго процесса; что заглушивъ въ себѣ мало по малу естественное нерасположеніе къ поддержкѣ неправаго дѣла, можно дойти до самой беззастѣнчивой торговли словомъ и талантомъ; что для предотвращенія опасностей, постоянно грозящихъ адвокату, нужна съ его стороны большая строгость къ самому себѣ, усиленная работа надъ собою. Весьма важенъ въ этомъ отношеніи общій взглядъ на призваніе и обязанности адвоката, господствующій въ обществѣ и въ особенности въ средѣ самой адвокатуры. Чѣмъ ярче обозначенъ прямой путь, тѣмъ рѣже отступленія отъ него. Установленіе общихъ началъ, которыхъ долженъ держаться адвокатъ, само по себѣ еще недостаточно — остается еще найти санкцію, которая обезпечивала бы ихъ соблюденіе; но во всякомъ случаѣ это первый шагъ, безъ котораго невозможны остальные. Само собою разумѣется, что онъ можетъ быть сдѣланъ лишь общими усиліями всѣхъ тѣхъ,

кто заинтересованъ въ будущности адвокатуры, и что наши замѣтки имѣютъ въ виду не окончательное разрѣшеніе вопроса, а только указаніе нѣкоторыхъ данныхъ, служащихъ къ его разъясненію.

Существуетъ мнѣніе, что адвокату позволительно браться за каждое дѣло, лишь бы только требованія или возраженія, которыя ему придется поддерживать, не были прямо противны закону. Защитники этого мнѣнія разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: оцѣнка доводовъ, приводимыхъ сторонами, правъ, доказываемыхъ или отрицаемыхъ ими—задача суда, разсматривающаго дѣло; принимать на себя предварительное разрѣшеніе этой задачи адвокатъ не имѣетъ ни основанія, ни права. Требовать отъ стороны, чтобы она сначала убѣдила въ своей правотѣ адвоката, а потомъ уже, съ его помощью, и судей—значитъ возлагать на нее слишкомъ тяжелое бремя. Адвокатъ, какъ посредникъ между тяжущимися и судомъ, долженъ быть готовъ къ принятію на себя этого посредничества, какъ только оно ему предлагается. Затрудняя начатіе или веденіе процесса разысканіемъ въ каждомъ дѣлѣ нетолько формальной, но и матеріальной истины, адвокатъ, вопреки своему призванію, затрудняетъ самое отправленіе правосудія. Обращая вниманіе нетолько на юридическую основательность, но и на нравственный характеръ извѣстнаго требованія или возраженія, адвокатъ беретъ на себя вовсе не идущую къ нему роль законодателя или исправителя общественныхъ нравовъ. Если извѣстное дѣйствіе дозволено или хотя бы только не запрещено закономъ, адвокатъ не долженъ отказываться отъ его совершенія или его защиты во имя какихъ-то нравственныхъ началъ, которыя каждый понимаетъ по своему. Такъ напримѣръ, законъ не признаетъ дѣйствительными

обязательства, выданныя несовершеннолѣтними безъ согласія попечителя — адвокатъ имѣетъ, слѣдовательно, полное право оспаривать силу такого обязательства, хотя бы ему было хорошо извѣстно, что несовершеннолѣтнему во время выдачи обязательства было двадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ, что выдавая его онъ вполнѣ понималъ его значеніе. что другая сторона ничѣмъ не нарушила интересовъ несовершеннолѣтняго, что послѣдній получилъ сполна всю сумму, означенную въ обязательствѣ. Размѣръ договорной неустойки не ограниченъ закономъ — слѣдовательно адвокатъ имѣетъ право взыскивать за самое ничтожное нарушеніе договора неустойку, въ нѣсколько разъ большую чѣмъ цѣнность предмета договора. Въ дѣлахъ уголовныхъ отказъ отъ защиты, мотивированный только свойствомъ преступленія или обстоятельствами, при которыхъ оно совершено, составляетъ еще болѣе важное нарушеніе обязанностей адвоката. Всякій подсудимый, въ чемъ бы онъ ни былъ обвиняемъ, имѣетъ право на защиту, во имя того великаго начала, по которому никто не можетъ быть осужденъ безъ выслушанія его оправданій — оправданій, тогда только не обращающихся въ пустую форму, когда они представляются съ такимъ же искусствомъ и знаніемъ дѣла, какъ и обвиненіе. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится примѣръ французской адвокатуры, самые знаменитые представители которой — Беррье, Кремье, Жюль Фавръ, Лашо, Аллу — часто принимали и принимаютъ на себя, по добровольному соглашенію, защиту подсудимыхъ, очевидно виноватыхъ и не заслуживающихъ ни малѣйшаго сочувствія.

Въ основаніи только что изложеннаго взгляда лежитъ совершенно невѣрное понятіе о призваніи адвокатуры. Еслибы обязанность адвоката ограничивалась облеченіемъ въ извѣст-

ную форму всякаго рода доводовъ и притязаній, еслибы адвокатъ былъ чѣмъ-то въ родѣ юридическаго толмача для тяжущихся и подсудимыхъ, на которыхъ и лежала бы вся отвѣтственность за его слова или дѣйствія, то конечно адвокату не было бы причины отказываться отъ возлагаемыхъ на него порученій, въ чемъ бы они ни заключались. Но съ такою пассивною ролью дѣятельность адвоката не имѣетъ ничего общаго. Получая сырой матеріалъ отъ тяжущагося или подсудимаго, онъ обработываетъ его самостоятельно, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію, вноситъ въ него, если можно такъ выразиться, значительную долю творчества. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ усвоиваетъ себѣ ввѣренное ему дѣло и принимаетъ на себя нравственную отвѣтственность за все то, чего онъ требуетъ отъ имени и въ пользу другаго лица. Онъ дѣйствительно служитъ посредникомъ между тяжущимися и судомъ, но именно въ этомъ качествѣ онъ долженъ по возможности предупреждать обращеніе къ суду съ неосновательными или несправедливыми домогательствами. Судъ, постановляющій свои рѣшенія по смыслу закона, обязанъ руководствоваться имъ даже тогда, когда примѣненіемъ его нарушается справедливость; но адвокатъ, ближе знакомый съ фактическою подкладкой дѣла, съ взаимными отношеніями сторонъ, ничѣмъ не стѣсненный въ принятіи или непринятіи дѣла, можетъ, рѣшительнымъ отказомъ отъ поддержки несправедливыхъ требованій, способствовать уменьшенію числа прискорбныхъ столкновеній между справедливостью и закономъ. Наоборотъ, неразборчивость въ выборѣ дѣлъ со стороны адвокатовъ влечетъ за собою умноженіе недобросовѣстныхъ исковъ, усиленную эксплуатацію всѣхъ пробѣловъ или недомолвокъ закона, всѣхъ отжившихъ его постановленій,

всѣхъ правилъ обоюдоострыхъ, т. е. созданныхъ для огражденія права, но легко обращаемыхъ въ орудіе для достиженія совершенно противуположной цѣли *). Намъ могутъ возразить, что недобросовѣстный тяжущійся всегда найдетъ повѣреннаго для поддержки своего требованія или возраженія, что получивъ отказъ отъ одного, онъ обратится къ другому, къ третьему и т. д., а въ крайнемъ случаѣ обойдется и вовсе безъ содѣйствія адвоката. Но вѣдь не всѣ же тяжущіеся такъ настойчивы въ стремленіи къ предположенной цѣли, да и самая несправедливость требованій, съ которыми они намѣрены обратиться къ суду, не всегда сознается ими вполнѣ отчетливо и ясно. Положимъ, что въ комъ-нибудь возникаетъ мысль о возможности достигнуть извѣстной выгоды путемъ легальнымъ, но не совсѣмъ честнымъ. Онъ идетъ къ адвокату еще не съ тѣмъ, чтобы поручить ему веденіе задуманнаго такимъ образомъ процесса, а только съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, узнать его мнѣніе. Отъ адвоката, въ подобныхъ случаяхъ, весьма часто зависитъ дальнѣйшая судьба дѣла. Онъ можетъ предупредить его начатіе, разъяснивъ всю его неправоту, выставивъ на видъ тяжесть нравственной отвѣтственности, которую тяжущійся принялъ бы на себя въ случаѣ предъявленія иска — и на оборотъ, можетъ превратить неустановившееся намѣреніе въ твердую рѣшимость, выразивъ полную готовность взяться за дѣло, затмивъ ловкимъ со-

*) Примѣромъ такого правила можетъ служить законъ о недѣйствительности обязательствъ, выданныхъ несовершеннолѣтнимъ безъ согласія попечителя. Цѣль его самая благая—огражденіе неопытнаго должника отъ недобросовѣстныхъ кредиторовъ,—но пользуются имъ нерѣдко недобросовѣстные должники во вредъ добросовѣстнымъ кредиторамъ.

физіомъ самыя некрасивыя его стороны. Если отказъ одного адвоката окажется недостаточнымъ для того, чтобы удержать тяжущагося отъ начатія или веденія неправаго дѣла, то нѣсколько отказовъ, слѣдующіюъ одинъ за другимъ, въ большинствѣ случаевъ приведутъ къ этому результату. Для того чтобы устоять противъ нихъ и всетаки начать дѣло, нуженъ такой запасъ энергіи, которымъ обладаютъ немногіе тяжущіеся. Притомъ, далеко не все равно, возьмется ли за дѣло адвокатъ извѣстный, опытный, даровитый, или адвокатъ низшаго разряда, одно участіе котораго въ дѣлѣ значительно уменьшаетъ шансы успѣшнаго его окончанія. Если недобросовѣстному иску суждено дойти до суда, то пускай же по крайней мѣрѣ онъ явится передъ нимъ въ самой мизерной, неприглядной обстановкѣ, а не въ такой формѣ, которая могла бы до нѣкоторой степени прикрыть его внутреннее содержаніе. Вотъ почему соображеніе: «не я—такъ другой» меньше всего можетъ служить оправданіемъ именно для адвоката.

Что касается до уголовныхъ защитъ, то принятіе ихъ безъ всякаго разбора было бы извинительно, даже необходимо, еслибы не существовало защиты ex officio, т. е. по назначенію суда; тогда отказъ адвоката отъ защиты могъ бы имѣть послѣдствіемъ оставленіе подсудимаго вовсе безъ защитника, что ни въ какомъ случаѣ не должно быть допускаемо. Но при дѣйствіи ст. 566-й Уст. Угол. Судопр., обязывающей предсѣдателя суда назначать подсудимому, по его просьбѣ, защитника изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ или кандидатовъ на судебныя должности, ни одинъ подсудимый, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, не можетъ остаться безъ защитника; притомъ, по принятому обычаю, предсѣдатель выбираетъ защитника сообразно съ большею

или меньшею важностью дѣла, назначая подсудимымъ, обвиняемымъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ или при обстоятельствахъ особенно сложныхъ, защитниковъ болѣе опытныхъ и искусныхъ *). Адвокатъ, принимающій на себя защиту по добровольному соглашенію съ подсудимымъ, не можетъ, такимъ образомъ, ссылаться на то, что въ противномъ случаѣ подсудимый былъ бы вовсе лишенъ защиты или вынужденъ довольствоваться защитой, далеко неравносильной обвиненію.

Если адвокатъ долженъ *выбирать* дѣла, а не принимать безразлично все то что ему предлагаютъ, то какими соображеніями онъ долженъ руководиться, соглашаясь или отказываясь взять на себя веденіе того или другаго процесса? Точныхъ правилъ по этому предмету установить нельзя, потому что судебныя дѣла до безконечности разнообразны, и предусмотрѣть, подвести подъ одну норму всѣ случаи, могущіе встрѣтиться въ адвокатской практикѣ, рѣшительно невозможно. Многое зависитъ здѣсь просто отъ нравственнаго чутья, развивающагося въ адвокатѣ—если только онъ его насильственно не подавляетъ—подъ вліяніемъ ежедневныхъ указаній опыта и жизни, чутья, укрѣпленію котораго способствуетъ каждая ошибка адвоката, *сознанная* имъ. Но для того, чтобы сознать свою ошибку, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ она заключалась и чѣмъ была вызвана, необходимо имѣть какой нибудь общій критеріумъ,

---

*) Этотъ обычай имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, весьма важное значеніе; нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ хранимъ неприкосновенно и чтобы случаи отступленія отъ него, нѣсколько разъ, въ послѣднее время, встрѣчавшіеся въ Окружномъ Судѣ, болѣе не повторялись; иначе защита ex officio легко могла бы обратиться въ пустую форму.

какой нибудь пробный камень, который могъ бы быть примѣненъ къ оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго случая. Возражая противъ мнѣнія тѣхъ, которые проповѣдуютъ полную неразборчивость въ выборѣ дѣлъ, мы замѣтили уже, что въ дѣлахъ гражданскихъ адвокату не слѣдуетъ держаться точки зрѣнія исключительно формальной, не слѣдуетъ успокоиваться на одной внѣшней легальности требованія, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія его внутренняго свойства. Конечно, адвокатъ не всегда можетъ опредѣлить съ точностью фактическія отношенія сторонъ, служащія источникомъ процесса; но попытка такого опредѣленія должна быть сдѣлана имъ во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ только тѣхъ дѣлъ, которыя по самому своему предмету не возбуждаютъ и не могутъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Таковы, напримѣръ, дѣла о взысканіяхъ по закладнымъ, векселямъ, заемнымъ письмамъ, пока отвѣтчикъ не отвергаетъ подлинности акта и не утверждаетъ, что онъ былъ выданъ безденежно или что онъ уже оплаченъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ адвокатъ долженъ привести въ ясность, посредствомъ разспроса кліента и истребованія отъ него всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, бумагъ и документовъ, можно ли поддерживать его домогательство на судѣ съ убѣжденіемъ не въ одной только законности, но и въ справедливости этого домогательства. Мы очень хорошо знаемъ, что справедливость—понятіе относительное; но вѣдь у каждаго адвоката есть, безъ сомнѣнія, свое воззрѣніе на справедливость; требовать отъ него, чтобы онъ руководствовался этимъ воззрѣніемъ, не значитъ, слѣдовательно, требовать невозможнаго. Притомъ, есть множество случаевъ, въ которыхъ о справедливости или несправедливости извѣстнаго требованія не можетъ быть никакого спора. Имѣетъ ли мужъ, живущій въ разлукѣ съ

своей женой, нравственное право требовать къ себѣ всѣхъ дѣтей и распоряжаться затѣмъ воспитаніемъ ихъ по собственному усмотрѣнію, безъ соглашенія съ ихъ матерью— это вопросъ, который можетъ быть разрѣшаемъ различно; адвокатъ, принадлежащій къ числу приверженцевъ безусловной власти мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми, можетъ по убѣжденію взяться за поддержку такого требованія, какъ бы несправедливо оно ни было въ глазахъ людей другаго образа мыслей. Но если отецъ, требующій къ себѣ дѣтей, ведетъ развратную жизнь, пьянствуетъ, жестоко обращается съ своими приближенными, однимъ словомъ очевидно неспособенъ заниматься воспитаніемъ, а мать—женщина безукоризненная, живущая только дѣтьми и для дѣтей, то едва ли найдется такой теоретикъ, который во имя отвлеченнаго начала призналъ бы требованіе отца справедливымъ и сталъ бы защищать его по убѣжденію. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести много, но наша мысль едва ли нуждается въ дальнѣйшемъ разъясненіи.

Если внимательное изслѣдованіе фактической стороны дѣла не привело адвоката къ полному убѣжденію въ правотѣ лица, къ нему обратившагося, но дало ему достаточно основаній *предполагать* эту правоту, то онъ не долженъ отказываться отъ веденія дѣла; въ противномъ случаѣ тяжущійся, вполнѣ добросовѣстный, рисковалъ бы остаться безъ защиты только потому, что принадлежащее ему право, вслѣдствіе запутанности и сложности обусловливающихъ его обстоятельствъ, не можетъ быть выяснено безъ большихъ затрудненій. Тѣ свѣдѣнія, которыя адвокату не удалось получить до начатія дѣла, легко могутъ сдѣлаться для него доступными впослѣдствіи; онъ можетъ иногда почерпнуть ихъ изъ возраженій противной стороны, вообще чрезвычайно важныхъ

для разъясненія дѣла. Возраженія эти могутъ выставить дѣло въ совершенно новомъ свѣтѣ и измѣнить такимъ образомъ взглядъ, составившійся у адвоката подъ вліяніемъ первоначальнаго, односторонняго знакомства съ дѣломъ. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ адвокатъ имѣетъ полное право и даже обязанъ отказаться отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, въ особенности если довѣритель, какъ это иногда случается, намѣренно ввелъ его въ заблужденіе на счетъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Но такъ какъ отказъ отъ довѣренности однажды принятой гораздо затруднительнѣе, чѣмъ отказъ отъ самаго принятія ея, то тщательный разборъ дѣла при первомъ съ нимъ знакомствѣ все таки сохраняетъ всю свою важность.

Установляя различныя формы съ одной стороны для гражданскихъ сдѣлокъ, съ другой—для процессуальныхъ дѣйствій, законодательство не имѣло и не имѣетъ иной цѣли, кромѣ огражденія и укрѣпленія правъ частныхъ лицъ, предупрежденія неосновательныхъ или безконечныхъ споровъ. Къ той же самой цѣли долженъ стремиться и адвокатъ, основывая свои требованія или возраженія на чисто-формальныхъ постановленіяхъ закона. По закону извѣстные договоры должны быть облекаемы въ письменную форму, и существованіе ихъ не можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями. Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ обоюдоострыхъ постановленій, о которыхъ мы упомянули выше; направленное къ тому, чтобы внести опредѣленность и ясность въ гражданскія отношенія, оно можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, имѣть послѣдствіемъ явную несправедливость—отрицаніе права, на самомъ дѣлѣ пріобрѣтеннаго, неисполненіе соглашенія, на самомъ дѣлѣ состоявшагося. Само собою разумѣется, что это не колеблетъ тѣхъ

соображеній гражданской политики, на которыхъ основанъ законъ—если только предположить, что удобствами закона перевѣшиваются его неудобства; но это возлагаетъ на всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ закономъ, нравственную обязанность заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ обращаемъ въ источникъ злоупотребленій. Представимъ себѣ такой случай: фабрикантъ, живущій на Кавказѣ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы найти техника, который могъ бы управлять его заводомъ. Пріискавъ его, онъ заключаетъ съ нимъ на словахъ условіе, по которому нанимаетъ его на пять лѣтъ, съ большимъ содержаніемъ, съ обязательствомъ возмѣстить всѣ расходы переѣзда его на Кавказъ и съ неустойкой на случай неисполненія условія. Техникъ пріѣзжаетъ на мѣсто, приступаетъ къ своимъ занятіямъ — но черезъ мѣсяцъ фабрикантъ увольняетъ его безъ всякой законной причины, не уплативъ ему ни расходовъ переѣзда, ни неустойки. Обманутый техникъ требуетъ того и другого судебнымъ порядкомъ, ссылаясь въ подтвержденіе своего иска на свидѣтелей; противная сторона отвѣчаетъ, что такъ какъ договоръ подлежалъ по закону облеченію въ письменную форму, то существованіе и условія его не могутъ быть доказываемы свидѣтельскими показаніями *). Искъ является, такимъ образомъ, совершенно

---

*) По послѣднему, еще не распубликованному разъясненію Гражд. Кассац. Департам. Прав. Сената, договоръ личнаго найма долженъ быть совершаемъ на письмѣ, за исключеніемъ случаевъ, именно предусмотрѣнныхъ закономъ (т. X ч. 1 ст. 2226 и 2227—наемъ слугъ и рабочихъ людей, договоръ заказа) Наемъ адвоката, учителя, бухгалтера, архитектора, техника и т. п., не можетъ, такимъ образомъ, быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями, допускаемыми по закону (Уст. Гражд.

бездоказательнымъ и отвергается судомъ; техникъ, отказавшійся отъ обезпеченнаго положенія въ Петербургѣ, остается въ далекомъ краѣ безъ всякихъ средствъ и долженъ еще заплатить противнику судебныя издержки. Спрашивается, позволительно ли адвокату вести подобный процессъ со стороны отвѣтчика, если онъ знаетъ или по крайней мѣрѣ имѣетъ достаточный поводъ предполагать, что между истцемъ и отвѣтчикомъ дѣйствительно было заключено соглашеніе, служащее основаніемъ иска? — Безусловно отвергать или осуждать пользованіе формальными постановленіями закона нельзя, потому что съ помощью ихъ можетъ быть иногда ограждено право, дѣйствительно требующее и заслуживающее огражденія; несомнѣнно только то, что пользоваться ими слѣдуетъ съ крайнею разборчивостью, и что такая разборчивость въ особенности необходима для адвоката.

Какъ ни важна нравственная сторона дѣла, она не должна отвлекать вниманіе адвоката отъ юридической стороны его. Онъ не долженъ принимать на себя поддержку требованій хотя и справедливыхъ, но лишенныхъ всякаго законнаго основанія и очевидно не подлежащихъ удовлетворенію со стороны суда — напримѣръ требованія объ уплатѣ денегъ, взятыхъ въ займы по словесному условію. Онъ обязанъ предупреждать начатіе такихъ исковъ или предъявленіе такихъ возраженій, которые, не имѣя никакихъ шансовъ успѣха, могутъ только подвергнуть тяжущихся уплатѣ судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла. Но если смыслъ закона представляетъ сомнѣнія, окончательно еще не разъясненныя, то искъ или отвѣтъ, хотя бы и съ

Суд. ст. 409) лишь въ подтвержденіе такихъ событій, которыя не требуютъ письменнаго удостовѣренія.

небольшими шансами на успѣхъ, можетъ быть поддерживаемъ адвокатомъ, убѣжденнымъ въ правотѣ своего кліента; не слѣдуетъ сдаваться безъ борьбы, когда она несовсѣмъ безнадежна. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ адвокатъ обязанъ предварительно объяснить своему кліенту, что выигрышъ дѣла мало вѣроятенъ и что проигрышъ его влечетъ за собою извѣстную матеріальную потерю.

Прежде чѣмъ взять на себя веденіе гражданскаго дѣла, адвокатъ долженъ припомнить, не случалось ли ему прежде высказывать такой юридическій взглядъ, въ разрѣзъ съ которымъ ему пришлось бы идти въ данномъ случаѣ. Безусловнымъ препятствіемъ къ принятію дѣла это служить не можетъ, такъ какъ адвокатъ, наравнѣ со всякимъ другимъ юристомъ, можетъ добросовѣстно убѣдиться въ неправильности прежняго своего мнѣнія по извѣстному вопросу; но слишкомъ частыя и рѣзкія перемѣны мнѣній — въ особенности же *неоднократный* переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому и обратно — служатъ признакомъ или крайней неустойчивости взглядовъ, или — что еще хуже — умѣнья и готовности приспособлять ихъ къ обстоятельствамъ. И то, и другое — плохая рекомендація для адвоката. Исходить сегодня изъ одного принципа, завтра — изъ другаго, прямо противуположнаго, доказывать, напримѣръ, сегодня безденежность долговаго обязательства, завтра — юридическую невозможность споровъ о безденежности, было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ потерять всякій авторитетъ, по крайней мѣрѣ въ судебной сферѣ, мнѣніе которой такъ важно для адвоката. Достоинство, а слѣдовательно и дѣйствіе адвокатской рѣчи въ значительной степени зависитъ отъ того, выражается ли въ ней искреннее убѣжденіе адвоката. Самая утонченная ловкость, самый большой навыкъ говорить безъ

убѣжденія или противъ убѣжденія не могутъ замѣнить той силы, которая дается твердой увѣренностью въ справедливости защищаемаго начала. Если никто изъ судей и не замѣтитъ противурѣчія, въ которое адвокатъ впадаетъ съ самимъ собою, если противная сторона и не-напомнитъ ему тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ самъ развивалъ опровергаемую имъ теперь тему, то одна возможность такого напоминанія, одно сознаніе противурѣчія всетаки остается камнемъ преткновенія, о который легко разбиться даже большому ораторскому искусству. Быть послѣдовательнымъ—это не только обязанность адвоката, но и прямой разсчетъ для него, если онъ цѣнитъ свою репутацію выше минутной выгоды, которую ему можетъ доставить защита противъ убѣжденія. Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы къ выбору уголовнаго дѣла, если въ немъ возникаетъ или можетъ возникнуть какой-нибудь общій вопросъ, по которому адвокатъ имѣлъ уже случай высказаться въ извѣстномъ смыслѣ. Положимъ, напримѣръ, что въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей адвокатъ доказывалъ несостоятельность сличенія почерковъ, какъ средства къ обнаруженію подлога. Если въ другомъ, предлагаемомъ ему, дѣлѣ результатъ сличенія благопріятенъ для стороны, къ нему обратившейся, онъ долженъ либо отказаться отъ дѣла, либо не ссылаться въ своей рѣчи на мнѣніе учителей чистописанія, какъ на самостоятельное доказательство. Въ послѣднемъ случаѣ онъ обязанъ заранѣе предупредить своего кліента о своемъ взглядѣ на сличеніе почерковъ, чтобы не лишить его, безъ его вѣдома и согласія, орудія защиты, которымъ могъ бы воспользоваться другой адвокатъ, ничѣмъ въ этомъ отношеніине стѣсненный.

Не говорить противъ убѣжденія — этимъ правиломъ

обусловливается вообще выборъ уголовнаго дѣла. Адвокатъ, принимающій на себя защиту подсудимаго по добровольному съ нимъ соглашенію, въ видахъ полнаго его оправданія, долженъ либо вѣрить въ невинность подсудимаго, либо сильно сомнѣваться въ его виновности, либо считать его нравственно-правымъ, хотя бы съ строго-юридической точки зрѣнія виновность его была вполнѣ очевидна; если же задача защиты состоитъ не въ оправданіи подсудимаго, а только въ облегченіи его участи, то для принятія защиты достаточно убѣжденія, что подсудимый заслуживаетъ снисходительнаго приговора, или что строгое наказаніе, установленное закономъ, не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ даннаго случая. Внѣ этихъ условій принятіе защиты по добровольному соглашенію возможно, по нашему мнѣнію, только тогда, когда при отказѣ отъ нея подсудимый остался бы вовсе безъ защитника, т. е. когда въ данной мѣстности нѣтъ лицъ, изъ среды которыхъ могъ бы быть назначенъ защитникъ ex officio. Не слѣдуетъ забывать, что защита по добровольному соглашенію принимается большею частію не даромъ, а за опредѣленное вознагражденіе, и что это обязываетъ адвоката быть особенно осторожнымъ въ выборѣ уголовныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ причинъ, возстановляющихъ общественное мнѣніе противъ адвокатуры, самая сильная—это предположеніе, что адвокаты, защищая подсудимыхъ, часто говорятъ противъ убѣжденія, въ надеждѣ на болѣе или менѣе крупный гонораръ. На сколько это предположеніе фактически справедливо—объ этомъ мы скажемъ ниже; теперь для насъ важно только то, что одна мысль о защитѣ, за деньги, противъ убѣжденія возмущаетъ общественную совѣсть. И дѣйствительно, такая защита не можетъ быть оправдана никакими соображеніями. Если защитникъ идетъ

на перекоръ истинѣ изъ состраданія къ подсудимому или изъ другихъ безкорыстныхъ побужденій, роль его не унизительна, хотя и тяжела; но тотъ же самый образъ дѣйствій принимаетъ совершенно другую окраску, когда въ основаніи его лежитъ разсчетъ на матеріальное вознагражденіе. Конечно, еслибы защита по соглашенію могла ограничиваться холоднымъ, спокойнымъ указаніемъ данныхъ, возбуждающихъ нѣкоторое сомнѣніе въ виновности подсудимаго, вопросъ о принятіи или непринятіи ея разрѣшался бы гораздо проще. Для того чтобы свести въ одно цѣлое обстоятельства, говорящія въ пользу подсудимаго, противупоставить ихъ основаніямъ обвиненія и затѣмъ сказать присяжнымъ: «выбирайте сами»—не нужно быть убѣжденнымъ въ невинности или нравственной правотѣ обвиняемаго, не нужно, слѣдовательно, и говорить противъ убѣжденія, когда его нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Такова, какъ мы уже видѣли, задача защитника ex officio, когда онъ, изучивъ дѣло, не пришелъ къ заключенію благопріятному для подсудимаго; но отъ защитника, избраннаго подсудимымъ, ожидаютъ обыкновенно совсѣмъ другаго. Отъ него требуютъ, чтобы онъ, не довольствуясь возбужденіемъ сомнѣній, старался *убѣдить* присяжныхъ въ правотѣ подсудимаго. Если въ его глазахъ виновность подсудимаго несомнѣнна или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятна, ему приходится, такимъ образомъ, или убѣждать другихъ въ томъ, въ чемъ онъ самъ не убѣжденъ, чему онъ можетъ быть даже вовсе не вѣрить,—или не исполнить того, для чего онъ собственно и былъ приглашенъ подсудимымъ. Весьма часто положеніе адвоката, ведущаго защиту противъ убѣжденія, усложняется еще тѣмъ, что защищая подсудимаго, онъ по необходимости долженъ нападать на другихъ подсудимыхъ, его оговаривающихъ,

на свидѣтелей, его обвиняющихъ, на экспертовъ, дающихъ противъ него заключеніе. Представимъ себѣ, что обвиненіе держится преимущественно на показаніи одного свидѣтеля, носящемъ явный отпечатокъ искренности, правдивости; чтобы отстоять подсудимаго, защитнику приходится заподозривать мотивы этого показанія, бросать тѣнь на самую личность свидѣтеля, на самомъ дѣлѣ внушающую ему невольное уваженіе. При отсутствіи убѣжденія, это роль невыносимая для честнаго человѣка, и одна возможность ея, заранѣе предусмотрѣнная — достаточный поводъ къ непринятію защиты. Замѣтимъ еще, что гораздо труднѣе отказаться отъ уголовнаго дѣла, однажды принятаго, чѣмъ отъ гражданскаго процесса, потому что въ первомъ случаѣ отказъ можетъ произвести впечатлѣніе, неблагопріятное для подсудимаго; послѣ начатія судебнаго слѣдствія отказъ отъ защиты становится даже почти невозможнымъ. Принимать на себя защиту адвокатъ долженъ, поэтому, не иначе, какъ послѣ всесторонняго изученія дѣла и, если возможно, послѣ личнаго объясненія съ подсудимымъ. Дѣло можетъ считаться достаточно разъясненнымъ только по окончаніи предварительнаго слѣдствія; пока послѣднее еще производится, адвокатъ не долженъ связывать себя обѣщаніемъ принять защиту обвиняемаго, хотя и можетъ помогать ему въ совершеніи отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій, напр. въ принесеніи жалобы на слѣдователя за взятіе подъ стражу, за принятіе мѣръ къ обезпеченію гражданскаго иска и т. п.

Но если адвокатъ, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, считаетъ возможнымъ взять на себя защиту подсудимаго, не рискуя говорить противъ убѣжденія, и если при томъ онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы исполнить возлагаемую на него задачу, онъ *долженъ* принять ее, не оста-

навливаясь ни передъ какими посторонними соображеніями. Чѣмъ больше общественное мнѣніе возбуждено противъ обвиняемаго, тѣмъ менѣе адвокатъ имѣетъ право отказываться отъ защиты, если только онъ можетъ принять и вести ее *по убѣжденію*. Желаніе адвоката охранить неприкосновенность своей репутаціи, предупредить даже возможность нареканій, вполнѣ понятно и законно; но оно не должно доходить до малодушной боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ. Самымъ строгимъ судьею долженъ быть для себя самъ адвокатъ; если онъ по совѣсти считаетъ себя въ правѣ взяться за дѣло, ему нечего опасаться толкованій, которыя вызоветъ его рѣшимость. Намъ могутъ возразить, что гласъ народа—гласъ Божій, что всеобщее негодующее убѣжденіе въ виновности извѣстнаго лица всегда имѣетъ основаніе, если не въ обстоятельствахъ дѣла, то по крайней мѣрѣ въ личности обвиняемаго. На это мы отвѣтимъ, что для адвоката личность обвиняемаго имѣетъ значеніе лишь на столько, на сколько она можетъ бросить свѣтъ на вопросъ о виновности или невиновности его въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ обвиняется. Безспорно, прошедшее обвиняемаго въ этомъ отношеніи весьма важно какъ для суда, такъ и для адвоката; имѣя дѣло съ однимъ обвиняемымъ, адвокатъ можетъ начать съ предположенія, что онъ невиненъ — въ другомъ случаѣ исходной точкой можетъ служить противоположное предположеніе. Но по мѣрѣ изученія дѣла предположенія, въ большинствѣ случаевъ, уступаютъ мѣсто *убѣжденію*, на которомъ и должно быть построено окончательное рѣшеніе адвоката. Принимая на себя защиту, адвокатъ задается не тѣмъ, чтобы доказать безусловную нравственную чистоту обвиняемаго; онъ имѣетъ въ виду опровергнуть только неправильное — по

его мнѣнію — обвиненіе, составляющее предметъ дѣла. Самый испорченный человѣкъ можетъ быть невиновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его, въ данномъ случаѣ, обвиняютъ; осужденіе его за это преступленіе было бы несправедливостью., предупреждая которую адвокатъ дѣйствуетъ согласно съ своимъ призваніемъ. Еслибы только допустить мысль, что уголовная кара можетъ постигнуть человѣка въ сущности не за то, за что она опредѣлена закономъ, а за прежнюю его жизнь, за поступки безнравственные, но не подходящіе подъ дѣйствіе уголовнаго закона, то правосудіе перестало бы быть безпристрастнымъ и обратилось бы въ произвольную расправу надъ лицами, возбудившими противъ себя негодованіе общества. О соразмѣрности между виною и наказаніемъ не могло бы тогда быть и рѣчи. Ненавистный обществу человѣкъ обвиняется въ подлогѣ—пускай же онъ будетъ наказанъ какъ за подлогъ; онъ обвиняется въ убійствѣ — тѣмъ лучше, пускай же онъ будетъ наказанъ какъ за убійство; вотъ логическій выводъ изъ того начала, что обвинительный приговоръ, направленный противъ дурнаго человѣка, не можетъ быть несправедливымъ. Съ другой стороны, развѣ общественное мнѣніе никогда не ошибается въ своихъ рѣшеніяхъ относительно отдѣльнаго лица, отдѣльнаго случая? Въ оцѣнкѣ общественной, публичной дѣятельности извѣстнаго лица возможно крайнее пристрастіе, но мало вѣроятны совершенно фальшивые фактическіе выводы, потому что матеріалъ для этихъ выводовъ у всѣхъ передъ глазами. Совсѣмъ другое дѣло — оцѣнка факта, совершившагося негласно, или цѣлаго ряда такихъ фактовъ, оцѣнка всего входящаго въ область частной жизни; здѣсь необходимъ тщательный, подробный, иногда продолжительный

разборъ, основанный на близкомъ знакомствѣ со всѣми обстоятельствами даннаго случая—а приговорамъ общественнаго мнѣнія такой разборъ не предшествуетъ и предшествовать не можетъ; они постановляются рѣшительно и быстро, по нѣкоторымъ, болѣе крупнымъ и выдающимся чертамъ, хотя бы и далеко не самымъ важнымъ. Не говоримъ уже о тѣхъ искусственныхъ средствахъ, которыя могутъ быть употребляемы—и дѣйствительно употребляются—для того, чтобы направить общественное мнѣніе въ ту или другую сторону, расположить его къ тому или другому взгляду. Мы не утверждаемъ, чтобы всеобщее предубѣжденіе противъ обвиняемаго могло быть оставлено адвокатомъ вовсе безъ вниманія, какъ фактъ для него безразличный; мы признаемъ, что онъ долженъ изслѣдовать источникъ этого предубѣжденія, повѣрить всѣ данныя, на которыхъ оно основывается; но окончательное рѣшеніе адвоката должно обусловливаться не тѣмъ, что скажетъ свѣтъ, что станутъ говорить газеты и журналы, а исключительно тѣмъ, къ какому убѣжденію привело адвоката самостоятельное, всестороннее и добросовѣстное изученіе дѣла.

Прежде чѣмъ осуждать адвоката за согласіе его защищать того или другаго обвиняемаго, необходимо принять въ соображеніе еще слѣдующія обстоятельства. Не только до публичнаго судебнаго слѣдствія, но и послѣ окончанія его одна существенно-важная сторона дѣла часто остается неизвѣстной или не вполнѣ извѣстной для общества. Эта сторона — объясненія самого обвиняемаго. На судѣ подсудимый, въ особенности если онъ не сознается въ преступленіи, въ большей части случаевъ говоритъ мало. Ошибочно было бы приписывать это исключительно боязни проговориться, желанію оставить дѣло по возможности неразъ-

неправильными дѣйствіями или упущеніями, и не предоставляетъ частнымъ лицамъ права отыскивать такіе убытки, потому что это право принадлежитъ имъ въ силу самаго закона. Это положеніе проистекаетъ какъ изъ ст. 374-й Учр. Суд. Устан., на основаніи которой взысканіе, наложенное Совѣтомъ на присяжнаго повѣреннаго, или оправданіе его Совѣтомъ, не лишаютъ частное лице права искать съ того повѣреннаго вознагражденія убытковъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и изъ ст. 1-й Уст. Гр. Суд., по которой всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій. Частныя лица нерѣдко обращаются въ Совѣтъ съ просьбами о взысканіи съ присяжныхъ повѣренныхъ причиненныхъ ими убытковъ или о предоставленіи права отыскивать убытки (см. напримѣръ журналы 29 Марта 1869 г., 18 Апрѣля и 13 Октября 1873 г.); но Совѣтъ постоянно отказывалъ и отказываетъ въ этихъ просьбахъ [1]). Бываютъ однако случаи, когда Совѣтъ, въ виду явнаго нарушенія присяжнымъ повѣреннымъ интересовъ своего довѣрителя, предлагаетъ ему вознаградить послѣдняго безъ суда или возвратить полученныя отъ него деньги. Само собою разумѣется, что исполненіе такого предложенія для присяжнаго повѣреннаго не обязательно; но въ большей части случаевъ оно не остается безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что отъ исполненія или неисполненія его можетъ

---

[1]) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постановленіе Совѣта, которымъ присяжный повѣренный признанъ виновнымъ въ неправильномъ дѣйствіи или упущеніи, можетъ служить во многихъ случаяхъ основаніемъ гражданскаго иска или по крайней мѣрѣ сильнымъ въ подтвержденіе его доказательствомъ.

иногда зависѣть мѣра личной отвѣтственности присяжнаго повѣреннаго. Такъ напримѣръ, на одного присяжнаго повѣреннаго была принесена жалоба за то, что обѣщавъ разсмотрѣть дѣло и дать тяжущемуся совѣтъ, онъ взялъ за это впередъ 50 руб., а обѣщанія своего не исполнилъ; по предложенію Совѣта, деньги, взятыя присяжнымъ повѣреннымъ, были возвращены имъ обратно (журн. 11 Мая 1868 г.). Въ другомъ случаѣ Совѣтъ, признавъ присяжнаго повѣреннаго виновнымъ въ крайней медленности и неправильной постановкѣ исковыхъ требованій и подвергнувъ его за то дисциплинарному взысканію, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему возвратить полученныя имъ отъ довѣрителя деньги и призналъ его *нравственно обязанным* вознаградить послѣдняго за причиненные ему убытки (журн. 28 Апрѣля 1871 г.).

Охраняя достоинство корпораціи и всѣхъ ея членовъ, Совѣтъ, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, дѣйствуетъ иногда какъ судъ чести, для прекращенія недоразумѣній возникающихъ между присяжными повѣренными или ихъ помощниками, и для разбора обвиненій взводимыхъ однимъ изъ нихъ на другаго — если обвиненія эти по характеру своему не подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта въ силу его дисциплинарной власти. Рѣшенія Совѣта имѣютъ въ такихъ случаяхъ безусловно обязательную, хотя конечно только нравственную силу для лицъ, заранѣе имъ подчинившихся (см. журн. 19 Февраля 1874 г.).

добровольнымъ игнорированіемъ истины. Мы сказали выше, что продолжительная адвокатская практика можетъ развить особое чутье, помогающее различать правое дѣло отъ неправаго; но столь же несомнѣнно и то, что она можетъ привести и къ противоположному результату. Все зависитъ, въ этомъ отношеніи, отъ характера, темперамента, однимъ словомъ — отъ личности адвоката. Человѣкъ спокойный, хладнокровный, съ аналитическимъ умомъ можетъ почерпнуть изъ адвокатской практики недовѣріе къ людямъ, расположеніе сомнѣваться въ ихъ правотѣ, привычку исходить скорѣе изъ предположенія, что они виноваты; человѣкъ увлекающійся, горячій, съ сильно развитымъ воображеніемъ можетъ, на оборотъ, сохранить или даже развить въ себѣ способность останавливаться на свѣтлой сторонѣ дѣла, готовность и желаніе вѣрить подсудимому. Первый относится къ дѣлу какъ посторонній наблюдатель, взвѣшиваетъ всѣ доводы, говорящіе за и противъ подсудимаго, и постановляетъ самъ для себя, если можно такъ выразиться, судебный приговоръ, сообразно съ которымъ принимаетъ защиту или отказывается отъ нея; послѣдній, приступая къ разсмотрѣнію предлагаемаго ему дѣла, становится прямо на точку зрѣнія защитника, легко отождествляетъ себя съ подсудимымъ и отдаляется такимъ образомъ все больше и больше отъ безпристрастной оцѣнки дѣла. Мы признаемъ за адвокатомъ нравственную обязанность бороться съ этой тенденціей, потому что предоставленная самой себѣ, она можетъ привести къ полной неразборчивости въ выборѣ дѣлъ; но не слѣдуетъ забывать, что не всѣмъ такая борьба достается одинаково легко, что не всѣ могутъ постоянно выходить изъ нея побѣдителями. Безусловно осуждать побѣжденныхъ было бы тѣмъ менѣе

справедливо, что между ними часто можно встрѣтить лучшихъ представителей адвокатуры. Никто не станетъ отрицать, что увлеченіе — конечно искреннее, а не поддѣльное — важный элементъ въ уголовной защитѣ и великая сила въ защитникѣ; между тѣмъ, именно способность увлекаться всего менѣе совмѣстна съ безошибочнымъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, разрѣшеніемъ вопроса, можно ли взяться за защиту подсудимаго.

Все сказанное нами до сихъ поръ приводитъ къ заключенію, что выборъ присяжными повѣренными гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ не долженъ быть стѣсненъ никакими внѣшними ограниченіями, не долженъ быть подчиненъ контролю совѣта. Составить себѣ понятіе о нравственной сторонѣ дѣла, о причинахъ, побудившихъ присяжнаго повѣреннаго взяться за его веденіе, для совѣта конечно легче, чѣмъ для постороннихъ лицъ, такъ какъ онъ можетъ распросить присяжнаго повѣреннаго, разсмотрѣть и обсудить самое дѣло; но все-таки изъ числа данныхъ, руководившихъ присяжнымъ повѣреннымъ при принятіи защиты, многія недоступны и для совѣта. Съ другой стороны, совѣтъ и присяжный повѣренный могутъ просто разойтись во взглядахъ, въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла; первый можетъ не сомнѣваться въ виновности подсудимаго, между тѣмъ какъ для послѣдняго она можетъ представляться крайне сомнительной. Такое разногласіе между совѣтомъ и присяжнымъ повѣреннымъ тѣмъ болѣе возможно, что степень знакомства ихъ съ дѣломъ рѣдко одинакова, что совѣтъ не можетъ посвятить на изученіе дѣла столько времени и труда, сколько посвящаетъ на то присяжный повѣренный, взявшійся за дѣло. Совѣтъ можетъ и долженъ требовать отъ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы

они подчинялись указаніямъ его по общимъ вопросамъ, касающимся адвокатской дѣятельности, но не имѣетъ ни права, ни основанія навязывать имъ свое мнѣніе о фактической сторонѣ того или другаго дѣла. С. Петербургскій Совѣтъ (а сколько намъ извѣстно—и Московскій) никогда не призывалъ присяжныхъ повѣренныхъ къ отвѣту собственно за принятіе ими той или другой защиты.

Насъ могутъ спросить, въ чемъ же мы видимъ санкцію, гарантію правильнаго выбора дѣлъ со стороны адвокатовъ, если мы отвергаемъ контроль совѣта надъ этимъ выборомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что адвокатъ не долженъ подчиняться приговорамъ общественнаго мнѣнія, что онъ имѣетъ право защищать подсудимаго, заранѣе осужденнаго обществомъ? Не слѣдуетъ ли опасаться, что адвокаты, предоставленные самимъ себѣ, станутъ руководствоваться въ выборѣ дѣлъ не свойствомъ и характеромъ ихъ, а совершенно посторонними соображеніями, что исполнятся, такимъ образомъ, самыя мрачныя предсказанія противниковъ адвокатуры? Если внутреннее убѣжденіе адвоката въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла — единственный критеріумъ, для него обязательный, если онъ никому и никогда не долженъ давать отчета въ тѣхъ мотивахъ, на которыхъ основано это убѣжденіе, то что же помѣшаетъ адвокату браться за всякое дѣло, прикрываясь одной бездоказательной, не подлежащей дальнѣйшей повѣркѣ фразой: «я защищаю по убѣжденію»? Мы отвѣтимъ на эти вопросы, что признаемъ въ полной мѣрѣ отвѣтственность адвоката передъ общественнымъ мнѣніемъ, въ особенности передъ мнѣніемъ адвокатской корпораціи и всего судебнаго міра; мы желаемъ только съ одной стороны, чтобы адвокаты не преклонялись передъ общественнымъ мнѣніемъ *безусловно и слѣпо*, съ

другой—чтобы общественное мнѣніе не осуждало адвоката безъ принятія во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ объяснить или оправдать его образъ дѣйствій, чтобы оно считало его, какъ и всякаго другаго общественнаго дѣятеля, способнымъ ошибаться bona fide. Изъ того, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ адвокатъ можетъ и долженъ идти наперекоръ общественному мнѣнію, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ всегда могъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ; изъ того, что общественное мнѣніе можетъ иногда произнести надъ адвокатомъ незаслуженный обвинительный приговоръ, еще не слѣдуетъ, чтобы оно должно было вовсе воздерживаться отъ обсужденія дѣятельности адвоката. Оцѣнка этой дѣятельности совершается прежде всего въ кружкахъ, наиболѣе близкихъ къ адвокату, имѣющихъ возможность слѣдить за каждымъ его шагомъ. Отдѣльное дѣйствіе и здѣсь можетъ вызвать ошибочныя толкованія, но *изъ цѣлаго ряда дѣйствій* выводится почти всегда вѣрное заключеніе объ общемъ направленіи, о цѣляхъ и стремленіяхъ адвоката. Принять дѣло, за которое лучше было бы не браться, можетъ и самый разборчивый адвокатъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не всегда поддающимся точному опредѣленію; но постоянный или часто повторяющійся выборъ такихъ дѣлъ даетъ право предполагать, что въ основаніи его лежитъ не случайность, а система. Адвокатъ, о которомъ составилось и затѣмъ утвердилось такое предположеніе, неизбѣжно падаетъ въ глазахъ судебнаго міра, а вслѣдъ за тѣмъ и въ глазахъ цѣлаго общества. Онъ можетъ еще имѣть блестящій успѣхъ, но не можетъ пользоваться уваженіемъ, которое такъ дорого для каждаго общественнаго дѣятеля; да и успѣху его рано или поздно угрожаетъ опасность, потому что самый фактъ

порученія дѣла именно ему—адвокату des mauvaises causes, какъ говорятъ французы—можетъ заранѣе дискредитировать обвиняемаго, обратившагося къ его защитѣ. Мы выводимъ отсюда то заключеніе, что до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ существуетъ правильный взглядъ на обязанности адката, со стороны адвокатовъ всегда будетъ существовать стремленіе удовлетворять требованіямъ этого взгляда. Наше общество расположено требовать отъ адвоката весьма многаго, относиться къ нему весьма строго—и въ этомъ мы видимъ одинъ изъ главныхъ залоговъ нормальнаго развитія русской адвокатуры. Если французскихъ адвокатовъ не безъ основанія упрекаютъ въ неразборчивости при выборѣ уголовныхъ защитъ, то этотъ недостатокъ французской адвокатуры объясняется въ значительной степени снисходительнымъ отношеніемъ къ нему французскаго общества, увлекающагося громкими словами, красивыми фразами и способнаго просмотрѣть изъ-за нихъ самое содержаніе защиты. У насъ господствуетъ другое понятіе о судебномъ краснорѣчіи, насъ труднѣе подкупить ораторскими эффектами; да и въ средѣ нашай молодой адвокатуры нѣтъ такихъ преданій и привычекъ, которыя затрудняли бы распространеніе правильнаго взгляда на адвокатскія обязанности. Затрудненіе существуетъ только *въ примѣненіи* этого взгляда; оно коренится въ общемъ настроеніи умовъ, въ общемъ духѣ той эпохи, которую мы теперь переживаетъ. Застой въ умственномъ движеніи, потеря вѣры въ прежніе идеалы, незамѣненные пока другими, погоня за матеріальнымъ благосостояніемъ, за быстрымъ обогащеніемъ—всѣ эти характеристическія черты современной общественной жизни не могли и не могутъ не отражаться на положеніи адвокатуры, тѣмъ болѣе, что адвокату, по самому свойству его занятій,

особенно легко плыть по теченію и особенно трудно устоять противъ него.

Если обратиться отъ этихъ общихъ соображеній къ дѣйствительности, то мѣсто, по праву принадлежащее русской присяжной адвокатурѣ, едва ли окажется ниже той черты, которая въ данную минуту можетъ считаться среднимъ уровнемъ нашего общества. Подробное развитіе этой мысли повело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы насъ коснуться личностей, назвать имена, чего мы поставили себѣ за правило не дѣлать; ограничимся указаніемъ на одинъ фактъ, по нашему мнѣнію знаменательный и не единственный въ своемъ родѣ. Когда въ началѣ 1874 г. въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ должно было слушаться дѣло Колосова и Ярошевича, обвинявшихся въ поддѣлкѣ акцій Общества Тамбовско-Козловской желѣзной дороги, *никто* изъ присяжныхъ повѣренныхъ не согласился взять на себя добровольно защиту Колосова *), такъ что защитникъ ему былъ назначенъ отъ суда; между тѣмъ защита Колосова принадлежала къ числу интересныхъ и была бы оплачена довольно значительнымъ гонораромъ.—Мы далеки отъ мысли приписывать присяжнымъ повѣреннымъ какія-то небывалыя совершенства, отстаивать ихъ безусловно противъ всѣхъ нападеній, которымъ они подвергаются, выставлять ихъ дѣятельность совершенно безупречною; но мы убѣждены, что въ большинствѣ случаевъ присяжные повѣренные одушев-

*) Для того, чтобы понять значеніе этого отказа, необходимо припомнить роль Колосова въ названномъ нами дѣлѣ; онъ вовлекъ Ярошевича въ преступленіе, долго участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ достиженію преступной цѣли, и затѣмъ донесъ на Ярошевича, изъ вражды къ нему и другихъ личныхъ видовъ.

лены желаніемъ дѣйствовать честно, говорить не иначе какъ по убѣжденію, и что уклоненія отъ этого правила, безспорно встрѣчающіяся на практикѣ, не могутъ быть разсматриваемы какъ признакъ испорченности сословія, какъ доказательство преобладанія въ его средѣ систематически извращенныхъ понятій о призваніи адвоката.

X.

Разборчивость въ выборѣ дѣлъ—не единственное условіе правильнаго исполненія адвокатскихъ обязанностей; не менѣе важна, можетъ быть даже еще важнѣе, разборчивость въ *выборѣ средствъ защиты и нападенія*, другими словами — *способъ веденія дѣлъ*. Оба эти условія находятся въ тѣсной связи между собою. Если адвокатъ, какъ мы старались установить въ предъидущей главѣ, долженъ быть самостоятельнымъ дѣятелемъ, а не послушнымъ орудіемъ въ рукахъ кліента, если цѣль его—способствовать осуществленію правосудія, а не поддерживать, во что бы то ни стало, всякаго рода требованія и возраженія, то этимъ уже отчасти предрѣшается вопросъ, какъ долженъ дѣйствовать адвокатъ, принявъ на себя веденіе дѣла. Но между выборомъ дѣлъ и выборомъ средствъ защиты существуетъ та разница, что послѣдній подлежитъ въ значительной мѣрѣ контролю Совѣта. Выборъ дѣла зависитъ отъ внутренняго убѣжденія, повѣрка котораго трудна, почти невозможна; мы видимъ только окончательное рѣшеніе адвоката, но не можемъ прослѣдить ту внутреннюю работу, которая ему

предшествовала. Способъ веденія дѣла, наоборотъ, вполнѣ доступенъ для наблюденія и повѣрки; здѣсь важны не столько побужденія, сколько дѣйствія адвоката; если даже они совершаются негласно, тайна, покрывающая ихъ, можетъ быть раскрыта путемъ изслѣдованія, производство котораго всегда зависитъ отъ Совѣта. Вотъ почему во второй части нашей книги читатели найдутъ много данныхъ по вопросу о выборѣ средствъ защиты и не найдутъ ничего по вопросу о выборѣ дѣлъ, за исключеніемъ развѣ указанія на тотъ случай, когда присяжный повѣренный является въ одно и тоже время повѣреннымъ двухъ спорящихъ между собою сторонъ, или дѣйствуетъ сначала въ пользу, потомъ противъ одного и того же лица (часть вторая, § 58). Главное начало, выработанное С.-Петербургскимъ Совѣтомъ по вопросу о средствахъ защиты, заключается въ томъ, что. защищая и охраняя права своихъ довѣрителей или кліентовъ, присяжный повѣренный не долженъ нарушать ни общихъ законовъ, ни правилъ нравственности и чести, не долженъ прибѣгать, для достиженія цѣли, къ предосудительнымъ средствамъ, хотя бы этого прямо требовалъ отъ него довѣритель *). Недостатокъ искусства, находчивости, сообразительности не считается поводомъ къ возбужденію дисциплинарнаго производства противъ присяжнаго повѣреннаго, если только онъ не сдѣлалъ грубыхъ упущеній или не выказалъ совершеннаго незнанія элементарныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно-важныхъ правилъ судопроизводства **).

Мы не будемъ говорить о самыхъ тяжкихъ нарушеніяхъ

---

*) См. ниже, часть вторую, стр. 122, стр. 232 и слѣд.

**) См. ниже, ч. 2, стр. 168, 222.

адвокатскаго долга, каковы, напримѣръ, предложеніе взятки, подкупъ свидѣтелей или стачка съ ними, поврежденіе представленныхъ противною стороною или вообще служащихъ въ ея пользу бумагъ и документовъ, введеніе противной стороны въ обманъ ложными увѣреніями или обѣщаніями, сдѣлка съ противною стороною во вредъ довѣрителю и т. п.—не будемъ говорить о нихъ какъ потому, что безнравственность или даже преступность ихъ совершенно очевидна, такъ и потому, что они (по крайней мѣрѣ въ дѣятольности присяжныхъ повѣренныхъ) встрѣчаются весьма рѣдко и что не въ нихъ заключается опасность, грозящая адвокатскому сословію. Гораздо серьезнѣе тѣ неправильности, которыя меньше бросаются въ глаза, которыя могутъ быть допускаемы, терпимы, даже поощряемы, пока вредныя стороны ихъ не обнаружатся съ достаточною ясностью. Неправильности этого рода въ большей части случаевъ не подлежатъ дисциплинарному преслѣдованію; гарантію противъ нихъ слѣдуетъ искать не столько въ контролѣ Совѣта, сколько въ общественномъ мнѣніи; при равнодушномъ, снисходительномъ отношеніи къ нимъ онѣ могутъ укорениться, войти въ обычай, получить право гражданства въ средѣ адвокатовъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ, въ нашихъ глазахъ, особенно важное значеніе.

Адвокатамъ, въ особенности при защитѣ подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ, приходится весьма часто касаться самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни, высказывать свое мнѣніе по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, не имѣющимъ, повидимому, прямаго отношенія къ предмету дѣла, но въ сущности тѣсно связаннымъ съ нимъ. Это—безспорное, неотъемлемое право адвоката, и предсѣдатель, спѣшащій остановить всякое общее разсужденіе защитника,

какъ не идущее къ дѣлу, не выказываетъ этимъ правильнаго пониманія своихъ обязанностей и назначенія защиты. Но чѣмъ больше свобода дѣйствій, принадлежащая въ этомъ отношеніи адвокату, тѣмъ обдуманнѣе онъ долженъ пользоваться ею. Онъ долженъ помнить, что его рѣчь—если дѣло выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ—будетъ прочитана тысячами и тысячами лицъ, изъ которыхъ многія не въ состояніи отнестись къ ней критически, отличить софизмъ отъ истины, поддѣльное одушевленіе отъ искренняго. Если рѣчь его и не будетъ напечатана, она во всякомъ случаѣ произведетъ впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей, на слушателей, впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ менѣе они привыкли къ умственной работѣ. Гласный судъ—это школа для народа, и между учителями ея одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ адвокаты. Само собою разумѣется, что адвокатъ никогда не долженъ задаваться мыслью о поученіи своихъ слушателей; но онъ долженъ говорить такъ, чтобы изъ его рѣчи—если этому способствуетъ самое содержаніе дѣла—можно было вывести поученіе, чтобы она не заключала въ себѣ ничего такого, чего не сказалъ бы учитель, лекторъ, проповѣдникъ, понимающій и уважающій свое призваніе. Представимъ себѣ, напримѣръ, что судится крестьянинъ за жестокое обращеніе съ дѣтьми или съ женою. Защитникъ его имѣетъ полное право указать на грубость, дикость нравовъ той среды, къ которой принадлежитъ подсудимый, какъ на обстоятельство значительно уменьшающее его вину; но если—разсчитывая на составъ присутствія присяжныхъ, въ которомъ преобладаютъ крестьяне,—защитникъ станетъ утверждать, что съ бабой и нельзя иначе справиться, дѣтей и нельзя иначе воспитать, какъ съ помощью побоевъ, то такой способъ защиты долженъ быть признанъ заслуживаю-

щимъ безусловнаго порицанія, хотя бы онъ въ данномъ случаѣ и привелъ къ оправданію подсудимаго. Тоже самое слѣдуетъ сказать объ адвокатѣ, который, говоря по дѣлу о растратѣ казенныхъ или общественныхъ суммъ, сталъ бы относиться слегка къ обязанности, нарушенной подсуднымъ, и развивать теорію самопомощи, резюмируемую извѣстнымъ изреченіемъ: «своя рука владыка». Подобный способъ защиты является у насъ, къ счастію, крайне рѣдкимъ исключеніемъ и не встрѣчаетъ сочувствія ни со стороны общества, ни со стороны самихъ адвокатовъ; остается только желать, чтобы и на будущее время защита подсудимыхъ не обращалась въ защиту или оправданіе зла, ими сдѣланнаго.

Приговоръ присяжныхъ засѣдателей долженъ быть основанъ на глубокомъ, обдуманномъ убѣжденіи ихъ въ виновности или невиновности *) подсудимаго, а не на минутномъ впечатлѣніи и не на постороннихъ соображеніяхъ. Отсюда явствуетъ, что защита—если она имѣетъ цѣлью полное оправданіе подсудимаго—должна быть направлена къ тому, чтобы убѣдить присяжныхъ въ невиновности или нравственной правотѣ подсудимаго, а не къ тому, чтобы запугать, запутать или разжалобить ихъ и этимъ путемъ добиться отъ нихъ оправдательнаго приговора. Это вовсе не значитъ, чтобы защита всегда должна была быть спокойна, холодна, объективна, чтобы защитникъ не имѣлъ права увлекаться самъ и увлекать присяжныхъ; вѣдь искреннее увлеченіе проистекаетъ именно изъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ подсудимаго. Мы имѣемъ въ виду только тѣ попытки растрогать присяжныхъ, которыя дѣлаются обдуманно, съ раз-

*) Мы употребляемъ здѣсь это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ.

счетомъ, и ищутъ точку опоры въ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ предметомъ дѣла. Во Франціи, какъ извѣстно, процвѣтаютъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь такъ называемые effets d'audience—драматическія выходки или сцены, заранѣе подготовленныя и разыгрываемыя съ цѣлью произвести сильное впечатлѣніе на присяжныхъ *); тѣмъ не менѣе Парижскій совѣтъ призналъ необходимымъ подвергнуть дисциплинарной отвѣтственности адвоката, который, скрывъ отъ подсудимаго смерть его жены, объявилъ о ней въ своей защитительной рѣчи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Sa femme! déchirée par la douleur que lui a donnée ce fatal procès, elle est morte hier! et c'est moi qui lui en apporte aujourd'hui la nouvelle!... Frappez-le donc maintenant»! Съ подсудимымъ, такъ внезапно узнавшимъ о своемъ несчастьѣ, сдѣлался нервный припадокъ; засѣданіе было прервано; судъ немедленно приговорилъ адвоката къ запрещенію исправлять адвокатскія обязанности въ продолженіе одного мѣсяца, а прокуроръ сообщилъ о поступкѣ адвоката совѣту, который, въ виду понесеннаго уже виновнымъ наказанія и выраженнаго имъ раскаянія, ограничился объявленіемъ ему выговора **). Наши адвокаты, вообще говоря, сдержаннѣе французскихъ: русской натурѣ менѣе свой-

*) Французскіе писатели не одобряютъ, въ принципѣ, effets d'audience (Молло, Т. I, стр. 38, Дюшенъ и Пикаръ, стр. 278); но неодобреніе это напоминаетъ намъ мнѣніе Фостена Эли о способѣ составленія обвинительныхъ актовъ, которые, по его словамъ, должны отличаться спокойствіемъ и объективностью. И здѣсь, и тамъ теорія не соотвѣтствуетъ практикѣ, потому что первая не принимаетъ въ разсчетъ привычекъ той среды, темперамента тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ послѣдняя.

**) *Молло*, Т. II, стр. 247—250.

ственна погоня за эффектами, да она и менѣе воспріимчива къ нимъ. И у насъ, однако, появлялись уже такіе пріемы защиты, распространеніе которыхъ было бы чрезвычайно прискорбно. Мы помнимъ, какъ въ одномъ процессѣ, приходившемъ къ концу въ воскресенье, защитникъ выразилъ надежду, что этотъ день будетъ воскресеніемъ и для подсудимаго, невинно обвиняемаго. Въ московскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло наканунѣ праздника Благовѣщенія; во время защитительной рѣчи раздался колокольный звонъ Кремлевскихъ соборовъ (рядомъ съ которыми, какъ извѣстно, стоитъ зданіе суда); защитникъ, пользуясь этимъ, напомнилъ присяжнымъ соединенный съ днемъ Благовѣщенія обычай русскаго народа выпускать на волю птицъ изъ клѣтокъ, и просилъ ихъ о такой же милости для узника, стоящаго передъ ними. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя выходки вдвойнѣ непростительны, когда адвокатъ, дѣйствуя въ качествѣ повѣреннаго частнаго обвинителя или гражданскаго истца, прибѣгаетъ къ нимъ съ цѣлью достигнуть не оправданія, а обсужденія подсудимаго. Намъ извѣстно дѣло, по которому повѣренный гражданскаго истца заключилъ свою рѣчь приблизительно такими словами: «чтобы показать вамъ, господа присяжные, до какой степени я убѣжденъ въ виновности подсудимаго, я прямо, въ глаза говорю ему, что онъ укралъ (цѣнныя бумаги, составлявшія предметъ дѣла), прямо называю его воромъ!» Изъ числа трехъ подсудимыхъ по другому дѣлу одинъ былъ лишенъ употребленія ногъ и вообще крайне ослабленъ продолжительною хроническою болѣзнью; повѣренный гражданскихъ истцовъ убѣждалъ присяжныхъ признать это за выраженіе гнѣва Божія противъ подсудимаго и, слѣдовательно, за доказательство его виновности!—Къ этой же категоріи непозволительныхъ пріі-

емовъ защиты слѣдуетъ отнести старанія подѣйствовать на національные, сословные, догматическіе предразсудки присяжныхъ, равно какъ и патетическія тирады о судебныхъ ошибкахъ, о страшныхъ послѣдствіяхъ ихъ, о тяжелой отвѣтственности, которую принимаютъ на себя присяжные осужденіемъ подсудимаго. Присяжные знаютъ и безъ того, что они люди и слѣдовательно могутъ ошибаться; напоминаніе имъ объ атомъ со стороны защиты, облеченное въ рѣзкую и яркую форму, не можетъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ искуственнаго давленія на воображеніе присяжныхъ, кромѣ возбужденія въ нихъ боязливаго недовѣрія къ самимъ себѣ, несовмѣстнаго съ спокойнымъ, безпристрастнымъ обсужденіемъ дѣла. Замѣтимъ, впрочемъ, что не всякая неумѣстная или безтактная фраза, сказанная защитникомъ, должна вызывать немедленно вмѣшательство предсѣдателя; свобода защиты должна быть по возможности широка, и притомъ слишкомъ большое стѣсненіе ея легко можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе на присяжныхъ. Оцѣнить по достоинству неправильныя выходки защиты—дѣло обвиненія, оцѣнка котораго въ свою очередь принадлежитъ защитѣ; затѣмъ всѣ уклоненія отъ прямаго пути, допущенныя какъ обвиненіемъ, такъ и защитой, могутъ быть указаны и характеризованы въ послѣднѣмъ словѣ (résumé) предсѣдателя, назначеніе котораго заключается, между прочимъ, именно въ томъ, чтобы очистить дѣло отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей, освободить присяжныхъ отъ всѣхъ постороннихъ вліяній. Дальнѣйшее развитіе этой мысли не входитъ въ предѣлы нашей задачи.

Если защитникъ, вмѣстѣ съ другими судебными дѣятелями, долженъ стремиться къ раскрытію истины, а не къ затемнѣнію ея, если онъ не имѣетъ права добиваться оправданія под-

судимаго во что бы то ни стало, то отсюда проистекаетъ еще одна важная обязанность защитника: не употреблять во зло перекрестнаго допроса, этого обоюдо-остраго орудія, которымъ можно причинить столько же вреда, сколько и пользы. Нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства и наша судебная практика предоставляютъ защитнику такой просторъ въ допросѣ свидѣтелей и экспертовъ, котораго напрасно было бы искать гдѣ-нибудь кромѣ Англіи и Сѣверной Америки,—и это безспорно одна изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ лучшихъ сторонъ нашего уголовнаго процесса. Но, заимствовавъ изъ Англіи форму перекрестнаго допроса, мы не должны подражать англичанамъ въ способѣ веденія его. Англійскіе адвокаты слишкомъ часто ставятъ себѣ задачей запутать, сбить свидѣтеля, показывающаго не въ пользу ихъ кліента, выставить его человѣкомъ неблагонадежнымъ, незаслуживающимъ довѣрія, очернить его прошедшее, и затѣмъ, раздраживъ или смутивъ его, вовлечь его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Чтобы судить о томъ, до чего доходитъ иногда это стремленіе, стоитъ только вспомнить образъ дѣйствій Кенили въ знаменитомъ процессѣ Тичборна. Говоря о перекрестномъ допросѣ въ сборникѣ практическихъ замѣтокъ, изданномъ нами четыре года тому назадъ подъ заглавіемъ: «Судебное слѣдствіе» (стр. 269—271), мы высказали о немъ слѣдующее мнѣніе, котораго продолжаемъ держаться и теперь: «если обвинитель или защитникъ сознаетъ, что задача, на немъ лежащая, должна быть исполняема только съ помощью средствъ безусловно-честныхъ, что отправленіе правосудія не должно обращаться въ борьбу личныхъ страстей и интересовъ,—онъ не позволитъ себѣ упражнять свое остроуміе на счетъ свидѣтелей, искать торжества въ ихъ смущеніи и замѣшательствѣ, осмѣивать

или искажать каждое ихъ слово. Система придирчивыхъ и сбивчивыхъ вопросовъ несовмѣстна не только съ достоинствомъ обвинителя или защитника, но и съ правильно понятымъ его интересомъ. Въ большинствѣ случаевъ она возбуждаетъ въ присяжныхъ предубѣжденіе не противъ допрашиваемаго свидѣтеля, а противъ допрашивающей стороны. И дѣйствительно, чѣмъ упорнѣе и запальчивѣе стремленіе стороны запутать, сбить свидѣтеля, тѣмъ легче можетъ возникнуть предположеніе, что показаніе свидѣтеля, въ его первоначальномъ, безъискуственномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ истину, опасную для допрашивающей стороны. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ придирчивый допросъ свидѣтеля можетъ утомить присяжныхъ и затруднить для нихъ оцѣнку свидѣтельскаго показанія. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ фазисахъ процесса, для сторонъ въ особенности необходимо чувство мѣры, умѣнье останавливаться во время, не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно. Сторона не должна избѣгать вопросовъ, непріятныхъ для свидѣтеля, если они имѣютъ существенно-важное значеніе, но она не должна напирать на нихъ больше, чѣмъ сколько безусловно-необходимо для разъясненія дѣла, не должна вести ихъ дальше той черты, за которою страданіе, причиняемое ими свидѣтелю, не уравновѣшивалось бы возможною отъ нихъ пользой. Не слѣдуетъ забывать, что какъ бы низокъ ни былъ нравственный уровень человѣка, онъ можетъ, въ данномъ случаѣ, говорить правду, и что выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ прошедшее свидѣтеля не значитъ еще всегда поколебать довѣріе къ его показаніямъ. Если отъ нравственной испорченности подсудимаго нельзя заключать къ способности его совершить преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, или къ самому соверше-

нію имъ этого преступленія, то по тѣмъ же самымъ причинамъ нельзя и не слѣдуетъ безусловно заключать отъ нравственной испорченности свидѣтеля къ способности его лгать на судѣ или къ самому факту дачи имъ ложныхъ показаній. Ироническій, насмѣшливый тонъ вопросовъ, могущій смутить или раздражить свидѣтеля, столь же неумѣстенъ, какъ и безцѣльно-оскорбительное содержаніе ихъ».

Если придирчивый перекрестный допросъ заслуживаетъ порицанія даже тогда, когда защитникъ добросовѣстно сомнѣвается въ правдивости свидѣтеля, то что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда защитникъ вѣритъ свидѣтелю или знаетъ, что онъ говоритъ правду, но тѣмъ не менѣе всячески старается подорвать довѣріе къ нему въ присяжныхъ засѣдателяхъ? Мы видѣли уже, что такая роль въ высшей степени унизительна для защитника, и думаемъ, что ея не оправдываетъ даже убѣжденіе защитника въ правотѣ своего кліента. На практикѣ злоупотребленіе перекрестнымъ допросомъ встрѣчается у насъ довольно рѣдко и не достигаетъ слишкомъ большихъ размѣровъ. Объясняется это, между прочимъ, именно тѣмъ, что англійская система допроса не возбуждаетъ, вообще говоря, сочувствія въ средѣ нашихъ адвокатовъ. Нельзя не пожелать, чтобы такое отношеніе къ ней высказывалось все съ большимъ и большимъ единодушіемъ, съ большей и большей силой. Вмѣшательство предсѣдателя можетъ, конечно, предупредить или остановить явное злоупотребленіе перекрестнымъ допросомъ; но главная гарантія противъ извращенія его заключается въ сдержанности самихъ защитниковъ и обвинителей, въ правильномъ пониманіи ими своихъ обязанностей. Въ судебныхъ преніяхъ сдержанность относительно свидѣтелей и вообще лицъ, спрошенныхъ на судѣ, менѣе необходима, потому что от-

сутствіе ея не можетъ отразиться на самомъ содержаніи свидѣтельскихъ или другихъ показаній. И здѣсь однако рѣзкія, страстныя нападенія противъ личности свидѣтелей или экспертовъ могутъ быть оправданы только подъ условіемъ дѣйствительной необходимости ихъ для защиты и глубокаго убѣжденія защитника въ ихъ справедливости.

Подсудимые часто просятъ у своихъ защитниковъ совѣта, какъ и что показывать, какъ держаться имъ на судѣ. Намъ кажется, что совѣтъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть данъ только одинъ: говорить правду — или молчать, если нельзя высказать ее безъ разглашенія чужихъ тайнъ или безъ вреда для лицъ, близкихъ подсудимому. Придумывать для подсудимаго или вмѣстѣ съ подсудимымъ цѣлую систему оправданій, несоотвѣтствующихъ истинѣ — значитъ идти прямо на перекоръ обязанностямъ адвоката. Притомъ, заученныя или продиктованныя объясненія рѣдко приводятъ къ желанной цѣли; не только опытный судья, но и присяжный засѣдатель, сколько нибудь проницательный и чуткій, легко можетъ замѣтить ихъ искусственность, ихъ фальшь, и не вынести изъ нихъ ничего другаго, кромѣ предубѣжденія противъ подсудимаго. Нѣкоторый контроль со стороны защитника можетъ быть допущенъ развѣ надъ заключительнымъ словомъ подсудимаго, если послѣдній, приготовивъ его заранѣе, самъ даетъ его на просмотръ защитнику. Заключительное слово подсудимаго существенно отличается отъ объясненій, представляемыхъ имъ во время судебнаго слѣдствія; оно не имѣетъ чисто-фактическаго характера и входитъ въ составъ защиты, какъ продолженіе и завершеніе ея. Вотъ почему защитникъ имѣетъ право посовѣтовать подсудимому не прибѣгать въ послѣднемъ словѣ къ такому способу защиты, который шелъ бы въ разрѣзъ съ систе-

мой, принятой самимъ защитникомъ, или вообще могъ бы произвести неблагопріятное впечатлѣніе на присяжныхъ. Такъ напримѣръ, многіе подсудимые расположены безпрестанно говорить о притѣсненіяхъ — большею частью мнимыхъ, — испытанныхъ ими со стороны слѣдователей, или прибавлять къ каждому своему оправданію обвиненіе противъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками постигшаго ихъ бѣдствія. Повтореніе такихъ объясненій въ послѣднемъ словѣ подсудимаго не можетъ принести ему ничего, кромѣ вреда, потому что неправильный образъ дѣйствій другихъ лицъ не служитъ еще доказательствомъ невиновности подсудимаго, — а въ рѣшительную минуту, предшествующую окончанію судебныхъ преній, вниманіе присяжныхъ должно быть обращено на обстоятельства, дѣйствительно соотвѣтствующія цѣлямъ защиты. Но если въ послѣднемъ своемъ словѣ подсудимый предполагаетъ представить какія-либо фактическія оправданія, дополнить объясненія, данныя имъ во время судебнаго слѣдствія, то этой части послѣдняго слова замѣчанія защитника не должны касаться. Редакція послѣдняго слова во всякомъ случаѣ должна принадлежать самому подсудимому; чѣмъ оно безъискусственнѣе, тѣмъ скорѣе оно можетъ подѣйствовать на присяжныхъ.

Судебныя пренія не должны обращаться въ личную борьбу защитника съ обвинителемъ; этого требуетъ и достоинство сторонъ, и важность предмета. Конечно, соблюденіе этого правила во многомъ зависитъ отъ обвинителя; ему принадлежитъ первое слово, онъ можетъ сообщить преніямъ тотъ или другой характеръ, облегчить или затруднить для защитника спокойное отношеніе къ обвиненію; но если обвинитель дѣйствуетъ неправильно, то это для защитника еще не причина слѣдовать его примѣру. «Защитникъ» —

сказано въ одномъ изъ постановленій С.-Петербургскаго Совѣта *) — «не долженъ оставлять безъ отвѣта ни одного изъ доводовъ обвинительной власти, можетъ и долженъ раскрывать ея ошибки, протестовать противъ искаженія фактовъ, если оно ею допущено; онъ не долженъ, однимъ словомъ, дѣлать ей уступокъ, несовмѣстныхъ съ обязанностями защиты; но всѣ эти условія могутъ быть достигнуты и безъ нападеній на личность обвинителя, нападеній, которыми удовлетворяется самолюбіе защитника, но не достигается цѣль защиты, и которыя отвлекаютъ вниманіе присяжныхъ отъ настоящаго предмета преній. Интересы подсудимаго еще менѣе чѣмъ достоинство защиты требуютъ чрезмѣрно сильныхъ или оскорбительныхъ для кого-либо выраженій. Стремленіе склонить присяжныхъ къ оправданію подсудимаго рѣзкими нападеніями на обвиненіе весьма легко можетъ привести къ совершенно противоположному результату.» Отношенія между обвинителями и защитниками у насъ гораздо болѣе нормальны, чѣмъ во Франціи; систематическаго соперничества, сословной вражды между нашими прокурорами и присяжными повѣренными не существуетъ, и нѣтъ основанія ожидать появленія ихъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Русскій темпераментъ спокойнѣе французскаго; вся обстановка нашей государственной и общественной жизни меньше способствуетъ возбужденію страстей и перенесенію ихъ на судебную арену. Отдѣльные случаи личныхъ столкновеній между обвинителями и защитниками встрѣчаются, конечно, и у насъ, да и не могутъ не встрѣчаться, потому что нельзя же требовать полнаго, безусловнаго самообладанія отъ всѣхъ, даже самыхъ молодыхъ и неопытныхъ

*) См. ниже, ч. 2, стр. 238—239.

представителей обвиненія и защиты. На обязанности совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и всѣхъ вліятельныхъ лицъ въ средѣ адвокатскаго сословія лежитъ только распространеніе той мысли, что́ если потеря самообладанія и представляется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до извѣстной степени извинительною, то заслуживать одобренія и поощренія она никогда не можетъ.

Защитники, дѣйствующіе ex officio, считаютъ иногда необходимымъ довести до свѣдѣнія присяжныхъ, что защита принята ими не по соглашенію съ подсудимымъ, а по назначенію суда. Ограждая себя такимъ образомъ отъ неосновательныхъ подозрѣній, защитникъ возбуждаетъ въ присяжныхъ предположеніе, что онъ самъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, что онъ защищаетъ его противъ воли, скрѣпя сердце, лишь за невозможностью отказаться отъ защиты. Одного этого предположенія во многихъ случаяхъ достаточно для того, чтобы уничтожить или значительно ослабить дѣйствіе защитительной рѣчи. Мы думаемъ, поэтому, что защитникъ никогда не долженъ объяснять присяжнымъ, какъ и почему онъ является передъ ними въ этой роли; присяжнымъ, *какъ присяжнымъ*, нѣтъ до этого никакого дѣла. Послѣ постановленія обвинительнаго приговора, ничто не мѣшаетъ защитнику сообщить, въ частномъ разговорѣ, бывшимъ присяжнымъ, что́ понудило его взяться за защиту; но до окончанія дѣла всякій намекъ этого рода является по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ и неумѣстнымъ.

Въ дѣлахъ гражданскихъ обязанности адвоката—съ точки зрѣнія, которая насъ теперь занимаетъ — менѣе сложны, поводы къ отступленію отъ нихъ менѣе многочисленны. О самой важной изъ нихъ — именно объ осторожномъ, добросовѣстномъ пользованіи формальностями, установленными

закономъ, мы уже говорили въ предъидущей главѣ. Дѣйствуя согласно съ буквой закона, адвокатъ можетъ иногда допустить серьезное нарушеніе внутренняго его смысла; яркимъ примѣромъ этому служитъ случай, приведенный во второй части нашей книги, на стр. 154—155. Вообще говоря, адвокатъ не долженъ противиться разъясненію дѣла, если только просьба объ этомъ не служитъ предлогомъ, прикрывающимъ желаніе замедлить, затянуть ходъ процесса. Онъ не долженъ возражать противъ просьбы объ отсрочкѣ засѣданія, когда она дѣйствительно имѣетъ цѣлью представленіе новыхъ документовъ или собраніе необходимыхъ свѣдѣній *). Если онъ знаетъ, что противная сторона не явилась въ судъ по независящимъ отъ нея причинамъ или просто опоздала явиться, онъ не долженъ настаивать на разсмотрѣніи дѣла безъ ея бытности или на прекращеніи дѣла. Какъ и въ уголовномъ дѣлѣ, или лучше сказать еще въ большей степени, чѣмъ тамъ, онъ долженъ воздерживаться отъ нападеній на личность противной стороны, отъ заподозриванія ея намѣреній, отъ бездоказательныхъ противъ нея обвиненій. Въ уголовномъ дѣлѣ личность противника **) играетъ гораздо большую роль, чѣмъ въ гражданскомъ; подорвать довѣріе къ ней — иногда единственное

*) По принятому въ С.-Петербургѣ, да вѣроятно и въ другихъ городахъ, обычаю, присяжные повѣренные никогда не отказываютъ другъ другу въ просьбѣ объ отсрочкѣ, за исключеніемъ развѣ экстренныхъ случаевъ, въ которыхъ она могла бы причинить невознаградимый вредъ одному изъ тяжущихся.

**) Само собою разумѣется, что мы понимаемъ здѣсь подъ этимъ словомъ не оффиціальнаго обвинителя — прокурора, а частнаго обвинителя, гражданскаго истца или свидѣтеля со стороны обвиненія.

средство поколебать данный ею объясненія. Въ гражданскомъ дѣлѣ личность сторонъ не имѣетъ, да и не должна имѣть никакого значенія; все зависитъ отъ представленныхъ ими доказательствъ, спокойнымъ, хладнокровнымъ разборомъ которыхъ, съ фактической и юридической точки зрѣнія, исчерпывается вся задача адвоката. Мы вовсе не утверждаемъ, чтобы такъ называемая нравственная сторона дѣла не должна была играть никакой роли въ гражданскомъ процессѣ; есть, безспорно, случаи, въ которыхъ она вліяетъ—и не можетъ не вліять—на разрѣшеніе дѣла, окончательно опредѣляя наклоненіе колеблющихся вѣсовъ, т. е. присоединяясь всею своею тяжестью къ доводамъ одного изъ тяжущихся, юридически почти равносильнымъ съ доводами другаго. Но для разъясненія нравственной стороны процесса адвокатъ не долженъ прибѣгать къ другимъ матеріаламъ кромѣ тѣхъ, которые имѣются въ дѣлѣ, не долженъ приводить фактовъ, которые не относятся къ дѣлу или не могутъ быть подтверждены доказательствами; онъ долженъ, притомъ, касаться нравственной стороны лишь настолько, насколько она можетъ повліять на разрѣшеніе дѣла. Представимъ себѣ, напримѣръ, что повѣренный отвѣтчика по иску, основанному на заемномъ письмѣ, станетъ объяснять—не предъявляя спора о безденежности заемнаго письма и не представляя никакихъ доказательствъ—что оно выдано отвѣтчикомъ вслѣдствіе крайности, въ которой онъ находился, что онъ получилъ не всю сумму, означенную въ документѣ, что онъ уже переплатилъ на процентахъ больше капитальной суммы, что истецъ — ростовщикъ по ремеслу, беззастѣнчиво эксплуатирующій всѣхъ тѣхъ, кто попадется ему въ когти, и т. п. На разрѣшеніе дѣла всѣ эти объясненія не могли бы имѣть никакого вліянія, если

бы даже судьи, по какимъ-либо случайнымъ причинамъ, и повѣрили имъ вполнѣ. Отказать въ искѣ, основанномъ на правильно совершенномъ заемномъ письмѣ, можно только тогда, когда будетъ доказано, что оно подложно, безденежно или уже оплачено; повѣренный отвѣтчика, не доказывающій ни того, ни другаго, ни третьяго, не долженъ и приступать къ возраженіямъ противъ иска, потому что долженъ заранѣе сознавать ихъ совершенную безплодность. Но если разрѣшеніе дѣла зависитъ, напримѣръ, отъ толкованія договора, смыслъ котораго далеко не ясенъ, то подробное— и конечно не бездоказательное—разъясненіе обстоятельствъ, при которыхъ заключенъ договоръ, взаимныхъ отношеній договаривающихся сторонъ, намѣреній, ими высказанныхъ, обѣщаній, ими данныхъ, представляется далеко не излишнимъ, хотя бы при этомъ и приходилось коснуться нравственной стороны дѣла. Безусловно неумѣстными объясненія, относящіяся къ нравственной сторонѣ процесса, должны быть признаны только при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ—именно потому, что здѣсь они *ни въ какомъ случаѣ* не могутъ имѣть вліянія на разрѣшеніе дѣла, зависящее исключительно отъ общихъ юридическихъ соображеній.

Говоря о способѣ веденія дѣлъ, мы касались до сихъ поръ только такихъ правилъ, соблюденіе которыхъ съ одной стороны, по нашему мнѣнію, безусловно необходимо или по крайней мѣрѣ въ высшей степени важно, съ другой стороны — возможно для всякаго адвоката, независимо отъ его темперамента и привычекъ, независимо отъ особенностей его таланта. Иностранные писатели объ адвокатурѣ идутъ гораздо дальше; они преподаютъ адвокатамъ цѣлый рядъ практическихъ наставленій и совѣтовъ, обнимающихъ

не только общественную ихъ дѣятельноеть, но и частную жизнь, учатъ ихъ ораторскимъ пріемамъ, составляютъ для нихъ цѣлые трактаты о судебномъ краснорѣчіи. Въ французской литературѣ первая попытка этого рода была сдѣлана весьма давно, еще въ XIV-мъ вѣкѣ. Въ сочиненіи Дюбрёля (Dubreuil) о французскихъ парламентахъ *), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1338 г., цѣлая глава была посвящена способу дѣйствій адвоката на судѣ (de modo, gestu et habitu, quem habere debet advocatus curiae parlamenti). «Адвокатъ», говоритъ Дюбрёль, «долженъ имѣть видную, внушительную наружность, открытое, любезное и кроткое лице, которое заранѣе служило бы ему рекомендаціей; онъ не долженъ выказывать высокомѣрной самоувѣренности, а на оборотъ, долженъ возбуждать сочувствіе слушателей скромнымъ своимъ видомъ. Въ глазахъ и во взглядѣ его не должно быть ничего свирѣпаго и неправильнаго; черты лица его во время рѣчи не должны искажаться гримасами рта и губъ; голосъ его долженъ быть не крикливый, а полный и звучный, одинаково далекій отъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ низкихъ нотъ. Ногами и головой не слѣдуетъ болтать, движенія должны быть обдуманы и согласованы съ предметомъ рѣчи» и т. д. **). Что писатель XIV-го вѣка вѣрилъ въ пользу подобной инструкціи для адвокатовъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но странно то, что Молло серьезно обращаетъ на нее вниманіе современныхъ адвокатовъ, предполагая, что она можетъ разъяснить имъ, какъ слѣдуетъ держать себя въ присутствіи суда и чего требуетъ уваженіе къ нему. Впрочемъ, и самъ Молло даетъ адвока-

*) Подъ именемъ парламентовъ во Франціи, до революціи 1789 г., понимались высшіе суды королевства.

**) *Молло*, Т. I, стр. 205—207.

тамъ наставленія, по наивности своей развѣ немногимъ уступающія совѣтамъ Дюбрёля. Онъ рекомендуетъ имъ скромность — въ особенности необходимую для молодыхъ, начинающихъ адвокатовъ, — умѣренность и воздержность въ образѣ жизни, почтительное отношеніе къ старшимъ сочленамъ по профессіи. «Стремиться къ тонкости, къ остроумію», говоритъ онъ, «значитъ измѣнять естественности, оскорблять истину, нисколько не приближаясь къ краснорѣчію. Умъ не даетъ краснорѣчія. Истина и краснорѣчіе неразлучны; какъ та, такъ и другое исходятъ изъ сердца *)». Дюшенъ и Пикаръ посвящаютъ цѣлую главу «литературнымъ и ораторскимъ качествамъ адвоката», раздѣляя ее на слѣдующіе отдѣлы: 1) ясность, 2) краткость, 3) метода, 4) единство, 5) слогъ, 6) способъ произнесенія рѣчи (débit), 7) жесты и 8) ораторское дѣйствіе (action oratoire); въ заключеніе главы приводятся знакомыя намъ уже наставленія Дюбрёля **). Чтобы дать понятіе о характерѣ совѣтовъ, предлагаемыхъ Дюшеномъ и Пикаромъ — большею частью со словъ Ліувилля, извѣстнаго французскаго адвоката, бывшаго предсѣдателемъ Парижскаго Совѣта, — мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этой главы. «Ясность рѣчи—это свѣтильникъ для судьи (le flambeau du juge); да будетъ стыдно тому адвокату, который говоритъ не ясно. Что сказать о немъ, чтобы поразить его проклятіемъ (!)? Что ему поручили отворить окно, а онъ вмѣсто того затворяетъ ставни? Этого мало. Что онъ похожъ на обезьяну басни, показывающую волшебный фонарь, не засвѣтивъ его предварительно? И этого мало. О немъ слѣдуетъ сказать,

---

*) *Молло*, Т. I, стр. 33, 48—50, 129, 28.

**) *Дюшенъ и Пикаръ*, стр. 386—395.

что данный въ проводники судьѣ, онъ обманываетъ его и сбиваетъ съ дороги.... Жесты служатъ опорой и дополненіемъ голосу. Они должны отличаться сдержанностью и умѣренностью. Сильная жестикуляція рѣдко бываетъ полезна. Къ жестамъ слѣдуетъ присоединить положеніе всего тѣла и огонь физіономіи (l'attitude du corps et le feu de la physionomie), въ особенности взгляда». Понятно, что такіе совѣты могутъ повредить адвокату, внушивъ ему, напримѣръ, мысль, что жестикуляція должна и можетъ быть заранѣе обдумана и приготовлена; но пользы они не могутъ принести ему ни въ какомъ случаѣ. Научить краснорѣчію, или лучше сказать—вызвать, развить его въ томъ, кто носитъ въ себѣ его задатки, можетъ только практика, жизнь, а не сборникъ мертвыхъ риторическихъ правилъ. Слѣдуя имъ, можно сдѣлаться развѣ риторомъ, но конечно не ораторомъ.

Другая категорія совѣтовъ, встрѣчающихся обыкновенно въ иностранныхъ сочиненіяхъ объ адвокатурѣ, касается технической стороны адвокатскихъ занятій, способа изученія дѣла и приготовленія къ защитѣ. Дюшенъ и Пикаръ доходятъ въ этомъ отношеніи до подробности, близко граничащей съ мелочностью. «Приступая къ изученію дѣла», говорятъ они, «адвокатъ долженъ прежде всего отмѣтить на каждомъ документѣ, *крупными буквами*, число его выдачи, и затѣмъ расположить документы въ хронологическомъ порядкѣ, относя къ концу тѣ бумаги, въ которыхъ число выдачи не означено Каждый документъ долженъ быть прочитанъ внимательно, причемъ адвокатъ долженъ стараться установить мысленно связь его съ предметомъ процесса. Послѣ прочтенія адвокатъ отмѣчаетъ на самомъ документѣ, *крупными буквами*, юридическое его наименованіе; если же онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, то

такая отмѣтка дѣлается противъ каждой части.... Въ памятной запискѣ, приготовляемой для засѣданія, слѣдуетъ писать болѣе крупными буквами главныя идеи, соотвѣтствующія отдѣльнымъ частямъ процесса, оставлять между ними, для большей наглядности, пробѣлы, подчеркивать выраженія особенно важныя и требующія болѣе подробнаго развитія, подраздѣленія отмѣчать, отступая нѣсколько вправо и помѣщая одно подъ другимъ... Наканунѣ дня засѣданія слѣдуетъ перечитать памятную записку, а также тѣ документы или цитаты, на которые въ ней сдѣланы ссылки, отмѣчая цвѣтнымъ карандашемъ мѣста наиболѣе важныя.... Въ изложеніи дѣла не слѣдуетъ помѣщать слишкомъ много фактовъ, иначе они заглушатъ другъ друга, какъ вѣтви кустарниковъ, посаженныхъ слишкомъ близко одинъ отъ другаго *)». Включеніе подобныхъ совѣтовъ въ серьезное руководство кажется намъ ничѣмъ другимъ, какъ послѣдствіемъ рутины, установившейся, по всей вѣроятности, еще со временъ Дюбрёля и требующей отъ адвоката, пищущаго для своихъ собратій, извѣстной дозы никому не нужныхъ и совершенно безполезныхъ поученій. Мы убѣждены, что французскіе и бельгійскіе адвокаты изучаютъ дѣла и приготовляютъ свои рѣчи не по рецепту Ліувилля или Дюшена и Пикара, а по способу, который каждымъ изъ нихъ на практикѣ признанъ наиболѣе удобнымъ **). Способъ, пригодный для

---

*) *Дюшенъ и Пикаръ*, стр. 346—363.

**) Англійскіе писатели объ адвокатурѣ также не свободны отъ той слабости, которую мы видѣли у писателей французскихъ и бельгійскихъ. Такъ напримѣръ, въ сочиненіи Кокса (the advocate, his training, practice, rights and duties, by Edward W. Coxe, London. 1852) цѣлыя главы (9-я, 10-я, 19-я и др.) посвящены съ одной стороны разглагольствованіямъ о

одного, можетъ быть совершенно неподходящимъ для другаго. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли адвокату импровизировать свои рѣчи или заранѣе составлять ихъ? Общее разрѣшеніе этого вопроса, по нашему мнѣнію, невозможно; каждый долженъ разрѣшить его самъ для себя, на основаніи собственнаго опыта. Импровизація имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, заранѣе приготовленная рѣчь *) — точно также; перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ того, правильно ли выбрано оружіе, соотвѣтствуетъ ли оно рукѣ, которая имъ владѣетъ. Кто расположенъ и способенъ къ импровизаціи, у того заранѣе приготовленная рѣчь выйдетъ искусственною, вялою, холодною; и на оборотъ, импровизація рѣдко удается тому, чья сила заключается преимущественно въ тщательной отдѣлкѣ рѣчи, въ мѣрномъ теченіи ея, въ многочисленныхъ примѣрахъ, цитатахъ или — какъ говорятъ англичане — иллюстраціяхъ. Вотъ почему мы считаемъ излишнимъ присоединять къ нашему труду какія бы то ни было замѣчанія о способѣ изученія дѣлъ, приготов-

---

нравственныхъ качествахъ, необходимыхъ для адвоката, какъ для христіанина и джентльмэна—скромности, гражданскомъ мужествѣ, умѣньѣ владѣть собою и т. п.,—съ другой стороны самымъ подробнымъ и мелочнымъ наставленіямъ, какъ готовиться къ защитѣ.

*) Мы понимаемъ здѣсь подъ имепемъ заранѣе приготовленной рѣчи такую рѣчь, которая не только предварительно обдумана адвокатомъ, но и написана имъ, облечена въ окончательную форму. Безъ предварительной мысленной работы надъ рѣчью, безъ программы, составленной на письмѣ или по крайней мѣрѣ твердо установленной въ памяти, не можетъ обойтись — въ дѣлѣ сколько-нибудь важномъ или сложиомъ — ни одинъ адвокатъ.

ленія къ защитѣ, произнесенія адвокатскихъ рѣчей и т. п. Установленіе общихъ началъ по этому предмету кажется намъ настолько же ненужнымъ, насколько оно желательно и важно въ отношеніи къ основамъ адвокатской дѣятельности, къ кореннымъ обязанностямъ адвоката и всего адвокатскаго сословія. Конечно, начинающій адвокатъ можетъ извлечь много полезныхъ указаній изъ опыта предшественниковъ его на адвокатскомъ поприщѣ,—но указанія эти не должны быть облекаемы въ форму сухой, неподвижной доктрины. Лучшее практическое руководство для начинающаго адвоката—это живая бесѣда съ болѣе опытными товарищами его, слушаніе рѣчей, произносимыхъ на судѣ наиболѣе даровитыми представителями адвокатуры; затѣмъ уже идетъ изученіе рѣчей напечатанныхъ—конечно только тѣхъ, которыя этого заслуживаютъ. Нельзя не пожелать, чтобы примѣръ В. Д. Спасовича, перепечатавшаго отдѣльно самыя замѣчательныя изъ рѣчей своихъ (въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «За много лѣтъ»), нашелъ подражателей между нашими присяжными повѣренными, въ особенности между тѣми, рѣчи которыхъ всего менѣе теряютъ въ печати *). Еще болѣе цѣлесообразнымъ было бы изданіе, отъ времени до времени, сборниковъ судебныхъ рѣчей — и обвинительныхъ, и защитительныхъ — по наиболѣе важнымъ процессамъ, такъ какъ защита можетъ быть вполнѣ понята и оцѣнена только въ связи съ обвиненіемъ. Весьма полезно была бы также составленіе и изданіе адвокатами, способными къ литера-

*) Отъ чего зависитъ это послѣднее обстоятельство — это вопросъ, разсмотрѣніе котораго повело бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, вообще говоря, всего больше теряютъ въ печати рѣчи импровизированныя и рѣчи, обращающіяся преимущественно къ чувству присяжныхъ или судей.

турной работѣ, своихъ записокъ или воспоминаній, которыя знакомили бы публику съ внутреннею жизнью адвоката, съ ея мрачными и свѣтлыми сторонами, съ ея тяжелыми и радостными минутами, съ умственной работой адвоката и съ самыми пріемами этой работы. Изъ такихъ записокъ или воспоминаній начинающій адвокатъ могъ бы почерпнуть гораздо больше драгоцѣнныхъ указаній, чѣмъ изъ педантическихъ регламентовъ, образцы которыхъ мы видѣли выше.

Оканчивая нашу работу и бросая послѣдній взглядъ на короткое прошедшее русской адвокатуры, мы видимъ въ немъ достаточно основаній для вѣры въ будущность ея. Корпоративное устройство, данное адвокатурѣ уставами 1864 г., сдѣлало возможнымъ ея правильное развитіе — но только *возможнымъ*, не болѣе; воспользоваться своею самостоятельностью адвокатура могла весьма различно, такъ какъ законъ, создавъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, опредѣлилъ только немногія черты его организаціи и предоставилъ все остальное собственной его иниціативѣ. Ничто не мѣшало совѣтамъ провозгласить или по крайней мѣрѣ установить de facto полную свободу дѣйствій для присяжныхъ повѣренныхъ—понимая подъ этой свободой право руководствоваться одними соображеніями личной выгоды, — привлекать ихъ къ отвѣтственности только въ исключительныхъ случаяхъ, судить ихъ снисходительнымъ товарищескимъ судомъ, однимъ словомъ—употреблять свою власть въ видахъ односторонне понятой пользы сословія, не заботясь объ интересахъ общества и частныхъ лицъ. Вмѣшательство прокурорскаго надзора и судебной палаты могло бы предупредить явныя злоупотребленія со стороны совѣ-

товъ, явное потворство несомнѣннымъ нарушеніямъ адвокатскаго долга, но не могло бы побудить совѣты къ широкому пониманію и дѣятельному исполненію своей роли. Къ счастію для русской адвокатуры, постороннія побужденія оказались для нея совершенно излишними. «Мы изобрѣли и наложили на себя»,—сказано въ одной изъ ненапечатаяныхъ рѣчей В. Д. Спасовича, — «узы самой безпощадной дисциплины, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своими вкусами, своими мнѣніями, своей свободой тому, что скажетъ громада — великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода, не людямъ, а началу, себя — ебѣ же самому, съ громадской точки зрѣнія разсматриваемому, есть такая великая сила, которую тогда только оцѣнишь, когда чувствуешь, когда она отъ тебя исходитъ. Намъ дорога́ та сила, которую даютъ крѣпкіе, суровые нравы. Оставимъ будущему смягчать ихъ, когда люди сдѣлаются лучшими». Мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ, съ полною вѣрностью характеризующимъ стремленія нашей присяжной адвокатуры, или по крайней мѣрѣ того большинства, которому до сихъ поръ постоянно принадлежало и теперь принадлежитъ управленіе ея дѣлами.

Корпоративная жизнь процвѣтаетъ и даетъ плоды только тогда, когда въ ней дѣятельно участвуетъ значительное большинство членовъ корпораціи. Апатическое, холодное отношеніе къ общимъ интересамъ корпораціи опасно не только потому, что послѣдствіемъ его легко можетъ быть перемѣна къ худшему въ составѣ, а слѣдовательно и въ направленіи учрежденія, стоящаго во главѣ корпораціи, но и потому, что рука объ руку съ этой апатіей идетъ, въ большей части случаевъ, исключительная преданность личнымъ, мате-

ріальнымъ интересамъ, подрывающая въ корнѣ всѣ лучшія стремленія сословія. Участвуя въ общемъ собраніи, присяжный повѣренный чувствуетъ себя частью цѣлаго, сознаетъ свою солидарность съ этимъ цѣлымъ, принимаетъ къ сердцу дѣла, непосредственно, лично его не касающіяся,— и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ привычку къ самоуправленію, въ которой мы всѣ такъ нуждаемся. Но однихъ только корпоративныхъ интересовъ недостаточно для того, чтобы расширить умственный горизонтъ адвоката, чтобы противодѣйствовать узкости взгляда, развивающейся въ человѣкѣ, который не знаетъ и не видитъ ничего за предѣлами своей спеціальности. Правда, занятія судебными дѣлами—въ особенности уголовными—часто заставляютъ адвоката знакомиться съ самыми разнообразными вопросами науки, искусства, промышленности, общественной жизни; но на это случайное знакомство, не всѣмъ достающееся въ одинаковой степени, многимъ не достающееся вовсе, нельзя разсчитывать, какъ на средство сближенія адвоката съ другими отраслями и сферами умственной дѣятельности. Вотъ почему мы радуемся всякій разъ, когда видимъ адвоката занимающимся литературой, поступающимъ въ городскую думу, въ земское собраніе, въ управленіе благотворительнымъ учрежденіемъ, однимъ словомъ—безвозмездно или хоть не изъ-за вознагражденія *) служащимъ обществу своими познаніями, своею опытностью, своимъ умѣньемъ говорить

*) Обыкновенное, нормальное вознагражденіе за литературный трудъ такъ незначительно въ сравненіи съ вознагражденіемъ за трудъ адвокатскій, что адвокатъ, имѣющій сколько-нибудь обширную практику, конечно никогда не станетъ писать журнальныя статьи или книги собственно изъ-за денегъ, которыя ему это можетъ доставить.

и вести пренія. Мы знаемъ, что такое соединеніе занятій не легко, что оно требуетъ большой физической и умственной энергіи, что адвокатская работа можетъ одна наполнять всю жизнь человѣка или по крайней мѣрѣ отвлекать его отъ всякаго другаго труда; но мы и не предлагаемъ соединеніе занятій, какъ общее правило, а говоримъ только, что оно должно быть цѣлью для всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи его достигнуть. Оно полезно не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлаго сословія; оно колеблетъ предубѣжденіе противъ адвокатовъ, какъ противъ людей, заботящихся только о своей личной матеріальной выгодѣ. Съ этой же точки зрѣнія нельзя не пожелать, чтобы адвокатура не составляла замкнутаго учрежденія, лишеннаго всякой связи съ другими сферами судебнаго міра, чтобы переходъ изъ нея въ магистратуру сдѣлался у насъ явленіемъ столь же обыкновеннымъ, какимъ былъ до сихъ поръ—въ противоположность тому, что мы видимъ за границей—переходъ изъ магистратуры въ адвокатуру. Установленію нормальнаго порядка вещей въ этомъ отношеніи препятствуетъ отчасти законъ (Учр. Суд. Уст. ст. 204), назначающій слишкомъ продолжительный-*десятилѣтній*-срокъ *) для пріобрѣтенія присяжнымъ повѣреннымъ права на званіе члена окружнаго суда. Мы полагаемъ, что измѣненіе этого закона не заставитъ себя долго ждать, какъ только произойдетъ окончательная перемѣна во взглядахъ на адвокатуру, какъ только въ ней станутъ видѣть то, чѣмъ она должна, чѣмъ она старается быть, т. е. союзницу, помощницу магистратуры.

---

*) Чтобы убѣдиться въ несоразмѣрности этого срока, достаточно припомнить, что секретарь окружнаго суда можетъ сдѣлаться членомъ суда *черезъ три года* (Учр. Суд. Уст. ст. 203).

Мы были бы счастливы, если бы наша книга—въ особенности составленный нами обзоръ восьмилѣтней дѣятельности С.-Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ—могла хоть сколько-нибудь способствовать этой желанной перемѣнѣ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СОВѢТА ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ

за 1866—74 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Формальныя условія, необходимыя для вступленія въ присяжные повѣренные.

1. На основаніи ст. 354-й Учрежденія Судебныхъ Установленій, присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили не менѣе пяти лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или, также не менѣе пяти лѣтъ, состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству, или же занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ.

На основаніи ст. 44-й Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (или такъ называемыхъ временныхъ правилъ 19 Октября 1865 г.), въ число присяжныхъ повѣ-

ренныхъ могли быть на первое время принимаемы, сверхъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ ст. 354-й Учр. Суд. Устан.: 1) лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они прослужили четыре года по судебному вѣдомству, или же занимались не менѣе пяти лѣтъ веденіемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ въ качествѣ повѣренныхъ, и 2) лица, кончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя и не по юридическому факультету, или же не получившія воспитанія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они прослужили по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ и въ теченіе этого времени занимали не менѣе года должность секретаря Сената, или такія должности не ниже VII класса, на коихъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ и рѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Временныя правила 1865 года.

2. Въ Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, немедленно послѣ организаціи его, возникъ вопросъ о томъ, прекратилась ли обязательная сила временныхъ правилъ 19 Октября 1865 г. вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, или же они должны считаться дѣйствующими до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены особымъ актомъ законодательной власти? Буквальный смыслъ ст. 44-й Положенія 19 Октября 1865 г. не даетъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Совѣтъ, принимая во вниманіе съ одной стороны, что многія статьи Положенія 19 Октября безспорно сохраняютъ полное значеніе и послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, съ другой стороны — что признаніе ст. 44-й потерявшею свою силу уменьшило бы весьма значительно число лицъ, могущихъ поступить въ присяжные повѣренные, пришелъ къ заклю-

ченію, что облегчительныя правила, установленныя въ 1865 году, могутъ быть примѣняемы Совѣтомъ наравнѣ съ ст. 354-й Учр. Суд. Устан. [1]). Этого взгляда Совѣтъ продолжалъ держаться до тѣхъ поръ, пока въ концѣ 1871 г. не состоялось распоряженіе Министерства Юстиціи о прекращеніи дѣйствія облегчительныхъ правилъ, установленныхъ ст. 44-ю Положенія 19 Октября 1865 г. Въ продолженіе пяти съ половиною лѣтъ изъ числа 123 лицъ, принятыхъ Совѣтомъ въ присяжные повѣренные, 62 получили это званіе на основаніи ст. 354-й Учр. Суд. Устан., 61 — на основаніи Положенія 19 Октября 1865 г. Тѣмъ не менѣе Совѣтъ въ отчетѣ за 1871—72 г. могъ выразить надежду, что отмѣна облегчительныхъ правилъ не повлечетъ за собою большихъ затрудненій въ пополненіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ округа С. Петербургской Судебной Палаты. Въ послѣднее время дѣйствія этихъ правилъ случаи принятія въ присяжные повѣренные лицъ, не получившихъ юридическаго образованія, были довольно рѣдки; примѣнялось, большею частью, лишь то постановленіе 1-го пункта ст. 44-й, по которому лица, получившія юридическое образованіе, могли вступать въ присяжные повѣренные послѣ четырехъ лѣтъ государственной службы, т. е. годомъ раньше срока, установленнаго ст. 354-ю Учр. Суд. Устан. Для такихъ лицъ доступъ въ присяжные повѣренные остался открытымъ и послѣ отмѣны облегчительныхъ правилъ; принятіе ихъ въ сословіе только замедлилось на одинъ годъ.

---

[1]) Отчетъ Совѣта за 1866—67 г.

Толкованіе ст. 354 Учр. Судебн. Устан.

3. Разсматривая просьбы лицъ, желающихъ вступить въ присяжные повѣренные, Совѣтъ постоянно старался толковать какъ ст. 354-ую Учр. Суд. Устан., такъ и ст. 44-ую Положенія 19 Октября 1865 г., въ смыслѣ по возможности широкомъ, конечно не нарушая и не обходя положительныхъ предписаній закона. Онъ исходилъ изъ той мысли, что стѣсняться формальными условіями слѣдуетъ лишь настолько, насколько это требуется буквою закона, и что сомнѣнія, представляемыя послѣднимъ, должны быть разрѣшаемы въ пользу кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго. Въ обѣихъ приведенныхъ выше статьяхъ закона упоминается о службѣ *по судебному вѣдомству*, какъ объ одномъ изъ условій, дающихъ право на вступленіе въ присяжные повѣренные. Совѣту предстояло опредѣлить, какъ понимать это выраженіе: слѣдуетъ ли ограничивать его однимъ судебнымъ вѣдомствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. вѣдомствомъ Министеретва Юстиціи, или же распространять его на всѣ вообще должности — къ какому бы вѣдомству онѣ ни принадлежали, — при отправленіи которыхъ можно пріобрѣсти практическія свѣдѣнія по судебной части? Совѣтъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Комитета, учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи для первоначальной организаціи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, нашелъ, что цѣлью закона было открыть доступъ въ присяжные повѣренные всѣмъ лицамъ, достаточно къ тому приготовленнымъ служебными занятіями по судебной части, и что затѣмъ нѣтъ никакого основанія дѣлать различіе между чиновниками вѣдомства Министерства Юстиціи и другихъ вѣдомствъ, если въ обоихъ случаяхъ можно предполагать практическое знакомство съ судебными дѣлами. При приня-

тіи чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, Совѣтъ, не довольствуясь аттестатомъ или формулярнымъ спискомъ, требовалъ отъ просителей удостовѣренія ихъ бывшаго начальства о томъ, что они занимались судебными дѣлами [1]), съ точнымъ, въ случаѣ надобности, указаніемъ самаго рода и свойства этихъ дѣлъ. Основываясь на такихъ удостовѣреніяхъ, Совѣтъ допускалъ въ присяжные повѣренные бывшихъ чиновниковъ Коммиссіи Прошеній (журн. 2 Іюня 1866 г.), Святѣйшаго Сунода (4 Мая 1867 г.), Духовной Консисторіи (24 Мая 1867 г.), Государственной Канцеляріи (16 Марта 1868 г.). Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (2 Ноября 1866 г.), Департамента Таможенныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ (15 Декабря 1866 г.), Департамента Неокладныхъ Сборовъ того же Министерства (26 Октября 1866 г.), Министерства Государственныхъ Имуществъ и подчиненныхъ ему учрежденій (4 Мая 1867, 27 Апрѣля 1868, 22 Февраля и 25 Сентября 1869 г.), Строительнаго Департамента Морскаго Министерства (30 Ноября 1868 г.), Коммисаріатскаго Департамента Военнаго Министерства и Военно-Окружныхъ Совѣтовъ (22 Іюня 1867, 5 Іюля 1868, 15 Марта 1869 г.), Канцеляріи Генералъ-Губернатора (10 Февраля 1868 г.), Чиновниковъ особыхъ порученій при Генералъ-Губернаторахъ и Губернаторахъ (30 Ноября 1868, 2 Мая 1870, 20 Декабря 1871 г.), мировыхъ посредниковъ (30 Ноября 1867 года). Время, въ продолженіе котораго проситель не имѣлъ штатной должности и только числился по судебному вѣдомству, не вычитается Совѣтомъ изъ пятилѣтняго срока, если въ штатныхъ должностяхъ проситель состоялъ достаточно

---

[1]) Отчетъ за 1866—67 г.

долго, чтобы пріобрѣсти практическое знакомство съ дѣлами. Но если служебныя занятія просителя вовсе не могли познакомить его съ судебной практикой, то они не были признаваемы Совѣтомъ за основаніе къ принятію его въ присяжные повѣренные. Такимъ образомъ, не было принято въ присяжные повѣренные одно лице, которому, по службѣ его въ Медицинскомъ Совѣтѣ, была поручаема разработка судебныхъ вопросовъ по медицинской части (журн. 17 Марта 1871 г.). Совѣтъ нашелъ, что занятіе общими вопросами не можетъ быть приравниваемо къ веденію отдѣльныхъ дѣлъ судебнаго свойства, которое одно только можетъ служить практической подготовкой, требуемой закономъ. Само собою разумѣется, что Совѣтъ, на точномъ основаніи ст. 354-й, не допустилъ бы въ число присяжныхъ повѣренныхъ такихъ лицъ, которыя служили хотя и по судебному вѣдомству, но въ должностяхъ, не дающихъ практическаго знакомства съ судебными дѣлами, напр. въ должностяхъ экзекутора, бухгалтера, архиваріуса и т. п.

Въ примѣненіи той части 1-го пункта 44-й ст. Положенія 19 Октября 1865 г., въ силу которой могли быть принимаемы въ присяжные повѣренные лица, занимавшіяся, въ качествѣ повѣренныхъ, веденіемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, Совѣтъ руководствовался тѣмъ же общимъ началомъ, какъ и въ толкованіи словъ: «служба по судебному вѣдомству». По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли требовать отъ просителя удостовѣренія, что онъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ непрерывно въ теченіе пяти лѣтъ, такъ чтобы на каждый годъ приходилась по крайней мѣрѣ одна довѣренность,—Совѣтъ нашелъ, что если законъ не требуетъ отъ кандидата въ присяжные повѣренные *непрерывной*, въ теченіе пяти лѣтъ, государственной службы, то нѣтъ осно-

ванія требовать отъ него непрерывнаго, въ теченіе пяти лѣтъ, ходатайства по дѣламъ, и что число довѣренностей, представляемыхъ имъ, совершенно безразлично, лишь бы только было видно, что ходатайство по нимъ продолжалось, въ общей сложности, не менѣе пяти лѣтъ. Наравнѣ съ довѣренностями Совѣтъ принималъ, какъ доказательство ходатаиства по дѣламъ, удостовѣренія о томъ судебныхъ мѣстъ; но основываться на удостовѣреніяхъ о томъ же частныхъ лицъ онъ не считалъ себя въ правѣ [1]). Въ настоящее время, за отмѣною облегчительныхъ правилъ, ходатайство по дѣламъ можетъ дать право на вступленіе въ присяжные повѣренные только тѣмъ лицамъ, которыя занимались подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ (Учр. Суд. Устан. ст. 354). Какими условіями обставлено принятіе помощниковъ въ присяжные повѣренные—это будетъ изложено ниже, въ особой главѣ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ.

На основаніи 2-го пункта ст. 44-й Положенія 19 Октября 1865 г., въ присяжные повѣренные могли быть принимаемы, при извѣстныхъ условіяхъ, лица, не получившія воспитанія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это постановленіе закона оставляло неразрѣшеннымъ вопросъ, могутъ ли поступать въ присяжные повѣренные лица, окончившія курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ или нигдѣ не учившіяся, или же только лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Совѣтъ, находя, что допущеніе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ лицъ, стоящихъ на самой низшей степени образованія, было бы противно цѣли закона, не призналъ возможнымъ распространить дѣй-

---

[1]) Отчетъ Совѣта за 1866—67 г.

ствіе пун. 2-го ст. 44-й на лицъ, окончившихъ курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (журн. 25 января 1869 г.).

Формальныя препятствія къ вступленію въ присяжные повѣренные.

4. Въ ст. 355-й Учр. Суд. Устан. перечислены остальныя—кромѣ образованія и практической подготовки—формальныя условія, которымъ должны удовлетворять кандидаты на званіе присяжнаго повѣреннаго. На основаніи 3-го пункта этой статьи, присяжными повѣренными не могутъ быть лица, объявленные несостоятельными должниками. Въ 1866 г. на разсмотрѣніе Совѣта поступила просьба одного лица, о несостоятельности котораго производилось въ то время дѣло въ Гражданской Палатѣ; опредѣленіемъ суда первой степени это лицо было признано несостоятельнымъ несчастнымъ, но въ жалобѣ нѣсколькихъ кредиторовъ былъ доказываемъ злостный характеръ несостоятельности. Совѣтъ, принимая во вниманіе, что за силою пун. 4 ст. 44-й и пун. 5 ст. 246-й Уст. Гражд. Судопр. и 44-й ст. Уст. Угол. Судопр., повѣренными вообще не могутъ быть признанные несостоятельными должниками до опредѣленія свойства ихъ несостоятельности, и руководствуясь пун. 3 ст. 355-й Учр. Суд. Устан., не нашелъ возможнымъ допустить просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 18 Мая 1866 г.); но Судебная Палата отмѣнила это постановленіе Совѣта и предоставила просителю званіе присяжнаго повѣреннаго, основываясь на томъ, что по дѣлу о несостоятельности его не состоялось еще окончательнаго рѣшенія (журн. 25 Августа 1866 г.). Намъ кажется, что постановленіе Совѣта было совершенно правильно и что производство дѣла о несостоятельности, пока оно не получило благопріятнаго исхода, должно служить препятствіемъ къ принятію въ при-

сяжные повѣренные, точно такъ же, какъ не могутъ быть присяжными повѣренными лица, состоящія подъ слѣдствіемъ за извѣстныя преступленія и проступки (ст. 355 пун. 6), хотя слѣдствіе и можетъ окончиться въ ихъ пользу.

За силою 4-го пункта ст. 355-ой не могутъ быть присяжными повѣренными состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ почетныя или общественныя должности безъ жалованья. На этомъ основаніи предсѣдателю уѣздной земской управы, принятому въ присяжные повѣренные, было выдано Совѣтомъ свидѣтельство на это званіе лишь тогда, когда онъ отказался отъ присвоеннаго должности предсѣдателя управы жалованья и представилъ о томъ Совѣту удостовѣреніе (журн. 25 августа и 29 сентября 1866 г.). Когда въ 1869 г. до свѣдѣнія Совѣта дошло, что одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ числится на государственной службѣ, Совѣтъ предложилъ ему немедленно подать просьбу объ увольненіи отъ службы, что и было присяжнымъ повѣреннымъ исполнено.

По поводу избранія одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ добавочнымъ мировымъ судьею въ С.-Петербургѣ возникъ вопросъ о возможности совмѣщенія этихъ двухъ званій. Въ пользу утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса было указываемо между прочимъ на то, что строгое примѣненіе п. 4 ст. 355 Учр. Суд. Устан. (закрывающаго доступъ въ присяжные повѣренные для лицъ состоящихъ на службѣ) сдѣлается справедливымъ лишь по установленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ, что ст. 42 Учр. Суд. Устан. (запрещающая соединеніе званія участковаго мироваго судьи съ другою должностью по государственной и общественной службѣ) не распространяется на добавочныхъ мировыхъ су-

дей, и что обязанность присяжнаго повѣреннаго не есть служба, и слѣдовательно можетъ быть соединяема съ званіемъ мироваго судьи, точно такъ же какъ можетъ быть соединяема съ нимъ, по разъясненію Сената, обязанность гласнаго. Совѣтъ не убѣдился этими соображеніями, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Въ ст. 355 Учр. Суд. Устан. указаны причины, препятствующія безусловно къ поступленію въ присяжные повѣренные. Ничто не даетъ права предполагать, чтобы одинъ изъ пунктовъ этой статьи — 4-ый — долженъ былъ воспріять силу лишь по учрежденіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ. Напротивъ того, соображенія, которыми руководился законодатель, запрещая лицу состоящему на службѣ быть вмѣстѣ съ тѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, ясно доказываютъ, что запрещеніе это касается всякаго присяжнаго повѣреннаго, независимо отъ того, установленъ ли въ округѣ, къ которому онъ принадлежитъ, комплектъ или не установленъ. Соображенія эти заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что присяжный повѣренный долженъ быть прежде всего человѣкъ независимый, а слѣдовательно не подчиненный никакому начальству. Такого взгляда неуклонно держались не только Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, но и комитетъ, первоначально избиравшій присяжныхъ повѣренныхъ на основаніи 45 ст. полож. о введ. въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

2) Избраніе не въ участковые, а въ добавочные мировые судьи нисколько не измѣняетъ положенія дѣла: по закону (ст. 16 Учр. Суд. Уст. по прод. 1869 г.) по служебнымъ правамъ и преимуществамъ добавочные мировые судьи нисколько не разнятся отъ участковыхъ; они точно также получаютъ жалованье изъ городскихъ доходовъ, на нихъ точ-

но также распространяются правила, изложенныя въ ст. 42—45 Учр. Суд. Устан., а въ томъ числѣ и требованіе безотлучнаго пребыванія въ участкѣ (ст. 42), и вся разница заключается въ томъ лишь, что участковый мировой судья имѣетъ въ своемъ завѣдываніи постоянный опредѣленный участокъ, добавочный же поочередно исправляетъ должность всякаго отсутствующаго мироваго судьи. Самый способъ избранія въ добавочные судьи тотъ же, что и въ участковые, и выборъ въ ту или другую категорію зависитъ лишь отъ случайности, такъ какъ добавочными судьями въ Петербургѣ назначаются пять лицъ, получившихъ большее количество избирательныхъ шаровъ, но недостаточное чтобы попасть въ комплектъ тридцати.

3) Разъясненіе Правительствующаго Сената о возможности совмѣщенія должности участковаго мироваго судьи и гласнаго земскаго собранія нисколько къ данному случаю не подходитъ, такъ какъ законъ вовсе не установляетъ для лицъ избираемыхъ въ гласные тѣхъ же ограниченій, какія установлены для поступленія въ присяжные повѣренные.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, Совѣтъ остался при убѣжденіи въ невозможности совмѣщенія званія присяжнаго повѣреннаго съ какою бы то ни было должностью на государственной или выборной службѣ, сопряженною съ полученіемъ жалованья, и призналъ, что присяжный повѣренный, избранный и утвержденный добавочнымъ мировымъ судьею, долженъ считаться выбывшимъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 31 мая 1872 г.).

Прежде принятія въ присяжные повѣренные одного лица, занимавшагося торговлей, Совѣтъ счелъ необходимымъ потребовать отъ него удостовѣреніе, что онъ прекратилъ свои торговыя дѣла, и лишь по полученіи такого удосто-

вѣренія выдалъ ему свидѣтельство на званіе присяжнаго повѣреннаго (дополн. къ журн. 25 сентября и журн. 16 октября 1869 г.). Въ отчетѣ за 1869—70 г. сказано однако, что образъ дѣйствій Совѣта въ данномъ случаѣ не предрѣшаетъ общаго вопроса о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ заниматься торговлей и что обсужденіе этого вопроса отложено Совѣтомъ до другаго времени. Съ тѣхъ поръ онъ не былъ вновь возбуждаемъ.

На основаніи пун. 6 ст. 355-ой Учр. Суд. Устан. присяжными повѣренными не могутъ быть состоящіе подъ слѣдствіемъ за преступленія и проступки, влекущіе за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. По буквальному смыслу этого постановленія, Совѣтъ имѣлъ бы право удалять изъ сословія, на время производства слѣдствія, присяжнаго повѣреннаго, противъ котораго оно начато; но строгое примѣненіе закона во многихъ случаяхъ было бы несправедливо. Когда въ 1870 г. одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ привлеченъ, въ качествѣ обвиняемаго, къ слѣдствію по важному уголовному дѣлу, Совѣтъ ограничился тѣмъ, что слѣдилъ за ходомъ дѣла и нѣсколько разъ выслушивалъ объясненія самого присяжнаго повѣреннаго. Еслибы дѣло приняло оборотъ рѣшительно неблагопріятный для присяжнаго повѣреннаго, Совѣтъ конечно предложилъ бы ему оставить сословіе; но слѣдствіе было направлено къ прекращенію. Съ тѣхъ поръ ни одинъ присяжный повѣренный къ слѣдствію по дѣлу о преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, болѣе не привлекался [1]).

[1]) Московскій Совѣтъ призналъ одного присяжнаго повѣреннаго, преданнаго суду по обвиненію въ мошенничествѣ, выбывшимъ изъ сословія (отчетъ Моск. Сов. за 1872—73 г.).

Въ продолженіе восьми лѣтъ Совѣтъ отказалъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, за неимѣніемъ всѣхъ требуемыхъ закономъ *формальныхъ* условій, двадцати восьми лицамъ. Изъ числа постановленій Совѣта по этому предмету Судебною Палатою отмѣнено было только одно — именно упомянутое выше постановленіе о непринятіи въ присяжные повѣренные лица, признаннаго несостоятельнымъ должникомъ.

Ходатайства Совѣта о сокращеніи пятилѣтняго срока.

5. Пятилѣтній срокъ, установленный закономъ для практической подготовки къ дѣятельности присяжнаго повѣреннаго, всегда былъ признаваемъ Совѣтомъ слишкомъ продолжительнымъ. Поднимать общій вопросъ объ измѣненіи этого срока Совѣтъ находилъ несвоевременнымъ; но сокращеніе его для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ казалось Совѣту настолько необходимымъ, что онъ два раза входилъ о томъ съ представленіями въ С.-Петербургскую Судебную Палату. Первое изъ этихъ представленій имѣло предметомъ установленіе сокращеннаго срока для вступленія въ присяжные повѣренные при провинціальныхъ окружныхъ судахъ; мотивы его изложены въ журналѣ Совѣта 6-го апрѣля 1868 г. Указавъ на то, что въ Псковѣ и Новгородѣ числится только по одному присяжному повѣренному, а въ Устюжнѣ, Бѣлозерскѣ и Великихъ Лукахъ ихъ нѣтъ вовсе, Совѣтъ продолжаетъ: «Неудобства, проистекающія изъ недостатка присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ окружныхъ судахъ, несомнѣнны и очевидны. Достаточно напомнить, что при отсутствіи присяжныхъ повѣренныхъ лица, за которыми признано судомъ право бѣдности, лишены возможности воспользоваться однимъ изъ самыхъ важныхъ правъ, предоставлен-

ныхъ имъ по закону, а подсудимые часто остаются безъ защитниковъ или должны прибѣгать къ помощи лицъ, вовсе къ тому неприготовленныхъ и неспособныхъ. Съ другой стороны собранныя Совѣтомъ данныя убѣждаютъ въ томъ, что число гражданскихъ дѣлъ, производящихся не только въ Новгородѣ и Псковѣ, но и въ Устюжнѣ, Бѣлозерскѣ, Великихъ Лукахъ, вполнѣ достаточно для доставленія занятій и средствъ къ жизни нѣсколькимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Нельзя не замѣтить также, что участіе повѣренныхъ въ веденіи процессовъ на самомъ дѣлѣ гораздо обширнѣе, чѣмъ можно было бы думать судя по числу дѣлъ, по которымъ они являлись офиціальными представителями тяжущихся. Многіе ходатаи прежняго времени ограничиваются составленіемъ состязательныхъ бумагъ, не являясь въ судъ и не получая формальныхъ довѣренностей отъ тяжущихся. Итакъ, недостатокъ присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ окружныхъ судахъ не можетъ быть объясняемъ отсутствіемъ условій, при которыхъ дѣятельность ихъ становится полезной какъ для общества, такъ и для нихъ самихъ. Запросъ на юристовъ, со времени введенія въ дѣйствіе судебной реформы, очень великъ, а юристовъ въ Россіи мало. Они состояли большею частію на государственной службѣ и не хотятъ оставлять ее, потому что она обезпечиваетъ существованіе ихъ, даетъ имъ опредѣленныя, постоянныя средства къ жизни. Поступить въ присяжные повѣренные значитъ съ одной стороны взяться за дѣятельность новую, непривычную, во многомъ отличную отъ прежней, съ другой стороны—промѣнять вѣрное на невѣрное, лишиться всѣхъ правъ, которыя даетъ государственная служба. Это обстоятельство значительно ограничиваетъ число лицъ, желающихъ поступить въ присяжные повѣренные,

точно также какъ условія, требуемыя закономъ отъ присяжнаго повѣреннаго, ограничиваютъ число лицъ, могущихъ принять на себя это званіе. Для тѣхъ, сравнительно немногихъ лицъ, которыя имѣютъ и желаніе, и право поступить въ присяжные повѣренные, Петербургъ и Москва имѣютъ особенную притягательную силу. Независимо отъ преимуществъ столичной жизни передъ жизнью въ губернскомъ, тѣмъ болѣе въ уѣздномъ городѣ, столицы представляются для присяжныхъ повѣренныхъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они могутъ слѣдить, безъ особеннаго труда, за движеніемъ судебной практики и юридической науки, гдѣ они могутъ найти совѣтъ въ случаѣ недоумѣнія, сотрудничество и помощь въ случаѣ обремененія дѣлами, временной отлучки или болѣзни. Пріобрѣсти обширную практику конечно легче въ провинціяхъ, гдѣ почти нѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, нежели въ столицахъ, гдѣ ихъ довольно много; но на самомъ дѣлѣ это соображеніе остается безъ вліянія на присяжныхъ повѣренныхъ. Они разсуждаютъ, по всей вѣроятности, такимъ образомъ, что ужъ если рисковать остаться безъ дѣла, то лучше рисковать этимъ въ Москвѣ или Петербургѣ, потому что въ случаѣ неудачи въ столицѣ гораздо легче найти какое-нибудь другое занятіе, чѣмъ въ провинціи. Многихъ, въ особенности людей семейныхъ, удерживаютъ также издержки и неудобства, сопряженныя съ переселеніемъ въ провинцію. Вотъ почему въ Петербургѣ есть присяжные повѣренные, вовсе не имѣющіе занятій, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ огромная масса дѣлъ остается, по необходимости, на рукахъ у самихъ тяжущихся или ходатаевъ прежняго времени.

Это положеніе дѣлъ слишкомъ ненормально, чтобы быть продолжительнымъ; равновѣсіе между предложеніемъ и за-

просомъ должно установиться; силы, не находящія для себя употребленія въ столицахъ, должны отхлынуть туда, гдѣ чувствуется въ нихъ величайшая потребность; но нѣтъ основанія ожидать, что это случится скоро, — а неудобства, указанныя выше, слишкомъ серьезны и должны быть устранены по-возможности безотлагательно. Съ этою цѣлью можно было бы облегчить доступъ въ присяжные повѣренные при судахъ провинціальныхъ, сравнительно съ условіями, теперь требуемыми закономъ отъ кандидатовъ на это званіе. Пока условія эти равны для всѣхъ, пока изъ нихъ не сдѣлано исключенія для провинцій, огромное большинство лицъ, имѣющихъ право поступить въ присяжные повѣренные, всегда или по крайней мѣрѣ еще очень долго будетъ устремляться въ столицы, а губерніи будутъ оставаться безъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Для поступленія въ присяжные повѣренные требуются по закону два главныя условія: юридическое образованіе и практическія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя, въ продолженіе пяти лѣтъ, посредствомъ ходатайства по дѣламъ или на службѣ по судебному вѣдомству. Временныя правила о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ сократили этотъ срокъ для лицъ, получившихъ юридическое образованіе и состоявшихъ на службѣ, съ пяти лѣтъ на четыре года, и открыли доступъ въ присяжные повѣренные лицамъ, юридическаго образованія не получившимъ, но занимавшимъ извѣстныя должности по судебному вѣдомству. Пятилѣтній или даже четырехлѣтній срокъ искуса, для лицъ получившихъ юридическое образованіе, не можетъ не быть признанъ весьма продолжительнымъ, въ особенности если припомнить, что для назначенія въ члены окружнаго суда требуется закономъ только трехлѣтняя служба по судебному вѣдомству.

Совѣтъ не касается въ настоящее время вопроса о томъ, въ какой степени вышеупомянутый срокъ могъ бы быть сокращенъ вообще для поступленія въ присяжные повѣренные, но онъ признаетъ несомнѣнно возможнымъ сокращеніе его для лицъ, желающихъ поступить въ присяжные повѣренные при одномъ изъ провинціальныхъ судовъ. Если требовать отъ нихъ только двухлѣтней службы по судебному вѣдомству или двухлѣтняго занятія судебною практикой подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго, то число ихъ непремѣнно увеличится, и увеличится весьма значительно. Многіе молодые люди, занимающіеся теперь при столичныхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ, предпочтутъ этимъ занятіямъ самостоятельную дѣятельность въ провинціи, болѣе видную и по всей вѣроятности болѣе выгодную. Ихъ примѣру могутъ послѣдовать многіе изъ числа судебныхъ слѣдователей, секретарей, помощниковъ секретарей при провинціальныхъ окружныхъ судахъ. Въ губерніяхъ явятся, такимъ образомъ, присяжные повѣренные юридически образованные и хотя сколько-нибудь знакомые съ судебною практикой, обязанные защищать подсудимыхъ и тяжущихся, имѣющихъ свидѣтельство о бѣдности, отвѣтственные за всѣ дѣйствія свои передъ Совѣтомъ или окружнымъ судомъ.

Противъ этого предложенія могутъ возразить, что установленіе различныхъ условій для поступленія въ присяжные повѣренные, смотря по городамъ, въ которыхъ они намѣрены дѣйствовать, не согласно съ достоинствомъ провинціальныхъ судебныхъ мѣстъ, которыя должны быть во всѣхъ отношеніяхъ равны столичнымъ; что лице, признаваемое способнымъ къ веденію судебныхъ дѣлъ въ провинціи, должно быть признано къ тому способнымъ и въ сто-

лицѣ, и наоборотъ; что въ первомъ случаѣ сумма опыта и знаній, необходимая для присяжнаго повѣреннаго, отнюдь не меньше, чѣмъ въ послѣднемъ; что если срокъ искуса, установленный закономъ, слишкомъ продолжителенъ, то онъ долженъ быть сокращенъ одинаково для всѣхъ лицъ желающихъ поступить въ присяжные повѣренные. Съ практической точки зрѣнія эти соображенія едвали могутъ быть признаны убѣдительными. Лучше имѣть присяжныхъ повѣренныхъ не вполнѣ опытныхъ, чѣмъ не имѣть ихъ вовсе; лучше предоставить подсудимымъ и тяжущимся какую-нибудь защиту, чѣмъ совершенно лишать ихъ защиты. Достоинство провинціальныхъ судебныхъ мѣстъ нисколько не пострадаетъ отъ распоряженія, вызваннаго необходимостью, которая сильно ощущается и самыми судебными мѣстами. Присяжные повѣренные облегчаютъ дѣятельность суда, упрощая и разъясняя дѣло, устраняя все лишнее и не идущее къ нему, представляя заблаговременно всѣ нужныя свѣдѣнія и документы. Всякая мѣра, послѣдствіемъ которой было бы умноженіе числа присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ окружныхъ судахъ, представляется, слѣдовательно, вполнѣ согласною съ интересами суда. Возставать противъ этой мѣры только потому, что она нарушаетъ равенство между судебными мѣстами, значило бы жертвовать формѣ сущностью дѣла. Отсутствіе присяжныхъ повѣренныхъ ставитъ провинціальныя судебныя мѣста, de facto, въ условія гораздо менѣе благопріятныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ дѣйствуютъ суды столичные; предлагаемая мѣра измѣнила бы это положеніе дѣлъ не во вредъ, а въ пользу провинціальныхъ судебныхъ мѣстъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда увеличится число практическихъ юристовъ и сдѣлается невозможнымъ дальнѣйшее накопленіе присяж-

ныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, временное изъятіе изъ общаго правила могло бы быть отмѣнено, условія для поступленія въ присяжные повѣренные опять подведены повсемѣстно подъ одинъ общій уровень.

Исключеніе, установляемое въ виду особеннаго положенія провинцій, должно, безъ сомнѣнія, имѣть силу только для провинцій; присяжные повѣренные, допущенные къ этому званію въ силу предлагаемаго временнаго правила, могутъ заниматься веденіемъ дѣлъ только въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ. Надзоръ за точнымъ соблюденіемъ этого порядка могъ бы быть предоставленъ столичнымъ совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но для освобожденія тяжущихся отъ хлопотъ и издержекъ, сопряженныхъ съ перемѣной повѣреннаго, слѣдовало бы дозволить присяжному повѣренному, начавшему дѣло въ провинціальномъ окружномъ судѣ, продолжать его и въ столичной судебной палатѣ, и въ кассаціонномъ департаментѣ Сената, подобно тому, какъ дозволено присяжнымъ повѣреннымъ продолжать начатое дѣло и внѣ того судебнаго округа, къ которому они приписаны (Учр. Суд. Устан. ст. 384). Само собою разумѣется, что съ истеченіемъ срока, установленнаго общимъ закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, ограниченіе, упомянутое выше, должно терять свою силу и присяжный повѣренный—пріобрѣтать право ходатайствовать во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ округа судебной палаты, къ которой онъ приписанъ (Учр. Суд. Устан. ст. 383), не исключая и судовъ столичныхъ. Можно предполагать, что на самомъ дѣлѣ этимъ правомъ воспользуется далеко не всякій, что многіе присяжные повѣренные, проживъ два или три года въ провинціальномъ городѣ, упрочивъ тамъ за собою и постоянную практику, и доброе имя, предпочтутъ остаться въ

привычной сферѣ дѣйствій, скромной, но обезпеченной, и не захотятъ подвергаться всѣмъ рискамъ переселенія въ столицу. Помощники ихъ, познакомившись подъ ихъ руководствомъ съ судебною практикой, могутъ приступить въ свою очередь къ самостоятельной дѣятельности при томъ же окружномъ судѣ; сословіе присяжныхъ повѣренныхъ укоренится, такимъ образомъ, вездѣ, гдѣ только чувствуется въ немъ потребность».

Сколько намъ извѣстно, представленіе Совѣта объ установленіи сокращеннаго срока для вступленія въ присяжные повѣренные при провинціальныхъ окружныхъ судахъ было передано Судебною Палатою на разсмотрѣніе Министерства Юстиціи; но дѣйствующій законъ остался безъ измѣненія, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и были собираемы мнѣнія о мѣрахъ къ увеличенію числа присяжныхъ повѣренныхъ при провинціальныхъ окружныхъ судахъ. Намъ кажется, что соображенія Совѣта сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Провинціальныхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ С.-Петербургской Судебной Палаты въ 1868 г. было два, теперь ихъ три (два въ Псковѣ, одинъ въ Великихъ Лукахъ); при трехъ окружныхъ судахъ Новгородской губерніи вовсе нѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ; между тѣмъ въ С.-Петербургѣ число помощниковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ и достигло, какъ мы увидимъ ниже, чрезмѣрно большой цифры. Многіе изъ нихъ вѣроятно рѣшились бы переселиться въ провинцію, еслибы съ этимъ переселеніемъ для нихъ было сопряжено ускореніе на два или на три года момента вступленія въ присяжные повѣренные.

Второе представленіе Совѣта, относящееся къ сокращенію пятилѣтняго срока, основано на слѣдующихъ соображеніяхъ,

изложенныхъ въ журналѣ 15 марта 1869 г.: «На основаніи 354 ст. Учр. Суд. Устан., въ число присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть принимаемы лица, прослужившія по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ. Постановленіе ст. 354 находится въ тѣсной связи съ тѣми статьями Учрежденія Судебныхъ Установленій, которыми опредѣляются условія для занятія должностей по судебному вѣдомству (ст. 203—210). По силѣ этихъ статей, членами новыхъ судебныхъ учрежденій могутъ быть назначаемы исключительно лица, прослужившія извѣстное число лѣтъ по судебной части, или занимавшіяся извѣстное число лѣтъ судебною практикою. Отъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства требуется, слѣдовательно, такая же практическая подготовка, какъ и отъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но недостатокъ лицъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ требованіямъ закона, заставилъ на первое время отступить отъ этого правила при назначеніи на должности по судебному вѣдомству. Многія изъ нихъ предоставлены лицамъ, вовсе не служившимъ или служившимъ весьма недолго по судебной части. Отсюда проистекаетъ та несообразность, что лица, занимавшія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ важныя судебныя должности, лишены права поступить въ присяжные повѣренные, потому что не прослужили полнаго числа лѣтъ, требуемаго ст. 354 Учр. Суд. Устан. Совѣтъ весьма легко можетъ быть поставленъ въ тяжелую необходимость отказать въ званіи присяжнаго повѣреннаго члену окружнаго суда, занимавшему эту должность въ продолженіи трехъ слишкомъ лѣтъ, участковому мировому судьѣ, избранному вторично въ это званіе, прокурору, руководившему дѣятельностью обвинительной власти при одномъ изъ важнѣйшихъ окружныхъ судовъ Имперіи. Для того, чтобы убѣ-

диться въ томъ, съ какими неудобствами сопряженъ дѣйствующій порядокъ вещей, достаточно указать слѣдующій фактъ: одинъ изъ столичныхъ мировыхъ судей, магистръ уголовнаго права, авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трудовъ по этому предмету, часто предсѣдательствовавшій на мировомъ съѣздѣ и удостоенный судебною палатою избранія въ число кандидатовъ на должность члена палаты, не могъ бы быть допущенъ въ присяжные повѣренные, если-бы захотѣлъ принять на себя это званіе, потому что до поступленія въ мировые судьи не служилъ по судебной части, а мировымъ судьею былъ только три года. Можно ли допустить, чтобы лице, имѣющее право быть членомъ судебной палаты, не имѣло право быть присяжнымъ повѣреннымъ? Вышеприведенный фактъ, далеко не единственный въ этомъ родѣ, доказываетъ съ полною ясностью необходимость измѣненія закона, опредѣляющаго условія для вступленія въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Исходя изъ этого убѣжденія, Совѣтъ постановилъ ходатайствовать о распространеніи права поступать въ присяжные повѣренные на всѣхъ членовъ судебныхъ учрежденій, образованныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, на прокуроровъ окружныхъ судовъ и участковыхъ мировыхъ судей, если эти лица получили высшее юридическое образованіе и прослужили по судебной части не менѣе трехъ лѣтъ.» Это представленіе Совѣта также осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Примѣненіе ст. 380 Учр. Суд. Установл.

6. Лице, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ ст. 354 и 355 Учр. Суд. Устан., не пріобрѣтаетъ черезъ это безусловнаго права на вступленіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ. На основаніи ст. 380-й Учр. Суд. Устан. Совѣтъ, разсматривая

просьбу лица, желающаго вступить въ присяжные повѣренные, не ограничивается повѣркою документовъ, свидѣтельствующихъ о формальномъ правѣ просителя на званіе присяжнаго повѣреннаго, но *принимаетъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными*, и затѣмъ уже постановляетъ опредѣленіе или о принятіи просителя въ число присяжныхъ повѣренныхъ, или объ отказѣ въ принятіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ст. 380-я предоставляетъ Совѣту право отказать въ званіи присяжнаго повѣреннаго такому лицу, которое, хотя и удовлетворяетъ требованіямъ закона, но, по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ, не имѣетъ нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для правильнаго отправленія адвокатскихъ обязанностей. Это доказывается и текстомъ ст. 380-й, и соображеніями, которыми руководствовались составители судебныхъ уставовъ (см. коммент. къ ст. 357 и 1 п. ст. 367-й Учр. Суд. Установл., въ изданіи Государственной Канцеляріи). Понятно, что попытки нѣкоторыхъ лицъ оспорить вышеупомянутое право Совѣта — попытки, сдѣланныя вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С.-Петербургѣ— не могли имѣть никакого успѣха. Утвердивъ нѣсколько постановленій Совѣта, основанныхъ на ст. 380-й, С.-Петербургская Судебная Палата окончательно укрѣпила за Совѣтомъ право руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ свѣдѣніями о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго, а Правительствующій Сенатъ, въ началѣ 1867 г. (рѣш. № 23), призналъ опредѣленія Палаты по этому предмету не подлежащими обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ средѣ Совѣта необходимость строгаго примѣненія ст. 380 никогда не подвергалась сомнѣнію и спору. «Основная, руководящая мысль Совѣта»—

сказано въ первомъ его отчетѣ — «заключалась въ томъ, что въ составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ не должны быть допускаемы лица, позволившія себѣ такой поступокъ, который несовмѣстенъ съ призваніемъ адвоката. Ходатайство по дѣламъ не было до сихъ поръ у насъ въ Россіи ни правильной профессіей, ни уважаемымъ занятіемъ. Ходатаи по дѣламъ были большею частью лишены необходимаго приготовительнаго образованія, дѣйствовали безъ всякаго контроля, безъ всякой отвѣственности, среди неблагопріятной обстановки, при которой не всегда было возможно идти прямымъ путемъ. Вновь организующемуся сословію присяжныхъ повѣренныхъ предстоитъ не только дѣйствовать наперекоръ этимъ преданіямъ, но и изгладить ихъ изъ памяти общества, поставить себя на одинъ уровень съ новыми судебными учрежденіями. Достиженіе этой цѣли возможно только при удовлетворительномъ личномъ составѣ адвокатскаго сословія. Для многихъ вредныхъ элементовъ доступъ въ присяжные повѣренные закрытъ самимъ закономъ; но этой гарантіи недостаточно, потому что никакія формальныя условія не могутъ служить ручательствомъ добросовѣстности и правильнаго взгляда на обязанности адвоката. Всякій согласится съ тѣмъ, что человѣкъ однажды употребившій во зло довѣріе, ему оказанное, не можетъ быть надежнымъ адвокатомъ, хотя-бы онъ и удовлетворялъ всѣмъ внѣшнимъ требованіямъ закона. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о лицахъ, которыя, находясь на государственной службѣ, приняли взятку или такъ-называемую благодарность отъ просителя. Могутъ сказать, что чиновникъ, нарушившій свой долгъ подъ вліяніемъ среды, въ которую онъ былъ поставленъ, вслѣдствіе скудости матеріальнаго вознагражденія, которое онъ получалъ, но вышедшій еще

своевременно на другую, лучшую дорогу, не станетъ уклоняться съ нея, не станетъ повторять проступковъ, къ которымъ не будетъ больше имѣть ни побужденія, ни повода; что собственный интересъ его, правильно понятый, заставитъ его быть вѣрнымъ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ на себя принялъ. Нисколько не отрицая возможность такой перемѣны къ лучшему, Совѣтъ находитъ, что безусловно разсчитывать на нее нельзя, что принятіе взятокъ въ прежнихъ судахъ — плохое приготовленіе къ адвокатской дѣятельности въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, и что присяжный повѣренный долженъ нетолько охранять интересы своего довѣрителя, но и охранять ихъ исключительно законными средствами. Можно пожалѣть о человѣкѣ, которому одна ошибка, можетъ быть до извѣстной степени и извинительная, преграждаетъ доступъ къ профессіи, соотвѣтствующей его способностямъ и силамъ, но интересъ сословія, или лучше сказать интересъ цѣлаго общества, тѣсно связанный съ первымъ, долженъ одержать верхъ надъ интересомъ частнаго лица. Въ первое время существованія нашего сословія излишняя снисходительность была бы опаснѣе излишней строгости». Этимъ главнымъ положеніямъ Совѣтъ постоянно оставался вѣрнымъ и продолжаетъ держаться ихъ и въ настоящее время.

Въ видахъ полученія болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній о лицахъ, желающихъ вступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ постановилъ (11 Мая 1868 г.) выставлять въ комнатѣ присяжныхъ повѣренныхъ объявленія съ именами просителей и разрѣшать вопросъ о принятіи или непринятіи ихъ не раньше, какъ по истеченіи двухъ недѣль со дня выставки объявленія. Каждый присяжный повѣренный получаетъ такимъ образомъ возможность сооб-

щить Совѣту все, что ему извѣстно о нравственныхъ качествахъ и прежней дѣятельности просителя. Когда проситель не извѣстенъ ни членамъ Совѣта, ни другимъ присяжнымъ повѣреннымъ, Совѣтъ собираетъ о немъ свѣдѣнія отъ его товарищей по службѣ или вообще отъ лицъ, которыя могутъ быть знакомы съ его дѣятельностью, и постановляетъ опредѣленіе о принятіи его въ присяжные повѣренные не прежде, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ его добросовѣстности; при отсутствіи такого удостовѣренія, Совѣтъ оставляетъ просьбу о принятіи въ присяжные повѣренные безъ разрѣшенія, хотя бы въ виду Совѣта и не имѣлось данныхъ, прямо неблагопріятныхъ для просителя, и хотя бы проситель настаивалъ на немедленномъ разрѣшеніи его ходатайства*). Иногда, такимъ образомъ, просьба о принятіи въ присяжные повѣренные лежитъ въ Совѣтѣ безъ движенія нѣсколько мѣсяцевъ, конечно къ большому неудовольствію просителя; но Совѣтъ считаетъ неудобства, сопряженныя съ такою медленностью, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе серьозными, чѣмъ неудобства, сопряженныя съ слишкомъ поспѣшнымъ и недостаточно осторожнымъ принятіемъ въ присяжные повѣренные. Устраненіе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ лица, однажды получившаго это званіе и оказавшагося недостойнымъ носить его, сопряжено съ большими затрудненіями; пока до свѣдѣнія Совѣта дойдутъ дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, за которыя онъ можетъ подлежать исключенію, пока постановленіе Совѣта о его исключеніи вступитъ въ законную силу, онъ можетъ принести невознаградимый вредъ и довѣрителямъ своимъ, и другимъ частнымъ лицамъ, и всему

*) Отчеты Совѣта за 1868—69 г. и за 1870—71 г.

сословію присяжныхъ повѣренныхъ. На совѣтѣ лежитъ, поэтому, нравственная обязанность преграждать съ самаго начала доступъ въ присяжные повѣренные всѣмъ тѣмъ, отъ кого нельзя ожидать честнаго исполненія обязанностей этого званія. Само собою разумѣется, однако, что постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, за силою ст. 380-й Учр. Суд. Устан., — постановленія тяжело отзывающіяся на всей будущности тѣхъ, противъ кого они состоялись, — должны имѣть прочныя и твердыя основанія. По принятому Совѣтомъ правилу, поводомъ къ отказу могутъ служить отнюдь не предположенія или слухи, невыгодные для просителя, а только опредѣленные факты, установленные съ такою достовѣрностью, которая была бы достаточна для внутренняго убѣжденія членовъ Совѣта. «Когда именно извѣстный фактъ» — сказано въ первомъ отчетѣ Совѣта—«можетъ считаться настолько доказаннымъ, чтобы служить основаніемъ къ отказу—это вопросъ, на который нельзя дать общаго отвѣта. Формальныхъ доказательствъ, исключающихъ всякую возможность недоумѣнія, нельзя требовать въ подобныхъ случаяхъ уже потому, что рѣшеніямъ Совѣта не предшествуетъ ни слѣдствіе, ни дознаніе, и что свѣдѣнія, которыми онъ руководствуется, доставляются ему путемъ совершенно частнымъ». Свѣдѣнія, служащія основаніемъ къ отказу, сохраняются Совѣтомъ въ тайнѣ, въ особенности если этого желаетъ лице, отъ котораго они получены; но если по самому роду свѣдѣній и по способу полученія ихъ Совѣтомъ, они могутъ быть сообщены просителю безъ вреда для третьихъ лицъ, и если съ другой стороны Совѣтъ признаетъ ихъ не на столько убѣдительными и несомнѣнными, чтобы основать на нихъ свой отказъ безъ всякаго дальнѣйшаго разслѣдованія, то они предъ-

являются просителю, и Совѣтъ выслушиваетъ его объясненія и оправданія.

Званіе присяжнаго повѣреннаго, пріобрѣтенное извѣстнымъ лицемъ въ одномъ судебномъ округѣ, не даетъ этому лицу права перейти въ присяжные повѣренные другаго округа *безъ новой повѣрки его правъ на это званіе* журн. 10 Октября 1873 г.); въ противномъ случаѣ многіе присяжные повѣренные, заслуженно потерявъ свою репутацію въ одномъ округѣ, переходили бы въ другой именно потому, что ихъ тамъ не знаютъ.

Въ продолженіе восьми лѣтъ Совѣтъ отказалъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, на основаніи ст. 380-й, двадцати четыремъ лицамъ. Число этихъ отказовъ распредѣляется по отдѣльнымъ годамъ весьма неравномѣрно; въ первый годъ ихъ было девять, во второй годъ—пять, въ третій—три, во всѣ послѣдующіе годы, кромѣ восьмаго—по одному, въ восьмой—три. Уменьшеніе числа отказовъ объясняется не бо́льшею сниходительностью Совѣта — всякій, знакомый съ его дѣятельностью, конечно удостовѣритъ, что въ этомъ отношеніи въ ней незамѣтно ни малѣйшаго колебанія, — а бо́льшимъ знакомствомъ съ его руководящими началами и взглядами, вслѣдствіе чего лица, знающія, что прошедшее ихъ не безупречно, гораздо рѣже стали обращаться съ просьбами о принятіи въ присяжные повѣренные. Для того чтобы лице, не принятое Совѣтомъ въ присяжные повѣренные на основаніи ст. 380-й, не могло быть, по недоразумѣнію, допущено въ присяжные повѣренные другаго округа, Совѣтъ принялъ за правило сообщать, конфиденціально, о всѣхъ отказахъ этого рода какъ Московскому Совѣту, такъ и Старшимъ Предсѣдателямъ Судебныхъ Палатъ, или Предсѣдателямъ Окружныхъ Судовъ во всѣхъ

другихъ округахъ *) (журн. 20 Апрѣля 1867 и 6 Апрѣля 1868 г.). Московскій Совѣтъ, съ своей стороны, сообщаетъ С.-Петербургскому Совѣту о лицахъ, которымъ онъ отказалъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Само собою разумѣется, что такія сообщенія не имѣютъ никакой обязательной силы; цѣль ихъ заключается только въ томъ, чтобы всѣ учрежденія, отъ которыхъ зависитъ принятіе въ присяжные повѣренные, могли, въ случаѣ надобности, пользоваться свѣдѣніями, собранными однимъ изъ нихъ; въ *оцѣнкѣ* этихъ свѣдѣній каждое учрежденіе конечно сохраняетъ полную свободу.

Лица, имѣющія основаніе предполагать, что Совѣтъ можетъ отказать имъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго за силою ст. 380-й, очевидно заинтересованы въ томъ, чтобы узнать мнѣніе Совѣта, не подвергаясь риску формальнаго отказа; Совѣтъ, напротивъ того, не долженъ преждевременно выражать свое мнѣніе, потому что въ противномъ случаѣ лице, потерпѣвшее негласную неудачу въ первой своей попыткѣ, могло бы быть безпрепятственно принято въ присяжные повѣренные въ другомъ судебномъ округѣ. Основываясь на этомъ соображеніи и руководствуясь буквою закона (Учр. Суд. Устан. ст. 379)), по которому желающій поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ *долженъ подать о томъ въ Совѣтъ прошеніе*, Совѣтъ принялъ за правило разсматривать права извѣстнаго лица на званіе присяжнаго повѣреннаго не иначе, какъ по формальной его

---

*) Сенаторъ, на котораго возложено было введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ Одесскомъ округѣ, самъ обратился въ Совѣтъ съ просьбою о сообщеніи ему этихъ свѣдѣній (журн. 15 Марта 1869 г.)

просьбѣ о вступленіи въ сословіе, и оставлять безъ отвѣта всякіе частные, неофиціальные о томъ вопросы (журн. 9 Августа 1868 г.). По тѣмъ же причинамъ Совѣтъ не считаетъ себя вправѣ возвращать просителю его просьбу или не постановлять по ней никакого опредѣленія, когда ходатайство о томъ заявлено Совѣту уже послѣ отрицательнаго разрѣшенія имъ вопроса о правѣ просителя на званіе присяжнаго повѣреннаго (журн. 13 Апрѣля 1868 г.).

Если лице, принятое совѣтомъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, въ теченіе года послѣ того не приняло присяги и не вступило, слѣдовательно, въ сословіе, то постановленіе Совѣта о его принятіи признается какъ-бы не состоявшимся (журн. 11 Декабря 1869 г.), съ тѣмъ конечно, что это лице сохраняетъ право вновь просить о принятіи въ присяжные повѣренные. Такое правило вполнѣ основательно, потому что при продолжительномъ промежуткѣ между постановленіемъ о принятіи и присягой, и при отсутствіи за это время всякаго контроля Совѣта надъ принятымъ лицемъ, необходимо, прежде допущенія его въ сословіе, собрать о немъ вновь свѣдѣнія на основаніи ст. 380-й.

Постановленія Совѣта объ отказѣ, основанномъ на 380-й статьѣ, заключаютъ въ себѣ только ссылку на эту статью, безъ объясненія мотивовъ отказа. Такое изложеніе этихъ постановленій, вполнѣ согласное съ мнѣніемъ составителей судебныхъ уставовъ*), представляется необходимымъ для

*) Въ коментаріяхъ къ 1-му пунк. ст. 367 Учр. Суд. Устан. (въ изданіи Государственной Канцеляріи) сказано: «пѣтъ основанія обязывать Совѣтъ, въ случаѣ отказа кому-либо въ принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ, объяснять причины сего отказа.... Если Совѣтъ отказываетъ въ принятіи по неудовлетворительности свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ

сохраненія въ тайнѣ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія, послужившія основаніемъ отказа. Безъ этой предосторожности лица, знающія неблагопріятные для просителя факты, часто не рѣшались бы сообщать ихъ Совѣту, который лишился бы такимъ образомъ возможности получать свѣдѣнія, необходимыя для правильности его рѣшеній. По тѣмъ же самымъ причинамъ Совѣтъ призналъ неудобнымъ письменно сообщать Судебной Палатѣ—въ случаѣ принесенія ей жалобы на постановленіе Совѣта объ отказѣ, основанномъ на ст. 380-й—свѣдѣнія, послужившія поводомъ къ отказу; но такъ какъ свѣдѣнія эти должны быть въ виду Судебной Палаты, то Совѣтъ уполномочиваетъ предсѣдателя своего или одного изъ членовъ на передачу ихъ словесно, частнымъ образомъ, Старшему Предсѣдателю Судебной Палаты. Впрочемъ, Судебная Палата не всегда требуетъ отъ Совѣта сообщенія этихъ свѣдѣній. Ни одно постановленіе Совѣта, основанное на ст. 380-й, не было до сихъ поръ отмѣнено Судебной Палатой. Опредѣленія Судебной Палаты по дѣламъ этого рода признаны Правительствующимъ Сенатомъ, какъ уже сказано выше, не подлежащими обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ.

Испытанія, установленныя Совѣтомъ.

7. Руководствуясь тою же статьею 380-ю Учр. Суд. Устан., Совѣтъ считаетъ себя въ правѣ нетолько собирать свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ лица, желающаго вступить въ присяжные повѣренные, но и удостовѣряться въ его практической подготовкѣ къ исполненію адвокатскихъ обязанностей, когда предшест-

---

просителя, то въ выгодахъ лица, коему отказывается, гораздо лучше вовсе не оглашать причинъ отказа».

вующая дѣятельность его не служитъ сама по себѣ достаточнымъ доказательствомъ такой подготовки. Необходимость испытаній, направленныхъ къ этой цѣли, была признана Совѣтомъ еще въ отчетѣ за 1868—69 г.; но на практикѣ испытанія были введены Совѣтомъ лишь въ 1871 г. «Законное основаніе для подобныхъ испытаній» — сказано въ отчетѣ Совѣта за 1871—72 г.—«Совѣтъ находитъ въ ст. 380 Учр. Суд. Установ., разрѣшающей Совѣту, при пріемѣ извѣстнаго лица въ присяжные повѣренные, принимать въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными; что касается до необходимости испытаній, то она доказывается слѣдующими соображеніями. Формальныя условія, требуемыя закономъ для вступленія въ присяжные повѣренные, не всегда удостовѣряютъ способность извѣстнаго лица къ исправленію обязанностей этого званія. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ высшемъ учебномъ заведеніи, составляютъ только основу для дальнѣйшаго образованія и недостаточны, сами по себѣ, для практической дѣятельности адвоката. Чѣмъ больше промежутокъ времени, истекшій между окончаніемъ курса и вступленіемъ въ присяжные повѣренные, тѣмъ легче можетъ быть забыта значительная часть фактовъ, усвоенныхъ только для университетскаго экзамена. Кто окончилъ курсъ юридическихъ наукъ болѣе чѣмъ шесть лѣтъ тому назадъ, тотъ вовсе не имѣлъ возможности изучить въ учебномъ заведеніи новое судоустройство и судопроизводство. Служебныя занятія часто заключены въ такія тѣсныя границы, что знакомятъ только съ одною небольшою отраслью судебной дѣятельности, оставляя совершенно нетронутыми всѣ остальныя. Такъ напримѣръ, судебный слѣдователь, прослужившій въ этомъ званіи пять лѣтъ, можетъ быть отличнымъ спеціалистомъ по своей части, не зная не

только основныхъ началъ гражданскаго права и гражданскаго процесса, но даже существенныхъ условій производства судебнаго слѣдствія. Членъ соединенной палаты гражданскаго и уголовнаго суда можетъ изучить какъ нельзя лучше X томъ и уложеніе о наказаніяхъ, не имѣя никакого понятія объ уставахъ 20 Ноября 1864 г. Секретарь 1-го департамента Правительствующаго Сената, начальникъ судебнаго отдѣленія въ томъ или другомъ административномъ вѣдомствѣ можетъ быть знакомъ съ одною только небольшою частью гражданскихъ законовъ. Между тѣмъ всѣ эти лица несомнѣнно удовлетворяютъ формальнымъ требованіямъ 354 ст. Допущенныя къ званію присяжнаго повѣреннаго, безъ предварительнаго испытанія, они могутъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности впасть въ ошибки, которыя тяжело отзовутся и на участи тяжущагося или подсудимаго, имъ ввѣренной, и на репутаціи сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Само собою разумѣется, что всестороннее изученіе законовъ, кассаціонныхъ рѣшеній, судебныхъ обычаевъ, возможно только путемъ опыта, и что добросовѣстный присяжный повѣренный, принявъ на себя веденіе дѣла, старается ознакомиться со всѣми относящимися къ нему статьями уставовъ и свода законовъ; но такой способъ приготовленія къ дѣлу удобенъ только для того, кто имѣетъ общую подготовку и кому нужно лишь въ данномъ случаѣ пополнить ея пробѣлы. Не слѣдуетъ забывать, что если до объявленія комплекта принятіе гражданскаго дѣла обязательно для присяжнаго повѣреннаго только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, то за защиту подсудимыхъ по назначенію суда ему приходится приниматься вслѣдъ за вступленіемъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Извѣстный запасъ практическихъ свѣдѣній необходимъ, поэтому, при самомъ

принятіи на себя званія присяжнаго повѣреннаго; а между тѣмъ Совѣтъ имѣетъ полное основаніе думать, что это условіе на практикѣ встрѣчалось не всегда. Согласно съ вышеизложенными соображеніями испытаніе, производимое Совѣтомъ, распространяется только на тѣ части права и судопроизводства, которыя не входили въ кругъ прежней дѣятельности кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго, и притомъ касается только тѣхъ предметовъ, безъ знанія которыхъ невозможенъ ни одинъ правильный шагъ на поприщѣ адвокатуры. Такими предметами представляются напримѣръ правила о срокахъ, о правахъ повѣреннаго, которыя не разумѣются сами собою, а должны быть прямо выговорены въ довѣренности, о порядкѣ представленія отводовъ, о поводахъ къ устраненію свидѣтелей отъ присяги и т. п. Совѣтъ не требуетъ отъ экзаменующихся знанія кассаціонныхъ рѣшеній и признаетъ достаточнымъ знаніе и пониманіе закона. Такимъ же испытаніямъ по коммерческому праву и судопроизводству подвергаются Совѣтомъ тѣ кандидаты на званіе присяжнаго повѣреннаго, которые желаютъ вступить въ число присяжныхъ стряпчихъ коммерческаго суда. Ко всему вышеизложенному Совѣтъ долгомъ считаетъ прибавить, что до сихъ поръ всѣ лица, подвергавшіяся испытанію, выдерживали его удовлетворительно. Вообще Совѣтъ не думаетъ, чтобы испытанія, имъ введенныя, могли служить для кого-нибудь препятствіемъ къ вступленію въ присяжные повѣренные; они могутъ только замедлить его на нѣкоторое время, если экзаменующійся окажется недостаточно подготовленнымъ къ исправленію адвокатскихъ обязанностей. Лицу, не выдержавшему испытанія, конечно, не будетъ отказываемо въ правѣ просить о

повтореній его, пока наконецъ свѣдѣнія экзаменующагося не будутъ найдены достаточными».

Въ отчетѣ за 1872—73 г. содержатся слѣдующія свѣдѣнія и соображенія о томъ же предметѣ: «Испытаніе, установленное Совѣтомъ въ 1871—72 г., было примѣнено въ истекшемъ году къ тремъ изъ числа одиннадцати лицъ, принятыхъ въ присяжные повѣренные. Изъ числа восьми лицъ, испытанію не подвергнутыхъ, двое были членами окружнаго суда, двое — мировыми судьями, двое состояли помощниками присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ въ продолженіе пяти лѣтъ, такъ что дѣятельность ихъ была хорошо извѣстна Совѣту, двое сначала исправляли должность судебныхъ слѣдователей, потомъ были помощниками присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ. Подвергнуты испытанію были: бывшій товарищъ предсѣдателя окружнаго суда по уголовному отдѣленію, желавшій одновременно съ вступленіемъ въ присяжные повѣренные сдѣлаться и присяжнымъ стряпчимъ при коммерческомъ судѣ— изъ торговаго права и судопроизводства, бывшій судебный слѣдователь — изъ тѣхъ же предметовъ, съ прибавленіемъ гражданскаго права и судопроизводства, и бывшій помощникъ секретаря окружнаго суда, лишь около года бывшій помощникомъ присяжнаго повѣреннаго—изъ всѣхъ предметовъ, существенно необходимыхъ для адвокатской практики. Изъ вышеизложеннаго видно, что испытаніе примѣняется Совѣтомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествовавшія занятія лица, желающаго вступить въ присяжные повѣренные, не служатъ сами по себѣ достаточнымъ ручательствомъ въ его практической подготовкѣ къ тѣмъ или другимъ сторонамъ адвокатской дѣятельности. Въ этихъ случаяхъ испытаніе по прежнему представляется Совѣту необходимымъ

какъ въ интересахъ корпораціи, такъ и въ интересахъ лицъ, къ ней обращающихся. Не было еще примѣра, чтобы лице, подвергнутое испытанію, не выдержало его удовлетворительно; но прежде бывшіе случаи позволяютъ предполагать, что при отсутствіи испытанія въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ могли бы иногда поступать лица, лишенныя существенно-важныхъ свѣдѣній, въ оссбенности по части обрядовъ судопроизводства. Ожиданіе испытанія заставляетъ каждаго кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго повѣрить и пополнить свои знанія и уменьшить, такимъ образомъ, возможность ошибокъ, проистекающихъ изъ недостатка опытности. Ошибочно было бы думать, что испытаніе можетъ затруднить доступъ въ присяжные повѣренные; невыдержаніе его влечетъ за собою не отказъ, а только отсрочку въ удовлетвореніи ходатайства просителя; испытаніе можетъ быть повторено неограниченное число разъ, до тѣхъ поръ, пока знанія испытуемаго не будутъ, наконецъ, признаны достаточными. Еслибы Совѣтъ не имѣлъ возможности прибѣгать къ испытаніямъ, онъ могъ бы быть поставленъ въ необходимость принять болѣе ограниченное толкованіе ст. 354 Учр. Суд. Устан., чѣмъ то, которымъ онъ руководствуется въ настоящее время. На основаніи ст. 354-й, поступать въ присяжные повѣренные могутъ лица, прослужившія не менѣе пяти лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ они могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ. Относительно многихъ должностей можетъ возникнуть основательное сомнѣніе, подходятъ ли онѣ подъ это требованіе закона. Разрѣшеніе этого сомнѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ въ значительной степени отъ того, имѣетъ ли Совѣтъ возможность удостовѣриться,

каждый разъ, въ наличности практическихъ свѣдѣній, требуемыхъ ст. 354 Учр. Суд. Устан. Отсюда ясно, что учрежденіе испытаній вовсе не направлено къ ограниченію круга лицъ, изъ которыхъ пополняется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ».

Число присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургскомъ округѣ.

8. Въ моментъ открытія дѣйствій Совѣта (2 Мая 1866 г., черезъ двѣ недѣли послѣ введенія въ дѣйствіе въ С.-Петербургѣ судебныхъ уставовъ) присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ С.-Петербургской Судебной Палаты было двадцать семь; они были утверждены въ этомъ званіи Комитетомъ, учрежденнымъ при Министерствѣ Юстиціи на основаніи 45 статьи Положенія 19-го Октября 1865 г. Затѣмъ, по постановленіямъ Совѣта, было принято въ число присяжныхъ повѣренныхъ: въ 1866—67 г.—38, въ 1867—68 г.—29, въ 1868—69 г.—16, въ 1869—70 г.—14, въ 1870—71 г.—14, въ 1871—72 г.—19, въ 1872—73 г.—12, въ 1873—74 г. (до Марта мѣсяца)—11, а всего 153 лица. Изъ числа этихъ лицъ трое вовсе не были приведены къ присягѣ, т. е. не пожелали воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ; выбыло изъ сословія въ 1866—67 г.—3, въ 1867—68 г.—3, въ 1868—69 г.—10, въ 1869—70 г.—14, въ 1870—71 г.—6, въ 1871—72 г.—6, въ 1872—73 г.—14, въ 1873—74 г. (до Марта мѣсяца)—7, всего 63 лица; изъ нихъ двѣнадцать скончались, тринадцать перешли присяжными повѣренными въ другіе округа, пятеро поступили на службу, четверо исключены Совѣтомъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Къ концу перваго отчетнаго года всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округѣ С.-Петербургской Судебной Палаты было 59, къ концу втораго—83, къ концу третьяго — столько же, къ концу чет-

вертаго—89, къ концу пятаго—97, къ концу шестаго—112, къ концу седьмаго—110, къ 1 Марта 1874 г.—114. Мнѣніе Совѣта объ одной изъ причинъ медленнаго возрастанія числа присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ будетъ изложено ниже, при разсмотрѣніи вопроса объ установленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ для С.-Петербурга.

Въ провинціи присяжныхъ повѣренныхъ въ настоящее время почти такъ же мало, какъ и въ первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Въ Новгородѣ около трехъ лѣтъ имѣлъ жительство одинъ присяжный повѣренный, въ Устюжнѣ—также одинъ, около года; теперь ни въ Новгородѣ, ни въ Устюжнѣ присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ. Въ Псковѣ, въ 1867 г., поселился одинъ присяжный повѣренный, въ 1870 г.—другой; оба живутъ тамъ и въ настоящее время. Съ 1870 г. одинъ присяжный повѣренный живетъ въ Великихъ Лукахъ. Въ Бѣлозерскѣ присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ и никогда не было.

Необходимость дѣятельности въ предѣлахъ округа.

9. На основаніи ст. 379 Учр. Суд. Устан., въ прошеніи о принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ должно быть между прочимъ объяснено, въ какомъ именно городѣ проситель избираетъ мѣсто жительства. Это требованіе закона имѣетъ не одно только формальное значеніе. Установленное закономъ наблюденіе Совѣта за присяжными повѣренными осуществимо лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы адвокатская дѣятельность присяжнаго повѣреннаго сосредоточивалась въ сферѣ дѣйствій Совѣта, т. е. въ предѣлахъ судебнаго округа, въ которомъ открытъ Совѣтъ. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ права присяжнаго повѣреннаго принимать на себя—пока не объявлено комплекта—веденіе дѣлъ и въ другихъ судебныхъ округахъ; но веденіе такихъ дѣлъ не

должно быть его исключительнымъ занятіемъ. Центромъ его дѣятельности, какъ и постояннымъ мѣстомъ его жительства (domicile), долженъ оставаться судебный округъ, къ которому онъ приписанъ. Исходя изъ этого убѣжденія, Совѣтъ не считаетъ возможнымъ допускать, чтобы присяжный повѣренный, оставившій С.-Петербургскій судебный округъ и перенесшій свою адвокатскую дѣятельность въ другую часть Россіи, продолжалъ числиться присяжнымъ повѣреннымъ С. Петербургскаго округа; онъ исключаетъ такихъ лицъ изъ списка присяжныхъ повѣренныхъ С.-Петербургскаго округа или назначаетъ имъ срокъ, въ продолженіе котораго они должны либо возвратиться въ предѣлы округа, либо подать просьбу объ увольненіи изъ сословія (журн. 11 декабря 1869, 15 сентября 1871, 30 мая 1873 г.). Но если присяжный повѣренный уѣзжаетъ изъ предѣловъ С.-Петербургскаго округа, хотя бы и на продолжительное время, не для того, чтобы заниматься адвокатурой, а для какой-либо другой цѣли, напримѣръ для организаціи какого-нибудь дѣла, не имѣющаго ничего общаго съ адвокатурой—или тѣмъ болѣе для леченья, для отдыха—то Совѣтъ не встрѣчаетъ препятствій къ сохраненію за нимъ званія присяжнаго повѣреннаго С.-Петербургскаго округа (журн. 14 марта 1873 г.).

Увольненіе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.

10. Присяжные повѣренные, желающіе сложить съ себя это званіе, подаютъ о томъ, на основаніи 1 пун. ст. 367 Учр. Суд. Устан., просьбу Совѣту, который, истребовавъ отъ просителя обратно выданное ему при вступленіи въ присяжные повѣренные свидѣтельство, дѣлаетъ распоряженіе объ исключеніи его изъ списка присяжныхъ повѣренныхъ и сообщаетъ о томъ какъ Судебной Палатѣ, такъ и Окружному Суду и Кассаціоннымъ Департаментамъ Правительствующаго Сената. По

желанію просителя, ни разу не подвергавшагося взысканіямъ со стороны Совѣта, Совѣтъ выдаетъ ему въ томъ свидѣтельство, согласно съ пун. 3 ст. 367. Бывали случаи, что на присяжнаго повѣреннаго, послѣ выхода его изъ сословія, поступали жалобы за непринятіе имъ мѣръ къ дальнѣйшему движенію дѣлъ, находившихся у него въ производствѣ; вслѣдствіе этого Совѣтъ постановилъ требовать отъ присяжнаго повѣреннаго, прежде его увольненія, свѣдѣнія о томъ, кому онъ передаетъ свои дѣла (журн. 28 мая 1870 г.). Постановленіе это на практикѣ не всегда соблюдается Совѣтомъ. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, поступивъ на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи, уѣхалъ изъ С.-Петербурга и уже послѣ отъѣзда прислалъ въ Совѣтъ прошеніе объ увольненіи его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 8 марта 1869 г.); вслѣдъ за тѣмъ въ Совѣтъ поступила на него жалоба отъ одного изъ бывшихъ довѣрителей его за невозвращеніе бумагъ и неувѣдомленіе объ исходѣ дѣла. Въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ случаевъ Совѣтъ обратился въ Департаментъ Министерства Юстиціи съ просьбою при опредѣленіи присяжныхъ повѣренныхъ на службу предварительно сноситься съ Совѣтомъ (журн. 22 марта 1869 г.). Если въ моментъ подачи кѣмъ-либо изъ присяжныхъ повѣренныхъ просьбы объ увольненіи его изъ сословія въ Совѣтѣ производится дѣло по жалобѣ на просителя, то разрѣшеніе его просьбы отлагается до окончанія этого дѣла (журн. 21 декабря 1868, 4 сентября 1869 и 23 марта 1872 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Первоначальное положеніе помощниковъ.

11. Судебные уставы не образовали особаго сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; они содержатъ въ себѣ только одно указаніе на возможность такого званія—именно въ ст. 354 Учр. Суд. Устан., по которой въ присяжные повѣренные могутъ, между прочимъ, поступать лица, занимавшіяся въ теченіе пяти лѣтъ судебною практикою *подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ*. Въ комментаріяхъ къ ст. 354 это постановленіе ея объясняется тѣмъ, что «съ учрежденіемъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ у нихъ могутъ быть помощники (по практическимъ занятіямъ), которые, окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, но никогда не служивъ, могутъ тѣмъ не менѣе имѣть свѣдѣнія и въ судебной практикѣ». Изъ того же источника мы узнаемъ, что при составленіи судебныхъ уставовъ было заявлено предположеніе о дозволеніи помощникамъ присяж-

ныхъ повѣренныхъ ходатайствовать по дѣламъ, съ разрѣшенія Совѣта; но предположеніе это не было принято, потому что составители судебныхъ уставовъ, считая необходимымъ сосредоточить ходатайство по дѣламъ въ рукахъ однихъ присяжныхъ повѣренныхъ, не признавали возможнымъ облечь помощниковъ ихъ равными съ ними правами.

Необходимость дать помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ правильную организацію и подчинить ихъ контролю Совѣта,—на сколько это возможно въ предѣлахъ дѣйствующаго закона,—была сознана Совѣтомъ постепенно, по мѣрѣ возрастанія числа помощниковъ и расширенія круга дѣятельности ихъ. Сначала Совѣтъ считалъ достаточнымъ получать свѣдѣнія о времени вступленія извѣстнаго лица въ число помощниковъ, чтобы имѣть твердую исходную точку для исчисленія пятилѣтняго срока, установленнаго ст. 354 Учр. Суд. Устан. (журн. 2 іюня 1866 г.). Два года спустя Совѣтъ призналъ необходимымъ имѣть удостовѣреніе не только о томъ, что извѣстное лице *числится* помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, но и о томъ, что оно дѣйствительно въ этомъ качествѣ занимается судебною практикою, и потому предложилъ присяжнымъ повѣреннымъ сообщать Совѣту за каждое полугодіе, въ продолженіе слѣдующаго полугодія, подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ ихъ помощниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ постановилъ при пріемѣ помощниковъ въ присяжные повѣренные не принимать въ разсчетъ тѣхъ полугодій, за которыя не было доставлено такихъ свѣдѣній или другихъ равносильныхъ имъ удостовѣреній (журн. 11 мая 1868 г., подтвержденный журн. 11 декабря 1869 г.). Въ настоящее время свѣдѣнія о занятіяхъ помощниковъ представляются бо́льшею частью въ формѣ отчетовъ, ими самими составленныхъ и удостовѣрен-

ныхъ въ правильности тѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, при которомъ помощникъ состоитъ. Если отчеты за извѣстный періодъ времени въ срокъ представлены не были, Совѣтъ требуетъ отъ помощника доказательствъ тому, что онъ занимался въ продолженіе этого времени судебною практикою, и въ случаѣ признанія ихъ достаточными, не считаетъ просрочку препятствіемъ къ принятію помощника въ присяжные повѣренные (журн. 29 декабря 1871 г. и другіе).

Первыя мѣры Совѣта по организаціи сословія помощниковъ.

12. Первый болѣе рѣшительный шагъ къ правильному устройству сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ сдѣланъ Совѣтомъ въ 1869 г. «Совѣтъ»—сказано въ постановленіи 21 августа этого года—«имѣлъ многократно возможность убѣдиться, что сословіе помощниковъ не удовлетворяетъ своему назначенію и не служитъ пріуготовительною школою, изъ которой пополнялось бы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ людьми вполнѣ достойными носить это званіе. Въ числѣ помощниковъ есть лица, не получившія юридическаго образованія, мало заботящіяся о пріобрѣтеніи практическихъ знаній по судопроизводству и въ нравственномъ отношеніи лишенныя качествъ, требуемыхъ отъ будущихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ ст. 354 Учр. Суд. Устан. сказано, что присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія аттестаты высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, если они, сверхъ того, не менѣе пяти лѣтъ занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ. Если присяжными повѣренными могутъ быть только лица, окончившія курсъ юридическихъ наукъ, то само собою разумѣется,

что помощниками ихъ, готовящимися сдѣлаться присяжными повѣренными, также могутъ быть только лица, получившія юридическое образованіе. Помощникъ, не получившій такового, сколько бы времени онъ ни пробылъ въ этомъ званіи, не можетъ сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, такъ какъ, по буквальному смыслу ст. 354, пятилѣтній срокъ можетъ быть исчисляемъ единственно съ того времени, когда было кончено юридическое образованіе или сданъ экзаменъ въ юридическихъ наукахъ. Законъ имѣлъ въ виду, что теоретическое образованіе должно предшествовать практическому, что практическія занятія могутъ принести пользу только тому, кто знакомъ съ основными началами юридическихъ наукъ, что въ противномъ случаѣ практическая дѣятельность будетъ неосмысленнымъ запоминаніемъ отдѣльныхъ процессуальныхъ формъ и обрядовъ и отдѣльныхъ постановленій матеріальнаго права, безъ системы и связи. Что касается до пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній, то при настоящихъ порядкахъ пятилѣтнее пребываніе въ званіи помощника можетъ обратиться въ пустую формальность. Есть помощники ведущіе дѣла, но безъ всякаго руководства и надзора со стороны присяжнаго повѣреннаго, при которомъ они числятся. Есть лица, добивающіяся званія помощника только потому, что съ нимъ легче получить какое либо мѣсто —и чрезъ пять лѣтъ они явятся получить званіе присяжнаго повѣреннаго безъ всякихъ свѣдѣній и подготовки. Есть лица, записывающіяся въ помощники только для того, чтобы получить отъ Совѣта удостовѣреніе въ томъ, что они помощники; этими удостовѣреніями они пользуются какъ видами на жительство. Наконецъ, что касается до нравственныхъ качествъ, которыхъ оцѣнка вполнѣ и безусловно принадлежитъ Совѣту, то нельзя не замѣтить, что въ числѣ помощ-

никовъ есть лица, которыя бы не могли быть терпимы въ сословіи адвокатовъ, Есть помощники, занимающіеся веденіемъ дѣлъ невозможныхъ. Есть помощники, имѣющіе занятія несовмѣстныя съ достоинствомъ адвокатуры, напр. управляющіе конторами ростовщиковъ. Есть помощники, явно злоупотребляющіе довѣріемъ обращающихся къ нимъ лицъ и дѣйствующіе самымъ предосудительнымъ образомъ. Независимо отъ сего есть лица, которыя, зная, что надъ помощниками нѣтъ контроля и что помощникомъ можетъ быть всякій, выдаютъ себя за помощниковъ, хотя таковыми ни у кого изъ присяжныхъ повѣренныхъ не состоятъ. Совѣтъ не можетъ оставаться равнодушнымъ ко всему вышеизложенному. Сознавая обязанность повѣрять качества лицъ, готовящихся вступить со временемъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ рѣшилъ, примѣняясь къ 354 ст. Учр. Суд. Устан., установить правила пріема лицъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ и озаботиться учрежденіемъ за этими помощниками надзора. Относительно пріема въ помощники Совѣтъ постановилъ:

1) Принимать въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ только тѣхъ, кто представитъ Совѣту надлежащіе аттестаты, дипломы или удостовѣренія объ окончаніи курса юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или о выдержаніи экзамена въ этихъ наукахъ.

2) Потребовать представленія такихъ же аттестатовъ, дипломовъ или удостовѣреній отъ лицъ, которыя уже заявлены присяжными повѣренными какъ ихъ помощники.

3) Вносить имена и адресы помощниковъ въ особую книгу, обязавъ ихъ сообщать Совѣту о каждой перемѣнѣ ими мѣста жительства.

4) Выдавать помощникамъ, по просьбамъ ихъ, свидѣ-

тельства на особыхъ печатныхъ бланкахъ, за подпись коднаго изъ членовъ Совѣта, съ тѣмъ, чтобы при выходѣ помощника изъ этого званія вышеупомянутое свидѣтельство было имъ возвращено Совѣту.

Эти правила о принятіи въ помощники были дополнены, по журналу Совѣта 11 декабря того же 1869 г., слѣдующими постановленіями: 1) помощниками присяжныхъ повѣренныхъ не могутъ быть лица, которыя, по силѣ 355 ст. Учр. Суд. Устан., не могутъ быть присяжными повѣренными, за исключеніемъ лишь п. 1 и 4 этой статьи. Лица, не достигшія 25 лѣтъ и состоящія на службѣ, могутъ, слѣдовательно, быть помощниками присяжныхъ повѣренныхъ [1]). 2) по полученіи ходатайства присяжнаго повѣреннаго о за-

---

[1]) Еще раньше, 2 ноября 1867 г., Совѣтъ постановилъ, что такъ какъ пятилѣтній срокъ, требуемый ст. 354 Учр. Суд. Устан., начинается для помощниковъ со дня окончанія ими курса юридическихъ наукъ, то занятія студентовъ при присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ, не должны быть принимаемы въ разсчетъ при исчисленіи пятилѣтняго срока. Хотя въ постановленіи 11 декабря 1869 г. и не опредѣленъ minimum возраста, при которомъ возможенъ доступъ въ помощники, но на практикѣ Совѣтъ не принимаетъ въ помощники лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія, потому что по закону (Уст. Гр. Судопр. ст. 46 пун. 1 и 246 п. 2, Уст. Угол. Судопр. ст. 44) такія лица не могутъ быть повѣренными. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго можетъ имѣть жительство и не въ томъ городѣ, гдѣ живетъ присяжный повѣренный, при которомъ онъ числится (отчетъ Совѣта за 1869—70 г.), но конечно не внѣ предѣловъ судебнаго округа, къ которому этотъ присяжный повѣренный принадлежитъ. Это необходимо для увеличенія числа провинціальныхъ адвокатовъ, подчиненныхъ хотя какому-нибудь контролю. Къ сожалѣнію, громадное большинство помощниковъ избираетъ мѣсто жительства въ С.-Петербургѣ.

численіи кого-либо къ нему помощникомъ, Совѣтъ собираетъ объ этомъ лицѣ всѣ свѣдѣнія, какія признаетъ нужными, и лишь по соображеніи этихъ свѣдѣній постановляетъ о принятіи его въ число помощниковъ, или же объ отказѣ ему въ томъ [1]).

Тѣмъ же журналомъ Совѣта установлены слѣдующія правила о надзорѣ за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ:

1) Помощникамъ предоставляется принимать на себя ходатайство по дѣламъ и помимо присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ помощниками, но съ тѣмъ, чтобы о всякомъ дѣлѣ, принятомъ ими такимъ образомъ, они немедленно сообщали присяжнымъ повѣреннымъ, при которыхъ состоятъ.

2) Принятый Совѣтомъ въ число помощниковъ состоитъ

---

[1]) Съ конца 1872 г. въ собраніи свѣдѣній о кандидатахъ на званіе помощника принимаетъ участіе коммисія, избранная изъ среды помощниковъ. По вступленіи въ Совѣтъ заявленія присяжнаго повѣреннаго о желаніи его принять кого-либо къ себѣ въ помощники, Совѣтъ сообщаетъ объ этомъ коммисіи и ожидаетъ отъ нея въ продолженіе мѣсяца свѣдѣній о кандидатахъ въ помощники (журн. 20 декабря 1872 г.). Само собою разумѣется, что отзывъ коммисіи ни мало не обязателенъ для Совѣта и что свѣдѣнія, сообщенныя коммисіею, подлежатъ его повѣркѣ, какъ и всякія другія. Въ случаѣ неполученія отъ коммисіи отзыва въ продолженіе мѣсяца, Совѣтъ разрѣшаетъ дѣло на основаніи другихъ, имѣющихся въ виду его данныхъ (журн. 17 августа 1873 г.). Съ цѣлью полученія возможно полныхъ свѣдѣній о кандидатахъ въ помощники, имена этихъ лицъ, вслѣдъ за поступленіемъ о нихъ въ Совѣтъ заявленій, выставляются на особой доскѣ въ комнатѣ присяжныхъ повѣренныхъ, точно такъ же, какъ и имена кандидатовъ на званіе присяжнаго повѣреннаго.

подъ непосредственнымъ наблюденіемъ избравшаго въ помощники присяжнаго повѣреннаго.

Примѣчаніе 1. Такъ какъ въ настоящее время въ числѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ состоятъ лица, которыя, на основаніи новыхъ правилъ, могутъ быть допущены Совѣтомъ въ число помощниковъ, и такъ какъ было бы несправедливо лишить ихъ несомнѣнно заслуженныхъ ими ихъ прежнею дѣятельностью правъ потому лишь, что о дѣятельности этой не было представлено отчета въ то время, когда самое представленіе отчетовъ не было еще признано безусловно необходимымъ, полугодичный срокъ для представленія отчета о всей прежней дѣятельности такихъ помощниковъ долженъ считаться со дня постановленія Совѣта о принятіи ихъ въ помощники, на основаніи новыхъ правилъ.

Примѣчаніе 2. Время бытности помощниками такихъ лицъ, которыя за силою новыхъ правилъ не могутъ сохранять за собою это званіе, принимается въ соображеніе въ случаѣ ходатайства ихъ о принятіи въ присяжные повѣренные, причемъ оно разсчитывается со дня зачисленія извѣстнаго лица помощникомъ присяжнаго повѣреннаго по 21 августа 1869 г., т. е. по день перваго постановленія Совѣта объ условіяхъ, необходимыхъ для вступленія въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Предоставленіе помощникамъ возможности защищать подсудимыхъ и вести дѣла въ Коммерческомъ Судѣ.

13. Озабочиваясь предоставленіемъ помощникамъ возможности пріобрѣтать практическое знакомство съ дѣлами, Совѣтъ постановилъ, 11 іюня 1870 г., ходатайствовать передъ предсѣдательствующими въ уголовныхъ отдѣленіяхъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда о назначеніи помощниковъ защитниками подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ, и

передъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда—о допущеніи ихъ, послѣ извѣстнаго срока, въ число присяжныхъ стряпчихъ при этомъ судѣ [1]). Первую изъ этихъ мѣръ Совѣтъ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: «одна изъ важнѣйшихъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ заключается въ защитѣ уголовныхъ дѣлъ по назначенію предсѣдателей судовъ; а между тѣмъ эта часть адвокатской дѣятельности остается, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, почти совершенно закрытою для помощниковъ. Хотя иногда случается, что присяжный повѣренный предлагаетъ назначенному ему отъ суда подсудимому, не пожелаетъ ли онъ, чтобы его защищалъ вмѣсто присяжнаго повѣреннаго его помощникъ, и въ большинствѣ случаевъ подсудимый соглашается на такую замѣну, но такой способъ предоставленія помощникамъ уголовныхъ защитъ долженъ быть признанъ весьма неудовлетворительнымъ. Во 1-хъ, въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ многіе никогда не передаютъ возложенныхъ на нихъ уголовныхъ защитъ другимъ лицамъ; помощники такихъ присяжныхъ повѣренныхъ могутъ разсчитывать на уголовную защиту развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; во 2-хъ, помощники распредѣляются между присяжными повѣренными весьма не равномѣрно; такъ у нѣ-

[1]) Въ то же самое время Совѣтъ постановилъ просить: 1) предсѣдателя Окружнаго Суда—объ открытіи помощникамъ доступа въ ту часть залы засѣданій, въ которой помѣщаются присяжные повѣренные и кандидаты на судебныя должности, и 2) распорядителей консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ—о допущеніи помощниковъ къ дежурству на консультаціи, для содѣйствія участвующимъ въ ней присяжнымъ повѣреннымъ. Первое изъ этихъ ходатайствъ было удовлетворено, но въ консультаціи до 1874 г. принимали участіе только присяжные повѣренные.

которыхъ присяжныхъ повѣренныхъ числится до пяти помощниковъ, у многихъ же нѣтъ ни одного помощника, и потому при существующемъ нынѣ способѣ участія помощниковъ въ уголовныхъ защитахъ, защиты эти должны распредѣляться между помощниками весьма неравномѣрно. Обращаясь къ обсужденію того, на сколько помощники присяжныхъ повѣренныхъ могутъ отвѣчать условіямъ, необходимымъ для каждаго защитника по уголовному дѣлу, Совѣтъ находитъ, что хотя помощники въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ тѣхъ практическихъ свѣдѣній, какими обладаютъ присяжные повѣренные, но что они во всякомъ случаѣ и по образованію своему, и по практическимъ свѣдѣніямъ находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи съ кандидатами на судебныя должности; а законъ указываетъ на кандидатовъ, какъ на лицъ, которыхъ предсѣдатели могутъ назначать для защиты подсудимыхъ (ст. 566 Уст. Угол. Судопр.). Между тѣмъ несомнѣнно, что уголовныя защиты всего болѣе способствуютъ развитію въ молодомъ человѣкѣ наклонностей къ адвокатурѣ, а потому Совѣтъ полагаетъ, что для помощниковъ было бы весьма полезно, если бы они могли быть назначаемы на уголовныя защиты въ такомъ же порядкѣ, какъ назначаются въ настоящее время присяжные повѣренные. Порядокъ этотъ, при которомъ каждый помощникъ можетъ разсчитывать приблизительно на 12 защитъ въ годъ, имѣетъ тѣ выгоды, что каждый помощникъ, до полученія званія присяжнаго повѣреннаго, ознакомится коротко съ одною изъ главныхъ отраслей адвокатской дѣятельности, что защита будетъ распредѣляться между помощниками гораздо равномѣрнѣе, нежели въ настоящее время, и что помощники не должны будутъ употреблять для полу-

ченія уголовной защиты тѣхъ усилій, безъ которыхъ они теперь не могутъ обойтись».

Лѣтомъ 1870 года предсѣдательствующіе въ уголовныхъ отдѣленіяхъ Окружнаго Суда, вслѣдствіе ходатайства Совѣта, стали назначать помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ защитниками подсудимыхъ, когда послѣдними будетъ изъявлено на то согласіе. Распоряженіе это, вполнѣ соотвѣтствовавшее желаніямъ огромнаго большинства помощниковъ, было принято ими съ радостью, и порученія, возлагаемыя на нихъ судомъ, были исполняемы ими старательно и охотно; но въ Сентябрѣ 1870 г. одинъ изъ помощниковъ отклонилъ полученное имъ назначеніе, объявивъ предсѣдательствующему, что оно могло послѣдовать только по недоразумѣнію, такъ какъ защита подсудимыхъ по порученію Суда не входитъ, по закону, въ кругъ обязанностей помощника присяжнаго повѣреннаго. Отказъ этотъ, послѣдствіемъ котораго было, какъ мы увидимъ ниже, удаленіе отказавшагося лица изъ среды помощниковъ, остался единственнымъ примѣромъ противудѣйствія, со стороны помощника, постановленіямъ Совѣта, состоявшимся въ интересахъ этого сословія; тѣмъ не менѣе онъ довольно сильно повредилъ только что начатому дѣлу. Въ одномъ изъ отдѣленій Окружнаго Суда назначеніе помощниковъ защитниками подсудимыхъ на нѣкоторое время совсѣмъ прекратилось; да и въ другихъ отдѣленіяхъ то, что весьма легко могло обратиться въ общее правило, сдѣлалось исключеніемъ довольно, рѣдкимъ. Для того, чтобы пріобрѣсти право защищать подсудимыхъ по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ С. Петербургѣ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, по принятому С.Пб. Окружнымъ Судомъ порядку, долженъ сначала имѣть нѣсколько защитъ

въ уѣздахъ, по 3-му отдѣленію Суда, и затѣмъ получить одобрительный отзывъ отъ предсѣдательствующаго въ этомъ отдѣленіи. Противъ такого порядка нельзя сдѣлать никакихъ возраженій; прискорбно только то, что въ общемъ итогѣ число уголовныхъ дѣлъ, возлагаемыхъ на помощниковъ по порученію Суда, остается весьма незначительнымъ.

Что касается до вступленія помощниковъ въ присяжные стряпчіе, то по соглашенію между Г. предсѣдателемъ С.Пб. Коммерческаго Суда и уполномоченными для того членами Совѣта были установлены слѣдующія правила по этому предмету (журн. 3 Сентября 1870 г.): 1) въ присяжные стряпчіе могутъ быть допускаемы только помощники, пробывшіе въ этомъ званіи не менѣе двухъ лѣтъ. 2) Помощникъ, желающій вступить въ присяжные стряпчіе, заявляетъ о томъ присяжному повѣренному, при которомъ онъ состоитъ, а присяжный повѣренный, если признаетъ просьбу помощника подлежащею удовлетворенію, передаетъ ее Совѣту. 3) Совѣтъ, удостовѣрясь въ томъ, что помощникъ, по знаніямъ своимъ и добросовѣстности, дѣйствительно достоинъ званія присяжнаго стряпчаго, выдаетъ ему въ томъ свидѣтельство, которое и служитъ основаніемъ къ принятію помощника въ присяжные стряпчіе. Средствомъ для удостовѣренія въ знаніяхъ помощника служитъ испытаніе его Совѣтомъ по главнымъ вопросамъ торговаго права и судопроизводства. Въ 1873 г. до свѣдѣнія Совѣта дошло, что нѣкоторые помощники, съ цѣлью избѣжать этого испытанія, обращаются съ просьбами о принятіи въ присяжные стряпчіе прямо къ Г. предсѣдателю Коммерческаго Суда, помимо Совѣта. Находя, что такой образъ дѣйствій несовмѣстенъ съ равноправностью помощниковъ и направленъ къ обходу контроля, установленнаго надъ ними Совѣтомъ, Совѣтъ

предложилъ присяжнымъ повѣреннымъ обязать своихъ помощниковъ не уклоняться отъ принятаго Совѣтомъ порядка, а къ предсѣдателю Коммерческаго Суда обратился съ просьбою давать ходъ заявленіямъ помощниковъ о принятіи въ присяжные стряпчіе только тогда, когда при этихъ заявленіяхъ представляется свидѣтельство Совѣта о знаніяхъ и добросовѣстности помощника (журн. 17 Августа 1873 г.). Предсѣдатель Коммерческаго Суда увѣдомилъ Совѣтъ, 5-го Сентября 1873 г., что просьба эта будетъ исполнена.

Противудѣйствіе одного изъ помощниковъ мѣрамъ Совѣта.

14. Естественнымъ послѣдствіемъ установленія надъ помощниками болѣе строгаго контроля Совѣта должно было быть разсмотрѣніе Совѣтомъ неправильныхъ дѣйствій и упущеній помощниковъ, какъ по жалобамъ частныхъ лицъ, такъ и по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Уже въ Январѣ 1870 г. предсѣдатель С.Пб. Окружнаго Суда передалъ на обсужденіе Совѣта неправильное дѣйствіе, допущенное однимъ изъ помощниковъ при защитѣ подсудимаго въ Окружномъ Судѣ (журн. 17 Января 1870 г.). Совѣтъ первоначально предполагалъ требовать въ подобныхъ случаяхъ объясненіе не непосредственно отъ помощника, а отъ присяжнаго повѣреннаго, при которомъ онъ состоитъ, и предоставлять послѣднему принимать, въ случаѣ надобности, мѣры взысканія противъ своего помощника, съ тѣмъ только, что если Совѣтъ найдетъ взысканіе недостаточнымъ, то онъ можетъ принять противъ помощника другія, болѣе строгія мѣры [1]). Но Совѣтъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что такой порядокъ разбора дѣлъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ помощниковъ

[1]) Отчетъ Совѣта за 1869—70 г.

не соотвѣтствуетъ своей цѣли, что Совѣтъ тогда только можетъ составить себѣ правильное понятіе о виновности или невиновности помощника, когда самъ выслушаетъ его объясненія, а въ случаѣ надобности, и объясненія лицъ его обвиняющихъ, и что взысканіе, наложенное непосредственно Совѣтомъ, можетъ имѣть для помощника гораздо болѣе значенія, чѣмъ взысканіе, наложенное по личному усмотрѣнію одного присяжнаго повѣреннаго. Исходя изъ этого убѣжденія, Совѣтъ пригласилъ въ засѣданіе свое, для личныхъ объясненій, того помощника, который не согласился защищать подсудимаго по назначенію Суда (см. выше). Помощникъ этотъ, котораго мы назовемъ для большаго удобства NN, отказался отъ явки въ Совѣтъ, объясняя, что онъ не считаетъ себя подчиненнымъ Совѣту и не обязанъ исполнять его постановленій и распоряженій. Совѣтъ, находя совершенно необходимымъ установленіе контроля надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, призналъ невозможнымъ терпѣть въ ихъ средѣ лице, считающее для себя необязательными распоряженія Совѣта и отказывающееся даже отъ представленія требуемыхъ имъ объясненій, и потому постановилъ не считать болѣе NN помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и исключить его изъ списка помощниковъ (журн. 21 Октября 1870 г.). На это постановленіе Совѣта NN принесъ жалобу Судебной Палатѣ. Судебная Палата, разсмотрѣвъ, 6 Марта 1871 г., жалобу NN, остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) хотя въ ст. 354 Учр. Суд. Устан. и упоминается о лицахъ, которыя, занимаясь подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, состоятъ ихъ помощниками и тѣмъ пріобрѣтаютъ право на вступленіе, по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ не менѣе однако въ означенномъ

учрежденіи судебныхъ установленій нигдѣ не проведена мысль — ни о томъ, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ составляли особую корпорацію, тѣсно связанную и вполнѣ солидарную съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, ни о томъ, чтобы помощники входили, какъ часть цѣлаго, въ самый составъ общества повѣренныхъ, изъ чего и слѣдуетъ заключить, по мнѣнію Палаты, что предположеніе Совѣта о безусловномъ правѣ его имѣть прямой и непосредственный за помощниками повѣренныхъ надзоръ и объ обязанности помощниковъ подчиняться, наравнѣ съ присяжными повѣренными, контролирующей и дисциплинарной власти Совѣта, не имѣетъ твердой точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ, и 2) сколь ни благодѣтельными могутъ казаться и на самомъ дѣлѣ представляются сами по себѣ нѣкоторыя изъ распоряженій и мѣръ Совѣта, имѣющихъ цѣлью установить надзоръ за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, все же Совѣту необходимо имѣть постояно въ виду, что на прямой и непосредственной за помощниками надзоръ законъ не даетъ ему точно выраженныхъ уполномочій, которыя предоставлены Совѣту въ отношеніи къ присяжнымъ повѣреннымъ и которыя не могутъ не быть, по крайней своей важности и капитальному значенію, иначе выражены въ законѣ, какъ положительно и категорически. Посему, хотя Палата и соглашается вполнѣ съ мыслями Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ о томъ, что надзоръ его за помощниками безспорно благодѣтеленъ и необходимъ, тѣмъ не менѣе Палата полагаетъ, что надзоръ этотъ можетъ и долженъ осуществляться чрезъ посредство и вліяніе самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ помощники состоятъ и подъ руководствомъ которыхъ они занимаются; общія же мѣры Совѣта, касающіяся правъ и обязанностей

извѣстныхъ лицъ по званію помощниковъ повѣренныхъ, могутъ быть для нихъ обязательны лишь настолько, насколько они чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ состоятъ, изъявятъ желаніе добровольно подчиняться такимъ мѣрамъ. Признавая по этимъ соображеніямъ жалобу NN на постановленіе Совѣта отъ 21 Октября 1870 г. объ исключеніи его изъ числа помощниковъ заслуживающею уваженія, Судебная Палата опредѣлила вышеозначенное постановленіе отмѣнить.

Вслѣдствіе этого опредѣленія Палаты Совѣтъ пригласилъ присяжнаго повѣреннаго, при которомъ NN состоялъ помощникомъ, наблюдать, чтобы NN не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей и подчинялся распоряженіямъ Совѣта. Присяжный повѣренный заявилъ Совѣту, что NN по прежнему не желаетъ подчиняться контролю Совѣта и давать Совѣту объясненія, хотя бы и черезъ посредство присяжнаго повѣреннаго, при которомъ онъ состоитъ. Имѣя въ виду: 1) что если признать за помощникомъ право не подчиняться контролю Совѣта, то придется терпѣть въ средѣ помощниковъ людей недобросовѣстныхъ, вводить въ заблужденіе тяжущихся, которыя къ нимъ обращаются только потому, что они носятъ это званіе, и нарушать такимъ образомъ довѣріе общества ко всему сословію присяжныхъ повѣренныхъ; 2) что NN вновь отказался подчиняться контролю Совѣта; 3) что Судебная Палата, соглашаясь вполнѣ съ мыслями Совѣта о необходимости надзора его за помощниками, признала лишь, что надзоръ этотъ можетъ и долженъ осуществляться черезъ посредство и вліяніе самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ помощники состоятъ и подъ руководствомъ которыхъ они занимаются,— Совѣтъ постановилъ: предложить присяжному повѣренному,

при которомъ NN состоитъ помощникомъ, не считать болѣе его своимъ помощникомъ (журн. 15 Сентября 1871 г.). Постановленіе Совѣта было исполнено присяжнымъ повѣреннымъ, при которомъ NN состоялъ помощникомъ. NN, желая безъ сомнѣнія обжаловать и это постановленіе, просилъ Совѣтъ выдать ему съ него копію, но Совѣтъ отказалъ въ этой просьбѣ, на томъ основаніи, что постановленіе Совѣта уже объявлено тому присяжному повѣренному, котораго оно касается (журн. 20 Октября 1871 г.). Задѣмъ другой присяжный повѣренный изъявилъ желаніе принять NN въ число своихъ помощниковъ; но Совѣтъ, убѣдившись въ томъ, что NN не измѣнилъ своего взгляда на отношенія помощниковъ къ Совѣту, не счелъ возможнымъ исполнить этого желанія (журн. 24 Ноября 1871 г.), и NN остался удаленнымъ изъ среды помощниковъ.

Настоящее устройство сословія помощниковъ.

15. Основываясь на вышеприведенномъ опредѣленіи Судебной Палаты 6-го марта 1871 г., Совѣтъ установилъ отношенія свои къ помощникамъ на слѣдующихъ главныхъ началахъ: 1) Помощники, при принятіи ими этого званія, даютъ подписку, что они будутъ подчиняться всѣмъ постановленіямъ и распоряженіямъ Совѣта. 2) Въ случаѣ принесенія Совѣту жалобы на помощника или полученія Совѣтомъ свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ помощника, Совѣтъ вызываетъ помощника въ свое засѣданіе, выслушиваетъ его объясненія, собираетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и постановляетъ рѣшеніе, приводимое въ исполненіе черезъ посредство присяжнаго повѣреннаго, при которомъ состоитъ помощникъ. Если помощникъ будетъ признанъ виновнымъ, но лишь въ такомъ дѣйствіи или упущеніи, которое требуетъ больше наставленія, чѣмъ наказанія, Совѣтъ поручаетъ присяжному повѣренному, при

которомъ состоитъ помощникъ, объявить ему замѣчаніе или выговоръ; въ случаяхъ болѣе важныхъ Совѣтъ предлагаетъ присяжному повѣренному удалить виновнаго, совершенно или на опредѣленный срокъ, изъ числа своихъ помощниковъ. Этотъ порядокъ не возбуждалъ до сихъ поръ ни съ чьей стороны ни противудѣйствія, ни спора; ему подчиняются какъ помощники, такъ и присяжные повѣренные, при которыхъ они состоятъ. Частныя и должностныя лица также свыкаются съ этимъ порядкомъ, все чаще и чаще передавая на судъ Совѣта то, что они считаютъ неправильнымъ или предосудительнымъ въ дѣятельности помощниковъ. Въ 1870—71 г. жалобъ и сообщеній, относящихся къ помощникамъ, на разсмотрѣніе Совѣта поступило 4, въ 1871—72 году—4, въ 1872—73 г.—9, въ первые восемь мѣсяцевъ 1873—74 г.—10.

Само собою разумѣется, что если помощникъ присяжнаго повѣреннаго подастъ просьбу о принятіи его въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и если Совѣтъ, собирая по этому поводу, на основаніи ст. 380, свѣдѣнія о его дѣятельности, откроетъ факты, препятствующіе вступленію его въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, то онъ не можетъ быть болѣе терпимъ и въ средѣ помощниковъ, единственное назначеніе котораго—приготовленіе къ званію присяжнаго повѣреннаго (журн. 24 октября 1873 г.).

Ходатайство Совѣта о легальной организаціи сословія помощниковъ.

16. Принимая зависящія отъ него мѣры къ лучшему устройству сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ не могъ не сознавать, что однѣхъ этихъ мѣръ недостаточно для достиженія желанной цѣли, что она не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, пока сословіе помощниковъ существуетъ только *фактически*, безъ организаціи легальной, приз-

нанной или созданной закономъ. Въ концѣ 1871 года. Совѣтъ, выслушавъ мнѣнія присяжныхъ повѣренныхъ и самихъ помощниковъ объ этомъ предметѣ, нашелъ, что въ основаніе организаціи сословія помощниковъ могли бы быть положены слѣдующія главныя начала (жун. 9-го ноября 1871 г.):

1) Допущеніе въ число помощниковъ, какъ это уже и теперь дѣлается на практикѣ, только лицъ совершеннолѣтнихъ, получившихъ юридическое образованіе и не подходящихъ подъ дѣйствіе пун. 2—8 ст. 355 Учр. Суд. Устан.

2) Замѣна личныхъ отношеній, существующихъ въ настоящее время если не всегда на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ по имени, между присяжнымъ повѣреннымъ и числящимися при немъ помощниками—установленіемъ между помощниками и Совѣтомъ непосредственныхъ отношеній, подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ между Совѣтомъ и присяжными повѣренными. Въ тѣсной связи съ этимъ основнымъ положеніемъ состоятъ слѣдующія: а) соблюденіе, при принятіи въ помощники, тѣхъ же мѣръ предосторожности, которыя соблюдаются при принятіи въ присяжные повѣренные, т. е. собраніе Совѣтомъ о кандидатѣ въ помощники всѣхъ свѣдѣній, какія Совѣтъ признаетъ нужными (Учр. Суд. Устан. ст. 380), б) право Совѣта подвергать помощниковъ мѣрамъ взысканія, установленнымъ ст. 368 Учр. Суд. Устан., в) порученіе каждаго помощника особому наблюденію одного изъ членовъ Совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по приглашенію Совѣта и г) установленіе Совѣтомъ такихъ, обязательныхъ для помощниковъ, правилъ, которыя обезпечивали бы практическое изученіе помощниками дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

3) Назначеніе помощниковъ, по пріобрѣтеніи ими достаточной опытности, къ защитѣ подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ и къ веденію дѣлъ тяжущихся, пользующихся правомъ бѣдности, или подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 392 Учр. Суд. Устан.

4) Предоставленіе помощникамъ, съ извѣстными ограниченіями, права ходатайствовать по дѣламъ гражданскимъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и тѣхъ мѣстностей, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ.

«Изъ числа этихъ главныхъ положеній» — сказано въ журналѣ Совѣта 9-го ноября 1871 г. — «только второе требуетъ болѣе подробнаго разъясненія. До сихъ поръ помощники состояли и могли состоять только при отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Получить это званіе можно было не иначе, какъ заручившись согласіемъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Наблюденіе за помощникомъ принадлежало de jure — исключительно, de facto — преимущественно, тому присяжному повѣренному, при которомъ помощникъ числится. Такой порядокъ вещей — единственный возможный при дѣйствіи существующаго закона — оказался на практикѣ крайне неудобнымъ и не достигающимъ своей цѣли. Съ одной стороны, онъ затрудняетъ безъ всякой пользы вступленіе въ адвокатское сословіе, заставляя молодаго человѣка, желающаго посвятить себя адвокатурѣ, пріискивать присяжнаго повѣреннаго, который согласился бы принять его къ себѣ въ помощники; онъ не обезпечиваетъ достаточно положенія ихъ, потому что отъ усмотрѣнія присяжнаго повѣреннаго, при которомъ они состоятъ, зависитъ лишить ихъ во всякое время этого званія. Съ другой стороны, надзоръ присяжнаго повѣреннаго за своими помощниками иногда

бываетъ только номинальнымъ; помощники рѣдко занимаются при присяжныхъ повѣренныхъ и въ большей части случаевъ имѣютъ свою самостоятельную практику, ведутъ дѣла внѣ всякаго наблюденія и контроля. Наконецъ, довѣріе къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, распространяющееся постепенно въ средѣ нашего общества, основано между прочимъ именно на томъ предположеніи, что помощники, какъ и присяжные повѣренные, составляютъ корпорацію, отвѣтственную передъ Совѣтомъ и передъ Судебною Палатой. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что съ жалобами на помощниковъ частныя лица обращаются обыкновенно къ Совѣту, а не къ присяжнымъ повѣреннымъ, при которыхъ помощники состоятъ. И дѣйствительно, подчиненіе одному лицу не можетъ въ данномъ случаѣ замѣнить собою подчиненія учрежденію, облеченному довѣріемъ сословія,—учрежденію, на постановленія котораго могутъ притомъ быть приносимы протесты въ Судебную Палату. Вотъ почему Совѣтъ находитъ, что подчиненіе помощниковъ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ съ большею пользою могло бы быть замѣнено установленіемъ за ними особаго надзора со стороны Совѣта, черезъ посредство его членовъ или другихъ, избранныхъ имъ присяжныхъ повѣренныхъ.

По поводу третьяго и четвертаго положеній достаточно замѣтить, что для допущенія помощниковъ къ различнымъ адвокатскимъ занятіямъ могли бы быть установлены слѣдующіе сроки: 1) для защиты, по назначенію, подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ — *шестимѣсячный*, со дня вступленія; 2) для веденія гражданскихъ дѣлъ по назначенію Совѣта — *годовой* и 3) для веденія гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ—*двух-*

годовой, если притомъ Совѣтъ найдетъ возможнымъ выдать помощнику уполномочивающее его на то свидѣтельство. По передовѣрію присяжнаго повѣреннаго помощники могли бы быть допускаемы къ веденію гражданскихъ дѣлъ и раньше этого срока».

О всемъ вышеизложенномъ Совѣтъ представилъ на разсмотрѣніе С.-Петербургской Судебной Палаты, которая, съ своей стороны, передала представленіе Совѣта на усмотрѣніе Министерства Юстиціи. О дальнѣйшей его судьбѣ намъ ничего неизвѣстно. Когда въ 1873 г. до свѣдѣнія Совѣта дошло, что въ составленномъ Министерствомъ Юстиціи проэктѣ закона о частныхъ ходатаяхъ ничего не упомянуто о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, и слѣдовательно они поставлены на одинъ рядъ съ частными ходатаями, Совѣтъ поспѣшилъ обратить вниманіе Г. Министра Юстиціи на это обстоятельство, ходатайствуя объ оставленіи помощниковъ, наравнѣ съ присяжными повѣренными, подъ контролемъ Совѣта (журн. 9-го мая 1873 г.).

Коммиссія помощниковъ.

17. Стремясь съ своей стороны къ правильной, по возможности, организаціи своего сословія, помощники присяжныхъ повѣренныхъ образовали съ этою цѣлью въ 1872 году особую коммиссію, избираемую ежегодно изъ ихъ среды. Само-собою разумѣется, что она не имѣетъ оффиціальнаго характера и значенія; но Совѣтъ признаетъ возможнымъ выслушивать ея заявленія, какъ выраженіе желаній большинства помощниковъ, а также обращаться къ ея содѣйствію при собраніи свѣдѣній о лицахъ, желающихъ вступить въ число помощниковъ *) (см. выше).

*) Само собой разумѣется, что свѣдѣнія, сообщаемыя коммиссіей, точно такъ же не могутъ быть принимаемы Совѣтомъ безъ повѣрки, какъ и всякія другія.

Когда въ концѣ 1872 г. помощники выработали проектъ юридической консультаціи при столичномъ мировомъ съѣздѣ, они обратились въ Совѣтъ, черезъ посредство коммиссіи, съ просьбою способствовать осуществленію этого предпріятія. Совѣтъ исполнилъ эту просьбу, объяснивъ, въ отношеніи на имя предсѣдателя съѣзда, что помощники присяжныхъ повѣренныхъ, при тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено со стороны Совѣта какъ принятіе въ эту среду, такъ и контроль надъ нею, могутъ быть, по мнѣнію Совѣта, безъ всякой опасности и съ пользой для дѣла допущены къ образованію консультаціи при мировомъ съѣздѣ. Для бо́льшаго обезпеченія тяжущихся относительно знанія консультантовъ, Совѣтъ предлагалъ съѣзду признавать участниками консультаціи только помощниковъ, пробывшихъ въ этомъ званіи не менѣе года *) (журн. 20-го декабря 1872 г.).

Въ концѣ 1873 г. коммиссія помощниковъ обратилась въ Совѣтъ съ просьбой допускать двухъ изъ ея членовъ къ присутствованію въ Совѣтѣ, съ совѣщательнымъ голосомъ, при разборѣ дѣлъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ помощниковъ. Совѣтъ отклонилъ эту просьбу, какъ потому, что составъ Совѣта опредѣленъ закономъ и что засѣданія его закрыты даже для присяжныхъ повѣренныхъ, къ нему не принадлежащихъ, такъ и потому, что участіе депутатовъ отъ помощниковъ въ разсмотрѣніи дѣлъ о помощникахъ вовсе не представляется необходимымъ (журн. 26-го января 1874 г.). Если Совѣтъ встрѣчаетъ надобность въ свѣдѣніяхъ о личности и дѣятельности помощника, о ко-

---

*) Проектъ консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при столичномъ мировомъ съѣздѣ съѣздомъ, сколько намъ извѣстно, утвержденъ не былъ.

торомъ возникло дѣло, онъ всегда можетъ получить эти свѣдѣнія отъ присяжнаго повѣреннаго, при которомъ онъ состоитъ помощникомъ, или отъ коммиссіи помощниковъ, а для оцѣнки дѣйствій или упущеній, въ которыхъ обвиняется помощникъ, Совѣтъ въ посторонней помощи конечно не нуждается.

Съ мая 1866 г. по 1-е января 1874 г. въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ вступило всего 254 лица. Изъ нихъ принято въ присяжные повѣренные 21, выбыло изъ сословія помощниковъ 43, такъ что къ 1-му января 1874 г. всѣхъ помощниковъ на лице было 190.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Избраніе Совѣта, его составъ и дѣлопроизводство.

Образованіе Совѣта и число его членовъ.

18. На основаніи ст. 357-й Учр. Суд. Устан., присяжные повѣренные округа Судебной Палаты, если ихъ не менѣе двадцати, имѣютъ право просить Палату о разрѣшеніи имъ избрать Совѣтъ. Въ округѣ С.-Петербургской Судебной Палаты числилось, при его открытіи, двадцать семь присяжныхъ повѣренныхъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи особымъ комитетомъ (см. выше, § 8). Въ самый день введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, въ С.-Петербургѣ, 17 Апрѣля 1866 г., наличные присяжные повѣренные, въ числѣ болѣе двадцати, воспользовались правомъ, предоставленнымъ имъ ст. 357-ю. Выборы въ Совѣтъ происходили 2 Мая 1866 г., подъ предсѣдательствомъ члена Палаты А. Н. Маркевича. Съ тѣхъ поръ Совѣтъ обновлялся ежегодно, въ концѣ Апрѣля мѣсяца, согласно съ ст. 364-ю Учр. Суд. Устан. Въ настоящее время истекаетъ восьмой годовой періодъ дѣятельности Совѣта.

Совѣтъ, на основаніи ст. 356-й Учр. Суд. Устан., состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, который, въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя, занимаетъ его мѣсто, и членовъ. Число членовъ Совѣта, считая предсѣдателя и товарища предсѣдателя, должно быть, за силою ст. 361-й, соразмѣрно числу подвѣдомыхъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, не менѣе пяти и не болѣе пятнадцати, по усмотрѣнію и предварительному, передъ выборами членовъ Совѣта, назначенію общаго собранія. Въ 1866 г. рѣшено было избрать всего семь членовъ Совѣта; въ 1867 г., когда число присяжныхъ повѣренныхъ дошло до 59, т. е. возросло слишкомъ вдвое, число членовъ Совѣта было увеличено, по постановленію общаго собранія, съ семи на девять. Съ тѣхъ поръ число это остается неизмѣннымъ, хотя число присяжныхъ повѣренныхъ еще разъ удвоилось; Совѣтъ каждый разъ заявлялъ общему собранію, что девяти членовъ, по его мнѣнію, вполнѣ достаточно для исправленія обязанностей, лежащихъ на Совѣтѣ, — и общее собраніе соглашалось съ этимъ мнѣніемъ. Главныя функціи Совѣта— чисто судебнаго свойства, а коллегія, облеченная судебною властью, не должна быть слишкомъ многочисленна. Правда, занятія Совѣта постоянно усложняются и возрастаютъ; но они не требуютъ еще такого напряженнаго труда, который былъ бы не по силамъ настоящаго состава Совѣта. Съ другой стороны, случаи неприбытія въ засѣданіе того числа членовъ, которое необходимо для его дѣйствительности (ст. 375 Учр. Суд. Устан.), встрѣчаются весьма рѣдко, преимущественно лѣтомъ, когда многіе присяжные повѣренные уѣзжаютъ изъ Петербурга. Увеличеніе числа членовъ Совѣта не предупредило бы повторенія такихъ случаевъ, остающихся, притомъ, безъ замѣтнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ

Совѣтѣ, такъ какъ лѣтомъ всегда уменьшается и число жалобъ, поступающихъ въ Совѣтъ. Производство дѣлъ въ Совѣтѣ отличается, вообще говоря, большою быстротою; они назначаются къ слушанію почти всегда въ ближайшее послѣ ихъ вступленія засѣданіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда разсмотрѣнію дѣла должно предшествовать истеченіе извѣстнаго срока (напримѣръ при принятіи кого-либо въ присяжные повѣренные) или собраніе свѣдѣній. Въ окончательной формѣ опредѣленія Совѣта изготовляются обыкновенно въ двухнедѣльный срокъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, увеличеніе числа членовъ Совѣта не представляется, пока, необходимымъ.

Порядокъ производства выборовъ.

19. Выборы въ Совѣтъ, на основаніи ст. 359, производятся отдѣльно на каждую должность, т. е. сначала на должность предсѣдателя, потомъ на должность товарища предсѣдателя, наконецъ на должность членовъ Совѣта. Избраніе, за силою ст. 360-й, совершается по простому большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ, полученныхъ нѣсколькими кандидатами на одну и ту же должность, избраннымъ считается тотъ, кто прежде записанъ въ списокъ присяжныхъ повѣренныхъ *). Выборы производятся закрытою баллотировкою, посредствомъ записокъ. Какъ поступать, если при первой баллотировкѣ голоса раздробятся между нѣсколькими кандидатами и никто не получитъ абсолютнаго большинства голосовъ? Законъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. На практикѣ до сихъ поръ соблюдался слѣдующій порядокъ: если послѣ перваго голосованія предстояло избрать одно лицо, то вторая баллоти-

*) Такой случай былъ до сихъ поръ только одинъ разъ, на выборахъ 1872-го года.

ровка—равно какъ и послѣдующія — производилась только между тѣми двумя присяжными повѣренными, которые при первой получили наибо́льшее число голосовъ; если предстояло избрать двухъ лицъ, баллотировка производилась между четырьмя, соединяющими тоже условіе; если трехъ—между шестью-и т. д., такъ чтобы число баллотируемыхъ лицъ всегда превышало вдвое число лицъ, подлежащихъ избранію. Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ не имѣлъ никакой обязательной силы и что каждый избиратель сохранялъ право подать голосъ, при второй баллотировкѣ, за своего кандидата, сколько бы голосовъ этотъ кандидатъ при первой баллотировкѣ ни получилъ; но огромное большинство присяжныхъ повѣренныхъ добровольно придерживалось системы, однажды принятой, во избѣжаніе безконечнаго числа перебаллотировокъ. Въ 1873 г. нѣкоторыми присяжными повѣренными былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли измѣнить порядокъ выборовъ въ Совѣтѣ, установивъ предложеніе кандидатовъ записками и затѣмъ баллотировку каждаго изъ нихъ шарами. Совѣтъ нашелъ, что такая перемѣна, усложнивъ безъ всякой надобности способъ производства выборовъ, затруднила бы — какъ это показываютъ, напримѣръ, выборы въ С.-Петербургскую городскую Управу—соглашеніе между избирателями и могла бы даже повести къ выборамъ, невѣрно выражающимъ собою мнѣніе большинства; но вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ призналъ, что принятая до сихъ поръ система перебаллотировки представляетъ одно серьезное неудобство. Весьма легко можетъ случится, что лице, стоящее въ спискѣ неизбранныхъ при первой баллотировкѣ третьимъ или четвертымъ, имѣетъ въ глазахъ большинства избирателей болѣе правъ на званіе члена Совѣта, чѣмъ лица, стоящія въ спискѣ первымъ и

вторымъ; между тѣмъ (если предстоитъ избрать только одно лице), оно до сихъ поръ устранялось отъ перебаллотировки. Бывали случаи, что первый въ спискѣ (послѣ избранныхъ сразу) имѣлъ 12 голосовъ, второй—11, третій—10 или 9; понятно, что при перебаллотировкѣ третій могъ быть избранъ столь же легко, какъ и первый или второй—а перебаллотировка все-таки происходила только между этими послѣдними. Для устраненія этого неудобства Совѣтъ постановилъ предложить присяжнымъ повѣреннымъ производить на будущее время вторую баллотировку между всѣми лицами, получившими при первой баллотировкѣ болѣе одной шестой части всѣхъ поданныхъ голосовъ — т. е. между всѣми кандидатами, имѣющими сколько-нибудь серьезный шансъ на избраніе,—съ тѣмъ, чтобы число кандидатовъ во всякомъ случаѣ было по крайней мѣрѣ вдвое больше числа лицъ подлежащихъ избранію; третью же и послѣдующія баллотировки производить по прежней системѣ, потому что иначе слишкомъ трудно было бы придти къ окончательному результату. Это предложеніе Совѣта принято общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 26 Января 1874 г.).

Возобновленіе Совѣта. Годовое общее собраніе.

20. На основаніи ст. 364-й Учр. Суд. Устан., Совѣтъ возобновляется ежегодно, для чего предсѣдатель Совѣта созываетъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ *). Въ Октябрѣ 1872 г. одинъ

*) Хотя законъ (ст. 365 Учр. Суд. Устан.) обязываетъ предсѣдателя Совѣта приглашать присяжныхъ повѣренныхъ въ общее собраніе *повѣстками* лишь тогда, когда первое общее собраніе не состоялось, но съ 1871 г. они приглашаются въ общее собраніе, для выборовъ въ Совѣтъ созываемое, и повѣстками, и публикаціей въ газетахъ.

изъ членовъ Совѣта выбылъ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Въ законѣ нѣтъ прямаго указанія на то, можетъ ли и должно ли быть въ подобномъ случаѣ созываемо общее собраніе, для замѣщенія открывшейся вакансіи. Совѣтъ, имѣя въ виду, что до общихъ выборовъ оставалось еще полгода, что по постановленію общаго собранія, состоявшемуся согласно съ ст. 361-й Учр. Суд. Устан., Совѣтъ долженъ состоять изъ девяти лицъ, и что наличность этого числа необходима для успѣшнаго исполненія лежащихъ на Совѣтѣ обязанностей, призналъ возможнымъ, по примѣненію къ ст. 364-й, созвать общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ, которое и выбрало одного члена Совѣта на оставшееся до общихъ выборовъ полугодіе *) (отчетъ за 1872—73 г.).

На основаніи ст. 365-й, если для возобновленія Совѣта прибудетъ въ общее сооранie менѣе половины подвѣдомственныхъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, то собраніе считается несостоявшимся и назначается новое собраніе; въ случаѣ же если и оно не состоится, Совѣтъ остается въ прежнемъ составѣ до слѣдующихъ выборовъ. При опредѣленіи числа лицъ, которое, за силою этой статьи, необходимо для дѣйствительности общаго собранія, Совѣтъ принимаетъ въ разсчетъ не общее, по спискамъ значащееся число присяжныхъ повѣренныхъ С.-Петербургскаго округа, а число присяжныхъ повѣренныхъ, находящихся въ данную

*) Московскій Совѣтъ разрѣшилъ этотъ вопросъ иначе. Когда въ 1869 г. предсѣдатель Совѣта скончался черезъ два мѣсяца послѣ выборовъ, Совѣтъ призналъ, что въ выборѣ другаго лица на его мѣсто нѣтъ необходимости, и обязанности предсѣдателя были исправляемы въ продолженіе слѣдующихъ десяти мѣсяцевъ товарищемъ предсѣдателя.

минуту на лице въ С.-Петербургѣ и исправляющихъ свои обязанности — другими словами, общее число за вычетомъ заявившихъ Совѣту о своей болѣзни или отсутствіи *). До сихъ поръ въ общее собраніе для выбора Совѣта всегда являлось достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, хотя отношеніе числа явившихся къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ колеблется весьма сильно. Въ 1866 г. изъ 27 присяжныхъ повѣренныхъ явилось къ выборамъ 24, въ 1867 г. изъ 59 — 51, въ 1868 г. изъ 83 — 59, въ 1869 г. изъ 83—44, въ 1870 г. изъ 89—57, въ 1871 г. изъ 97—58, въ 1872 г. изъ 112 — 76, въ 1873 г. изъ 110—51.

Въ общемъ собраніи, созываемомъ для избранія Совѣта, предсѣдательствуетъ, по закону (ст. 364), лице, избранное для того собравшимися присяжными повѣренными изъ среды себя. По принятому съ самаго начала порядку, лице это избирается не изъ числа членовъ Совѣта. Нѣсколько лѣтъ сряду (въ 1870, 1871 и 1872 г.) предсѣдателемъ общаго собранія былъ избираемъ старшій, по лѣтамъ, изъ наличныхъ присяжныхъ повѣренныхъ; но предложеніе одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ сдѣлать это постояннымъ правиломъ не было принято (журн. 26 Января 1874 г.). Въ большей части случаевъ предсѣдатель собранія избирался безъ баллотировки, по предложенію одного или нѣсколькихъ членовъ, поддержанному или по крайней мѣрѣ не отвергнутому остальными; но въ послѣднее время рѣшено избирать предсѣдателя собранія закрытыми записками и признавать избраннымъ того, кто получитъ большинство голосовъ, хотя бы и относительное.

---

*) Объ обязательности такихъ заявленій будетъ сказано ниже.

Передъ выборами членовъ Совѣта общему собранію читается отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта за минувшій судебный годъ (Учр. Суд. Устан. ст. 364). Въ видахъ доставленія присяжнымъ повѣреннымъ возможности заранѣе ознакомиться съ дѣятельностью Совѣта и придти, на основаніи этого знакомства, къ обдуманному заключенію относительно предстоящихъ выборовъ, съ 1872 г. принято за правило составлять отчетъ на столько заблаговременно, чтобы за мѣсяцъ до выборовъ онъ могъ быть готовъ и открытъ для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, желающихъ его разсматривать; затѣмъ составляется дополненіе къ отчету, обнимающее собою послѣдній мѣсяцъ дѣятельности Совѣта *). Совѣтъ съ самаго начала заботился о возможно бо́льшей полнотѣ своихъ отчетовъ, такъ что они даютъ самое опредѣленное понятіе и о дѣйствіяхъ Совѣта, и объ общихъ началахъ, которыми онъ руководствуется, и о цѣляхъ, къ которымъ онъ стремится. Подробныя извлеченія изъ нихъ постоянно печатались во всеобщее свѣдѣніе.

Въ ст. 50-й Положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ содержалось слѣдующее правило: «по открытіи судебныхъ установленій на основаніи уставовъ 1864 г., совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и отдѣленія ихъ образуются порядкомъ, установленнымъ въ ст, 358-й и послѣд. Учр. Суд. Устан., причемъ въ составъ совѣтовъ могутъ быть избраны только лица, удовлетворяющія условіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 354-й того же учрежденія». При избраніи Совѣта въ 1866 г. правило это было исполнено

*) О способѣ обсужденія отчета будетъ упомянуто ниже, при разборѣ отношеній Совѣта къ общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ.

въ точности; но такъ какъ оно, по буквальному своему смыслу, относится только къ первымъ выборамъ въ Совѣтъ *), то къ позднѣйшимъ выборамъ оно было признано непримѣнимымъ (отчетъ за 1866 — 67 г.), и начиная съ 1867 г. въ члены Совѣта были избираемы безразлично какъ присяжные повѣренные, принятые въ сословіе на основаніи ст. 354-й, такъ и присяжные повѣренные, принятые на основаніи временныхъ правилъ.

Законъ не установляетъ никакихъ правилъ относительно обновленія Совѣта, за исключеніемъ того, что оно совершается ежегодно. Выбывающіе члены Совѣта могутъ быть избираемы вновь, пока этого желаютъ избиратели; составъ Совѣта можетъ оставаться и вовсе безъ измѣненія. На практикѣ замѣтно стремленіе не измѣнять составъ Совѣта слишкомъ рѣшительно и быстро. Только однажды (въ 1868 г.) было выбрано заразъ пять новыхъ членовъ, т. е. измѣнено большинство Совѣта. Въ послѣдніе три года въ составъ Совѣта не вошло ни одного совершенно новаго члена; на мѣсто трехъ выбывшихъ членовъ были избраны лица, за нѣсколько времени передъ тѣмъ уже засѣдавшія въ Совѣтѣ. Одно и то же лице было шесть лѣтъ сряду предсѣдателемъ, другое — пять лѣтъ сряду товарищемъ предсѣдателя. Изъ девяти лицъ, въ настоящее время входящихъ въ составъ Совѣта, одно засѣдаетъ въ немъ съ самаго его открытія, т. е. восьмой годъ, два—седьмой, одно—шестой (за вычетомъ одного полугодія, когда оно не было членомъ Совѣта), одно—пятый, три—четвертый и одно—третій **). За всѣ

*) Въ противномъ случаѣ, вмѣсто словъ: «*могутъ быть избраны*», конечно было бы сказано: «*могутъ быть избираемы*».

**) Вотъ составъ Совѣта за первыя восемь лѣтъ современи его открытія: въ 1866—67 г. Предс. Д. В. Стасовъ, Тов. Пред:.

восемь лѣтъ, истекшихъ со времени открытія Совѣта, членами его перебывало всего 21 лице.

Способъ рѣшенія дѣлъ Совѣтомъ. Обязанности и права Предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ.

21. На основаніи ст. 375-й Учр. Суд. Устан., никакое постановленіе Совѣта не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины членовъ Совѣта. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято; но взысканія, означенныя въ пун. 3—5 ст. 368-й (временное запрещеніе ходатайства, исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ и преданіе уголовному суду) могутъ быть опредѣляемы Совѣтомъ только по большинству двухъ третей голосовъ. Когда мнѣнія членовъ Совѣта раздѣляются такимъ образомъ, что одни полагаютъ исключить виновнаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, а другіе — запретить ему на время исправленіе

В. Э. Краузольдъ, члены: К. К. Арсеньевъ, В П. Гаевскій, Г. Г. Принцъ, В. В. Самарскій-Быховецъ, А. Н. Турчаниновъ.

Въ 1867—68 г.: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. Д. В. Стасовъ, члены: В. П. Гаевскій, А. П. Остряковъ, В. В. Самарскій-Быховецъ, В. Д. Спасовичъ, А. Н. Турчаниновъ, А. М. Унковскій, К. Ѳ. Хартулари.

Въ 1868—69 г.: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. А. М. Унковскій, члены: И. Ѳ. Байдаковскій, В. С. Буймистровъ, В П. Гаевскій, А. Н. Матросовъ, В. Д. Спасовичъ, В. И. Танѣевъ, Н. М. Шишмановъ.

Въ 1869—70 г.: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. А. М. Унковскій, члены: В. С. Буймистровъ, В. П. Гаевскій, В. Н. Герардъ, А. Н. Матросовъ, Ф. Ф. Ординъ, В. Д. Спасовичъ, В. И. Танѣевъ.

Въ 1870—71 г.: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. А. М. Унковскій, члены: В. Н. Герардъ, А. Н. Матросовъ, П. А. Потѣхинъ, Н. М. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. И. Танѣевъ, А. И. Языковъ 1-й.

обязанностей повѣреннаго, и большинства двухъ третей нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ, то Совѣтъ подвергаетъ виновнаго послѣдней изъ двухъ вышеупомянутыхъ мѣръ взысканія, такъ какъ члены, признававшіе необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе строгой, могутъ и должны, за невозможностью осуществленія ея, считаться согласными и съ мѣрой менѣе строгой (журн. 6 Октября 1868, 30 Мая 1873, 1 Февраля 1874 г.). Если простое большинство членовъ Совѣта полагаетъ запретить виновному на время исправленіе обязанностей повѣреннаго, а меньшинство находитъ возможнымъ ограничиться выговоромъ, то Совѣтъ, на томъ же основаніи, дѣлаетъ виновному выговоръ (журн. 8 Мая 1869 г.).

Предсѣдатель Совѣта не облеченъ, по закону, никакою особою властью, кромѣ той, которая принадлежитъ каждому предсѣдательствующему въ коллегіальномъ учрежденіи по предмету опредѣленія очереди занятій, управленія преніями, постановки вопросовъ и т. п.; сверхъ того, какъ уже сказано выше, голосъ его, при равенствѣ голосовъ, даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято. Представительство Совѣта въ сношеніяхъ его съ правительственными

Въ 1871—72 г.: тотъ же составъ безъ всякихъ измѣненій.

Въ 1872—73 г. до Ноября мѣсяца: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. А. М. Унковскій, члены: В. Н. Герардъ, П. А. Потѣхинъ, Н. М. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. И. Танѣевъ, А. Н. Турчаниновъ, А. И. Языковъ 1-й. Въ Ноябрѣ выбывшій В. И. Танѣевъ замѣненъ А. Н. Матросовымъ.

Въ 1873—74 г: Предс. В. Д. Спасовичъ, Тов. Предс. К. К. Арсеньевъ, члены: В. С. Буймистровъ, В. Н. Герардъ, А. Н. Матросовъ, П. А. Потѣхинъ, Н. М. Соколовскій, А. Н. Турчаниновъ и А. М. Унковскій.

учрежденіями и должностными лицами принадлежитъ предсѣдателю Совѣта; но Совѣтъ конечно не лишенъ права возлагать, въ томъ или другомъ случаѣ, это представительство и на одного изъ своихъ членовъ, или на предсѣдателя вмѣстѣ съ однимъ или нѣсколькими членами Совѣта. Такъ напримѣръ, въ 1870 г. личныя объясненія по вопросу о комплектѣ были представлены Г. Министру Юстиціи предсѣдателемъ и двумя членами Совѣта. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни какъ предсѣдателя, такъ и его товарища, предсѣдательство въ Совѣтѣ принимаетъ на себя или одинъ изъ его членовъ по избранію другихъ (журн. 18 Мая 1867 г.), или старшій изъ членовъ по времени вступленія въ Совѣтъ (журн. 19 и 26 Января 1872 г.), или тотъ изъ членовъ, который получилъ при избраніи наибольшее число голосовъ (журн. 5 Іюля 1872 г.); но во всѣхъ этихъ случаяхъ голосъ предсѣдательствующаго не даетъ перевѣса тому мнѣнію, которое имъ принято, потому что это право принадлежитъ только предсѣдателю или замѣняющему его по закону (Учр. Суд. Устан. ст. 357) товарищу предсѣдателя. Если при предсѣдательствѣ одного изъ членовъ Совѣта голоса раздѣлятся поровну, разрѣшеніе спорнаго вопроса должно быть, по нашему мнѣнію, отложено до другаго засѣданія.

Дѣлопроизводство Совѣта.

22. Дѣлопроизводство въ Совѣтѣ отличается большою простотою и возможнымъ отсутствіемъ формальностей, Наравнѣ съ письменными жалобами принимаются и словесныя, содержаніе которыхъ записывается однимъ изъ членовъ Совѣта, или, подъ его наблюденіемъ, дѣлопроизводителемъ Совѣта *).

---

*) Если при принесеніи словесной жалобы не указано мотивовъ и не представлено основаній обвиненія, то дѣло остав-

Письменная жалоба должна быть на русскомъ языкѣ; жалобъ, написанныхъ на другомъ языкѣ, Совѣтъ къ разсмотрѣнію своему не принимаетъ (журн. 6 Іюля 1873 г). Мы думаемъ, что изъ этого правила было бы сдѣлано исключеніе для жалобы, присланной иностранцемъ изъ-за границы. Присяжный повѣренный или помощникъ, противъ котораго подана жалоба или сдѣлано сообщеніе, вызывается въ засѣданіе Совѣта и даетъ личныя объясненія въ присутствіи жалующагося; объясненія эти, равно какъ и возраженія жалующагося, записываются однимъ изъ членовъ Совѣта, прочитываются сторонамъ и ими подписываются *). Въ дѣлахъ особенно сложныхъ отъ обвиняемаго требуется письменное объясненіе. По ссылкѣ сторонъ вызываются и спрашиваются свидѣтели, показанія которыхъ записываются тѣмъ же порядкомъ, какъ и объясненія сторонъ. Хотя явка въ Совѣтъ для постороннихъ лицъ конечно не обязательна, однако вызываемые Совѣтомъ свидѣтели до сихъ поръ постоянно являлись въ Совѣтъ, если не было къ тому уважительныхъ препятствій. Спросъ свидѣтелей можетъ быть, въ случаѣ необходимости, возложенъ Совѣтомъ на одного изъ своихъ членовъ (журн. 1 Марта 1872, 1 февраля 1874 года). Такъ какъ дѣятельность Совѣта всего ближе подхо-

---

ляется безъ движенія впредь до новой явки жалующагося и дополненія или разъясненія имъ своей жалобы (журн. 6 Сентября 1872 г.).

*) Прежде объясненія присяжныхъ повѣренныхъ не записывались въ протоколъ, а излагались только въ исторической части постановленія Совѣта; настоящій порядокъ заведенъ Совѣтомъ послѣ того, какъ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ (теперь уже не принадлежащій къ сословію) въ жалобѣ своей на постановленія Совѣта отрекся отъ словъ, сказанныхъ имъ въ засѣданіи Совѣта.

дитъ къ дѣятельности суда уголовнаго или дисциплинарнаго, и такъ какъ свидѣтели спрашиваются имъ безъ присяги, то къ допросу въ качествѣ свидѣтелей могутъ быть допускаемы, не смотря на отводъ одной изъ сторонъ, всѣ тѣ, которые уставомъ уголовнаго судопроизводства не устранены *безусловно* отъ свидѣтельства (см. журн. 6 Декабря 1873 г.). Спросъ свидѣтелей, выставленныхъ сторонами, для Совѣта необязателенъ; если Совѣтъ признаетъ, что обстоятельство, о которомъ можетъ быть спрошенъ свидѣтель, уже достаточно доказано или не имѣетъ никакого существеннаго значенія, то онъ приступаетъ къ разрѣшенію дѣла безъ выслушанія свидѣтеля (журн. 24 Декабря 1869 года). Въ случаѣ неявки присяжнаго повѣреннаго или помощника въ засѣданіе Совѣта и не представленія имъ письменнаго объясненія или просьбы объ отсрочкѣ, онъ вызывается вторично, съ предвареніемъ, что дѣло можетъ быть рѣшено и безъ его объясненій, на основаніи имѣющихся у Совѣта свѣдѣній и извѣстныхъ ему обстоятельствъ (Учр. Суд. Устан. ст. 372 и 373). Представленіе письменнаго объясненія не лишаетъ Совѣтъ права требовать, если онъ признаетъ это необходимымъ, личной явки обвиняемаго (журн. 31 Января 1870 г.). Совѣтъ разрѣшаетъ дѣла по совѣсти и внутреннему убѣжденію; личная явка обвиняемаго имѣетъ для него, поэтому, такое же значеніе, какъ и для суда уголовнаго, гдѣ она, за исключеніемъ дѣлъ маловажныхъ, требуется безусловно. Жалобы могутъ быть подаваемы и словесныя объясненія представляемы какъ самыми обвинителями, такъ и ихъ повѣренными; но если Совѣтъ признаетъ, что для полнаго разъясненія дѣла, производимаго по довѣренности, необходима личная явка обвинителя, то онъ пріостанавливаетъ разсмотрѣніе дѣла впредь до этой явки (журн.

3 Ноября 1871 г.). Дѣла наиболѣе сложныя изучаются предварительно однимъ изъ членовъ, который и докладываетъ ихъ Совѣту. Резолюція Совѣта объявляется предсѣдательствующимъ — иногда съ изложеніемъ мотивовъ, иногда безъ него, — или въ томъ же засѣданіи, въ которомъ слушалось дѣло, или въ одномъ изъ слѣдующихъ. Опредѣленія Совѣта въ окончательной формѣ всегда заключаютъ въ себѣ подробное изложеніе какъ обстоятельствъ дѣла, такъ и соображеній, на которыхъ Совѣтъ основалъ свое рѣшеніе. Они пишутся однимъ изъ членовъ Совѣта (не исключая предсѣдателя и товарища предсѣдателя), по очереди, установляемой взаимнымъ соглашеніемъ членовъ *), и вносятся въ журналъ, подписываемый всѣми членами Совѣта **). Опредѣленія Совѣта объявляются сторонамъ выдачей или посылкой копіи съ опредѣленія, или роспискою на журналѣ Совѣта. Срокъ для обжалованія опредѣленія считается со дня его объявленія. О каждомъ присяжномъ повѣренномъ и о каждомъ помощникѣ заведено особое дѣло, въ составъ котораго включаются и всѣ жалобы или сообщенія, до него относящіяся, такъ что Совѣтъ легко можетъ собрать свѣдѣнія о прежней судимости каждаго обвиняемаго. Канцелярскою частью дѣлопроизводства Совѣта завѣдуетъ лице, занимающееся по найму.

---

*) Отчеты Совѣта составляются обыкновенно предсѣдателемъ.

**) Независимо отъ этого всякая вступающая въ Совѣтъ бумага записывается, съ 1870 г., въ особый реестръ, въ одной изъ графъ котораго предсѣдательствующій дѣлаетъ отмѣтку о дальнѣйшемъ ея направленіи. Дѣла маловажныя (напр. заявленія присяжныхъ повѣренныхъ объ отъѣздѣ изъ Петербурга, о возвращеніи въ Петербургъ, о болѣзни и т. п.) разрѣшаются окончательно такими отмѣтками, безъ внесенія въ журналъ.

Правительствующій Сенатъ призналъ, что члены Совѣта, какъ суда дисциплинарнаго, могутъ быть отводимы обвиняемымъ *), при разсмотрѣніи дисциплинарнаго производства, по основаніямъ, исчисленнымъ въ ст. 600-й Уст. Угол. Судопр. Къ числу такихъ основаній не можетъ быть отнесена бытность члена Совѣта повѣреннымъ одной изъ сторонъ по тому дѣлу, изъ котораго возникло дисциплинарное производство (сборн. рѣш. Угол. Касс. Д-та Прав. Сената 1868 г. № 201). Въ С. Петербургскомъ Совѣтѣ не было до сихъ поръ случая формальнаго отвода одного изъ членовъ Совѣта, но бывали случаи, въ которыхъ члены Совѣта добровольно устраняли себя отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла — если напримѣръ, оно касалось лица, вмѣстѣ съ которымъ они постоянно вели дѣла (журн. 16 Октября 1869 г.) или лица, противъ котораго они вели процессъ, подавшій поводъ къ дисциплинарному производству. Само собою разумѣется, что членъ Совѣта, являющійся по дѣлу обвиняемымъ или обвинителемъ, не можетъ участвовать въ разрѣшеніи этого дѣла.

Печатаніе рѣшеній Совѣта.

23. Въ 1868 г. въ Совѣтѣ возникъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли, и если слѣдуетъ, то въ какой степени придавать гласность постановленіямъ Совѣта, которыми налагаются на присяжныхъ повѣренныхъ мѣры взысканія, или оставляются безъ послѣдствій жалобы, на присяжныхъ повѣренныхъ принесенныхъ. «До сихъ поръ»—сказано въ журналѣ Совѣта 16-го октября 1868 г. — «всѣ постановленія этого рода были излагаемы въ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ Совѣтомъ общему собранію присяжныхъ

*) Мы полагаемъ, что по примѣненію къ ст. 599 Уст. Угол. Судопр. право отвода членовъ Совѣта принадлежитъ не только обвиняемому, но и жалующемуся.

повѣренныхъ за силою ст. 364 Учр. Суд. Устан. и публикуемыхъ въ Судебномъ Вѣстникѣ, но безъ означенія именъ присяжныхъ повѣренныхъ, дѣйствія которыхъ подвергались разсмотрѣнію Совѣта. Для сословія присяжныхъ повѣренныхъ и для публики существуетъ, такимъ образомъ, полная возможность ознакомиться съ общими началами, руководящими дѣятельностью Совѣта, повѣрять правильность его приговоровъ, обсуждать ихъ мотивы, выставлять на видъ ихъ излишнюю снисходительность или строгость. Для того, чтобы рѣшить, можно-ли идти еще дальше и оглашать не только содержаніе постановленій, но и имена присяжныхъ повѣренныхъ, въ пользу или противъ которыхъ они состоялись, необходимо обратить вниманіе на свойство различныхъ мѣръ взысканія, которыя могутъ быть принимаемы Совѣтомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ, какъ выражено въ комментаріяхъ къ судебнымъ уставамъ, характеръ преимущественно наставительный, другія—характеръ преимущественно карательный, Противъ нѣкоторыхъ мѣръ взысканія присяжные повѣренные не могутъ, противъ другихъ—могутъ жаловаться Судебной Палатѣ (ст. 376 Учр. Судебн. Устан.). Къ первому разряду принадлежатъ предостереженіе и выговоръ, ко второму — временное запрещеніе отправлять обязанности повѣреннаго и совершенное исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Къ мѣрамъ перваго рода Совѣтъ прибѣгаетъ тогда, когда проступокъ присяжнаго повѣреннаго можетъ быть объясненъ неосмотрительностью, безпечностью, неправильнымъ или неяснымъ пониманіемъ своихъ обязанностей, легкомысленнымъ отношеніемъ къ интересамъ общества, тяжущихся или подсудимыхъ,—другими словами, когда въ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго нѣтъ недобросовѣстности, намѣреннаго правонарушенія, когда они не колеблютъ

довѣрія къ его нравственнымъ качествамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ достаточнаго основанія оглашать имя присяжнаго повѣреннаго, подвергшагося взысканію, какъ потому, что онъ не потерялъ право на довѣріе общества, такъ и потому, что оглашеніе взысканія было бы наказаніемъ несоразмѣрнымъ съ виною. Оно повредило бы всей будущности присяжнаго повѣреннаго, между тѣмъ какъ именно предостереженіе, данное Совѣтомъ, можетъ предотвратить на будущее время всякое дальнѣйшее упущеніе со стороны присяжнаго повѣреннаго. Несправедливо было бы печатать постановленія о предостереженіяхъ и выговорахъ также и потому, что постановленія эти не могутъ быть обжалованы присяжными повѣренными. Печатаніе ихъ можетъ быть допущено только въ такомъ случаѣ, если того пожелаетъ самъ присяжный повѣренный, получившій предостереженіе или выговоръ *). Съ другой стороны, нельзя не признать, что для самихъ присяжныхъ повѣренныхъ не должно оставаться тайной ни одно дѣйствіе Совѣта, служащаго представителемъ ихъ. Сообщеніе присяжнымъ повѣреннымъ именъ лицъ, получившихъ предостереженіе или выговоръ со стороны Совѣта, не сопряжено для послѣднихъ съ тѣми невыгодными послѣдствіями, о которыхъ было упомянуто выше, и потому должно быть принято за правило на будущее время. Для сообщеній этого рода всего удобнѣе не годовое общее собраніе, въ которомъ все вниманіе сосредоточено на выборѣ

*) Дисциплинарныя дѣла о лицахъ судебнаго вѣдомства, соотвѣтствующія, по значевію своему, тѣмъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ, по которымъ они подвергаются предостереженіямъ или выговорамъ со стороны Совѣта, производятся публично также лишь по желанію обвиняемаго. (Учр. Суд. Устан. ст. 281).

членовъ Совѣта, а обыкновенныя общія собранія, созываемыя Совѣтомъ отъ времени до времени для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Что касается до оправдательныхъ приговоровъ Совѣта, то печатать ихъ съ именами присяжныхъ повѣренныхъ было бы неудобно въ томъ отношеніи, что могло бы возбудить предубѣжденіе противъ присяжныхъ повѣренныхъ, на которыхъ было принесено наибольшее число жалобъ, хотя-бы и совершенно неосновательныхъ. И здѣсь, поэтому, печатаніе постановленій можетъ быть допускаемо не иначе, какъ по желанію присяжныхъ повѣренныхъ, о которыхъ они состоялись. Для общества, какъ и для тяжущихся, достаточной гарантіей въ правильности дѣйствій Совѣта служитъ не только опубликованіе въ годовомъ отчетѣ мотивовъ, на которыхъ основаны постановленія Совѣта по жалобамъ на присяжныхъ повѣренныхъ, но и право частныхъ лицъ обжаловать *), Прокурора Судебной Палаты—опротестовать эти постановленія, если они находятъ, что оправданъ виновный или принята мѣра взысканія слишкомъ снисходительная.

Переходя за симъ къ постановленіямъ втораго рода, которыми запрещается присяжному повѣренному на время ходатайство подѣламъ, или же онъ исключается совершенно изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ находитъ, что постановленія эти, по вступленіи ихъ въ окончательную законную силу (т. е. въ случаѣ необжалованія ихъ въ двухнедѣльный срокъ или утвержденія ихъ Судебною Палатою), непремѣнно должны быть публикуемы во всеобщее свѣдѣніе. Скрывать отъ общества имена присяжныхъ повѣрен-

*) Это право, какъ будетъ объяснено ниже, въ настоящее время не признается Судебною Палатой.

ныхъ, подвергшихся взысканіямъ за поступки не вполнѣ добросовѣстные, Совѣтъ не имѣетъ никакого права. Тяжущіеся должны знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, они должны знать, кто изъ присяжныхъ повѣренныхъ нарушилъ, сознательно и намѣренно, довѣріе ему оказанное, и въ чемъ заключалось это нарушеніе. Интересы присяжнаго повѣреннаго, навлекшаго на себя одну изъ вышеозначенныхъ мѣръ взысканія, безспорно пострадаютъ отъ опубликованія ея; но оставленіе ея въ безгласности можетъ причинить вредъ гораздо болѣе серьезный и общій, и притомъ вредъ незаслуженный тѣми, которые ему подвергнутся. Само собою разумѣется, что если постановленіе Совѣта о временномъ запрещеніи ходатайства или совершенномъ исключеніи изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ будетъ отмѣнено Судебною Палатой, то оно можетъ быть напечатано лишь въ годовомъ отчетѣ, безъ означенія имени лица, противъ котораго оно состоялось.

По всѣмъ этимъ основаніямъ Совѣтъ постановилъ принять къ руководству на будущее время слѣдующія правила: 1) постановленія Совѣта, которыми оставляются безъ послѣдствій жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ или дѣлаются присяжнымъ повѣреннымъ предостереженія или выговоры, читать въ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, и излагать, безъ означенія именъ, въ годовыхъ отчетахъ, но печатать съ означеніемъ именъ не иначе, какъ по желанію присяжнаго повѣреннаго, о которомъ постановленіе состоялось; 2) постановленія Совѣта, которыми налагается на присяжнаго повѣреннаго одна изъ строгихъ мѣръ взысканія, предусмотрѣнныхъ въ пун. 3 и 4 ст. 368 Учр. Суд. Устан., печатать, съ означеніемъ именъ, немедленно по вступленіи ихъ въ окончательную силу и 3) если по-

добныя постановленія будутъ отмѣнены Судебной Палатой, излагать лишь содержаніе ихъ, безъ означенія именъ, въ годовомъ отчетѣ Совѣта».

Согласно съ этимъ постановленіемъ, четыре опредѣленія Совѣта объ исключеніи изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ были напечатаны во всеобщее свѣдѣніе. Изъ числа другихъ опредѣленій Совѣта, подлежащихъ печатанію по просьбамъ тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, о которыхъ они состоялись, напечатано до сихъ поръ было только одно (журн. 24-го марта 1871 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отношенія Совѣта къ Судебной Палатѣ, Прокурору Палаты и общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ.

Жалобы на постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго.

24. За силою ст. 376 Учр. Суд. Устан., на всѣ постановленія Совѣта, кромѣ подвергающихъ присяжнаго повѣреннаго предостереженію или выговору, могутъ быть приносимы жалобы Судебной Палатѣ, въ двухнедѣльный со времени объявленія сихъ постановленій срокъ.

Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С.-Петербургѣ, въ нашей періодической литературѣ возникъ вопросъ, подлежатъ-ли обжалованію постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго на основаніи ст. 380 Учр. Суд. Устан.? Въ пользу отрицательнаго разрѣшенія этого вопроса были приводимы въ особенности слѣдующія соображенія составителей судебныхъ уставовъ, изложенныя въ комментаріи къ ст. 357 Учр. Суд. Устан.: «если Совѣтъ откажетъ желающему поступить въ присяж-

ные повѣренные потому, что онъ не подходитъ подъ условія, требуемыя закономъ, то считающій этотъ отказъ несправедливымъ, долженъ имѣть право жаловаться суду на такое постановленіе; *но если Совѣтъ отказываетъ по какимъ-либо другимъ основаніямъ, то жалобы на это допустить нельзя,* потому что Совѣту должны быть ближе и вѣрнѣе извѣстны нравственныя качества человѣка, котораго онъ не хочетъ принять, и высшее мѣсто не можетъ и не должно предписывать принять въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ человѣка, нравственная отвѣтственность за котораго будетъ падать на все сословіе». Защитники противуположнаго мнѣнія утверждали, что если между текстомъ закона и его мотивами открывается противорѣчіе, то первый долженъ имѣть преимущество передъ послѣдними — а въ данномъ случаѣ текстъ ст. 376 несомнѣнно удостовѣряетъ, что обжалованію подлежатъ, между прочимъ, и тѣ постановленія Совѣта, которыми кому-либо отказано въ званіи присяжнаго повѣреннаго на основаніи неблагопріятныхъ для него свѣдѣній. Указываемо было и на то, что обжалованіе такихъ постановленій желательно въ интересахъ самого сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ гарантія противъ обвиненій его въ пристрастіи, замкнутости, въ стремленіи создать и укрѣпить за небольшимъ кружкомъ монополію веденія гражданскихъ дѣлъ. Въ средѣ судебныхъ учрежденій этотъ вопросъ не возбудилъ никакого спора; послѣднее мнѣніе безъ всякой борьбы одержало верхъ надъ первымъ. Судебная Палата, какъ мы уже видѣли, съ самаго начала стала принимать къ своему разсмотрѣнію жалобы лицъ, получившихъ отказъ отъ Совѣта на основаніи ст. 380; Совѣтъ, съ своей стороны, всегда находилъ, что постановленія его по этому предмету подлежатъ обжалованію на-

равнѣ со всѣми другими. Само собою разумѣется, что постановленія эти должны быть отмѣняемы Палатою съ крайнею осторожностью, въ случаяхъ очевидной несправедливости или неосмотрительности со стороны Совѣта. Никто болѣе Совѣта не заинтересованъ въ томъ, чтобы въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ не проникали вредные для него и для общества элементы. Пока Совѣтъ пользуется своею властью, а не употребляетъ ее во зло, не слѣдуетъ упускать изъ виду справедливаго замѣчанія составителей судебныхъ уставовъ, что высшее судебное мѣсто не должно навязывать сословію членовъ, имъ отвергаемыхъ. Такъ смотритъ на дѣло и С.-Петербургская Судебная Палата, не отмѣнившая до сихъ поръ, какъ мы уже видѣли выше, ни одного постановленія Совѣта, основаннаго на ст. 380 Учр. Суд. Устан.

Жалобы частныхъ лицъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ.

25. Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ С.-Петербургская Судебная Палата постоянно принимала къ своему разсмотрѣнію жалобы частныхъ лицъ на постановленія Совѣта, которыми оставлены были безъ послѣдствій жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ. Опредѣленіемъ общаго собранія обоихъ Департаментовъ Судебной Палаты, состоявшимся 27-го ноября 1871 г., этотъ порядокъ измѣненъ, и жалобы частныхъ лицъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ признаны не подлежащими разсмотрѣнію Судебной Палаты; Совѣту — до тѣхъ поръ принимавшему ихъ и представлявшему ихъ въ Палату на томъ же основаніи, на какомъ низшая судебная инстанція представляетъ высшей обжалованныя опредѣленія свои — вмѣнено въ обязанность на будущее время вовсе не вносить такихъ жалобъ въ Па-

лату (журн. 5-го апрѣля 1872 г.). Опредѣленіе Палаты основано на двухъ главныхъ соображеніяхъ: 1) по точному смыслу ст. 376 на постановленія Совѣта могутъ быть приносимы жалобы въ Судебную Палату только отъ лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности и 2) согласно ст. 374, взысканіе, наложенное Совѣтомъ на присяжнаго повѣреннаго или оправданіе его Совѣтомъ не лишаетъ частное лице права искать съ того присяжнаго повѣреннаго вознагражденія за убытки въ судебныхъ мѣстахъ. Намъ кажется, что съ этими соображеніями нельзя согласиться. Правда, комментарій къ ст. 376 свидѣтельствуетъ о томъ, что составители судебныхъ уставовъ понимали ст. 376 именно такъ, какъ истолковала ее въ 1872 г. Судебная Палата; но мы уже замѣтили выше, что мотивы закона не могутъ имѣть преимущества передъ его текстомъ, и что сама Судебная Палата принимаетъ къ своему разсмотрѣнію жалобы на постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, основанныя на ст. 380 Учр. Суд. Устан., хотя это и не согласно съ комментаріемъ къ ст. 357 Учрежденія. Обращаемся, поэтому, къ разбору самого текста ст. 376. Слова этой статьи: «кромѣ подвергающихъ присяжнаго повѣреннаго предостереженію или выговору» даютъ съ перваго взгляда поводъ предполагать, что постановленіе, въ ней заключающееся, относится лишь къ жалобамъ, приносимыхъ *присяжными повѣренными;* но это предположеніе опровергается какъ начальнымъ выраженіемъ статьи: «На *всѣ* постановленія Совѣта», такъ и въ особенности сопостановленіемъ второй части ст. 376 съ ст. 370. Во второй части ст. 376 сказано слѣдующее: «протесты прокуроровъ допускаются только противъ постановленій, означенныхъ выше въ ст. 370», а въ ст. 370 идетъ рѣчь о постанов-

леніяхъ Совѣта «относительно взысканія съ присяжныхъ повѣренныхъ или освобожденія отъ онаго». Отсюда ясно, что если право протеста противъ постановленій Совѣта, *въ противуположность праву обжалованія ихъ*, ограничено одними постановленіями дисциплинарнаго характера, то обжалованію подлежатъ, между прочимъ, постановленія Совѣта объ отказѣ въ званіи присяжнаго повѣреннаго; и дѣйствительно, жалобы на такія постановленія до сихъ поръ принимаются Палатой. Между тѣмъ жалобы эти, очевидно, приносятся и могутъ быть приносимы никѣмъ другимъ, какъ частными лицами, къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ не принадлежащими. Итакъ, вопреки первому соображенію Палаты, жаловаться на постановленія Совѣта могутъ не одни только лица, привлекаемыя имъ къ отвѣтственности. Второе соображеніе Палаты было бы не лишено основанія въ томъ только случаѣ, еслибы единственною цѣлью частныхъ лицъ, приносящихъ Совѣту жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ, было полученіе права взыскивать съ нихъ убытки; между тѣмъ значительное число жалобъ приносится вовсе не съ этою цѣлью, а исключительно для того, чтобы подвергнуть присяжнаго повѣреннаго дисциплинарному взысканію, имъ, по убѣжденію жалующагося, заслуженному. Притомъ, разрѣшеніе судебнымъ мѣстомъ иска объ убыткахъ, предъявленнаго къ присяжному повѣренному, не можетъ не зависѣть до извѣстной степени отъ признанія его, въ дисциплинирномъ порядкѣ, виновнымъ или невиновнымъ въ томъ дѣйствіи или упущеніи, изъ котораго выводится истцемъ право на взысканіе убытковъ. Въ комментаріи къ ст. 376 говорится еще о томъ, что преслѣдованіе присяжныхъ повѣренныхъ за уголовные проступки принадлежитъ обвинительной власти; но при этомъ упущено изъ виду, что жалобы част-

ныхъ лицъ на присяжныхъ повѣренныхъ подаются въ большинствѣ случаевъ не за преступленія или проступки въ собственномъ смыслѣ слова, а за дѣйствія или упущенія, вовсе не подлежащія карѣ уголовнаго закона. Признавая, такимъ образомъ, что законъ предоставилъ частнымъ лицамъ право жаловаться Судебной Палатѣ на постановленія Совѣта, которыми присяжные повѣренные оправданы или подвергнуты взысканію слишкомъ, по мнѣнію жалующагося, слабому, мы находимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наше толкованіе закона вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Судъ товарищей надъ товарищами, какъ бы справедливы ни были его рѣшенія, всегда можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, въ излишней снисходительности къ обвиняемому; единственная надежная гарантія противъ такихъ подозрѣній—возможность обжалованія каждаго рѣшенія суду, стоящему внѣ корпораціи и надъ нею. Совѣтъ постоянно смотрѣлъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія и не только не тяготился приносимыми на него жалобами, но, напротивъ того, дорожилъ ими, какъ лучшимъ средствомъ къ возвышенію нравственнаго авторитета его рѣшеній. «Всякая жалоба, доходящая до Совѣта»,—сказано въ отчетѣ за 1868—69 г.,—«подвергается внимательному разбору м постановленіе, въ разрѣшеніе ея состоявшееся, объявляется жалующемуся и сообщается Прокурору Судебной Палаты; первый имѣетъ право обжаловать, второй—опротестовать его Судебной Палатѣ. Этотъ порядокъ вещей—вмѣстѣ съ собственнымъ интересомъ Совѣта, заставляющимъ его охранять достоинство сословія и удалять всѣ вредные для него элементы—служитъ для общества достаточной гарантіей противъ злоупотребленій со стороны Совѣта и отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ». Въ отчетѣ за 1869—70 г.

Совѣтъ указывалъ на малочисленность жалобъ, подаваемыхъ частными лицами на его постановленія, какъ на доказательство довѣрія, которымъ онъ пользуется со стороны общества; при этомъ въ отчетѣ было замѣчено, что при объявленіи постановленій Совѣта частнымъ лицамъ Совѣтъ каждый разъ напоминалъ имъ о принадлежащемъ имъ правѣ жалобы въ Судебную Палату. И дѣйствительно, число жалобъ частныхъ лицъ на постановленія Совѣта, принесенныхъ въ то время, когда такія жалобы принимались Палатой, крайне незначительно; въ теченіе пяти лѣтъ ихъ было только четыре, и всѣ онѣ оставлены Палатой безъ послѣдствій. Сверхъ того, двѣ или три жалобы, принесенныя въ 1871—1872 г., были оставлены Палатой безъ разсмотрѣнія, за измѣнившимся ея взглядомъ на право частныхъ лицъ обжаловать дисциплинарныя постановленія Совѣта.

Жалобы присяжныхъ повѣренныхъ на постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ.

26. Право присяжныхъ повѣренныхъ приносить Палатѣ жалобы на постановленія Совѣта, которыми они присуждены къ запрещенію на время исправлять обязанности повѣреннаго или къ исключенію изъ числа присяжныхъ вѣренныхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію и спору. Изъ числа четырехъ лицъ, подвергшихся исключенію, трое воспользовались этимъ правомъ, но жалобы ихъ не были уважены Палатой. Постановленій Совѣта о временномъ запрещеніи, до 1-го февраля 1874 г., состоялось десять; изъ нихъ девять было обжаловано Палатѣ. Три постановленія были отмѣнены Палатой; въ одномъ случаѣ она признала недоказаннымъ самый проступокъ, за который присяжный повѣренный былъ осужденъ Совѣтомъ, и оправдала его совершенно; въ двухъ другихъ случаяхъ она признала наказаніе, назначенное Совѣтомъ, слишкомъ строгимъ, и замѣнила его

относительно одного присяжнаго повѣреннаго—выговоромъ, относительно другаго—предостереженіемъ. Изъ числа остальныхъ обжалованныхъ постановленій пять утверждено Палатой, одно остается еще неразсмотрѣннымъ. Независимо отъ взысканій, перечисленныхъ въ ст. 368-й Учр. Суд. Устан., Совѣтъ считаетъ себя въ правѣ *) обращать вниманіе присяжныхъ повѣренныхъ на допущенныя ими маловажныя погрѣшности или ошибки и предлагать имъ, чтобы они избѣгали на будущее время подобныхъ неправильныхъ дѣйствій или упущеній. Въ 1868 г. одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ принесъ жалобу на постановленіе Совѣта, которымъ ему было сдѣлано такое внушеніе; но Совѣтъ возвратилъ ему эту жалобу, находя, что она не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 376-й Учр. Суд. Устан. (журн. 5 іюля и 23 августа 1868 г.). Въ 1873 г. вновь повторился такой же случай; Совѣтъ, разсмотрѣвъ жалобу на присяжнаго повѣреннаго, постановилъ не подвергать его никакому взысканію, но предложить ему быть осмотрительнѣе на будущее время; присяжный повѣренный принесъ на это постановленіе жалобу, доказывая, между прочимъ, что оно подлежитъ обжалованію по силѣ ст. 376-й Учр. Суд. Устан., такъ какъ не подвергаетъ его ни предостереженію, ни выговору. Совѣтъ нашелъ, что если законодатель, въ видахъ возвышенія власти Совѣта и предотвращенія слишкомъ большаго числа жалобъ на его постановленія, призналъ возможнымъ лишить присяжныхъ повѣренныхъ права жаловаться на Совѣтъ въ случаѣ присужденія ихъ къ предостереженію или выговору, то тѣмъ менѣе могутъ подлежать обжалованію постановле-

*) Основанія этого права будутъ изложены въ главѣ о дисциплинарной власти Совѣта (§ 38).

нія Совѣта, не присуждающія присяжнаго повѣреннаго ни къ какому взысканію, а только разъясняющія ему его обязанности. Вслѣдствіе этого Совѣтъ отказалъ присяжному повѣренному въ представленіи его жалобы на разсмотрѣніе Судебной Палаты (журн. 7 ноября 1873 г.). На это распоряженіе Совѣта присяжный повѣренный принесъ жалобу Судебной Палатѣ, рѣшеніе которой еще не извѣстно.

Жалобы присяжныхъ повѣренныхъ на постановленія Совѣта слушаются въ общемъ собраніи Департаментовъ Судебной Палаты, съ соблюденіемъ порядка, установленнаго для разсмотрѣнія дѣлъ дисциплинарныхъ.

Протесты прокурора Судебной Палаты на постановленія Совѣта.

27. На основаніи ст. 370-й Учр. Суд. Устан., о всѣхъ постановленіяхъ Совѣта относительно взысканія съ присяжныхъ повѣренныхъ или освобожденія отъ онаго сообщается прокурору того мѣста, при которомъ Совѣтъ состоитъ. Противъ этихъ постановленій, и только противъ нихъ, прокуроръ, за силою ст. 376-й, имѣетъ право, въ двухнедѣльный срокъ, заявить протестъ Судебной Палатѣ. Отсюда явствуетъ, что постановленія Совѣта о принятіи въ присяжные повѣренные или объ отказѣ въ этомъ званіи не подлежатъ протесту со стороны прокурора Судебной Палаты. На основаніи ст. 363-й, списокъ членовъ Совѣта, вновь избранныхъ, передается прокурору Судебной Палаты; но молчаніе закона о послѣдствіяхъ и цѣли такой передачи показываетъ, что она не даетъ прокурору права протестовать противъ выборовъ, т. е. опровергать правильность ихъ производства. Сначала Совѣтъ ограничивался увѣдомленіемъ прокурора о результатѣ каждаго дисциплинарнаго дѣла; но съ 1868 г., согласно выраженному прокуроромъ желанію, ему сообщаются копіи съ постановленій по этимъ дѣламъ, для

того чтобы онъ могъ познакомиться съ соображеніями, на которыхъ они основаны (журн. 13 января 1868 г.). До сихъ поръ прокуроромъ были опротестованы только два постановленія Совѣта: одно—которымъ присяжный повѣренный былъ оправданъ, другое—которымъ присяжному повѣренному, по большинству голосовъ, рѣшено было сдѣлать выговоръ (меньшинство полагало запретить ему на время отправленіе обязанностей повѣреннаго). Оба протеста были уважены Палатой; въ первомъ случаѣ она опредѣлила сдѣлать присяжному повѣренному выговоръ, во второмъ—запретила присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

Срокъ и порядокъ обжалованія и опротестованія постановленій Совѣта и опредѣленій Судебной Палаты, которыми они утверждены или отмѣнены.

28. Двухнедѣльный срокъ, установленный ст. 376-ю для принесенія жалобъ и протестовъ противъ постановленій Совѣта, исчисляется для Прокурора—со дня полученія имъ копіи съ постановленія Совѣта, для присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ лицъ—со дня объявленія имъ, съ подпискою, постановленія Совѣта въ окончательной формѣ или выдачи копіи съ постановленія. Протесты Прокурора подаются прямо въ Палату, жалобы присяжныхъ повѣренныхъ иногда прямо въ Палату, иногда въ Совѣтъ, для представленія въ Палату. Желательно было бы, чтобы послѣдній порядокъ соблюдался постоянно, какъ относительно жалобъ, такъ и относительно протестовъ, потому что онъ даетъ Совѣту возможность представить, въ случаѣ надобности, Палатѣ объясненіе свое противъ жалобы или протеста. Что такое объясненіе бываетъ иногда необходимо—это признала и Палата, препроводивъ однажды въ Совѣтъ жалобу поданную помимо его, именно для представленія по ней объясненія (журн. 24 декабря 1869 г.).

На основаніи ст. 377-й Учр. Суд. Устан., опредѣленія Палаты по жалобамъ и протестамъ на постановленія Совѣта суть окончательныя. Правительствующій Сенатъ призналъ, что эти опредѣленія Палаты—за исключеніемъ тѣхъ, которыми присяжные повѣренные предаются суду—весьма близко граничатъ съ уголовными приговорами и во всякомъ случаѣ по сущности своей совершенно подходятъ къ дисциплинарнымъ рѣшеніямъ, а слѣдовательно подлежатъ наравнѣ съ ними обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, въ предѣлахъ, указанныхъ въ ст. 291 Учр. Суд. Устан. (сборн. рѣш. Гражд. Кас. Д—та 1867 г. № 314, сборн. рѣш. Уголов. Кас. Д—та 1868 г. № 201). Кассаціонныя жалобы на такія опредѣленія Палаты разсматриваются въ общемъ Собраніи Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Изъ числа опредѣленій Судебной Палаты, которыми были утверждены постановленія Совѣта объ исключеніи трехъ лицъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, два были обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ; обѣ жалобы оставлены Правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

Общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ; занятія ихъ, правила, которымъ они подчиняются.

29. Общія собранія присяжныхъ повѣренныхъ установлены закономъ собственно для избранія Совѣта; но на практикѣ они получили другое, болѣе обширное значеніе, хотя *оффиціальная* дѣятельность ихъ конечно исчерпывается исполненіемъ обязанности, возложенной на нихъ закономъ. Совѣтъ, какъ представитель сословія присяжныхъ повѣренныхъ, избираемый притомъ на короткій срокъ и обязанный отчетомъ передъ своими избирателями, необходимо долженъ находиться въ постоянномъ общеніи съ ними, знакомить ихъ съ своею дѣятельностью, выслушивать ихъ желанія и заявленія, обсуждать вмѣстѣ съ ними все касаю-

щееся интересовъ цѣлаго сословія. Первый Совѣтъ былъ избранъ 2 мая 1866 г. — а 5 мая происходило уже общее собраніе, созванное имъ для обсужденія составленнаго имъ, на основаніи ст. 396-й Учр. Суд. Устан., проекта таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Слѣдуя этому примѣру, Совѣтъ постоянно предлагалъ на предварительное разсмотрѣніе общаго собранія всѣ вопросы, имѣющіе общій характеръ, выходящіе изъ круга обыкновенныхъ, ежедневныхъ, если можно такъ выразиться, занятій Совѣта. Въ общемъ собраніи обсуждались, такимъ образомъ, вопросы объ обязанности присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя, по назначенію суда, защиты внѣ С.-Петербурга, о сокращеніи, для нѣкоторыхъ лицъ, срока подготовки къ званію присяжнаго повѣреннаго, объ установленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ, объ измѣненіи и дополненіи таксы 1868 г., о печатаніи постановленій Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ, о кассѣ пособій и т. п. Съ конца 1868 г. въ общемъ собраніи, сверхъ того, читаются или излагаются на словахъ предсѣдателемъ Совѣта постановленія Совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ, состоявшіяся въ промежутокъ между двумя собраніями (см. выше, журн. 19 октября 1868 г.). Число общихъ собраній колебалось до сихъ поръ между тремя и восемью въ годъ, не считая общаго собранія, созываемаго для выбора Совѣта. До 1872 г. общія собранія (за исключеніемъ годоваго) не были обставлены особыми формальностями; предсѣдательствовалъ въ нихъ предсѣдатель Совѣта или заступающій его мѣсто; мнѣнія, высказанныя членами собранія, не записывались. Въ собраніи 19 апрѣля 1872 г. постановлено: 1) вести на будущее время журналы засѣданій общаго собранія, которые и прочитывать или въ томъ же, или въ

слѣдующемъ засѣданіи, и 2) избирать каждый разъ особаго Предсѣдателя и Секретаря общаго собранія, за подписью которыхъ и долженъ быть журналъ засѣданія. 15 октября 1872 г. принято за правило (по предложенію предсѣдателя Совѣта) избирать въ предсѣдатели собранія лице, не входящее въ составъ Совѣта [1]). Еще раньше, 31 марта 1871 г., было постановлено, что общее собраніе можетъ считаться состоявшимся только тогда, когда для участія въ немъ явится по меньшей мѣрѣ одна треть присяжныхъ повѣренныхъ, находящихся на лице въ С.-Петербургѣ; въ противномъ случаѣ созывается, черезъ двѣ недѣли, новое общее собраніе, которое считается состоявшимся независимо отъ числа явившихся присяжныхъ повѣренныхъ.

Отношеніе общихъ собраній къ Совѣту.

30. Въ 1871 г. въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли предоставить присяжнымъ повѣреннымъ, подвергшимся взысканіямъ со стороны Совѣта, право заявлять общему собранію объясненія и возраженія свои противъ постановленій Совѣта, а общему собранію — право обсуждать эти постановленія. Совѣтъ, по разсмотрѣніи этого вопроса, пришелъ, по большинству голосовъ, къ слѣдующему заключенію: постановленія Совѣта по жалобамъ на присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ характеръ судебныхъ рѣшеній и не могутъ быть отмѣняемы общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ какъ второю инстанціею по дѣламъ этого рода служитъ Судебная Палата. Сосредоточивая судебно-дисциплинарную власть надъ присяжными повѣренными въ рукахъ Совѣта, законодатель безъ сомнѣнія руководствовал-

---

[1]) Секретаремъ общаго собранія бываетъ обыкновенно младшій, по времени вступленія, присяжный повѣренный.

ся тѣмъ убѣжденіемъ, что для всесторонняго разсмотрѣнія и правильнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ необходимо коллегіальное учрежденіе, не слишкомъ многочисленное, постоянно — въ теченіе извѣстнаго срока — дѣйствующее въ одномъ и томъ же составѣ, и несущее полную нравственную отвѣтственность за свои постановленія. Предоставленіе общимъ собраніямъ, многочисленнымъ, случайно составленнымъ и безотвѣтственнымъ, права обсуждать во всякое время дисциплинарныя постановленія Совѣта, лишило бы эти постановленія необходимаго нравственнаго авторитета и перенесла бы центръ тяжести дисциплинарной власти, вопреки намѣренію законодателя, изъ Совѣта въ общее собраніе. Обсужденіе постановленій Совѣта желательно и полезно только въ связи съ вопросомъ, слѣдуетъ ли измѣнить, и въ какой степени, личный составъ Совѣта. Такому обсужденію Совѣтъ никогда не противодѣйствовалъ; но для того чтобы облечь его въ болѣе правильную форму, Совѣтъ предложилъ созывать на будущее время, съ этою спеціальною цѣлью, особое общее собраніе за нѣсколько дней передъ выборами, и въ этомъ общемъ собраніи, а не въ томъ, въ которомъ производятся выборы, читать или докладывать отчетъ, для того, чтобы присяжные повѣренные имѣли полную возможность представлять противъ него замѣчанія и возраженія. Что касается до общихъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ сопряжено установленіе руководящихъ началъ для дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, то Совѣтъ призналъ необходимымъ, за исключеніемъ случаевъ не терпящихъ отлагательства, предлагать ихъ на предварительное обсужденіе общаго собранія, хотя бы они возникали изъ дѣлъ дисциплинарныхъ, съ тѣмъ однако, чтобы въ отношеніи къ этимъ дѣламъ мнѣніе общаго собранія не

*

было для Совѣта безусловно обязательно. Всѣ эти предположенія большинства Совѣта были одобрены общимъ собраніемъ 31 марта 1871 г., и систематическое обсужденіе дѣйствій Совѣта состоялось въ первый разъ въ томъ же году, въ общемъ собраніи 17 апрѣля. Съ тѣхъ поръ оно повторяется ежегодно. Въ 1872 г. было рѣшено изготовлять годовой отчетъ Совѣта на столько заблаговременно, чтобы онъ могъ быть открытъ для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ за мѣсяцъ до выборовъ, а общее собраніе для его обсужденія могло происходить за двѣ недѣли до нихъ. Затѣмъ въ общемъ собраніи, созываемомъ для выборовъ, прочитывается дополненіе къ отчету, обнимающее собою послѣдній мѣсяцъ дѣятельности Совѣта. Въ томъ же 1872 г. было сдѣлано предложеніе избирать ежегодно ревизіонную коммисію, въ составѣ пяти, по меньшей мѣрѣ, присяжныхъ повѣренныхъ, для разсмотрѣнія дѣлопроизводства Совѣта и всѣхъ вообще его дѣйствій за истекшій годъ, съ тѣмъ, чтобы эта коммисія представляла свои замѣчанія на отчетъ общему собранію, созываемому для разсмотрѣнія отчета; но это предложеніе (въ общемъ собраніи 19 апрѣля 1872 г.) было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ (28 противъ 6), именно потому, что принятый порядокъ сообщенія общему собранію отдѣльныхъ постановленій и годоваго отчета Совѣта даетъ присяжнымъ повѣреннымъ полную возможность ознакомиться, и безъ особой ревизіи, со всѣми сторонами дѣятельности Совѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дисциплинарная власть Совѣта [1]).

Способъ начатія дисциплинарныхъ дѣлъ.

31. На основаніи пун. 2 и 8 ст. 367-ой Учр. Суд. Устан., къ правамъ и обязанностямъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ; 1) разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользою ихъ довѣрителей, и 2) опредѣленіе взысканій съ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію Совѣта, такъ и по жалобамъ, поступающимъ въ Совѣтъ. Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что по точному смыслу этихъ узаконе-

[1]) Все сказанное въ этой главѣ о присяжныхъ повѣренныхъ примѣнимо и къ ихъ помощникамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ отношеніи къ послѣднимъ совѣтъ дѣйствуетъ не прямо, а черезъ посредство прис. повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ.

ній Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ привлекать подвѣдомыхъ ему присяжныхъ повѣренныхъ къ отвѣтственности за нарушеніе ими обязанностей ихъ званія нетолько по жалобамъ довѣрителей, *но и по жалобамъ другихъ лицъ и по собственному усмотрѣнію* (рѣш. Общ. Собр. Кас. Д-товъ въ сборн. угол. кас. рѣш. 1868 г. № 201, и указъ Общ. Собр. Касс. Д-товъ по дѣлу Р., отъ 16 Ноября 1872 г.). Согласно съ этимъ основнымъ началомъ, Совѣтъ принималъ и принимаетъ къ своему разсмотрѣнію, наравнѣ съ жалобами довѣрителей (или правопреемниковъ ихъ) на своихъ повѣренныхъ:

1) Жалобы тѣхъ лицъ, *противъ* которыхъ присяжный повѣренный велъ дѣло или вобще дѣйствовалъ (см. для примѣра журналы 8 Марта и 16 Октября 1869 г., 26 Мая 1871 г., 17 Октября 1873 г.).

2) Жалобы одного присяжнаго повѣреннаго на другаго.

3) Жалобы помощниковъ на присяжныхъ повѣренныхъ.

4) Сообщенія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ о замѣченныхъ ими или дошедшихъ до свѣдѣнія ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Такія сообщенія поступали въ Совѣтъ: а) отъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, б) отъ С.-Петербургской Судебной Палаты, в) отъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ его отдѣленіямъ, г) отъ Окружныхъ Судовъ Ярославскаго и Ржевскаго, д) отъ прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, е) отъ двухъ мировыхъ съѣздовъ — С.-Петербургскаго (столичнаго) и Ростовскаго (Ярославской губерніи), ж) отъ двухъ мировыхъ судей города С.-Петербурга, з) отъ Канцеляріи Общаго Собранія 1-хъ 3-хъ Д-товъ и Д-та Герольдіи Правительствующаго

Сената, и) отъ С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера и і) отъ конкурсныхъ управленій.

Независимо отъ этого, Совѣтъ самъ возбуждалъ дисциплинарныя производства о присяжныхъ повѣренныхъ, основываясь или на сообщеніяхъ постороннихъ лицъ (журн. 2 Декабря 1870 г.), или на дошедшихъ до свѣденія его слухахъ (журн. 9 Декабря 1870 г., 1 Марта 1872 г.), или на газетныхъ статьяхъ (журн. 21 Октября 1870, 24 Марта 1871 г.), или на обстоятельствахъ, обнаружившихся при производствѣ другаго дѣла (журн. 5 Января и 3 Февраля 1872 г.). Каждый разъ когда предсѣдательствующій на судѣ подвергаетъ присяжныхъ повѣренныхъ или ихъ помощниковъ какой-либо строгой дисциплинарной мѣрѣ (напр. удаленію изъ присутствія суда), Совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе дѣйствій, вызвавшихъ эту мѣру, въ тѣхъ видахъ, не заслуживаютъ ли они дальнѣйшаго взысканія со стороны Совѣта (журн. 16 Ноября 1868, 8 Декабря 1873 г.). Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, о дѣйствіяхъ котораго было сдѣлано Совѣту сообщеніе прокуроромъ Окружнаго Суда, оспаривалъ право прокурора на подобныя сообщенія, а слѣдовательно и право Совѣта возбуждать по нимъ дисциплинарное производство. Совѣтъ призналъ этотъ споръ не заслуживающимъ уваженія, по слѣдующимъ основаніямъ: по точному смыслу пун. 2 и 8 ст. 376-й Учр. Суд. Устан., основаніемъ къ истребованію отъ присяжнаго повѣреннаго объясненій и къ дальнѣйшему обсужденію его дѣйствій могутъ служить всякаго рода свѣдѣнія, какимъ бы путемъ они ни дошли до Совѣта. Если частныя лица, не принадлежащія къ числу довѣрителей присяжнаго повѣреннаго, могутъ обращать вниманіе Совѣта на неправильныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, то съ тѣмъ

большимъ еще основаніемъ это право должно быть признано за прокурорскимъ надзоромъ, который уполномоченъ закономъ (Учр. Суд. Устан. ст. 370, 376) даже на опротестоніе постановленій Совѣта. Совѣтъ постоянно входилъ въ разсмотрѣніе сообщеній, которыми Судебная Палата, Окружные Суды, Мировые Съѣзды увѣдомляли его о замѣченныхъ ими упущеніяхъ или неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Только при такомъ образѣ дѣйствій Совѣта возможно съ одной стороны исполненіе лежащей на немъ обязанности наблюденія за дѣятельностію присяжныхъ повѣренныхъ, съ другой стороны поддержаніе довѣрія судебной власти и общества къ институту присяжныхъ повѣренныхъ и представителямъ его. Еслибы Совѣтъ оставлялъ безъ вниманія сообщаемыя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было бы распространеніе въ обществѣ самыхъ невыгодныхъ слуховъ о присяжныхъ повѣренныхъ и принесеніе на нихъ жалобъ помимо порядка установленнаго закономъ—порядка, одинаково обезпечивающаго и интересы частныхъ лицъ, и интересы самихъ присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 24 Марта 1871 г).

Послѣдствія примиренія обвинителя съ обвиняемымъ

32. Такъ какъ Совѣтъ имѣетъ право возбуждать дѣла по собственному усмотрѣнію, то отсюда слѣдуетъ, что примиреніе жалующагося съ обвиняемымъ не всегда, само по себѣ, можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла. Бываютъ, конечно, случаи, когда отказъ обвинителя отъ своей жалобы уничтожаетъ всякій поводъ къ дальнѣйшему производству дѣла,—напримѣръ когда единственнымъ предметомъ жалобы было невозвращеніе присяжнымъ повѣреннымъ бумагъ или несообщеніе имъ свѣдѣній, а бумаги возвращены или свѣдѣнія

доставлены еще до разбора дѣла въ Совѣтѣ. Но если въ обжалованныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ присяжнаго повѣреннаго усматривается малѣйшій признакъ предосудительнаго намѣренія или даже ничѣмъ не оправдываемаго легкомыслія, то Совѣтъ даетъ дѣлу дальнѣйшій ходъ, несмотря ни на какія заявленія обвинителя. Такой образъ дѣйствій тѣмъ болѣе необходимъ, что именно въ важнѣйшихъ дѣлахъ обвиняемый всего чаще ищетъ и достигаетъ примиренія съ обвинителемъ. Такъ напримѣръ, изъ числа трехъ лицъ, обвинявшихъ присяжныхъ повѣренныхъ въ растратѣ полученныхъ ими по довѣренности денегъ, двое, получивъ, уже послѣ подачи жалобъ, полное удовлетвореніе, просили оставить жалобы ихъ безъ послѣдствій; но Совѣтъ продолжалъ, несмотря на это, разсмотрѣніе дѣлъ и присудилъ одного изъ обвиняемыхъ къ запрещенію исправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе одного года, другаго—къ исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 6 Октября 1868 и 4 Сентября 1869 г., отчетъ за 1868—69 г.; см. также жур. 24 Января 1870 и 22 Іюня 1873 г.).

Продолженіе дисциплинарнаго производства не смотря на просьбу обвиняемаго объ увольненіи его изъ сословія.

33. Подача присяжнымъ повѣреннымъ, во время разсмотрѣнія дисциплинарнаго о немъ дѣла, просьбы объ увольненіи его изъ сословія не прекращаетъ, какъ мы уже видѣли, (см. § 10) производства дѣла, и самая просьба разрѣшается не прежде, какъ по произнесеніи Совѣтомъ обвинительнаго или оправдательнаго приговора (журн. 21 Декабря 1868, 4 Сентября 1869, 23 Марта 1872 г.). Всякій другой образъ дѣйствій былъ бы нарушеніемъ закона, обязывающаго Совѣтъ слѣдить за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ и подвергать ихъ, въ случаѣ признанія ихъ виновными, установленнымъ мѣрамъ взысканія;

нельзя допустить, чтобы каждый присяжный повѣренный могъ избѣгнуть, по своему личному усмотрѣнію, заслуженнаго имъ взысканія, подавъ просьбу объ увольненіи его изъ сословія (журн. 4 Сентября 1869 г.). Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что Совѣтъ выдаетъ лицамъ, выходящимъ изъ сословія, свидѣтельства о несудимости ихъ, и что такимъ образомъ Совѣтъ могъ бы быть поставленъ въ необходимость выдать совершенно одинаковыя свидѣтельства и присяжному повѣренному, дѣятельность котораго была вполнѣ безукоризненна, и присяжному повѣренному, виновность котораго въ глазахъ Совѣта несомнѣнна, но который съумѣлъ освободиться отъ отвѣтственности, заявивъ въ послѣднюю минуту о намѣреніи сложить съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго. Можно сказать утвердительно, что этимъ путемъ избѣгали бы наказанія самые виновные изъ числа обвиняемыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, потому что именно они, будучи заранѣе увѣрены въ осужденіи, всего чаще предупреждали бы его выходомъ изъ сословія. Притомъ, высшія изъ числа взысканій, налагаемыхъ Совѣтомъ, направлены нетолько къ наказанію осужденнаго, но и къ предохраненію общества и частныхъ лицъ отъ вреда, который онъ могъ бы причинить имъ на будущее время своею дѣятельностью. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, Совѣтъ не имѣетъ права прекращать начатое дисциплинарное производство, хотя бы обвиняемый и пожелалъ сложить съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго. Но жалобы, поданныя на извѣстное лице уже послѣ выхода его изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ не принималъ къ своему разсмотрѣнію, исходя изъ того убѣжденія, что ему подсудны только присяжные повѣренные, т. е. лица, носящія еще это званіе (журн. 22 Мар-

та 1868, 25 Іюня 1870, 1 Марта 1872 г.). Въ правильности этого взгляда можно сомнѣваться, такъ какъ дѣла о преступленіяхъ по должности могутъ, по закону, быть начинаемы послѣ увольненія обвиняемаго отъ службы (Уст. Угол. Судопр. ст. 1078),—а аналогія между этими дѣлами и дѣлами о нарушеніи присяжными повѣренными своихъ адвокатскихъ обязанностей безспорно существуетъ. Выходъ изъ сословія послѣ совершенія проступка, но до подачи жалобы, не даетъ виновному права на безнаказанность. Вызовъ въ Совѣтъ лица, непринадлежащаго болѣе къ сословію, въ большей части случаевъ не оставался бы безъ послѣдствій, потому что въ случаѣ неявки обвиняемаго Совѣту, на общемъ основаніи, принадлежало бы право рѣшить дѣло безъ выслушанія его объясненій (Учр. Суд. Устан. ст. 372).

Распространяется ли дисциплинарная власть Совѣта на дѣйствія, совершенныя присяжнымъ повѣреннымъ до вступленія въ сословіе.

34. Имѣетъ ли надзоръ Совѣта за присяжными повѣренными обратное дѣйствіе, т. е. распространяется ли онъ на поступки совершенные ими въ то время, когда они еще не были присяжными повѣренными? Сначала Совѣтъ находилъ, что этотъ вопросъ долженъ быт разрѣшенъ отрицательно (журн. 20 Января 1868 г.).; но вскорѣ мнѣніе его измѣнилось. Уже въ 1869 г. Совѣтъ подвергнулъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ взысканію за цѣлый рядъ дѣйствій, изъ которыхъ многія были совершены имъ до вступленія въ сословіе. Совершеніе ихъ въ то время, когда еще не были введены въ дѣйствіе судебные уставы и не существовало сословія присяжныхъ повѣренныхъ, было принято во вниманіе Совѣтомъ лишь какъ обстоятельство, уменьшающее вину и мѣру наказанія (журн. 16 Октября 1869 г.). Въ объясненіи своемъ противъ жалобы, принесенной присяжнымъ повѣреннымъ на это поста-

новленіе Совѣта, Совѣтъ высказалъ свое убѣжденіе, что самый фактъ принятія кого-либо въ присяжные повѣренные—все равно, зависѣло ли оно отъ Комитета, учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи, или отъ Совѣта—отнюдь не покрываетъ собою всю предшествовавшую дѣятельность принятаго лица. Принимая кого-либо въ присяжные повѣренные, Комитетъ, какъ и Совѣтъ, могъ руководствоваться только собранными наличными свѣдѣніями, далеко не всегда безусловно точными и полными. Если въ послѣдствіи времени откроется фактъ, не бывшій въ виду Комитета или Совѣта при принятіи присяжнаго повѣреннаго и возбуждающій основательное сомнѣніе въ его добросовѣстности, въ правильности его взглядовъ на обязанности адвоката, то Совѣтъ, по глубокому убѣжденію всѣхъ его членовъ, имѣетъ полное право и даже обязанъ удалить такое лице, навсегда или на время, изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 24 Декабря 1869 г.). Въ 1872 г. Совѣтъ, оставаясь вѣрнымъ этому взгляду, исключилъ одно лице изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ между прочимъ за такія дѣйствія, которыя былм совер шены имъ до вступленія въ сословіе (журн. 3 Февраля 1872 г.). Въ кассаціонной жалобѣ на опредѣленіе Палаты, которымъ было утверждено постановленіе Совѣта, обстоятельство это было приведено какъ одинъ изъ поводовъ къ кассаціи. Правительствующій Сенатъ призналъ кассаціонную жалобу не заслуживающею уваженія, по слѣдующимъ основаніямъ: „непредоставленіе Совѣту права входить въ обсужденіе дѣйствій, совершенныхъ присяжнымъ повѣреннымъ до принятія имъ на себя этого званія *), по-

*) Въ рѣшеніи Прав. Сената идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго, не относящихся къ адвокатской его дѣ-

влекло бы за собою весьма вредныя послѣдствія, ибо въ такомъ случаѣ Совѣтъ, допустивъ какую-либо ошибку при принятіи извѣстнаго лица въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и за тѣмъ удостовѣрясь въ этой ошибкѣ черезъ дошедшія до него свѣдѣнія, лишенъ былъ бы всякой возможности исправить ее возбужденіемъ вопроса о необходимости удалить изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ лице, которое, по мнѣнію самихъ представителей этого сословія, недостойно, по своимъ нравственнымъ качествамъ, общественнаго довѣрія" (указъ Прав. Сената отъ 16 Ноября 1872 г., цитированный уже выше, § 31).

Кругъ дѣйствій и предѣлы дисциплинарной власти Совѣта.

35. И такъ, *съ точки зрѣнія времени* дисциплинарная власть Совѣта распространяется на всѣ дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, совершенныя имъ какъ до вступленія въ сословіе, такъ и во время пребыванія въ немъ; но гдѣ границы этой власти *съ точки зрѣнія самаго свойства дѣйствій*, совершенныхъ присяжными повѣренными? Другими словами, *какія именно* дѣйствія или упущенія присяжныхъ повѣренныхъ подсудны Совѣту? Мы постараемся вывести изъ постановленій Совѣта нѣсколько главныхъ положеній, подъ которыя могутъ быть подведены всѣ отдѣльные случаи.

А. *Адвокатская дѣятельность присяжнаго повѣреннаго, въ какой бы формѣ и при какихъ бы условіяхъ она ни проявлялась, всегда подсудна Совѣту.*

Это начало установилось не безъ нѣкоторыхъ колебаній,

ятельности (потому что таковы были въ данномъ случаѣ дѣйствія, подавшія поводъ къ дисциплинарному производству); но само собою разумѣется, что всѣ соображенія Прав. Сената примѣняются съ большей еще силой къ адвокатской дѣятельности прясяжнаго повѣреннаго до вступленія его въ сословіе.

продолжавшихся впрочемъ весьма недолго. 15 Іюня 1867 г. оставлена была безъ разсмотрѣнія жалоба на присяжнаго повѣреннаго, потому что она была принесена на дѣйствія, совершенныя имъ въ качествѣ присяжнаго стряпчаго при Коммерческомъ Судѣ; Совѣтъ находилъ, слѣдовательно, что ему подсудны только дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, *совершенныя при отправленіи обязанностей этого званія*, т. е. при ходатайствѣ въ судебныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г. Но этотъ взглядъ Совѣта скоро уступилъ мѣсто другому, совершенно противоположному. Въ отчетѣ за 1867—68 г. общій вопросъ о томъ, ограничивается ли кругъ дѣйствій Совѣта надзоромъ за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, или же распространяется на всю адвокатскую ихъ дѣятельность, разрѣшается уже въ послѣднемъ смыслѣ, на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Въ ст. 357-й Учр. Суд. Устан. сказано, что Совѣтъ избирается для надзора за всѣми присяжными повѣренными, состоящими въ округѣ Судебной Палаты. Ни въ этой статьѣ, ни въ ст. 357-й не сдѣлано никакой оговорки относительно предѣловъ надзора, предоставленнаго Совѣту; отсюда слѣдуетъ заключить, что онъ обнимаетъ собою всю адвокатскую дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ. Веденіе дѣлъ въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ или въ административныхъ учрежденіяхъ требуетъ тѣхъ же нравственныхъ качествъ, какъ и веденіе дѣлъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ; уклоненіе съ прямаго пути одинаково опасно и одинаково предосудительно въ обоихъ случаяхъ; неправильныя дѣйствія, совершенныя присяжнымъ повѣреннымъ при веденіи дѣла въ Коммерческомъ Судѣ или въ Гражданской Палатѣ, мо-

гутъ повредить доброму имени сословія ни чуть не меньше, чѣмъ неправильныя дѣйствія, совершенныя присяжнымъ повѣреннымъ при веденіи дѣла въ Окружномъ Судѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ присяжный повѣренный является въ глазахъ общества членомъ корпораціи, облеченной извѣстными правами и обязанностями и отвѣтственной, до нѣкоторой степени, за всѣ дѣйствія лицъ, къ ней принадлежащихъ. Контроль, которому подчинены присяжные повѣренные, составляетъ одно изъ главныхъ основаній довѣрія, которымъ они пользуются; прочность довѣрія зависитъ, поэтому, отъ всесторонности контроля. Съ этой точки зрѣнія наблюденіе Совѣта должно распространяться даже на такія дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, которыя совершаются ими не въ качествѣ адвокатовъ, а вообще въ качествѣ повѣренныхъ, т. е. лицъ, которымъ кто-нибудь ввѣрилъ охраненіе своихъ интересовъ». Согласно съ этимъ, Совѣтъ сталъ принимать и до сихъ поръ принимаетъ къ своему разсмотрѣнію жалобы на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, совершенныя ими при веденіи дѣлъ въ Коммерческомъ Судѣ (журн. 8 Марта 1869, 11 Августа 1871, 26 Сентября 1873 г.), въ судебныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената (журн. 2 Мая и 23 Іюля 1870 г., 22 Ноября 1872 г.), въ Управѣ Благочинія (журн. 3 Ноября 1871 г., 5 Января 1874 г.), въ Духовной Консисторіи (журн. 17 Мая 1872 г.), въ полицейскомъ участкѣ (журн. 8 Января 1872 г.) и т. п. Нѣсколько болѣе сложными представляются слѣдующіе вопросы:

1) *Подсудны ли Совѣту жалобы на присяжнаго повѣреннаго, какъ на предсѣдателя или члена конкурснаго управленія?* Обсудивъ этотъ вопросъ по поводу одной частной жалобы, Совѣтъ принялъ во вниманіе: а)

что конкурсное управленіе есть присутственное мѣсто, члены котораго, въ случаѣ совершенія ими неправильныхъ дѣйствій, подвергаются дисциплинарному взысканію по опредѣленію Окружнаго Суда или предаются суду Судебной Палатой (Высочайше утвержденное 17 Іюля 1868 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, вошедшее въ составъ приложенія къ ст. 223-й (примѣч.) Уст. Гражд. Судопр. по прод. 1869 г. пун. 16-й); б) что лице, жалующееся въ данномъ случаѣ Совѣту на предсѣдателя конкурса, принесло уже на него жалобу Окружному Суду, и в) что обжалованныя дѣйствія обвиняемаго совершены имъ именно въ качествѣ предсѣдателя конкурса. По этимъ основаніямъ Совѣтъ нашелъ жалобу не относящеюся къ предметамъ его вѣдомства и оставилъ ее безъ разсмотрѣнія (журн. 25 Ноября 1870 г.). Тоже самое признано Совѣтомъ и при разсмотрѣніи другой, подобной жалобы (журн. 6 Іюля 1873 г.). Но если жалоба на присяжнаго повѣреннаго, какъ на члена конкурснаго управленія, принесена уже по закрытіи этого управленія, и если притомъ однимъ изъ основаній ея служатъ прежнія отношенія жалующагося къ обвиняемому, какъ довѣрителя къ повѣренному, то Совѣтъ принимаетъ ее къ своему разсмотрѣнію (журн. 8 Декабря 1871 г.) Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что къ дѣйствіямъ присяжнаго повѣреннаго, какъ члена конкурснаго управленія, примѣнимо вполнѣ то общее правило, которое будетъ формулировано нами ниже (положеніе подъ лит. Б, выводъ четвертый).

2) *Входятъ ли въ кругъ адвокатской дѣятельности присяжнаго повѣреннаго дѣйствія, совершенныя имъ по порученію или уполномочію и въ интересахъ извѣстнаго лица, но безъ полученія отъ него довѣренности?* Вопросъ этотъ возникалъ въ Совѣтѣ три раза, при

слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, занимаясь, по порученію одной дамы, скупкою векселей, выданныхъ ея мужемъ, высказалъ въ разговорѣ съ судебнымъ приставомъ такіе взгляды и позволилъ себѣ такія неправильныя дѣйствія, за которыя былъ призванъ къ отвѣту. Онъ отрицалъ подсудность этого дѣла Совѣту, такъ какъ онъ не имѣлъ довѣренности отъ лица, поручившаго ему скупку векселей, и дѣйствовалъ слѣдовательно не въ качествѣ повѣреннаго. Совѣтъ нашелъ, что присяжные повѣренные установлены, между прочимъ, для поданія совѣтовъ и оказанія содѣйствія лицамъ, которыя нуждаются въ ихъ помощи по дѣламъ, производящимся или могущимъ производиться въ судебныхъ мѣстахъ; что, поэтому, всѣ дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ по отношенію къ ихъ кліентамъ принадлежатъ къ области ихъ общественной дѣятельности; что такой характеръ этихъ отношеній не зависитъ отъ того, снабженъ ли присяжный повѣренный формальною довѣренностью отъ своего кліента, или дѣйствуетъ по словесному его порученію (журн. 5 Іюля 1868 г.). б) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ принялъ на себя, по условію съ А, *посредничество* по дѣлу его съ Б, съ тѣмъ чтобы получить отъ А 10% съ суммы, которая будетъ уплачена ему Б. Совѣтъ нашелъ, что такое посредничество есть въ сущности ничто иное какъ *ходатайство*, вполнѣ однородное съ ходатайствомъ *повѣреннаго*. Ошибочно было бы считать повѣреннымъ только такое лице, которое дѣйствуетъ по довѣренности. Ходатайство по дѣлу можетъ имѣть мѣсто во многихъ случаяхъ и безъ довѣренности. Такъ напримѣръ, нельзя не считать ходатайствомъ сочиненіе по дѣлу черновыхъ прошеній или представленіе словесныхъ объясненій должностнымъ лицамъ или присутственнымъ мѣ-

стамъ, когда для такихъ объясненій не требуется предъявленіе довѣренности. Вообще, по мнѣнію Совѣта, повѣреннымъ, въ обширномъ смыслѣ слова, слѣдуетъ признавать всякаго, кто дѣйствуетъ за извѣстное вознагражденіе въ интересахъ одной изъ спорящихъ сторонъ, стараясь о благопріятномъ для нея разрѣшеніи дѣла. Для того, чтобы посредникъ не могъ считаться повѣреннымъ, необходимы два условія: чтобы онъ былъ избранъ для безпристрастнаго разрѣшенія дѣла *обѣими сторонами* и чтобы вознагражденіе его за трудъ, если оно имъ выговорено, назначено было въ видѣ опредѣленной суммы, платимой обѣими сторонами и совершенно независящей отъ того или другаго исхода дѣла. Въ данномъ случаѣ присяжный повѣренный принялъ на себя посредничество по приглашенію одной только изъ спорящихъ сторонъ и за процентное отъ нея одной вознагражденіе; слѣдовательно онъ былъ въ сущности ея повѣреннымъ (журн. 16 Октября 1869 г.). в) Отъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ были потребованы Совѣтомъ объясненія по поводу всеподданнѣйшей просьбы, имъ составленной. Присяжный повѣренный отозвался, что такъ какъ онъ не имѣлъ довѣренности отъ лицъ, подавшихъ всеподданнѣйшую просьбу, и никакого условія съ ними не заключалъ, то дѣйствія его по составленію и поддержкѣ означенной просьбы совершены имъ не въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго и не подлежатъ обсужденію Совѣта. «Съ этимъ мнѣніемъ»—сказано въ журналѣ 9 Декабря 1870 г.—«Совѣтъ согласиться не можетъ. Совѣтомъ было уже неоднократно разъяснено, что ему подсудны всѣ дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, совершенныя ими какъ *адвокатами*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ ходатаями по чужимъ дѣламъ или совѣтниками по юридическимъ во-

просамъ, все равно, имѣли ли они при этомъ формальную довѣренность и условіе, или исполняли только словесное порученіе, за единовременное вознагражденіе *или даже вовсе безъ вознагражденія*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лица, въ данномъ случаѣ подавшія всеподданнѣйшую просьбу, обратились къ присяжному повѣренному именно какъ къ адвокату, и что присяжный повѣренный, защищая письменно и на словахъ ихъ имущественные интересы, дѣйствовалъ какъ адвокатъ, какъ ходатай за просителей. Онъ былъ допущенъ къ представленію объясненій въ Коммиссіи Прошеній, въ которой они, по принятому порядку, представляются или тяжущимися, или уполномоченными ихъ. Правда, предметомъ всеподданнѣйшей просьбы было законодательное разъясненіе положенія Комитета Министровъ; но адвокатская дѣятельность не ограничивается дѣлами чисто-судебнаго свойства, а распространяется и на дѣла, производимыя въ административныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, лишь бы только цѣлью ходатайства было охраненіе чьихъ-либо частныхъ интересовъ». На основаніи этихъ соображеній дѣйствія присяжнаго повѣреннаго по составленію всеподданнѣйшей просьбы были признаны подсудными Совѣту.

3) *Можетъ ли Совѣтъ входить въ разсмотрѣніе такихъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, за которыя онъ уже подвергся дисциплинарному взысканію (предостереженію, выговору или удаленію изъ присутствія) со стороны предсѣдательствовавшаго на судѣ?* Совѣтъ, какъ мы уже видѣли выше (§ 31), разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно, на томъ основаніи, что дѣйствія эти могутъ иногда заслуживать взысканія болѣе строгаго чѣмъ то, которое въ правѣ назначить предсѣдатель-

ствующій, по ст. 157-й Учр. Суд. Устан. (журн. 21 Сентября и 16 Ноября 1868, 8 Декабря 1873 г.).

Б. *Дѣла, подсудныя по самому своему свойству суду гражданскому или уголовному, не могутъ быть разбираемы Совѣтомъ, пока они не разрѣшены подлежащимъ судомъ.* Изъ этого положенія вытекаютъ слѣдующіе выводы:

1) Совѣтъ не производитъ съ присяжныхъ повѣренныхъ никакихъ денежныхъ взысканій, ни по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ (журн. 5 Іюня 1869 г.), ни по просьбамъ частныхъ лицъ (журн. 19 Іюня 1869, 9 Іюля 1870, 17 Ноября 1871 г.), и не входитъ въ разборъ заявленій, къ этому предмету относящихся. Исключенія изъ этого правила допускаются: а) когда кредиторъ присяжнаго повѣреннаго указываетъ на намѣреніе его объявить себя несостоятельнымъ должникомъ (журн. 22 Ноября 1871 г.); б) когда самый долгъ возникъ изъ адвокатскихъ отношеній—напримѣръ, когда помощникъ требуетъ отъ присяжнаго повѣреннаго, при которомъ онъ занимается, вознагражденія за трудъ (журн. 9 Іюля 1870 г.) и в) когда присяжный повѣренный, съ котораго производится взысканіе, обвиняется или заподозрѣвается въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ съ цѣлью уклоненія отъ уплаты долга (журн. 19 Февраля 1871, 5 Января 1874 г.). Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ Совѣтъ не можетъ ни постановлять опредѣленія о присужденіи съ присяжнаго повѣреннаго взыскиваемыхъ денегъ, ни принимать мѣръ къ дѣйствительному ихъ взысканію. Въ первомъ случаѣ онъ удостовѣряется только, дѣйствительно ли присяжный повѣренный намѣренъ объявить себя несостоятельнымъ, такъ какъ послѣдствіемъ такого объявленія долженъ быть выходъ изъ

сословія; во второмъ случаѣ онъ разбираетъ взаимныя отношенія присяжнаго повѣреннаго и помощника и въ случаѣ надобности можетъ предложмть первому разсчитаться съ послѣднимъ; въ третьемъ случаѣ онъ обсуждаетъ дѣйствія присяжнаго повѣреннаго и подвергаетъ его отвѣтственности, если признаетъ ихъ недобросовѣстными. Все сказанное выше не относится къ взысканіямъ, проистекающимъ изъ неправильныхъ дѣйствій или упущеній присяжнаго повѣреннаго, *какъ повѣреннаго*; о нихъ будетъ упомянуто ниже, при разборѣ ст. 374-й, Учр. Суд. Устан.

2) Совѣтъ не входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ, проистекающихъ изъ гражданскихъ сдѣлокъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ частныхъ лицъ, съ другими лицами, или вообще изъ гражданскихъ ихъ отношеній, если на присяжнаго повѣреннаго не взводится обвиненія въ недобросовѣстности при заключеніи или исполненіи сдѣлки. На этомъ основаніи Совѣтъ признавалъ себѣ неподсудными: а) просьбу землемѣра, нанятаго присяжнымъ повѣреннымъ—по довѣренности лица, имѣніями котораго онъ управлялъ, — о производствѣ разсчета за исполненныя по условію работы (журн. 19 Сентября 1873 г.), б) жалобу лица, занимавшагося по найму дѣлопроизводствомъ въ конкурсномъ управленіи, на неудовлетвореніе его членами конкурснаго управленія — присяжными повѣренными—слѣдующимъ ему жалованьемъ и разъѣздными деньгами (журн. 10 Января 1873 г.); в) жалобу опекуновъ надъ имуществомъ умершаго на непредставленіе имъ присяжнымъ повѣреннымъ отчета въ израсходованіи суммы, полученной имъ отъ умершаго для извѣстнаго употребленія, такъ какъ просьба объ истребованіи отчета, не сопровождаемая обвиненіемъ въ какихъ-либо неправильныхъ дѣйствіяхъ, имѣетъ характеръ гражданскаго иска, Совѣту

не подвѣдомственнаго (журн. 11 Декабря 1869 г.); г) жалобу конкурснаго управленія на непредставленіе ему отчета присяжнымъ повѣреннымъ, дѣйствовавшимъ по довѣренности должника раньше объявленія его несостоятельнымъ (журн. 3 Февраля 1872 г.), и д) жалобу частнаго лица на предъявленіе къ нему бывшимъ его повѣреннымъ въ судебномъ порядкѣ иска о вознагражденіи за веденіе дѣла въ преувеличенномъ, будто бы, размѣрѣ (журн. 22 Декабря 1871 г.); но если судебное производство о взысканіи вознагражденія за веденіе дѣла уже окончено, то Совѣтъ—на основаніи правила, изложеннаго ниже подъ № 5—входитъ въ разборъ обвиненія присяжнаго повѣреннаго въ невѣрномъ исчисленіи вознагражденія (журн. 12 Января 1872 г.).

3) Совѣтъ не входитъ въ разсмотрѣніе такихъ жалобъ или сообщеній, которыми взводится на присяжныхъ повѣренныхъ обвиненіе въ общихъ (т. е. не спеціально-адвокатскихъ) правонарушеніяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда уголовнаго. На этомъ основаніи Совѣтъ оставилъ безъ разсмотрѣнія: а) жалобу на присяжнаго повѣреннаго за данное имъ, будто бы, ложное свидѣтельское показаніе (журн. 18 Января 1869 г.), б) жалобу на помощника присяжнаго повѣреннаго за присвоеніе имъ, будто бы, векселей, данныхъ ему только для дисконта (журн. 7 Апрѣля 1871 г.), и в) сообщеніе Окружнаго Суда, которымъ передавалось на разрѣшеніе Совѣта дѣло по обвиненію присяжнаго повѣреннаго въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 287-ою Уложенія о Наказаніяхъ, т. е. въ оскорбленіи частнаго лица во время судебнаго засѣданія (журн. 14 Октября 1870 г.). Исключеніе изъ общаго правила составляютъ дѣла объ оскорбленіи присяжнымъ повѣреннымъ частныхъ и должностныхъ лицъ, когда оно совершено присяжнымъ повѣреннымъ

при исполненіи адвокатскихъ обязанностей, и когда оскорбленное лице обращается съ жалобой именно въ Совѣтъ, прося подвергнуть виновнаго не уголовному наказанію, а дисциплинарному взысканію (см. журн. 14 Окт. 1870 г.). Совѣтъ принималъ, на этомъ основаніи, къ своему разсмотрѣнію сообщенія Мироваго Съѣзда и самихъ мировыхъ судей объ оскорбительныхъ для мировыхъ судей выраженіяхъ или дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 23 Мая 1870, 6 декабря 1873, 19 Января 1874 г.), сообщеніе Предсѣдателя Окружнаго Суда объ оскорбленіи присяжнымъ повѣреннымъ Судебнаго Пристава (журн. 4 Декабря 1869 года), а также жалобы присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ на оскорбленіе ихъ присяжными повѣренными (журн. 13 Января 1871, 3 Мая 1872, 24 Января и 23 Мая 1873 г.). Жалобы частныхъ лицъ на оскорбленіе ихъ присяжными повѣренными не при исправленіи послѣдними адвокатскихъ обязанностей Совѣтъ къ разсмотрѣнію своему не принималъ (журн. 17 Мая 1872, 1 Декабря 1873 г.).

4) Совѣтъ не входитъ въ разсмотрѣніе такихъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, которыя основаны на судебномъ опредѣленіи — напр. на опредѣленіи суда о наложеніи ареста на имущество отвѣтчика (журн. 8 Марта 1872 г.).

5) По окончаніи гражданскаго или уголовнаго дѣла, къ которому присяжный повѣренный былъ привлеченъ въ качествѣ отвѣтчика или обвиняемаго, Совѣтъ можетъ съ своей стороны приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ самыхъ дѣйствій, которыя были предметомъ оконченнаго дѣла, если кѣмъ-либо возбуждается или вообще возникаетъ предположеніе, что они заключаютъ въ себѣ что-либо несовмѣстное съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго (журн. 11 Декабря 1869, 14 Октября 1870, 12 Января 1872 г., отчеты за

1869—70 и 1870—71 г.). Въ этихъ видахъ Совѣтъ проситъ иногда судъ, въ которомъ производится дѣло, сообщить Совѣту копію съ окончательнаго своего постановленія (журн. 14 Октября 1870 г.). Въ одномъ только случаѣ Совѣтъ призналъ возможнымъ войти въ разсмотрѣніе дѣйствій обвиняемаго еще прежде окончанія уголовнаго дѣла, какъ только оно было направлено къ прекращенію (журн. 31 Августа 1873 г.); это объясняется тѣмъ, что дальнѣйшее производство дѣла въ уголовномъ порядкѣ представлялось, въ данномъ случаѣ, совершенно немыслимымъ.

В. *Внѣ сферы адвокатской дѣятельности, Совѣту подсудны такіе поступки присяжнаго повѣреннаго, которые могутъ имѣть вліяніе на степень довѣрія къ нему со стороны общества или на нравственную его обществомъ оцѣнку*. Положеніе это формулировано нами такъ, какъ оно высказано въ опредѣленіи Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, исполненномъ посылкою указа 16 Ноября 1872 г. Опредѣленіемъ этимъ окончательно разрѣшенъ важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, касающихся дисциплинарной власти Совѣта — вопросъ, возбуждавшій и въ средѣ Совѣта, и внѣ его, много сомнѣній и споровъ. Хотя въ послѣднихъ словахъ отчета Совѣта за 1867—68 г., приведенныхъ нами выше (подъ лит. А) и замѣтно уже стремленіе расширить кругъ дѣйствій Совѣта за предѣлы адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, хотя въ началѣ 1868 г. и состоялось одно постановленіе Совѣта, дѣйствительно выходившее за эти предѣлы *), однако еще въ началѣ 1869 г., при раз-

*) Постановленіе это, состоявшееся 17 Февраля 1868 года, приведено ниже, въ § 37, въ примѣчаніи къ постановленію подъ № 9.

смотрѣніи одного частнаго случая, Совѣтъ находилъ, что всѣ неправильные поступки присяжныхъ повѣренныхъ, совершенные ими *не въ качествѣ повѣренныхъ*, подсудны не Совѣту, а общимъ судебнымъ установленіямъ (журн. 18 Января 1869 г.). Но самая сила вещей скоро привела Совѣтъ къ противоположному убѣжденію. Уже въ началѣ 1870 г. Совѣтъ принялъ къ своему разсмотрѣнію жалобу, имѣвшую предметомъ неправильную покупку присяжнымъ повѣреннымъ, съ публичнаго торга, имѣнія, т. е. такое дѣйствіе, которое къ адвокатской дѣятельности присяжнаго повѣреннаго конечно отнесено быть не можетъ (журн. 24 Января 1870 г.). Въ томъ же году состоялось опредѣленіе Правительствующаго Сената (по Общему Собранію Кассаціонныхъ Департаментовъ, 27 Апрѣля, № 5), которымъ было признано, что присяжные повѣренные подлежатъ отвѣтственности за всѣ дѣйствія, несогласныя съ понятіями нравственности и съ тѣми обязанностями, которыя присяжный повѣренный, вступая въ сословіе, принимаетъ на себя передъ правительствомъ и обществомъ. Въ 1871 г. Совѣтъ въ первый разъ прямо предложилъ себѣ вопросъ о томъ, подлежатъ ли присяжные повѣренные дисциплинарной отвѣтственности за поступки, не входящіе въ кругъ адвокатской дѣятельности, и разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно по слѣдующимъ соображеніямъ: «при учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ законодательная власть имѣла главною цѣлью организовать среду свѣдущихъ людей, отличающихся, кромѣ спеціальныхъ познаній, такими нравственными качествами, которыя могли бы служить достаточною гарантіею вполнѣ добросовѣстнаго отношенія ихъ нетолько къ интересамъ довѣрителей, но и къ самому правосудію. Законодатель, очевидно, не желалъ, чтобы эти лица служили

исключительно частнымъ интересамъ, пользуясь для этой цѣли всякими средствами и отвѣтствуя лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ незаконныя дѣйствія наносятъ вредъ ихъ довѣрителямъ. Если бы законъ имѣлъ въ виду созданіе корпораціи способныхъ и ловкихъ защитниковъ всякихъ частныхъ интересовъ, преслѣдующихъ исключительно одну пользу своихъ довѣрителей, то для достиженія такой цѣли вовсе не требовалось бы особыхъ нравственныхъ качествъ, потому что принципъ вѣрнаго служенія интересамъ довѣрителей достаточно поддерживался бы одними матеріяльными выгодами подобной односторонней честности. Совѣтъ убѣжденъ, что учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ болѣе обширную задачу, состоящую въ томъ чтобы организовать среду людей, которые дѣйствовали бы на этомъ поприщѣ въ видахъ правосудія, не защищали бы завѣдомо безнравственныя домогательства и пользовались бы только законными и частными средствами. Въ этомъ убѣжденіи Совѣтъ всегда порицалъ предосудительныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда они были направлены не ко вреду, а къ частной выгодѣ ихъ довѣрителей. Поступая же такимъ образомъ, Совѣтъ неизбѣжно долженъ переходить границу дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, какъ уполномоченныхъ другими лицами. Кромѣ того, порученный Совѣту надзоръ за нравственными качествами присяжныхъ повѣренныхъ не допускаетъ возможности ограниченія его власти предѣлами дѣятельности ихъ по формальнымъ довѣренностямъ, отъ чужаго имени. Если законъ (ст. 380 Учр. Суд. Устан.) обязываетъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ при разсмотрѣніи просьбы о принятіи кого-либо въ сословіе собирать свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ просителя, и въ

случаѣ неодобрительныхъ отзывовъ, отказывать ему въ его просьбѣ, то было бы нелогично предполагать, что лице, подлежащее съ нравственной стороны контролю Совѣта до поступленія въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, освобождалось бы отъ такого контроля только потому, что оно уже принято въ сословіе. Очевидно, что повѣренный, дозволившій себѣ извѣстныя явно предосудительныя дѣйствія по дѣлу, производившемуся отъ его собственнаго имени, не представляетъ требуемой закономъ нравственной гарантіи по дѣламъ, которыя ведутся имъ же по уполномочію другихъ лицъ. Предположеніе о возможности такой разнокачественной дѣятельности одного и того же лица въ двухъ отдѣлахъ однороднаго круга дѣйствій, различаемыхъ лишь чисто внѣшними, формальными признаками, не имѣетъ никакихъ основаній, и въ особенности немыслимо при томъ установленномъ у насъ закономъ и обычаемъ процентномъ вознагражденіи, которое дѣлаетъ повѣреннаго участникомъ въ выгодахъ чужихъ процессовъ. Притомъ, ограниченіе дисциплинарной власти Совѣта одними отношеніями повѣренныхъ къ довѣрителямъ дало бы на практикѣ возможность совершеннаго устраненія этого надзора, посредствомъ замѣны довѣренностей формальною передачею самыхъ обязательствъ. Независимо отъ сего, по мнѣнію Совѣта, на обязанности его лежитъ забота о томъ, чтобы члены сословія присяжныхъ повѣренныхъ заслуживали общее довѣріе нетолько какъ адвокаты, но и вообще какъ честные люди.» (Журн. 19 Февраля 1871 г.).

Оппозиція противъ расширенія предѣловъ дисциплинарной власти Совѣта. Окончательное разрѣшеніе вопроса Прав. Сенатомъ.

36. Оставаясь вѣрнымъ общему взгляду, выраженному въ этомъ постановленіи, Совѣтъ продолжалъ расширять кругъ своей дѣятельности, привлекая къ своему суду присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ не за одни только нарушенія адвокатскихъ ихъ обязанностей. Это направленіе скоро вызвало протестъ изъ среды самого сословія. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ представилъ на разсмотрѣніе общаго собранія, въ Апрѣлѣ 1872 г., слѣдующее заявленіе: «Вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной власти Совѣта необходимо обсудить со всею внимательностью нынѣ же, пока нѣтъ еще въ виду серьозныхъ превышеній власти, именно съ цѣлью предупредить ихъ. Этотъ вопросъ всегда былъ самымъ жгучимъ вопросомъ Парижской адвокатуры и ежегодно возбуждается даже въ средѣ нашей, сравнительно молодой, корпораціи. Не входя въ подробное изложеніе своихъ мотивовъ по этому вопросу, долгомъ считаю объяснить, что по мнѣнію моему: 1) Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не вправѣ касаться поступковъ, не относящихся *прямо* и *непосредственно* къ обязанности по званію присяжнаго повѣреннаго. 2) Совѣтъ можетъ примѣнить свою дисциплинарную власть и входить въ разсмотрѣніе только такого противнаго законамъ дѣянія присяжнаго повѣреннаго, по которому *состоялся* обвинительный судебный *приговоръ*, причемъ необходимо, чтобы такой, признанный окончательнымъ рѣшеніемъ суда противозаконнымъ, поступокъ самъ по себѣ вполнѣ подрывалъ довѣріе къ *правдивости* или добросовѣстности и честности виновнаго въ немъ. 3) Мнѣнія присяжнаго повѣреннаго политическія и религіозныя, а равно всѣ его поступки въ качествѣ человѣка и гражданина, хотя бы и противныя за-

кону, но не подрывающія довѣрія къ правдивости или добросовѣстности и честности,—должны быть безусловно изъяты изъ вѣдѣнія Совѣта. 4) Всѣ дозволенныя закономъ дѣйствія (напримѣръ отказъ отъ платежа долговъ, сдѣланныхъ въ періодѣ несовершеннолѣтія), хотя бы эти дѣйствія по личнымъ убѣжденіямъ значительнаго большинства принадлежали къ числу недобросовѣстныхъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать Совѣту права на примѣненіе дисциплинарной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ не вправѣ ни подъ какимъ предлогомъ входить въ разсмотрѣніе и высказывать порицаніе за тѣ или другія *чувства* (мести, дурно понятой дружбы), которыя могли бы руководить дѣйствіями, не подлежащими сами по себѣ разсмотрѣнію Совѣта. Нарушать это правило, значитъ присвоить себѣ педагогическую и родительскую власть. Между тѣмъ означенный принципъ, по мнѣнію моему, былъ нарушенъ Совѣтомъ недавно въ рѣшеніи по дѣлу объ одномъ помощникѣ присяжнаго повѣреннаго, отказавшемся уплатить долгъ, сдѣланный въ періодъ несовершеннолѣтія человѣку, который притѣснялъ его во время безденежья». Заявленіе это было подвергнуто обсужденію въ общемъ собраніи 15 Октября 1872 г. Авторъ его и другой присяжный повѣренный, его поддерживавшій, доказывали, что расширеніе дисциплинарной власти Совѣта вопервыхъ незаконно, такъ какъ законъ указываетъ прямо, какія нравственныя обязанности присяжнаго повѣреннаго подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта, а вовторыхъ вредно, такъ какъ и безъ того уже Совѣтъ, члены котораго и по своимъ талантамъ, и по матеріяльному обезпеченію выдѣляются изъ среды другихъ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣетъ огромное вліяніе на сословіе. Всѣ остальныя лица, говорившія въ собраніи, возражали противъ заявленія, объясняя,

что провести точную границу между адвокатскою и не адвокатскою дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ чрезвычайно трудно; что для присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ нравственности спеціальной, необходима и нравственность общая, а слѣдовательно необходимъ и контроль какъ за тою, такъ и за другою; что широко примѣняя свою дисциплинарную власть, Совѣтъ задается не педагогическою цѣлью, стремится не къ исправленію отдѣльныхъ лицъ, а къ поднятію общаго уровня всего сословія и къ установленію правильныхъ взглядовъ на обязанности присяжнаго повѣреннаго; что расширеніе власти Совѣта никакой опасности не представляетъ, такъ какъ составъ его можетъ быть измѣненъ ежегодно по усмотрѣнію сословія, и что Совѣтъ пользовался своею властью осторожно, не касаясь той сферы, на которую дѣйствительно не должно простираться его вмѣшательство—домашней жизни и убѣжденій присяжныхъ повѣренныхъ. По окончаніи преній былъ поставленъ вопросъ: находитъ ли общее собраніе необходимымъ, въ виду установившейся практики Совѣта, преподать Совѣту правила для опредѣленія предѣловъ дисциплинарной его власти? Вопросъ этотъ, весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, былъ разрѣшенъ отрицательно.

Почти одновременно съ этимъ рѣшеніемъ состоялось опредѣленіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Прав. Сената, упомянутое въ началѣ настоящаго параграфа и доказавшее съ полною ясностью, какъ неосновательны были сомнѣнія въ *законности* образа дѣйствій Совѣта. По крайней важности этого опредѣленія, мы приведемъ изъ него буквально все то, что относится къ занимающему насъ теперь вопросу. «Обращаясь къ объясненіямъ просителя относительно того, что Совѣтъ вошелъ въ разсмотрѣніе такихъ

дѣйствій его, которыя не касались обязанностей, входящихъ въ кругъ дѣятельности присяжнаго повѣреннаго, Прав. Сенатъ принялъ на видъ слѣдующія соображенія: на основаніи 380 ст. Учр. Суд. Устан., Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, разсматривающій и разрѣшающій прошенія желающихъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, нетолько обязанъ, при постановленіи своихъ по этому предмету опредѣленій, входить въ разсмотрѣніе означенныхъ въ ст. 379-й документовъ, но и уполномоченъ принимать при этомъ въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя признаетъ нужными; значеніе же такого права, предоставленнаго Совѣту относительно удовлетворенія ходатайствъ лицъ, просящихъ о приписке ихъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, явствуетъ изъ соображеній, принятыхъ Государственнымъ Совѣтомъ (журн. 1864 г., № 48) въ основаніе 1 п. 367-й ст., Учр. Суд. Устан., и указывающихъ именно на то, что Совѣтъ, при разрѣшеніи означенныхъ просьбъ, не долженъ ограничиваться разсмотрѣніемъ письменныхъ доказательствъ правъ извѣстнаго лица на поступленіе его въ присяжные повѣренные, но обязанъ собирать необходимыя свѣдѣнія о *нравственныхъ качествахъ* лица, просящаго о принятіи его въ это сословіе. Если соблюденіе сего правила со стороны Совѣта безусловно необходимо при самомъ поступленіи того или другаго лица въ число присяжныхъ повѣренныхъ, то тѣмъ менѣе можетъ быть отвергаема обязанность Совѣта имѣть въ послѣдствіи надзоръ относительно нравственныхъ качествъ лица, принявшаго уже на себя означенное званіе; обязанность же сія не была бы исполнима, если бы надзоръ Совѣта ограничивался лишь адвокатскою, въ тѣсномъ смыслѣ, дѣятельностью присяжнаго повѣреннаго; а потому, сообразно самому свойству и цѣли этого

надзора—охранить учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ нахожденія въ средѣ ихъ лицъ недостойныхъ общественнаго довѣрія,—наблюденіе Совѣта должно простираться нетолько на соблюденіе присяжнымъ повѣреннымъ интересовъ своихъ довѣрителей и порученныхъ его защитѣ подсудимыхъ, *но и на всѣ вообще его поступки, могущіе имѣть вліяніе на степень довѣрія къ нему со стороны общества*, предъ которымъ Совѣтъ, допустивъ извѣстное лице въ среду присяжныхъ повѣренныхъ, принимаетъ тѣмъ самымъ на себя отвѣтственность, что лице это, нетолько по формальнымъ условіямъ, но и по нравственнымъ своимъ качествамъ, достойно довѣрія. Въ виду этихъ же соображеній необходимо признать и то, что Совѣтъ имѣетъ право входить въ обсужденіе и такихъ не относящихся до адвокатской дѣятельности дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, которыя совершены имъ до принятія на себя этого званія, коль скоро дѣйствія тѣ могутъ, по мнѣнію Совѣта, вліять на *нравственную оцѣнку* лица, совершившаго оныя».

Случаи осужденія присяжныхъ повѣренныхъ за дѣйствія, совершенныя ими не въ качествѣ адвокатовъ.

37. Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о томъ, какого рода дѣйствія, не входящія въ кругъ адвокатской дѣятельности, могутъ быть признаваемы подсудными Совѣту, слѣдуетъ разсмотрѣть постановленія Совѣта, состоявшіяся до сихъ поръ по этому предмету. 1) Присяжный повѣренный купилъ на свое имя, съ публичнаго торга, недвижимое имѣніе лица, дѣла котораго обсуждались незадолго передъ тѣмъ въ общемъ собраніи его кредиторовъ,—собраніи, въ которомъ принималъ участіе и присяжный повѣренный. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ собранію, присяжному повѣренному было извѣстно, до какой степени невыгодна будетъ для самого должника и для его кредиторовъ

продажа имѣнія по низкой цѣнѣ. Между тѣмъ присяжный повѣренный, сообщивъ одному изъ кредиторовъ, что ѣдетъ въ мѣсто производства продажи набивать цѣну, на самомъ дѣлѣ купилъ имѣніе съ самой ничтожной надбавкой противъ оцѣнки (весьма низкой), причемъ въ торгахъ участвовало, кромѣ него, только лице, занимающееся у него письмоводствомъ и пріѣхавшее вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто производства продажи. Признавая, что дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, какъ клонившіяся къ пріобрѣтенію личныхъ выгодъ въ ущербъ кредиторамъ, не могутъ считаться вполнѣ добросовѣстными, но принимая съ другой стороны во вниманіе готовность его отказаться отъ покупки, если ему будутъ возмѣщены его издержки, — готовность, заявленную еще до принесенія на него жалобы, — Совѣтъ постановилъ сдѣлать присяжному повѣренному строгій выговоръ. (журн. 24 Января 1870 г.).

2) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ поставилъ свои бланки на двухъ векселяхъ. По наступленіи срока платежа и за неполученіемъ денегъ отъ векселедателя, векселедержатель протестовалъ векселя противъ бланконадписателя (присяжнаго повѣреннаго), показавъ его, со словъ его лакея, выѣхавшимъ изъ С.-Петербурга. Присяжный повѣренный (состоящій и присяжнымъ стряпчимъ при С.-Петербургскомъ Коммерческомъ Судѣ) предъявилъ въ Коммерческомъ Судѣ искъ объ освобожденіи отвѣтственности, на томъ основаніи, что онъ валюты по векселямъ не получилъ и что въ протестѣ онъ неправильно показанъ отсутствующимъ изъ С.-Петербурга. Въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства онъ представилъ свидѣтельство Полиціи о невыѣздѣ его изъ С.-Петербурга. Въ послѣдствіи времени, когда векселедатель подалъ уже жалобу въ Совѣтъ, искъ этотъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ

прекращенъ. Разсмотрѣвъ объясненія сторонъ, Совѣтъ нашелъ, что присяжный повѣренный, поставивъ свои бланки на векселяхъ, хорошо зналъ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность по этимъ обязательствамъ какъ бланконадписатель. Ему было столь же хорошо извѣстно, что эти обязательства не безденежныя. Предъявивъ искъ съ цѣлью сложить съ себя такую отвѣтственность, законность и справедливость которой онъ вполнѣ понималъ, присяжный повѣренный совершилъ поступокъ предосудительный, несовмѣстный съ достоинствомъ его званія. Вина его увеличивается тѣмъ, что однимъ изъ основаній иска онъ привелъ упущеніе въ протестѣ, происшедшее по собственной винѣ его, такъ какъ онъ приказалъ своей прислугѣ объявлять, во время рождественскихъ праздниковъ, приходящимъ къ нему лицамъ (кромѣ новыхъ просителей), что онъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга. По всѣмъ этимъ основаніямъ Совѣтъ сдѣлалъ присяжному повѣренному строгій выговоръ, ограничившись этой, сравнительно легкой, дисциплинарной мѣрой только потому, что настоящее дѣло было однимъ изъ первыхъ случаевъ привлеченія присяжнаго повѣреннаго къ отвѣтственности за дѣйствіе, совершенное имъ не въ качествѣ адвоката, и что присяжный повѣренный, подвергшійся осужденію, прежде никакимъ взысканіямъ со стороны Совѣта не подвергался (журн. 19 февраля 1871 г.).

3) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ признанъ Совѣтомъ виновнымъ въ томъ, что сначала убѣдилъ свою мать выдать ему безденежную сохранную росписку, написанную заднимъ числомъ, съ цѣлью предупредить обращеніе имѣнія ея на покрытіе взысканія, противъ нея предъявленнаго, а потомъ предъявилъ эту сохранную росписку ко взысканію, довелъ имѣніе матери до продажи съ публич-

наго торга и отказывалъ матери, дошедшей вслѣдствіе этого до совершеннаго раззоренія, даже въ небольшой суммѣ, которую обѣщалъ уплачивать ей помѣсячно. Находя, что отъ человѣка, дѣйствовавшаго такимъ образомъ въ отношеніи къ какому бы то ни было лицу, а тѣмъ болѣе въ отношеніи къ своей матери, нельзя ожидать правильнаго и добросовѣстнаго исполненія обязанностей, принимаемыхъ въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ, Совѣтъ постановилъ исключить виновнаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ *) (журн. 3 Февраля 1872 г.).

4) Портной мастеръ жаловался Совѣту на одного изъ помощниковъ, объясняя, что послѣдній задолжалъ ему за платье небольшую сумму и отказывается уплатить ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что долгъ былъ сдѣланъ во время его несовершеннолѣтія. Совѣтъ призналъ весьма неблаговиднымъ отказъ кого бы то ни было отъ платежа по обязательству на томъ единственно основаніи, что обязательство это выдано имъ до совершеннолѣтія,—когда при выдачѣ его онъ сознавалъ себя дѣйствительно обязаннымъ его выдать, и не былъ приведенъ къ выдачѣ его какимъ-нибудь обманомъ или ошибкою. Въ отношеніи къ данному случаю Совѣтъ нашелъ однако, что споръ, заявленный помощникомъ противъ росписки, взятой съ него портнымъ, не носитъ на себѣ характера обдуманнаго желанія воспользоваться своимъ несовершеннолѣтіемъ для неплатежа долга: при предъявленіи ему въ полиціи росписки, помощникъ, бывшій въ то время еще студентомъ, призналъ себя обя-

*) Жалоба присяжнаго повѣреннаго на опредѣленіе Палаты, которымъ было утверждено это постановленіе Совѣта, вызвала то опредѣленіе общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Прав. Сената, которое приведено выше, въ § 36.

заннымъ платить по ней, и заявилъ о своемъ несовершенолѣтіи тогда лишь, когда взыскатель потребовалъ личнаго его задержанія, и то по совѣту другаго лица, представившаго ему это средство какъ единственное, чтобы избѣгнуть задержанія. Но Совѣтъ не могъ не поставить въ упрекъ помощнику дальнѣйшія его дѣйствія: послѣ того прошло нѣсколько лѣтъ, матеріальное положеніе его значительно измѣнилось, такъ что, по собственному его заявленію, уплата долга портному не могла составить для него большаго стѣсненія; онъ не переставалъ сознавать, что долгъ его портному произошелъ не вслѣдствіе какого-либо обмана, а за дѣйствительную услугу, оказанную ему портнымъ—и несмотря на это, онъ все-таки не удовлетворялъ вполнѣ справедливаго требованія портнаго. Объясненіе его, что онъ дѣйствовалъ такъ съ цѣлью *проучить* портнаго за желаніе подвергнуть его аресту, не можетъ оправдывать его, такъ какъ онъ долженъ былъ сообразить, что не платя портному долга, онъ нетолько наноситъ вредъ портному, но и удерживаетъ въ свою пользу деньги слѣдующія послѣднему, что уже отнюдь не можетъ входить въ разсчетъ человѣка, желающаго лишь мстить, и легко могло показаться портному совершеннымъ нежеланіемъ разсчитаться съ нимъ. Вслѣдствіе сего Совѣтъ постановилъ сдѣлать помощнику, — удовлетворившему между тѣмъ сполна своего кредитора, — замѣчаніе по поводу вышеозначенныхъ его дѣйствій [1]) (журн. 16 Февраля 1872 г.).

5) Присяжный повѣренный, получивъ отъ одного лица

---

[1]) Это постановленіе Совѣта послужило непосредственнымъ поводомъ къ приведенному выше заявленію одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ о необходимости ограничить дисциплинарную власть Совѣта.

вексель для обмѣна на другой, съ обязательствомъ возвратить одинъ изъ этихъ двухъ векселей въ тотъ же самый день, не возвращалъ ни того, ни другаго, несмотря на неоднократныя и настойчивыя требованія, въ продолженіе полугода, и возвратилъ одинъ изъ векселей лишь послѣ подачи жалобы въ Совѣтъ. Причины такой медленности присяжный повѣренный, при разборѣ дѣла въ Совѣтѣ, нетолько удовлетворительно не объяснилъ, но давалъ по этому предмету сбивчивыя и явно неосновательныя объясненія. Совѣтъ запретилъ ему отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе шести мѣсяцевъ (журн. 25 Апрѣля 1873 года). Постановленіе это утверждено Судебною Палатой.

6) На одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ было предъявлено въ Окружномъ Судѣ взысканіе по выданной имъ и собственноручно имъ подписанной роспискѣ въ 1000 руб. Допустивъ постановленіе заочнаго рѣшенія, присяжный повѣренный подалъ отзывъ, написанный до крайности безграмотно и не содержавшій въ себѣ никакого спора противъ существа рѣшенія, а одно лишь возраженіе противъ мѣры къ обезпеченію иска, будто бы совершенно излишней; между тѣмъ, при приведеніи въ исполненіе постановленія Суда по этому предмету, оказалось, что въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго ничего ему не принадлежитъ, что даже письменный столъ и постель его считаются собственностью его сестры. Находя въ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго явное уклоненіе отъ уплаты долга, Совѣтъ постановилъ запретить ему отправленіе обязанностей присяжнаго повѣреннаго въ продолженіе одного года (журн. 30 Мая 1873 года). Это постановленіе Совѣта утверждено Судебной Палатой

7) Присяжный повѣренный, съ котораго одинъ изъ товарищей его, по довѣренности векселедержателя, произво-

дилъ взысканіе по векселю, обѣщалъ заплатить остальныя деньги къ опредѣленному сроку, вслѣдствіе чего повѣренный взыскателя прекратилъ взысканіе и возвратилъ вексель должнику; между тѣмъ послѣдній ни къ назначенному сроку, ни въ продолженіе шести недѣль по истеченіи его, денегъ не заплатилъ, вслѣдствіе чего повѣренный взыскателя былъ вынужденъ уплатить взыскателю изъ собственныхъ своихъ денегъ. Когда это дошло до свѣдѣнія Совѣта, отъ присяжнаго повѣреннаго, не исполнившаго своего обѣщанія, потребовано было объясненіе, и хотя онъ вслѣдъ затѣмъ уплатилъ слѣдовавшія съ него деньги, но дѣло прекращено не было, такъ какъ Совѣтъ нашелъ, что на обязанности его лежитъ предупрежденіе и разъясненіе всего, могущаго поколебать взаимное довѣріе присяжныхъ повѣренныхъ. Присяжный повѣренный объяснилъ Совѣту, что онъ считалъ себя обязаннымъ уплатить деньги къ назначенному сроку, но не могъ этого сдѣлать за неимѣніемъ средствъ. Выслушавъ это объясненіе, Совѣтъ не нашелъ основанія подвергать присяжнаго повѣреннаго какому-нибудь взысканію; но принимая во вниманіе, что повѣренный векселедержателя согласился на прекращеніе взысканія именно подъ условіемъ срочной уплаты остальныхъ денегъ, Совѣтъ призналъ необходимымъ разъяснить присяжному повѣренному, что онъ долженъ былъ серьознѣе отнестись къ своему обязательству, что онъ или не долженъ былъ давать обѣщанія уплатить деньги къ опредѣленному сроку, или долженъ былъ употребить всѣ мѣры къ исполненію своего обѣщанія—что при незначительности долга (65 руб.) едвали представлялось безусловно невозможнымъ (журн. 22 Іюня 1873 г.).

8) Одинъ изъ помощниковъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что принималъ участіе въ полученіи матерью его векселей, номинальная стоимость которыхъ весьма значительно превышала дѣйствительно выданную по нимъ сумму, причемъ намѣренно былъ вводимъ въ заблужденіе родственникъ одного изъ лицъ, подписавшихся на векселѣ. Совѣтъ предложилъ присяжному повѣренному, при которомъ помощникъ состоялъ, удалить его изъ числа помощниковъ (журн. 13 Октября 1873 г.).

9) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ совершилъ актъ покупки у замужней женщины всего имущества, находящагося въ общей ея и мужа ея квартирѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ другой актъ, по которому все купленное было оставлено во владѣніи прежней собственницы. Эти два акта были совершены въ то время, когда на часть проданнаго имущества былъ наложенъ арестъ по иску третьяго лица, предъявленному къ мужу продавщицы, и когда арестованныя вещи были отданы послѣдней на храненіе. Затѣмъ присяжный повѣренный предъявилъ къ взыскателю искъ, доказывая свои права на арестованное имущество. Совѣтъ пришелъ къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ не было дѣйствительной продажи и покупки имущества, а была совершена мнимая сдѣлка, съ цѣлью огражденія имущества отъ претензій кредиторовъ. За такое дѣйствіе, направленное къ обходу закона, Совѣтъ запретилъ присяжному повѣренному исправленіе обязанностей на шесть мѣсяцевъ [1]) (журн. 17 Октября 1873 г.). Постановленіе это утверждено Судебною Палатою.

---

[1]) Уже въ 1868 г. Совѣтъ, не разрѣшившій еще въ то время разъ навсегда вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной своей

10) На одного изъ помощниковъ поступило обвиненіе въ томъ, что онъ завѣдомо укрывалъ въ своей квартирѣ должника, не желающаго платить своихъ долговъ. Обвиненіе это не подтвердилось, но при разборѣ дѣла оказалось, что помощникъ позволялъ лицу, имѣющему много долговъ, числиться живущимъ на квартирѣ его, помощника между тѣмъ какъ это лице имѣло другую квартиру, гдѣ оно жило вмѣстѣ съ женою. Совѣтъ поручилъ присяжному повѣренному, при которомъ помощникъ состоитъ, внушить послѣднему, чтобы онъ на будущее время былъ осмотрительнѣе и не допускалъ такихъ дѣйствій, которыя даютъ поводъ приписывать ему стремленіе къ противозаконнымъ или предосудительнымъ цѣлямъ (журн. 8 Декабря 1873 г.).

11) Одинъ изъ помощниковъ, узнавъ о нредъявленіи противъ него ко взысканію векселя, на которомъ онъ подписался поручителемъ, выписался изъ С.-Петербурга въ Стрѣльну, на самомъ дѣлѣ оставаясь въ С.-Петербургѣ, и сдѣлалъ это, какъ онъ самъ объяснилъ Совѣту, именно съ цѣлью уклониться на время отъ платежа долга, цифру котораго онъ признавалъ преувеличенною вдвое. Затѣмъ, чтобы склонить заимодавца къ уменьшенію претензіи на половину, онъ угрожалъ ему высылкой изъ С.-Петербурга въ административномъ порядкѣ и обращался въ секретное отдѣленіе канцеляріи Градоначальника съ просьбою о содѣйствіи къ устраненію неправильной, по его мнѣнію, претензіи. Совѣтъ предложилъ присяжному повѣренному, при которомъ со-

---

власти, запретилъ отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе десяти недѣль присяжному повѣренному, принявшему въ закладъ движимое имущество одного лица, съ цѣлью предупредить обращеніе на это имущество присужденныхъ судомъ взысканій (журн. 17 Февраля 1868 г.).

стоялъ помощникъ, не считать его болѣе своимъ помощникомъ, съ тѣмъ, что по истеченіи года онъ можетъ вновь просить о принятіи его въ число помощниковъ (журн. 5 Января 1874 г.).

Все вышеизложенное показываетъ съ достаточною ясностью, въ какомъ смыслѣ и направленіи Совѣтъ пользуется обширною властью, признанною за нимъ и сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, и Правительствующимъ Сенатомъ. Главныя начала, которыми до сихъ поръ руководствовался Совѣтъ при сужденіи о не-адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: а) *присяжный повѣренный, дѣйствуя въ качествѣ частнаго лица, не можетъ совершать безнаказанно такихъ поступковъ, которые подвергли бы его взысканію, еслибы были совершены имъ въ качествѣ адвоката* (см. постановленія, приведенныя выше подъ №№ 2, 3, 6, 10, 11). Совѣтъ конечно не оправдалъ бы присяжнаго повѣреннаго, который посовѣтовалъ бы довѣрителю своему, въ видахъ уклоненія отъ платежа долга, выписаться изъ своего мѣста жительства, оставаясь тамъ на самомъ дѣлѣ, или инымъ способомъ укрываться отъ своихъ кредиторовъ, или воспользоваться ошибкой въ протестѣ, происшедшей по собственной винѣ его, или подать безсмысленный отзывъ на безспорно-правильное заочное рѣшеніе, или вообще обратиться къ средствамъ, несогласнымъ съ закономъ; еще менѣе оправдалъ бы онъ того, кто, зная о безденежности документа, выданнаго матерью сыну, посовѣтовалъ бы сыну предъявить или самъ, по довѣренности сына, предъявилъ бы этотъ документъ ко взысканію, не останавливаясь передъ отнятіемъ у матери послѣдняго имущества ея. Понятно,

что всѣ подобные поступки отнюдь не болѣе извинительны и не менѣе недостойны присяжнаго повѣреннаго, если они совершены имъ по собственному его дѣлу. б) *Присяжный повѣренный не долженъ нарушать или обходить требованія закона, съ цѣлью доставить себѣ или другому матеріяльную выгоду или избѣжать матеріяльной потери* (см. постановленія, приведенныя подъ №№ 3, 6, 8, 9). Нельзя допустить, чтобы присяжный повѣренный, обязанный, на ряду съ судомъ и всѣми его органами, поддерживать и охранять уваженіе къ закону, безнаказанно могъ позволять себѣ, въ своей частной жизни, дѣйствія, направленныя къ цѣли прямо противоположной, и по самому существу своему безнравственныя — напр. участіе въ полученіи безденежныхъ векселей или въ совершеніи сдѣлокъ, клонящихся къ предупрежденію продажи имущества по претензіямъ третьихъ лицъ. в) *Присяжный повѣренный, въ сферѣ дѣловыхъ и имущественныхъ отношеній, долженъ точно исполнять обязательства и обѣщанія, имъ данныя* (см. постановленія, приведенныя выше подъ №№ 1, 2, 4, 5, 7, 11). Это положеніе прямо проистекаетъ изъ основной мысли, высказанной Прав. Сенатомъ:—что Совѣту подсудны всѣ дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, которыя могутъ имѣть вліяніе на степень общаго къ нему довѣрія.

Внушенія, дѣлаемыя Совѣтомъ.

38. Независимо отъ взысканій, налагаемыхъ на основаніи ст. 368-й, Учр. Суд. Устан., Совѣтъ, какъ мы уже видѣли выше (§ 26), считаетъ себя въ правѣ обращать вниманіе присяжныхъ повѣренныхъ на допущенныя ими маловажныя погрѣшности или ошибки и предлагать или внушать имъ [1]), чтобы они избѣгали на

[1]) Для того чтобы подобное предложеніе не могло быть смѣ-

будущее время подобныхъ неправильныхъ дѣйствій или упущеній. Этимъ правомъ, особенно въ послѣднее время, Совѣтъ пользуется довольно часто, но споръ противъ него былъ возбуждаемъ только четыре раза. Въ первыхъ трехъ случаяхъ спорный вопросъ не былъ подвергнутъ со стороны Совѣта подробному разсмотрѣнію. Въ послѣднемъ случаѣ присяжный повѣренный, которому была разъяснена неправильность его дѣйствій, принесъ на постановленіе Совѣта жалобу, въ которой доказывалъ, между прочимъ, что сдѣланное ему предложеніе быть болѣе осмотрительнымъ на будущее время составляетъ взысканіе, выходящее изъ предѣловъ власти Совѣта. Въ постановленіи Совѣта по поводу этой жалобы приведены въ опроверженіе ея слѣдующіе доводы:

«По смыслу 356, 357, 368 и 376 ст. Учр. Суд. Устан. и соображеній, на которыхъ онѣ основаны, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, учрежденный для наблюденія и надзора за состоящими въ судебномъ округѣ повѣренными, въ видахъ поддержанія нравственнаго достоинства этого учрежденія, долженъ имѣть характеръ не судебный, а преимущественно наставительный, и по возможности избѣгать рѣзкихъ мѣръ. Поэтому за Совѣтомъ, какъ учрежденіемъ наблюдательнымъ, необходимо должно быть признано право порицать извѣстныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, которыя, не составляя проступка или упущенія, подлежащаго взысканію, могутъ умалять нравственное достоинство

шиваемо съ предостереженіемъ и не имѣло свойства дисциплинарнаго взысканія, Совѣтъ никогда не говоритъ прямо въ заключительной части своихъ постановленій: *сдѣлать такому-то замѣчаніе или внушеніе*, а всегда употребляетъ форму болѣе мягкую, въ родѣ той, которая приведена нами въ текстѣ.

учрежденія въ глазахъ публики, и принимать мѣры къ тому, чтобы такія дѣйствія не повторялись на будущее время, не присуждая совершившихъ ихъ къ какому-либо взысканію. Еслибы это право порицанія и предупрежденія не было признано за Совѣтомъ, то онъ получилъ бы именно характеръ чисто судебнаго учрежденія и лишился бы самаго могущественнаго средства для поддержанія достоинства корпораціи, ибо въ такомъ случаѣ его дѣятельность ограничилась бы однимъ опредѣленіемъ взысканій за явно неправильныя дѣйствія и упущенія и потеряла бы то наставительное значеніе, которое законодатель имѣлъ въ виду при его учрежденіи. Такимъ образомъ несомнѣнно, что предложеніе со стороны Совѣта присяжному повѣренному быть болѣе осмотрительнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ есть мѣра предупредительная, а никакъ не взысканіе, и что эта мѣра не можетъ считаться выходящею изъ предѣловъ его власти». (журн. 7 Ноября 1873 г.). Въ дополненіе къ этимъ доводамъ можно привести еще одно простое соображеніе: никто не станетъ отвергать, что Совѣтъ имѣетъ право, *въ мотивахъ своего постановленія*, признать то или другое дѣйствіе присяжнаго повѣреннаго не настолько серьезнымъ, чтобы требовать взысканія, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько неправильнымъ, чтобы заслуживать порицанія. Очевидно, слѣдовательно, что споръ можетъ идти только о правѣ Совѣта повторить или сосредоточить это порицаніе въ заключительныхъ словахъ постановленія, прямо обращенныхъ къ присяжному повѣренному, по дѣлу котораго оно состоялось. Сведенный къ этому вопросу споръ является направленнымъ уже не противъ права Совѣта высказывать свой неодобрительный взглядъ на дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, а противъ извѣстной формы выраженія этого взгля-

да—и теряетъ такимъ образомъ всякое серьезное значеніе. Странно было бы, наконецъ, отказывать учрежденію, облеченному карательною властью, въ правѣ гораздо меньшемъ, ни для кого не вредномъ и не опасномъ, и проистекающемъ изъ самаго существа обязанностей Совѣта.

Поводы къ разъясненію присяжнымъ повѣреннымъ неправильности ихъ дѣйствій, съ предложеніемъ избѣгать подобныхъ не правильностей на будущее время, были до сихъ поръ слѣдующіе:

1) Медленность въ веденіи дѣла, если она не имѣла серьезныхъ послѣдствій и не доходила до такихъ предѣловъ, за которыми она не можетъ болѣе быть извиняема (журн. 17 Мая 1872 г.).

2) Медленность въ сообщеніе довѣрителю свѣдѣній о положеніи дѣла (журн. 9 Февраля 1872 г.).

3) Неявка для словесныхъ объясненій въ Судебную Палату, когда она представлялась полезной, но не безусловно необходимой (жур. 28 Апрѣля 1871 г. и 25 Октября 1872 г.).

4) Начатіе иска по общей довѣренности безъ спеціальнаго на то уполномочія довѣрителя и безъ предварительнаго съ нимъ сношенія (журн. 8 Декабря 1873 г.).

5) Употребленіе для скорѣйшаго производства взысканія средства не предосудительнаго, но не предусмотрѣннаго закономъ и могущаго имѣть неблагопріятныя послѣдствія для отвѣтчика (журн. 24 Октября 1873 г.).

6) Подача частныхъ записокъ по дѣламъ, производящимся въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ (журн. 2 Декабря 1870 г.).

7) Критическій разборъ и опроверженіе въ офиціальной

бумагѣ кассаціоннаго рѣшенія по гражданскому дѣлу (журн. 9 Декабря 1870 г.).

8) Неисправность или небрежность въ исполненіи обязанностей защитника по уголовному дѣлу, если она допущена въ первый разъ и не можетъ считаться серьезной ни по своему свойству, ни по своимъ послѣдствіямъ (журн. 17 Января, 7 и 21 Марта 1870, 17 Мая и 31 Августа 1872, 23 Мая 1873 г.).

9) Нарушеніе правилъ, установленныхъ на случай сложенія съ себя или передачи другому лицу защиты по уголовному дѣлу (жур. 23 Апрѣля 1870, 3 Ноября 1871 г.).

10) Несоблюденіе должной сдержанности въ образѣ дѣйствій на судѣ, если при этомъ не было намѣренія оказать суду неуваженіе (журн. 2 Мая 1873 г.), или въ объясненіяхъ съ должностнымъ лицемъ (журн. 8 Января 1872 г.), или въ бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто (журн. 5 Іюля 1868 г.).

11) Неисполненіе законныхъ требованій присутственнаго мѣста, если оно было вызвано невѣрнымъ, со стороны присяжнаго повѣреннаго, пониманіемъ своихъ отношеній къ этому учрежденію (журн. 2 Мая 1873 г.).

12) Предложеніе должностному лицу принять на себя исполненіе такого порученія, которое несовмѣстно съ его обязанностями,—если предложеніе это сдѣлано лишь по недоразумѣнію (журн. 27 Сентября 1872 г.).

13) Неделикатное обращеніе съ товарищемъ при веденіи противъ него дѣла (журн. 3 Мая 1872 г.).

14) Нарушеніе приличій при требованіи отъ довѣрителя вознагражденія за веденіе дѣла, если нѣтъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ (журн. 26 Сентября 1873 г.).

15) Недостатокъ ясности въ изложеніи условія съ довѣрителемъ (журн. 22 Декабря 1871 г.).

16) Возбужденіе въ довѣрителѣ, неосмотрительными обѣщаніями, такихъ ожиданій, которыя не могли быть исполнены (журн. 29 Марта 1872 г.).

17) Принятіе на себя порученій, несовмѣстныхъ съ обязанностями адвоката, хотя и не унижающихъ его достоинства (журн. 2 Мая 1873 г.).

Въ какихъ случаяхъ Совѣтъ признавалъ нужнымъ разъяснять присяжнымъ повѣреннымъ или ихъ помощникамъ неправильность дѣйствій, совершенныхъ ими не при исправленіи адвокатскихъ обязанностей—это видно изъ постановленій Совѣта, приведенныхъ выше, въ § 37, подъ №№ 4, 7 и 10).

Общій характеръ дисциплинарныхъ взысканій.

39. Изъ числа дисциплинарныхъ взысканій, перечисленныхъ въ ст. 368-й. Учр. Суд. Устан., первыя два—предостереженіе и выговоръ—имѣютъ, какъ выражено въ комментаріяхъ къ судебнымъ уставамъ, характеръ преимущественно *наставительный;* слѣдующія два—временное запрещеніе исправлять обязанности повѣреннаго и исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ—характеръ карательный. Сообразно съ этимъ, Совѣтъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ взысканія перваго рода, когда неправильное дѣйствіе или упущеніе обвиняемаго вызвано легкомысліемъ, необдуманностью, недостаточно яснымъ сознаніемъ своихъ обязанностей или недостаточно серьезнымъ къ нимъ отношеніемъ, но не заключаетъ въ себѣ *ничего недобросовѣстнаго,*—и переходитъ къ мѣрамъ взысканія втораго рода только тогда, когда усматриваетъ въ поступкахъ обвиняемаго именно этотъ послѣдній признакъ, т. е. недобросовѣстность. Исключеніе изъ этого

общаго правила допускается въ виду обстоятельствъ, особенно увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обвиняемаго—все равно, заключаются ли они въ самыхъ фактахъ дѣла, или въ объясненіяхъ обвиняемаго передъ Совѣтомъ, или въ прошедшемъ обвиняемаго. При существованіи обстоятельствъ особенно увеличивающихъ вину, Совѣтъ назначаетъ одну изъ высшихъ мѣръ взысканія, хотя бы по свойству проступка и можно было ограничиться предостереженіемъ или выговоромъ—и наоборотъ, при существованіи обстоятельствъ особенно уменьшающихъ вину, Совѣтъ не идетъ дальше выговора, хотя бы по свойству проступка и можно было перейти къ мѣрѣ болѣе строгой. Выборъ между предостереженіемъ и выговоромъ зависитъ отъ большей или меньшей важности проступка, выборъ между временнымъ запрещеніемъ и исключеніемъ — въ особенности отъ того, уничтожаетъ ли проступокъ всякое довѣріе къ лицу, его совершившему, устраняетъ ли онъ всякую возможность ожидать его исправленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда упущеніе или неправильное дѣйствіе, не заслуживая одной изъ высшихъ мѣръ взысканія, представляется однако особенно важнымъ, Совѣтъ дѣлаетъ виновному *строгій* выговоръ.

Предостереженія. 40. Предостереженій, по 1-ое Февраля 1874 г., объявлено Совѣтомъ *восемнадцать;* поводы къ нимъ были слѣдующіе:

1) *Медленность въ веденіи дѣла.* Въ одномъ случаѣ искъ безъ всякихъ основательныхъ причинъ не былъ предъявляемъ почти полтора года (журн. 21 Октября 1870 г.); въ другомъ случаѣ присяжный повѣренный не принималъ, въ продолженіе сдишкомъ года, никакихъ мѣръ къ исполненію рѣшенія, и не увѣдомилъ даже своего довѣрителя о

переѣздѣ своемъ на жительство изъ одного города въ другой (журн. 4 Ноября 1870 г.); въ третьемъ случаѣ присяжный повѣренный, которому было предложено Совѣтомъ не допускать медленности въ веденіи дѣла, въ теченіе полутора года не-принялъ никакихъ мѣръ къ исполненію этого предложенія (журн. 5 Января 1874 г.).

2) *Неявка въ засѣданіе Судебной Палаты для словесныхъ объясненій*, между тѣмъ какъ она по обстоятельствамъ дѣла представлялась необходимой (журн. 11 Декабря 1869 и 10 Мая 1872 г.).

3) *Неявка повѣреннаго истца, безъ законныхъ причинъ, въ засѣданіе Окружнаго Суда*, послѣдствіемъ каковой неявки могло быть прекращеніе дѣла (журн. 9 Декабря 1867 г.).

4) *Ошибка въ указаніи способовъ къ исполненію рѣшенія*, вслѣдствіе которой истецъ лишился возможности получить удовлетвореніе изъ бывшаго на лицо имущества отвѣтчика (журн. 18 Апрѣля 1873 г.).

5) *Неявка, безъ основательныхъ причинъ, къ защитѣ подсудимаго по уголовному дѣлу*, если она допущена въ первый разъ и въ дѣлѣ не усматривается ни обстоятельствъ уменьшающихъ, ни обстоятельствъ увеличивающихъ вину обвиняемаго, или если первыя уравновѣшиваются послѣдними (журн. 23 Марта и 16 Декабря 1867, 8 Декабря 1873 г.).

6) *Неумѣстныя возраженія противъ распоряженій Суда* во время уголовной защиты и явное незнаніе формъ и обрядовъ уголовнаго судопроизводства (журн. 21 Сентября 1868 г.).

7) *Произвольное удержаніе гонорарія* изъ денегъ, взысканныхъ въ пользу довѣрителя, безъ сообщенія ему

основаній, по которымъ удержана именно та, а не другая сумма (журн. 25 Іюня 1870 г.).

8) *Медленность въ передачѣ довѣрителю взысканныхъ въ его пользу денегъ*, если она свидѣтельствуетъ только о небрежности или неаккуратности со стороны присяжнаго повѣреннаго (журн. 3 Ноября 1871 г.).

9) *Сообщеніе довѣрителю завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія слѣдующихъ въ его пользу денегъ*, если оно было вызвано только легкомысліемъ со стороны присяжнаго повѣреннаго (журн. 18 Декабря 1869 г.).

10) *Явное нарушеніе приличій* при требованіи отъ довѣрителя вознагражденія за веденіе дѣла (журн. 7 Сентября 1873 г.).

11) *Принятіе на себя, передъ третьимъ лицемъ, обязательства объявить бывшаго довѣрителя своего несостоятельнымъ*, если онъ не уплатитъ слѣдующаго съ него вознагражденія за веденіе дѣла (журн. 5 Января 1872 г.).

12) *Взведеніе на товарища неосновательнаго и въ оскорбительной формѣ выраженнаго обвиненія по дѣлу*, при производствѣ котораго были допущены неосмотрительныя дѣйствія самимъ обвинителемъ (журн. 21 Сентября 1868 г.).

13) *Угроза, оставшаяся безъ исполненія, оказать судебному Приставу противодѣйствіе* при исполненіи имъ судебнаго рѣшенія (журн. 5 Іюля 1868 г.).

Независимо отъ этихъ восемнадцати случаевъ, Совѣтъ находилъ заслуживающими предостереженія слѣдующія дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ: 1) предъявленіе иска противъ бывшаго своего довѣрителя, послѣ фактическаго отка-

за отъ веденія дѣлъ его, но прежде уничтоженія полученной отъ него общей довѣренности (журн. 17 Февраля 1868 г.), и 2) полученіе отъ противной стороны одного документа въ замѣнъ другаго, безъ выдачи ей удостовѣренія, что первый документъ потерялъ свою силу (журн. 22 Марта 1869 г.). Въ обоихъ этихъ случаяхъ предостереженія не были объявлены потому, что при совокупности проступковъ, присяжные повѣренные были подвергнуты болѣе строгимъ взысканіямъ.

Выговоры. 41. Выговоровъ, по 1-ое Февраля 1874 г., объявлено Совѣтомъ присяжнымъ повѣреннымъ *двадцать одинъ*, въ томъ числѣ восемь *строгихъ*, и помощнику присяжнаго повѣреннаго—*одинъ* (ниже подъ № 7). Поводы къ тому были слѣдующіе:

1) *Медленность въ веденіи дѣла*, при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ. Въ одномъ случаѣ присяжный повѣренный не начиналъ иска почти три года, и затѣмъ привелъ въ исковомъ прошеніи не то основаніе иска, которое было указано въ данной ему довѣренности (журн. 28 Апрѣля 1871 г., *строгій выг.*); въ другомъ случаѣ присяжный повѣренный не начиналъ дѣла около трехъ лѣтъ и старался скрыть свою вину, убѣждая своего довѣрителя выдать ему, въ замѣнъ прежней, новую довѣренность; но вина его уменьшалась тѣмъ, что онъ добровольно возмѣстилъ часть убытковъ, понесенныхъ его довѣрителемъ отъ непредъявленія иска (журн. 10 Февраля 1873 г. и отчетъ за 1872—73 г.).

2) *Грубыя ошибки и упущенія.* Одинъ присяжный повѣренный, дѣйствуя по довѣренности истца и не явясь въ засѣданіе Окружнаго Суда, считалъ состоявшееся въ этомъ засѣданіи рѣшеніе заочнымъ и ожидалъ сообщенія ему ко-

*

піи съ рѣшенія, для принесенія отзыва, вслѣдствіе чего былъ пропущенъ срокъ для принесенія апелляціи на рѣшеніе (журн. 9 Декабря 1867 г.); другой присяжный повѣренный полагалъ, что теченіе срока для принесенія кассаціонной жалобы на рѣшеніе Мироваго Съѣзда по уголовному дѣлу начинается со дня сообщенія участвующему въ дѣлѣ лицу копіи съ рѣшенія, вслѣдствіе чего былъ пропущенъ срокъ для принесенія кассаціонной жалобы (журн. 14 Марта 1870 г.).

3) *Неявка, безъ основательныхъ причинъ, къ защитѣ подсудимаго по уголовному дѣлу*, если она допущена не въ первый разъ или при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину обвиняемаго. Присяжный повѣренный, которому за первую неявку было сдѣлано внушеніе, за неявку во второй разъ подвергся выговору, въ третій—*строгому* выговору (журн. 31 Августа 1872, 18 Апрѣля и 22 Декабря 1873 г.). Другой присяжный повѣренный два раза, по одному и тому же дѣлу, присылалъ въ самый день засѣданія заявленіе о внезапной болѣзни, и ни къ первому, ни ко второму дню засѣданія не познакомился съ дѣломъ, по которому подсудимый содержался подъ стражей (журн. 2 Ноября 1867 г.). Третій присяжный повѣренный не явился къ защитѣ потому, что былъ занятъ составленіемъ условія по гражданскому дѣлу (журн. 23 Апрѣля 1873 г.). Четвертый присяжный повѣренный уѣхалъ изъ Петербурга, не заявивъ о томъ Совѣту и не принявъ никакихъ мѣръ для поставленія его въ извѣстность о возлагаемыхъ на него защитахъ, вслѣдствіе чего онъ два раза не явился въ Судъ для исправленія обязанностей защитника (журн. 11 Октября 1872 г; *строгій* выг.).

4) *Небрежность въ приготовленіи къ защитѣ по*

сложному и важному дѣлу, доходящая до того, что дѣла присяжный повѣренный вовсе не прочиталъ, съ подсудимымъ видѣлся только мелькомъ, въ Канцеляріи Суда, и не вызвалъ свидѣтелей, показанія которыхъ имѣли въ дѣлѣ существенное значеніе (журн. 1 Ноября 1872 г., *строгій* выг.).

5) *Неприличный образъ дѣйствій въ засѣданіи Суда*, доходящій до явнаго неуваженія къ суду или къ присяжнымъ засѣдателямъ. Одинъ присяжный повѣренный, защищая подсудимыхъ передъ присяжными засѣдателями, позволилъ себѣ сказать, что признаніе подсудимыхъ виновными въ разбоѣ было бы судебнымъ разбоемъ и что отказать имъ въ снисхожденіи могутъ только разжирѣвшіе буржуа или фарисеи (журн. 31 Августа 1872 г.). Другой присяжный повѣренный сталъ уходить изъ камеры мироваго судьи во время объявленія судьею рѣшенія; возвратясь по требованію судьи, онъ сказалъ, что не обязанъ выслушивать его рѣшеній и обратился къ судьѣ почти спиною; на замѣчаніе судьи, что подаваемое имъ прошеніе не названо ни частной, ни апелляціонной жалобой, онъ возразилъ, что судья обязанъ принять жалобу, хотя бы она была названа молитвой. Независимо отъ всего этого, онъ предлагалъ судьѣ взять назадъ поданную имъ на дѣйствія судьи жалобу, если судья съ своей стороны не дастъ дальнѣйшаго хода составленному имъ о дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго протоколу (журн. 19 Января 1874 г., *строгій* выговоръ.). Подъ эту же категорію подходитъ образъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, неоднократно и упорно, какъ въ прошеніяхъ, такъ и въ словесныхъ передъ Правит. Сенатомъ объясненіяхъ, обвинявшаго Канцелярію 1-го Общаго Сената Собранія въ неправильномъ составленіи печатной

записки, безъ всякаго къ тому основанія *) (журн. 22 Ноября 1872 г., *строгій* выговоръ.).

6) *Неприличное обращеніе съ товарищемъ въ зданіи суда*, если притомъ присяжный повѣренный давалъ Совѣту очевидно ложныя объясненія и прежде уже неоднократно подвергался взысканіямъ со стороны Совѣта (журн. 23 мая 1873 г.).

7) *Употребленіе, хотя бы и для достиженія цѣли не противузаконной, средствъ не указанныхъ закономъ*, къ явному вреду для противной стороны—обращеніе къ содѣйствію полиціи, когда слѣдовало обратиться исключительно къ суду (журн. 1 декабря 1873 г.).

8) *Участіе въ оспариваніи мировой сдѣлки*, на которую оспаривающая ее сторона согласилась совершенно сознательно и добровольно, если притомъ самый споръ направленъ былъ къ нарушенію несомнѣннаго права противной стороны (журн. 8 марта 1869 г.).

9) *Предложеніе, сдѣланное однимъ присяжнымъ повѣреннымъ другому, согласиться на измѣненіе въ повѣсткѣ отмѣтки о числѣ, когда она была вручена*, съ цѣлью возстановить пропущенный срокъ на обжалованіе заочнаго рѣшенія. Признавая возможнымъ ограничиться въ данномъ случаѣ выговоромъ, большинство Совѣта (пять членовъ) имѣло въ виду обстоятельства, уменьшающія вину присяжнаго повѣреннаго—чистосердечное сознаніе его, опасеніе отвѣтственности передъ довѣрителемъ, доведшее его до совершеннаго отчаянія, невозможность какой-либо потери

*) Три члена Совѣта полагали запретить присяжному повѣренному виновному въ этомъ проступкѣ, отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе шести мѣсяцевъ.

для противной стороны отъ возстановленія срока на обжалованіе заочнаго рѣшенія, такъ какъ дѣло во всякомъ случаѣ должно было быть проиграно довѣрителемъ обвиняемаго,—и наконецъ неясное пониманіе обвиняемымъ всей неблаговидности своего предложенія, такъ какъ онъ просилъ своего противника переговорить о немъ съ его довѣрителемъ. Четыре члена Совѣта, не отвергая этихъ обстоятельствъ, находили ихъ, въ виду важности самаго проступка, недостаточными для освобожденія присяжнаго повѣреннаго отъ карательной мѣры взысканія, имъ заслуженной, и полагали запретить ему на время отправленіе обязанностей повѣреннаго (журн. 4 декабря 1869 г.). Постановленіе Совѣта, состоявшееся согласно съ мнѣніемъ большинства, было опротестовано Прокуроромъ Судебной Палаты и отмѣнено Палатой, запретившей виновному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ.

10) *Произвольное удержаніе гонорарія* изъ денегъ, взысканныхъ въ пользу довѣрителя, въ размѣрѣ, на который присяжный повѣренный не имѣлъ права, и неисполненіе затѣмъ предложенія Совѣта о немедленной отсылкѣ довѣрителю излишне удержанныхъ денегъ. Пять членовъ Совѣта полагали запретить за это присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе шести недѣль, но четыре члена находили возможнымъ ограничиться выговоромъ, въ каковомъ смыслѣ, на основаніи ст. 375-й Учр. Суд. Устан., и состоялось постановленіе Совѣта (жур. 8 мая 1869 г.).

11) *Невозвращеніе довѣрителю условія и намѣреніе воспользоваться имъ*, не смотря на обѣщаніе возвратить его и считать его недѣйствительнымъ (журн. 4 сентября 1869 г.).

12) *Переходъ съ одной стороны на другую*, не по тому же самому дѣлу, но по дѣлу совершенно однородному съ прежнимъ (журн. 20 апрѣля 1868 г.).

Сверхъ того Совѣтомъ были сдѣланы два *строгіе* выговора за дѣйствія, не входящія въ составъ адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ (см. выше § 37, постановленія подъ №№ 1 и 2).

Запрещенія на время исправлять обязанности повѣреннаго.

42. Къ первой изъ карательныхъ мѣръ взысканія, т. е. къ запрещенію на время отправлять обязанности повѣреннаго, Совѣтъ прибѣгалъ до 1 февраля 1874 г. *десять* разъ. Изъ числа постановленій Совѣта по этому предмету четыре приведены нами выше, такъ какъ они относятся къ дѣйствіямъ, совершеннымъ присяжными повѣренными не въ качествѣ адвокатовъ (§ 37, постановленія подъ № 5, 6 и 9 съ примѣч.); остальныя шесть состоялись въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ признанъ Совѣтомъ виновнымъ въ предложеніи Судебному Приставу *благодарности*, т. е. взятки, за промедленіе въ описи имущества или невключеніе въ нее нѣкоторыхъ предметовъ. Совѣтъ запретилъ присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ (журн. 5 января 1867 г.); но Судебная Палата, признавъ самый фактъ предложенія взятки недоказаннымъ, отмѣнила постановленіе Совѣта.

2) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что удерживалъ въ продолженіи слишкомъ полугода деньги, взысканныя въ пользу довѣрителя, не возвращалъ ихъ на неоднократныя требованія послѣдняго, и возвратилъ ихъ лишь послѣ подачи жалобы въ Совѣтъ. Большинство Совѣта (четыре члена) полагало исключить ви-

новнаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ; но такъ какъ меньшинство (три члена) признавало возможнымъ ограничиться запрещеніемъ виновному отправлять обязанности повѣреннаго въ теченіи года, то Совѣтъ, на основаніи ст. 375-й Учр. Суд. Устан., и остановился на этой послѣдней мѣрѣ взысканія (журн. 6 октября 1868 г.). Это постановленіе было обжаловано присяжнымъ повѣреннымъ, но утверждено Судебною Палатой.

3) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, оканчивая миромъ дѣло своего довѣрителя (истца), потребовалъ и принялъ отъ отвѣтчика, вмѣсто наличныхъ денегъ, документъ на сумму значительно высшую противъ суммы присужденной въ пользу истца,—для того чтобы истецъ, не смотря на другіе долги отвѣтчика, превышающіе цѣнность его имущества, могъ получить полное удовлетвореніе. Совѣтъ нашелъ участіе присяжнаго повѣреннаго въ заключеніи подобной сдѣлки, направленной прямо ко вреду третьихъ лицъ (другихъ кредиторовъ отвѣтчика), крайне предосудительнымъ и постановилъ запретить присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ продолженіе девяти мѣсяцевъ (журн. 22 марта 1869 г.). По жалобѣ осужденнаго, Судебная Палата замѣнила это взысканіе простымъ выговоромъ.

4) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовалъ сначала за А, въ качествѣ посредника, который долженъ былъ получить за свои труды процентное вознагражденіе,—потомъ, въ качествѣ повѣреннаго, за Б, имѣвшаго тяжбу съ А. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ присяжный повѣренный воспрепятствовалъ осуществленію мировой сдѣлки между А и Б, которую А находилъ для себя выгодною. Независимо отъ этого, при ходатайствѣ по дѣламъ Б присяж-

ный повѣренный употреблялъ средства весьма неодобрительныя, какъ-то запугиваніе кредиторовъ Б, помѣщеніе Б въ больницу, подъ предлогомъ болѣзни, для избѣжанія ареста за долги и т. п. За всѣ эти проступки Совѣтъ постановилъ запретить присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣреннаго въ теченіе шести мѣсяцевъ (журн. 16 Октября 1869 г.). По жалобѣ осужденнаго, Судебная Палата замѣнила это взысканіе предостереженіемъ.

5) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, получившій уже отъ Совѣта предостереженіе за неявку въ Судебную Палату для словесныхъ объясненій, не только позволилъ себѣ вновь такое же упущеніе, но будучи призванъ за то къ отвѣту, далъ Совѣту цѣлый рядъ противурѣчивыхъ и уклончивыхъ объясненій, несправедливость которыхъ обнаружилась съ полною достовѣрностью; сверхъ того оказалось, что числясь повѣреннымъ во все время производства дѣла, онъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для огражденія интересовъ своего довѣрителя, кромѣ попытки склонить противную сторону къ миру представленіемъ ей въ ложномъ свѣтѣ того риска, которому она подвергается отъ дальнѣйшаго продолженія дѣла. Совѣтъ запретилъ присяжному повѣренному отправленіе обязанностей повѣренному въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ (журн. 13 октября 1873 г.). Это постановленіе не было обжаловано присяжнымъ повѣреннымъ.

6) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, будучи повѣреннымъ отвѣтчика, воспользовался выходомъ своего противника—также присяжнаго повѣреннаго—на нѣсколько минутъ изъ залы засѣданія, чтобы предъявить суду просьбу о прекращеніи дѣла, за неявкою истца, между тѣмъ какъ ему очень хорошо было извѣстно, что противникъ его не удалился изъ зданія суда и не замедлитъ возвратиться въ

залу засѣданія, и что дѣло, по свойству своему, не можетъ быть, по прекращеніи, возобновлено. Большинство Совѣта (пять членовъ) полагало исключить виновнаго въ такомъ поступкѣ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но такъ какъ меньшинство (три члена) подало голосъ за запрещеніе виновному исправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе одного года, то въ этомъ смыслѣ, за силою ст. 375-й Учр. Суд. Устан., и состоялось постоновленіе Совѣта (жур. 1 февраля 1874 г.). Присяжный повѣренный обжаловалъ это постановленіе Судебной Палатѣ.

Не имѣя возможности запрещать помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ отправленіе обязанностей повѣреннаго въ продолженіе извѣстнаго срока, Совѣтъ замѣняетъ для нихъ эту мѣру взысканія—когда признаетъ ихъ подлежащими именно ей—слѣдующей, соотвѣтствующей мѣрой: онъ предлагаетъ присяжному повѣренному, при которомъ состоитъ помощникъ, удалить его изъ числа помощниковъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока (именно того, на который присяжному повѣренному, въ случаѣ тожественномъ, было бы запрещено отправленіе обязанностей повѣреннаго) онъ вновь могъ подать просьбу о принятіи въ помощники. Примѣръ такого постановленія—пока единственный—мы уже видѣли выше (§ 37, постановленіе подъ № 11).

Исключенія изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ.

43. Къ исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ Совѣтъ, по 1-е февраля 1874 г., вынужденъ былъ прибѣгнуть четыре раза. Одно изъ этихъ постановленій уже изложено выше (§ 37, подъ № 3), такъ какъ оно было вызвано не адвокатскою дѣятельностью присяжнаго повѣреннаго; остальныя три состоялись въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ удерживалъ

деньги, взысканныя имъ въ пользу довѣрителя, около двухъ лѣтъ, сообщалъ довѣрителю ложныя свѣдѣнія о положеніи дѣла, разсчитался съ нимъ окончательно лишь послѣ подачи жалобы въ Совѣтъ и какъ въ объясненіяхъ съ довѣрителемъ, такъ и въ показаніи, данномъ Совѣту, оправдывался тѣмъ, что взысканіе производилось бывшимъ его помощникомъ, который растратилъ, будто бы, взысканныя деньги; между тѣмъ оправданіе это оказалось ложнымъ и обвиненіе, взведенное на помощника, клеветою. Совѣтъ единогласно постановилъ исключить виновнаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 4 Сентября 1869 г.). Постановленіе это обжаловано не было.

2) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ состоялъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ повѣреннымъ г. NN, завѣдывающаго гласною кассою ссудъ, и занимался, за опредѣленное вознагражденіе, всѣми спорными дѣлами кассы, принимая на себя, между прочимъ, исправленіе формуляровъ для заключаемыхъ въ кассѣ сдѣлокъ. Въ Іюлѣ 1869 г. присяжный повѣренный просилъ увеличить размѣръ ежемѣсячнаго вознагражденія, и получивъ отказъ, пересталъ заниматься дѣлами NN. Нѣсколько недѣль спустя присяжный повѣренный предъявилъ у мироваго судьи, по довѣренности третьяго лица, искъ противъ NN, отвергая при этомъ дѣйствительность такой сдѣлки, которую онъ, какъ повѣренный NN, прежде самъ отстаивалъ,—стараясь воспользоваться пріобрѣтенными имъ во время занятій NN свѣдѣніями, усиливаясь дать дѣлу уголовный характеръ и предлагая NN крайне невыгодныя условія мира (уплату суммы въ нѣсколько разъ большей, чѣмъ вся цѣна иска). Такой образъ дѣйствій былъ признанъ Совѣтомъ противнымъ если не буквѣ, то смыслу ст. 402 и 403 Учр. Суд.

Устан., воспрещающихъ присяжному повѣренному переходить съ одной стороны на другую и оглашать тайны своего довѣрителя. При разсмотрѣніи дѣла въ Совѣтѣ оказалось, сверхъ того, что присяжный повѣренный, подавая своему бывшему довѣрителю списокъ оконченныхъ въ его пользу дѣлъ и счетъ слѣдующаго за нихъ гонарарія, включилъ въ этотъ списокъ и счетъ такое дѣло, которое въ то время не было еще рѣшено, и получило окончаніе уже при ходатайствѣ новаго повѣреннаго NN. Отвѣчая на жалобу NN въ присутствіи Совѣта, присяжный повѣренный давалъ завѣдомо ложныя объясненія; такъ напримѣръ, онъ отрицалъ исправленіе имъ формуляровъ для сдѣлокъ, пока это не было доказано представленіемъ подлинныхъ формуляровъ съ собственноручными его помѣтками. Совѣтъ, признавая, что присяжный повѣренный, позволившій себѣ цѣлый рядъ столь предсудительныхъ дѣйствій, не можетъ быть болѣе терпимъ въ средѣ сословія, постановилъ по большинству восьми голосовъ противъ одного исключить его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (жур. 16 Октября 1869 г.). Постановленіе это было обжаловано осужденнымъ, но утверждено Судебной Палатой, и кассаціонная жалоба на опредѣленіе Палаты была оставлена Правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

3) Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ удерживалъ у себя около года принадлежащую его довѣрителю весьма значительную сумму (около 4.500 р.), сообщалъ довѣрителю невѣрныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ эта сумма находится, не возвратилъ ея довѣрителю ни тогда, когда послѣдній пріѣхалъ для полученія ея въ С.-Петербургъ, ни тогда, когда онъ подалъ жалобу Совѣту, — и наконецъ представилъ Совѣту объясненія отчасти неуважительныя, отчасти явно не-

согласныя съ истиной. Кромѣ того оказалось, что онъ вовсе не былъ уполномоченъ на полученіе удержанныхъ имъ денегъ. Совѣтъ единоласно постановилъ исключить виновнаго изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 14 Марта 1870 г.). Постановленіе Совѣта было утверждено Судебною Палатою.

Распоряженіе объ удаленіи помощниковъ, признанныхъ виновными въ тяжкихъ проступкахъ, изъ числа лицъ, носящихъ это званіе, было сдѣлано Совѣтомъ (черезъ посредство присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ виновные состояли) два раза: въ одномъ случаѣ за проступокъ, не относящійся къ адвокатской дѣятельности (см. выше, § 37, постановленіе подъ № 8), въ другомъ за пріобрѣтеніе такого имущества, на которое были заявлены права третьихъ лицъ, причемъ помощникъ, какъ повѣренный этихъ третьихъ лицъ, сначала отстаивалъ ихъ право на имущество, а потомъ, какъ пріобрѣтатель имущества, сталъ оспаривать это право (журн. 31 Августа 1872 г.).

Пятый пунктъ ст. 368-ой, предоставляющій Совѣту, въ случаяхъ особенно важныхъ, предавать присяжныхъ повѣренныхъ уголовному суду, не былъ примѣненъ Совѣтомъ ни разу. Разъясненія его слѣдуетъ искать въ опредѣленіи Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, состоявшемся въ концѣ 1873 г. по протесту Прокурора Московской Судебной Палаты на опредѣленіе Палаты, состоявшееся въ свою очередь по протесту Прокурора на постановленіе Московскаго Совѣта (по дѣлу о Московскомъ присяжномъ повѣренномъ К. А. Рихтерѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи лица прокурорскаго надзора); но намъ не удалось еще познакомиться съ этимъ опредѣленіемъ.

Общая статистика взысканій наложенныхъ Совѣтомъ.

44. Въ продолженіе семи лѣтъ и девяти мѣсяцевъ Совѣтъ постановилъ всего 53 опредѣленія о мѣрахъ взысканія противъ присяжныхъ повѣренныхъ и 4 опредѣленія о мѣрахъ взысканія противъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ мы уже видѣли выше (§ 26), наказаніе, опредѣленное Совѣтомъ, было отмѣнено Палатой въ одномъ случаѣ, смягчено — въ двухъ, усилено — въ одномъ; сверхъ того Палата, въ отмѣну одного оправдательнаго приговора Совѣта, сдѣлала присяжному повѣренному выговоръ, за неявку въ засѣданіе подъ предлогомъ болѣзни (Совѣтъ признавалъ фактъ болѣзни доказаннымъ). Общее число мѣръ взысканія, окончательно принятыхъ противъ присяжныхъ повѣренныхъ, остается такимъ образомъ тоже—53. *)

Число присяжныхъ повѣреннихъ, подвергавшихся взысканіямъ, гораздо меньше, чѣмъ число самыхъ взысканій, потому что многіе изъ присяжныхъ повѣренныхъ подвергались взысканіямъ по нѣскольку разъ. Изъ числа 176 лицъ, въ настоящее время состоящихъ и до сихъ поръ перебывавшихъ присяжными повѣренными въ С.-Петербургскомъ Округѣ, взысканіямъ со стороны Совѣта подвергались только 33; изъ нихъ 21 по одному разу, семь—по два раза, три—по три, одно—четыре раза и одно—пять разъ. Изъ числа этихъ 33 лицъ въ настоящее время состоятъ присяжными повѣренными только 18.

---

*) Изъ отчетовъ Московскаго Совѣта за семь лѣтъ видно, что при семидесяти девяти дисциплинарныхъ производствахъ мѣры взысканія были приняты пятнадцать разъ, а именно: одно исключеніе, одно временное запрещеніе, два выговора и одинадцать предостереженій.

По отчетнымъ годамъ взысканія, наложенныя Совѣтомъ на присяжныхъ повѣренныхъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1866—67 г.—одно временное запрещеніе и одно предостереженіе, всего два взысканія при четырехъ дисциплинарныхъ производствахъ; въ 1867—68 г.—одно временное запрещеніе, три выговора и два предостереженія, всего шесть взысканій при тринадцати производствахъ; въ 1868—69 г.—два временныхъ запрещенія, одинъ выговоръ и три предостереженія, всего шесть взысканій при тридцати пяти дисциплинарныхъ производствахъ; въ 1869—70 г.—три исключенія, одно запрещеніе, пять выговоровъ и два предостереженія, всего одиннадцать взысканій при тридцати дисциплинарныхъ производствахъ; въ 1870—71 г.—одинъ выговоръ и три предостереженія, всего четыре взысканія при тридцати восьми дисциплинарныхъ производствахъ; въ 1871 — 72 г. — одно исключеніе, одинъ выговоръ и два предостереженія, всего четыре взысканія при сорока шести дисциплинарныхъ производствахъ; въ 1872—73 г. — одно запрещеніе, семь выговоровъ и два предостереженія, всего десять взысканій при сорока дисциплинарныхъ производствахъ; въ девять мѣсяцевъ 1873 — 74 г. — четыре запрещенія, три выговора и три предостереженія, всего десять взысканій при тридцати шести дисциплинарныхъ производствахъ; всего за семь лѣтъ и девять мѣсяцевъ 53 взысканія при двухъ стахъ сорока двухъ дисциплинарныхъ производствахъ. Изъ числа мѣръ взысканія противъ помощниковъ одна принята въ 1872 — 73 г., три остальныя— въ 1873—74 г.; всѣхъ дисциплинарныхъ производствъ о помощникахъ было, въ продолженіе трехъ лѣтъ, двадцать семь *).

*) Незначительное число взысканій, наложенныхъ на по-

Число наложенныхъ Совѣтомъ взысканій, сравнительно съ общимъ числомъ дисциплинарныхъ производствъ—около 20%—можетъ показаться, съ перваго взгляда, довольно высокимъ; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что къ мѣрамъ карательнымъ, въ полномъ смыслѣ слова, Совѣтъ былъ вынужденъ прибѣгнуть только въ семнадцати случаяхъ изъ двухсотъ шестидесяти девяти. Въ отчетѣ за 1869—70 г.—самый тяжелый по роду взысканій—приведены по этому предмету слѣдующія соображенія: «Еще недавно наши ходатаи по дѣламъ не подлежали никакому контролю, никому не давали отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и могли быть привлечены къ отвѣтственности не иначе, какъ въ случаѣ совершенія какого-нибудь уголовнаго преступленія. Поступки безчестные, безнравственные, тѣмъ болѣе поступки легкомысленные и необдуманные оставались, безнаказанными, даже безгласными, какъ бы сильно отъ нихъ ни страдали общіе интересы правосудія или личные интересы довѣрителей. Привычки, образовавшіяся при такомъ порядкѣ вещей,

---

мощниковъ, сравнительно съ числомъ взысканій, которыя постигли присяжныхъ повѣренныхъ, объясняется преимущественно тѣмъ, что проступки, за которые присяжные повѣренные подвергаются предостереженіемъ или даже выговорамъ, — помощникамъ, во вниманіе къ неопытности ихъ, часто ставятся только на видъ. Что касается до взысканій болѣе строгихъ, то здѣсь пропорція болѣе благопріятна для присяжныхъ повѣренныхъ, чѣмъ для помощниковъ; число карательныхъ мѣръ, принятыхъ въ примѣненіи къ первымъ (14), относится къ числу дисциплинарныхъ производствъ (242), какъ 1: 17; число карательныхъ мѣръ, принятыхъ въ примѣненіи къ послѣднимъ (3) относится къ числу дисциплинарныхъ производствъ (27) какъ 1: 9. Общихъ выводовъ изъ этихъ цифръ дѣлать, впрочемъ, нельзя, потому что помощники еще слишкомъ недавно подчинены дисциплинарной власти Совѣта.

не могли исчезнуть вдругъ; печальные ихъ остатки проявлялись иногда и въ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ. Но для присяжнаго повѣреннаго трудно скрыть слѣды проступка и невозможно избѣжать отвѣтственности за него, когда онъ обнаруженъ. Число жалобъ, поступающихъ въ Совѣтъ, доказываетъ, что значеніе этого учрежденія понято обществомъ, и что самое учрежденіе пользуется его довѣріемъ, а незначительное число жалобъ, подаваемыхъ частными лицами на постановленія Совѣта—жалобъ, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одна еще не признана основательною,—доказываетъ, что это довѣріе нельзя назвать незаслуженнымъ. Постановленія Совѣта, которыми налагаются взысканія на присяжныхъ повѣренныхъ, важны нетолько въ томъ отношеніи, что они устраняютъ изъ среды сословія людей окончательно неблагонадежныхъ, возвращаютъ на прямую дорогу людей, отъ нея удалившихся; они еще болѣе важны тѣмъ, что разъясняютъ самимъ присяжнымъ повѣреннымъ и обществу основныя начала, которыхъ должна держаться правильно-организованная адвокатура, существенныя требованія, съ которыми къ ней могутъ относиться всѣ прибѣгающіе къ ея содѣйствію. Вотъ почему Совѣтъ надѣется, что строгія мѣры, принятыя имъ въ продолженіе истекшаго года, не уронятъ, а скорѣе поднимутъ въ глазахъ общества сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и что на будущее время къ такимъ строгимъ мѣрамъ придется прибѣгать все рѣже и рѣже». Надежда, выраженная въ послѣднихъ словахъ, еще не осуществилась; если въ 1870—71 и 1871—72 г. число взысканій и было значительно меньше чѣмъ въ 1869—70 г., то въ 1872—73 и 1873—74 г. оно опять сильно возвысилось; но Совѣтъ никогда и не думалъ, чтобы переходное время нашей адвокатуры могло окончиться

въ какія-нибудь пять или десять лѣтъ. Притомъ, число взысканій можетъ по временамъ возростать отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ. Рѣзкія измѣненія въ цифрѣ взысканій, замѣчаемыя при сравнительномъ разсмотрѣніи отчетовъ Совѣта, не могутъ быть объясняемы колебаніями во взглядахъ Совѣта, уменьшеніемъ или увеличеніемъ строгости, съ которой онъ относится къ проступкамъ присяжныхъ повѣренныхъ; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что съ 1870 г. составъ Совѣта почти не измѣнялся, а между тѣмъ число взысканій въ 1872—73 и 1873—74 г. значительно превышаетъ число взысканій въ 1870—71 и 1871—72 г. Нѣкоторое вліяніе на цифру взысканій имѣла только окончательно созрѣвшая въ 1871 г. рѣшимость Совѣта расширить свой надзоръ за предѣлы спеціально-адвокатской дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ, число и тяжесть взысканій зависитъ исключительно отъ большей или меньшей основательности и серьезности жалобъ и сообщеній, поступающихъ на разсмотрѣніе Совѣта. Весьма многія жалобы совершенно лишены этихъ двухъ качествъ, а нѣкоторыя отличаются даже качествами совершенно противоположными; заимствуемъ, въ доказательство этому, нѣсколько примѣровъ изъ отчетовъ за 1870—71 и 1871—72 гг.

«Одно лице жаловалось на то, что присяжный повѣренный, взявъ на себя веденіе дѣла въ Сенатѣ, нетолько оставилъ его вовсе безъ ходатайства и не представилъ въ Сенатъ переданныхъ ему новыхъ документовъ, но и оставлялъ своего довѣрителя безъ всякихъ свѣдѣній о срокѣ, къ которому слѣдовало принести всеподданнѣйшую жалобу на опредѣленіе Сената. Между тѣмъ по разсмотрѣніи дѣла оказалось, что присяжный повѣренный подавалъ прошеніе

*

въ Сенатъ, что переданные ему документы не могли, по закону, быть приняты Сенатомъ и не имѣли притомъ никакого отношенія къ предмету спора, и что копія съ опредѣленія Сената была сообщена присяжнымъ повѣреннымъ его довѣрителю черезъ полтора мѣсяца послѣ посылки указовъ, съ означеніемъ самаго дня этой посылки, такъ что довѣритель не могъ не знать, сколько ему остается времени на подачу всеподданнѣйшей жалобы. Другое лице обратилось въ Совѣтъ съ жалобой на то, что присяжный повѣренный, взявъ на себя веденіе дѣла на собственныхъ своихъ расходахъ, не предъявляетъ иска подъ предлогомъ недоставленія ему судебныхъ пошлинъ. Присяжный повѣренный представилъ въ Совѣтъ копію съ условія, заключеннаго имъ на ходатайство по дѣлу,—въ доказательство того, что онъ не принималъ на себя судебныхъ издержекъ; жалующійся объявилъ, что эта копія не вѣрна съ подлинникомъ. Тогда присяжный повѣренный представилъ подлинное условіе, вполнѣ согласное съ копіей. Заявленіе жалующагося оказалось, такимъ образомъ, положительною клеветою на присяжнаго повѣреннаго. Третье лице обвиняло присяжнаго повѣреннаго въ неправильной постановкѣ исковаго требованія и въ удержаніи неслѣдующихъ ему денегъ; между тѣмъ это обвиненіе нетолько не подтвердилось, но изслѣдованіе дѣла показало, что присяжный повѣренный добровольно уменьшилъ почти на половину слѣдовавшее ему вознагражденіе за веденіе дѣла, и что лице, на него жалующееся, не далѣе какъ за три или четыре недѣли до подачи жалобы, изъявляло желаніе поручить ему веденіе другаго процесса» (отчетъ за 1870—71 г.).

«Одно лице жаловалось на присяжнаго повѣреннаго за непринесеніе апелляціи, между тѣмъ какъ по справкѣ ока-

залось, что апелляція была своевременно принесена и по ней состоялось рѣшеніе Судебной Палаты. Другое лице жаловалось на составленіе присяжнымъ повѣреннымъ отъ его имени прошенія, которое оно подписало не читая и которое оказалось будто бы несогласнымъ съ сообщенными присяжному повѣренному фактами; между тѣмъ, спрошенный Совѣтомъ свидѣтель показалъ, что онъ читалъ просителю черновое прошеніе и что тотъ его одобрилъ. Нельзя не замѣтить притомъ, что присяжный повѣренный, на котораго была принесена столь несправедливая жалоба, велъ дѣло просителя безвозмездно. Третье лице просило истребовать отъ присяжнаго повѣреннаго объясненіе о томъ, почему онъ совѣтовалъ или разрѣшилъ ему купить у извѣстнаго лица корову. Четвертое лице требовало отъ присяжнаго повѣреннаго возвращенія переданнаго ему, будто-бы, плана, представляя въ подтвержденіе этой передачи одну только росписку посторонняго лица, помѣченную 1866 годомъ; въ этой роспискѣ лицо, будто бы получившее планъ, названо присяжнымъ повѣреннымъ, между тѣмъ какъ оно вступило въ это сословіе лишь въ 1867 г. Ясно, что росписка, представленная жалобщикомъ въ Совѣтъ, писана заднимъ числомъ. Пятое лице, принадлежащее къ образованному классу, выдало присяжному повѣренному росписку о вознагражденіи его за веденіе одного дѣла, а потомъ, въ жалобѣ Совѣту, объяснило, что подписало эту росписку не понимая ея цѣли, единственно подъ вліяніемъ довѣрія къ присяжному повѣренному, какъ къ своему близкому знакомому. Жалоба эта была опровергнута показаніемъ свидѣтельницы, въ присутствіи которой была подписана росписка, причемъ сверхъ того оказалось, что близкаго знакомства между присяжнымъ повѣреннымъ и лицемъ, подписавшимъ росписку, вовсе не

было. Шестое лицо жаловалось на присяжнаго повѣреннаго за пропускъ апелляціоннаго срока и просило взыскать съ него всѣ происшедшіе оттого убытки; между тѣмъ по справкѣ оказалось, что довѣренность на веденіе дѣла была выдана не присяжному повѣренному, а другому лицу, которое дѣйствительно и вело дѣло, и не принесло апелляціи лишь потому, что не получило отъ довѣрителя своего необходимыхъ для того денегъ» (отчетъ за 1871—72 г.).

Множество жалобъ приносится лицами, проигравшими дѣло и ошибочно приписывающими проигрышъ его упущенію или небрежности своего повѣреннаго; иногда къ этому присоединяется желаніе взыскать съ присяжнаго повѣреннаго то, чего не удалось взыскать съ отвѣтчика или что пришлось заплатить истцу. Понятно, что всѣ подобныя жалобы оставляются Совѣтомъ безъ послѣдствій.

Изъ числа двухсотъ сорока двухъ дисциплинарныхъ производствъ противъ присяжныхъ повѣренныхъ жалобами частныхъ лицъ было возбуждено 176, сообщеніями присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ—44, заявленіями присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ—15, по собственному усмотрѣнію Совѣта—7. Мѣры взысканія были приняты: по жалобамъ частныхъ лицъ 28 разъ (10 предостереженій, 10 выговоровъ, 5 запрещеній, 3 исключенія), по сообщеніямъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ—16 разъ (5 предостереженій, 9 выговоровъ, 2 запрещенія; сверхъ того этими сообщеніями вызвано наибольшее, сравнительно, число внушеній), по заявленіямъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ—5 разъ (одно предостереженіе, два выговора и два запрещенія), по дѣламъ, возбужденнымъ самимъ Совѣтомъ—4 раза (два предостереженія, одно запрещеніе, одно исключеніе).

Общія начала, руководящія Совѣтомъ при разсмотрѣніи дѣлъ дисциплинарныхъ.

45. Главныя руководящія начала, на основаніи которыхъ Совѣтъ пользуется своею дисциплинарною властью, отчасти уже изложены нами при разборѣ вопроса о предѣлахъ этой власти, отчасти будутъ изложены при разсмотрѣніи вопроса объ обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ какъ онѣ установлены или разъяснены преимущественно дисциплинарными рѣшеніями Совѣта. Теперь мы приведемъ лишь нѣсколько общихъ положеній, не относящихся прямо ни къ тому, ни къ другому вопросу.

1) *Совѣтъ, дѣйствуя въ качествѣ суда, руководствуется, насколько это согласно съ характеромъ дисциплинарнаго производства, общими началами нашего уголовнаго права.* На этомъ основаніи: а) *не подвергается отвѣтственности тотъ, кто совершилъ проступокъ въ состояніи невмѣняемости.* Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ обвинялся въ томъ, что нѣсколько мѣсяцевъ не передавалъ довѣрителю взысканныхъ въ его пользу денегъ. Справедливость этого обвиненія была признана самимъ присяжнымъ повѣреннымъ; но докторъ, лечившій его, удостовѣрилъ, что онъ страдалъ и страдаетъ крайнимъ ослабленіемъ памяти и совершеннымъ упадкомъ энергіи. Вслѣдствіе этого Совѣтъ освободилъ присяжнаго повѣреннаго отъ всякой отвѣтственности и ограничился увольненіемъ его, согласно его просьбѣ, изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 12 Апрѣля 1872 г.). б) *При сомнѣніи въ достовѣрности фактовъ, составляющихъ основаніе обвиненія, обвиненіе оставляется безъ послѣдствій* (журн. 8 Января 1869 г.). в) *При совокупности проступковъ виновный подвергается тому взысканію, которое слѣдуетъ за проступокъ болѣе*

тяжкій (журн. 17 Февраля 1868 и 22 марта 1869 г.). г) *Повтореніе проступка влечетъ за собою болѣе тяжкое взысканіе* (журн. 22 Декабря 1873 г.). О вліяніи обстоятельствъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину сказано уже выше, въ § 39.

2) *Разсматривая жалобы довѣрителей на повѣренныхъ, Совѣтъ не подвергаетъ критической оцѣнкѣ способъ веденія присяжнымъ повѣреннымъ порученнаго ему дѣла и вмѣняетъ ему въ вину только такія упущенія или ошибки, избѣгать которыхъ обязанъ всякій, принимающій на себя ходатайство по чужому дѣлу.* «Совѣтъ» — сказано по этому предмету въ отчетѣ за 1868 — 69 г. — «не имѣетъ ни права навязывать присяжному повѣренному извѣстный взглядъ на юридическіе и фактическіе вопросы, возникающіе при веденіи дѣла, ни возможности слѣдить за каждымъ процессуальнымъ дѣйствіемъ присяжнаго повѣреннаго. Контроль Совѣта не долженъ переходить въ критику искусства и способностей присяжнаго повѣреннаго. Основаніемъ къ принятію мѣръ взысканія противъ присяжнаго повѣреннаго можетъ быть — съ этой точки зрѣнія — только обнаруживающаяся въ его дѣйствіяхъ (или бездѣйствіи) грубая ошибка или грубое непониманіе обязанностей своего званія». Тотъ же взглядъ высказанъ въ отчетѣ за 1869—70 г. и во многихъ постановленіяхъ Совѣта (см. напр. журн. 28 Февраля и 13 Октября 1873 г.), который никогда не переставалъ его держаться. Въ силу этого взгляда Совѣтъ не входитъ въ обсужденіе полноты и правильности аргументовъ, представленныхъ присяжными повѣренными при письменной или словесной защитѣ дѣла (журн. 26 Января 1874 г.); онъ не удостовѣряется, имѣлъ ли присяжный повѣренный достаточно

юридическихъ и фактическихъ данныхъ для предъявленія иска (журн. 22 Марта 1869 г.), можно ли было начать, на основаніи тѣхъ или другихъ фактовъ, уголовное преслѣдованіе (журн. 1 Сентября 1871 г.), имѣлъ ли присяжный повѣренный основаніе просить объ обезпеченіи иска, если искъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ обезпеченіи которыхъ не можетъ быть отказано судомъ (журн. 13 Октября 1873 г.); обвиненіе присяжнаго повѣреннаго въ непредставленіи къ дѣлу необходимыхъ документовъ онъ повѣряетъ лишь настолько, насколько правильность или неправильность его можетъ быть опредѣлена безъ подробнаго разсмотрѣнія существа дѣла (журн. 22 Марта 1869 г. и др.), и признаетъ за присяжнымъ повѣреннымъ право представлять въ судъ не всѣ передаваемые ему довѣрителями документы (журн. 2 Мая 1870 г.); онъ даже не считаетъ присяжнаго повѣреннаго *безусловно* обязаннымъ являться въ засѣданіе Палаты для словесныхъ объясненій (журн. 11 Декабря 1869, 28 Апрѣля 1871, 10 Мая 1872 г.). Но Совѣтъ постоянно обращаетъ вниманіе на соблюденіе присяжными повѣренными сроковъ, пропускъ которыхъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія для тяжущихся, требуетъ отъ нихъ знанія порядка, въ которомъ объявляются и обжаловываются рѣшенія, равно какъ и главныхъ формъ и обрядовъ уголовнаго процесса, и за недостатокъ существенно-важныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ элементарныхъ свѣдѣній, обнаружившійся на самомъ дѣлѣ, а также за грубыя упущенія (напр. постановку исковыхъ требованій несогласно съ довѣренностью) подвергаетъ присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ (см. выше, §§ 40 и 41).

3) *Совѣтъ не присуждаетъ присяжныхъ повѣренныхъ къ вознагражденію за убытки, причиненные ихъ*

неправильными дѣйствіями или упущеніями, и не предоставляетъ частнымъ лицамъ права отыскивать такіе убытки, потому что это право принадлежитъ имъ въ силу самаго закона. Это положеніе проистекаетъ какъ изъ ст. 374-й Учр. Суд. Устан., на основаніи которой взысканіе, наложенное Совѣтомъ на присяжнаго повѣреннаго, или оправданіе его Совѣтомъ, не лишаютъ частное лице права искать съ того повѣреннаго вознагражденія убытковъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и изъ ст. 1-й Уст. Гр. Суд., по которой всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій. Частныя лица нерѣдко обращаются въ Совѣтъ съ просьбами о взысканіи съ присяжныхъ повѣренныхъ причиненныхъ ими убытковъ или о предоставленіи права отыскивать убытки (см. напримѣръ журналы 29 Марта 1869 г., 18 Апрѣля и 13 Октября 1873 г.); но Совѣтъ постоянно отказывалъ и отказываетъ въ этихъ просьбахъ [1]). Бываютъ однако случаи, когда Совѣтъ, въ виду явнаго нарушенія присяжнымъ повѣреннымъ интересовъ своего довѣрителя, предлагаетъ ему вознаградить послѣдняго безъ суда или возвратить полученныя отъ него деньги. Само собою разумѣется, что исполненіе такого предложенія для присяжнаго повѣреннаго не обязательно; но въ большей части случаевъ оно не остается безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что отъ исполненія или неисполненія его можетъ

---

[1]) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постановленіе Совѣта, которымъ присяжный повѣренный признанъ виновнымъ въ неправильномъ дѣйствіи или упущеніи, можетъ служить во многихъ случаяхъ основаніемъ гражданскаго иска или по крайней мѣрѣ сильнымъ въ подтвержденіе его доказательствомъ.

иногда зависѣть мѣра личной отвѣтственности присяжнаго повѣреннаго. Такъ напримѣръ, на одного присяжнаго повѣреннаго была принесена жалоба за то, что обѣщавъ разсмотрѣть дѣло и дать тяжущемуся совѣтъ, онъ взялъ за это впередъ 50 руб., а обѣщанія своего не исполнилъ; по предложенію Совѣта, деньги, взятыя присяжнымъ повѣреннымъ, были возвращены имъ обратно (журн. 11 Мая 1868 г.). Въ другомъ случаѣ Совѣтъ, признавъ присяжнаго повѣреннаго виновнымъ въ крайней медленности и неправильной постановкѣ исковыхъ требованій и подвергнувъ его за то дисциплинарному взысканію, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему возвратить полученныя имъ отъ довѣрителя деньги и призналъ его *нравственно обязаннымъ* вознаградить послѣдняго за причиненные ему убытки (журн. 28 Апрѣля 1871 г.).

Охраняя достоинство корпораціи и всѣхъ ея членовъ, Совѣтъ, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, дѣйствуетъ иногда какъ судъ чести, для прекращенія недоразумѣній возникающихъ между присяжными повѣренными или ихъ помощниками, и для разбора обвиненій взводимыхъ однимъ изъ нихъ на другаго — если обвиненія эти по характеру своему не подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта въ силу его дисциплинарной власти. Рѣшенія Совѣта имѣютъ въ такихъ случаяхъ безусловно обязательную, хотя конечно только нравственную силу для лицъ, заранѣе имъ подчинившихся (см. журн. 19 Февраля 1874 г.).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дѣятельность Совѣта внѣ круга его дисциплинарной власти.

Обязанности, возложенныя на Совѣтъ самимъ закономъ.

46. На основаніи ст. 367 Учр. Суд. Устан., къ обязанностямъ и правамъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежатъ, кромѣ наблюденія за присяжными повѣренными и опредѣленія съ ихъ взысканій (пун. 2 и 8,) а также разсмотрѣнія прошеній о принятіи въ присяжные повѣренные (пун. 1):

а) выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались осужденію Совѣта (пун. 3).

б) Назначеніе повѣренныхъ, по очереди, для безвозмезднаго хожденія подѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности (пун. 4).

в) Назначеніе, по очереди, повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ таковыхъ (пун. 5).

г) Опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному по таксѣ, въ случаѣ несогласія по сему предмету между нимъ а тяжущимся и когда не заключено между нами письменнаго условія (пун. 6).

д) Распредѣленіе между присяжными новѣренными процентнаго сбора, установленнаго ст. 398 Учр. Суд. Устан. (пун. 7).

1) *Выдача присяжнымъ повѣреннымъ свидѣтельствъ* Совѣтъ отказываетъ лицамъ, оставляющимъ сословіе, въ выдачѣ свидѣтельствъ, которыя заключали бы въ себѣ только означеніе времени, проведеннаго этими лицами въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Такъ какъ свидѣтельства, выдаваемыя Совѣтомъ, могутъ служить основаніемъ для предоставленія бывшему присяжному повѣренному другаго мѣста или занятія, то они непремѣнно должны выражать собою дѣйствительные результаты дѣятельности его, какъ присяжнаго повѣреннаго; если онъ ни разу не былъ осуждаемъ Совѣтомъ, то это и должно быть означено въ свидѣтельствѣ; если былъ, то въ свидѣтельствѣ должно быть указано, за что именно и какимъ онъ подвергся взысканіямъ. Выдача свидѣтельствъ съ означеніемъ только времени пребыванія присяжнымъ повѣреннымъ могла бы служить средствомъ къ сокрытію взысканій, которымъ присяжный повѣренный на самомъ дѣлѣ подвергался.

2) *Назначеніе повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности*, будетъ разобрано нами въ слѣдующей главѣ, когда мы будемъ говорить объ обязанности присяжныхъ повѣренныхъ принимать на себя ходатайство по дѣламъ этого рода. Скажемъ только, что основаніемъ очереди назначеній служилъ до начала 1874 г. алфавитный порядокъ, а съ 1874

г. служитъ порядокъ вступленія присяжныхъ повѣренныхъ въ сословіе (журн. 6 Марта 1874 г.). Перемѣна порядка объясняется тѣмъ, что при прежнемъ способѣ веденія очереди она могла очень скоро пасть на лице, только что вступившее въ сословіе, между тѣмъ какъ давнишніе его члены могли очень долго оставаться отъ нея свободными.

3) *Назначеніе, по очереди, присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, правомъ бѣдности не пользующихся*, но обращающихся въ Совѣтъ съ просьбой о назначеніи повѣреннаго, обязательно для Совѣта, по буквальному смыслу ст. 392-ой Учр. Суд. Устан., только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ состоитъ полное опредѣленное табелью число присяжныхъ повѣренныхъ. Такъ какъ табель, установленная ст. 388-ою Учр. Суд. Устан., до сихъ поръ не издана, и число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ для С.-Петербурга и другихъ городовъ, еще не опредѣлено, то Совѣтъ съ самаго начала отказывалъ и до сихъ поръ отказываетъ лицамъ, правомъ бѣдности не пользующимся, въ назначеніи присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по ихъ дѣламъ (жур. 16 Іюня 1866 г. и др). Первоначально Совѣтъ, въ видахъ облегченія для тяжущихся выбора присяжныхъ повѣренныхъ, сообщалъ имъ, вмѣстѣ съ отказомъ, имена и адресы трехъ присяжныхъ повѣренныхъ, слѣдуя при этомъ алфавитному порядку (отчетъ за 1866—67 г.); въ послѣдствіи времени онъ передавалъ заявленія и просьбы тяжущихся присяжнымъ повѣреннымъ, начинавшимъ свою практику или вообще нуждавшимся въ дѣлахъ, съ тѣмъ, чтобы они входили прямо отъ себя въ соглашеніе съ тяжущимися (отчетъ за 1869—70 г). но опытъ показалъ, что и тотъ, и другой образъ дѣйствій представлялъ одинаковыя неудобства, вну-

шая тяжущимся мысль, что присяжный повѣренный, указанный Совѣтомъ, *обязанъ* взять на себя веденіе дѣла (отчетъ за 1870—71 г). Вслѣдствіе этого Совѣтъ въ настоящее время ограничивается простымъ отказомъ, основаннымъ на ст. 392-ой Учр. Суд. Устан.

4) *Опредѣленіе количества вознагражденія, слѣдующаго присяжному повѣренному по таксѣ* Совѣту приходится принимать на себя довольно рѣдко, потому что споры по этому предмету между присяжными повѣренными и довѣрителями ихъ разрѣшаются обыкновенно судебнымъ порядкомъ. Совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе такихъ споровъ только тогда, когда его о томъ просятъ обѣ стороны и когда возникшій между ними споръ не разрѣшается прямымъ смысломъ заключеннаго между ними условія (журн. 17 мая 1872 г.). Рѣшенію Совѣта стороны въ подобныхъ случаяхъ подчиняются добровольно (журн. 21 Апрѣля 1871, 5 Апрѣля 1872, 28 Марта 1873 г). Еще до изданія таксы Совѣтъ, по просьбѣ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, опредѣлилъ, сколько, по мнѣнію Совѣта, ему слѣдовало бы получить за составленіе кассаціонной жалобы (журн. 12 Октября 1867 г.); но само собою разумѣется, что такое *мнѣніе* Совѣта не могло ни для кого имѣть обязательнаго значенія.

5) *Распредѣленіе между присяжными повѣренными десятипроцентнаго сбора* еще не начиналось, потому что къ самому взиманію сбора приступлено лишь въ 1872 г. и собранная сумма въ первый разъ внесена въ Главное Казначейство, для передачи Министерству Юстиціи — которое распредѣляетъ ее по округамъ — въ Мартѣ 1874 года.

На основаніи ст. 396 Учр. Суд. Устан., такса для вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ установляется на

каждые три года Министромъ Юстиціи по представленіямъ судебныхъ палатъ и совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Для составленія проекта таксы Совѣту, избранному 2 Мая 1866 года, назначенъ былъ семидневный срокъ, въ продолженіе котораго проектъ былъ выработанъ, разсмотрѣнъ и одобренъ общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ (отчетъ за 1866—67 г.). Такой торопливости не соотвѣтствовалъ дальнѣйшій ходъ дѣла; такса была обнародована, какъ извѣстно, только въ Іюлѣ 1868 г. Проектъ таксы, составленный въ Министерствѣ Юстиціи, не былъ сообщенъ офиціально на заключеніе Совѣта, но частнымъ образомъ былъ имъ разсмотрѣнъ и замѣчанія Совѣта переданы на словахъ г. Предсѣдателю Гражданскаго Департамента Судебной Палаты (отчетъ за 1867—68 г.). Въ 1871 г., когда истекалъ трехлѣтній срокъ дѣйствія таксы, Совѣтомъ, согласно требованію Судебной Палаты, было составлено подробное заключеніе объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя, по его мнѣнію, необходимо сдѣлать въ таксѣ (дополн. къ журн. 26 Мая 1871 г. и отчетъ за 1870—71 и 1871—72 г.); но заключеніе это осталось безъ послѣдствій, такъ какъ дѣйствіе таксы было продлено еще на три года.

Обязанности Совѣта по взиманію десатипроцентнаго сбора

47. На основаніи ст. 398-ой Учр. Суд. Устан., изъ вознагражденія получаемаго присяжными повѣренными, удерживается съ слѣдующей имъ по таксѣ суммы извѣстный процентъ, опредѣляемый одновременно съ таксой для составленія общей по всей Россіи суммы на вознагражденіе присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемыхъ предсѣдателями судебныхъ мѣстъ для защиты подсудимыхъ. Размѣръ этого сбора опредѣленъ таксой (ст. 17) въ десять процентовъ. Приступить ко взиманію его Совѣтъ сначала не считалъ себя въ правѣ, потому что оно не от-

несено закономъ къ числу обязанностей Совѣта, и притомъ не установлено ни порядка, въ которомъ, ни условій, на основаніи которыхъ оно должно происходить (журн. 12 Апрѣля 1869 г.). Въ концѣ 1871 г. Судебная Палата вмѣнила Совѣту въ обязанность приступить ко взысканію съ присяжныхъ повѣренныхъ десятипроцентнаго сбора. Совѣтъ, получивъ это требованіе, призналъ прежде всего необходимымъ установить правила для взиманія десятипроцентнаго сбора, такъ какъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній по этому предмету, а между тѣмъ нельзя приступить ко взысканію, не разрѣшивъ заранѣе главныхъ изъ возбуждаемыхъ имъ вопросовъ—о свойствѣ дѣлъ, подлежащихъ сбору, о срокахъ платежей, о наблюденіи за правильностью ихъ и т. п. (журн. 3 Февраля 1872 г.). Проектъ правилъ былъ составленъ особою коммиссіею, выбранною изъ среды Совѣта, потомъ разсмотрѣнъ общимъ собраніемъ и окончательно утвержденъ Совѣтомъ 10 Апрѣля 1872 г. Составленныя такимъ образомъ правила были разосланы всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ (вновь вступающимъ они выдаются при самомъ принятіи въ сословіе) и введены въ дѣйствіе съ 1-го Мая 1872 г., о чемъ и было сообщено Судебной Палатѣ. Сущность ихъ будетъ изложена нами ниже, въ главѣ объ обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ; здѣсь мы замѣтимъ только: 1) что взиманіе десятипроцентнаго сбора возложено на Совѣтъ, уполномочивающій къ тому одного изъ своихъ членовъ, 2) что собранныя суммы Совѣтъ препровождаетъ ежегодно въ Министерство Юстиціи, 3) что всѣ возникающіе по предмету взиманія десятипроцентнаго сбора общіе вопросы и недоумѣнія разрѣшаются постановленіями Совѣта, по предварительномъ обсужденіи ихъ въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣрен-

ныхъ *), и 4) что въ случаѣ возбужденія кѣмъ-либо или самимъ Совѣтомъ сомнѣнія въ правильности означенія присяжнымъ повѣреннымъ количества полученнаго имъ вознагражденія, или въ случаѣ уклоненія присяжнаго повѣреннаго отъ взноса денегъ или отъ представленія книги, производится изслѣдованіе по тѣмъ же правиламъ, которыя соблюдаются Совѣтомъ при разсмотрѣніи жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ и виновные подвергаются взысканіямъ на основаніи ст. 368 Учр. Суд. Устан. (журн. 10 Апрѣля 1872 г.). Такихъ сомнѣній до настоящаго времени еще не возникало. Первая общая ревизія книгъ, въ которыя записывается десятипроцентный сборъ, произведена Совѣтомъ въ Февралѣ 1874 г.

Мѣры принятыя совѣтомъ къ огражденію общихъ интересовъ корпораціи.

48. Какъ представитель сословія присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ обязанъ заботиться о его интересахъ, ограждать его права, способствовать возможно правильной его организаціи Въ этихъ видахъ онъ входитъ прямо отъ себя въ сношеніе съ судебными мѣстами и должностными лицами, а Министерству Юстиціи представляетъ свои соображенія черезъ посредство Судебной Палаты, при которой онъ состоитъ. Такія представленія были дѣлаемы до сихъ поръ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ 1866 и 1868 г. Совѣтъ ходатайствовалъ объ установленіи числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое будетъ признано достаточнымъ для С.-Петербурга. Основанія и мотивы этого ходатайства—повтореннаго еще разъ въ 1870 г., въ формѣ словесныхъ объясненій, представленныхъ Г. Министру Юстиціи предсѣдателемъ и двумя членами Со-

*). Такихъ постановленій состоялось уже нѣсколько.

вѣта—будутъ изложены нами въ главѣ о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, при разсмотрѣніи вопроса о комплектѣ.

2) Въ 1868 и 1869 г, Совѣтъ ходатайствовалъ о сокращеніи, въ извѣстныхъ случаяхъ, пятилѣтняго срока практической дѣятельности, требуемаго закономъ для вступленія въ присяжные повѣренные (см. главу о составѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, § 5).

3) Въ 1871 г. Совѣтъ ходатайствовалъ объ организаціи сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ (см. главу о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, § 16).

4) Въ 1872 г. Совѣтъ ходатайствовалъ о предоставленіи присяжнымъ повѣреннымъ права передовѣрять веденіе всѣхъ дѣлъ, по которымъ они имѣютъ право передовѣрія, помощнику своему или другому присяжному повѣренному *одною общею довѣренностью*. Мысль объ этомъ ходатайствѣ принадлежитъ присяжному повѣренному Н. Ф. Деппу, которымъ были изложены его мотивы (журн. 29 Декабря 1871 г.). Ходатайство это, какъ сообщено Совѣту въ Февралѣ 1874 г., оставлено Министерствомъ безъ послѣдствій.

5) Убѣдясь на практикѣ въ необходимости принятія со стороны Совѣта мѣръ къ охраненію дѣлъ и бумагъ, находящихся у присяжнаго повѣреннаго въ моментъ его смерти, Совѣтъ ходайствовалъ, въ 1872 г., о дополненіи ст. 1403-й Уст. Гражд. Судопр. слѣдующимъ правиломъ: «въ случая смерти присяжнаго повѣреннаго или помощника присяжнаго повѣреннаго, если въ томъ городѣ, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто жительства, существуетъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ или отдѣленіе его, Судебный Приставъ, произведя опись оставшимся у умершаго дѣламъ и документамъ, немедленно передаетъ ихъ Совѣту или отдѣленію его»,—а ст.

367 Учр. Суд. Устан. слѣдующимъ постановленіемъ: «къ обязанностямъ Совѣта принадлежитъ охраненіе дѣлъ и документовъ послѣ умершихъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ ихъ, и наблюденіе за правильнымъ возвращеніемъ этихъ дѣлъ и документовъ лицамъ имѣющимъ право на полученіе ихъ» (журн. 26 Апрѣля 1872 г.). Это ходатайство остается по настоящее время безъ всякихъ послѣдствій, но Совѣтъ тѣмъ не менѣе принимаетъ участіе въ охраненіи дѣлъ и документовъ, остающихся послѣ смерти присяжныхъ повѣренныхъ, на сколько это возможно при дѣйствій нынѣшнихъ узаконеній. Участіе это заключается въ томъ, что Совѣтъ поручаетъ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ или помощниковъ, наиболѣе знакомыхъ съ дѣлами умершаго, присутствовать при составленіи описи его дѣламъ и бумагамъ, и затѣмъ,—если мировой судья изъявитъ на то согласіе,—разбираетъ эти дѣла и бумаги и въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, возвращаетъ ихъ лицамъ, имѣющимъ право на полученіе ихъ (журн. 12 Мая 1871, 9 Октября 1872, 23 Февраля, 20, 21 и 28 Марта 1873 г.). Въ случаѣ учрежденія надъ имуществомъ умершаго присяжнаго повѣреннаго опеки, Совѣтъ выдаетъ имѣющіяся у него дѣла и бумаги опекуну или препровождаетъ ихъ по принадлежности въ Дворянскую опеку или Сиротскій Судъ (журн. 14 Марта 1873 г.). Въ случаѣ внезапной и тяжкой болѣзни присяжнаго повѣреннаго, не позволящей ему заниматься дѣлами, Совѣтъ поручаетъ охраненіе ихъ присяжному повѣренному, наиболѣе съ ними знакомому, а сношенія съ довѣрителями заболѣвшаго присяжнаго повѣреннаго и принятіе мѣръ, не терпящихъ отлагательства—присяжному повѣренному, который, имѣя достаточно свободнаго времени, согласится принять на себя этотъ трудъ (журн. 19 Января

1874 г.). По желанію довѣрителей умершаго присяжнаго повѣреннаго, Совѣтъ опредѣляетъ количество вознагражденія, слѣдовавшаго ему за труды по неоконченному дѣлу и передаетъ полученныя деньги наслѣдникамъ покойнаго (журн. 29 Марта и 15 Ноября 1872 г.).

Независимо отъвышеупомянутыхъ ходатайствъ Предсѣдатель Совѣта, по порученію Совѣта, представлялъ Г. Министру Юстиціи, въ 1873 г., словесныя объясненія по поводу составленнаго въМинистерствѣ Юстиціи проекта закона о частныхъ ходатаяхъ. Затѣмъ, съ разрѣшенія Г. Министра, ему было представлено письменное изложеніе этихъ объясненій (отчетъ за 1872—73 г. и журн. 9 Мая 1873 г.).

Съ судебными мѣстами Совѣтъ вступалъ въ сношенія по слѣдующимъ поводамъ:

1) Въ видахъ правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія между присяжными повѣренными уголовныхъ защитъ по назначенію Суда, Совѣтъ обратился къ С.-Петербургскому Окружному Суду съ просьбою установить по этому предмету опредѣленныя правила, которыя и были составлены по соглашенію между Совѣтомъ и Предсѣдательствующими въ уголовныхъ отдѣленіяхъ суда (журн. 16 Ноября и 16 Декабря 1867 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было, согласно ходатайству Совѣта, увѣдомлять присяжныхъ повѣренныхъ о назначеніи ихъ защитниками по возможности заблаговременно (журн. 26 Октября 1867 г. и отчетъ за 1867—68 г.). Въ послѣдствіи времени оказалось, что вышеупомянутыя правила не предупреждаютъ случаевъ назначенія присяжнаго повѣреннаго къ защитѣ, въ одинъ и тотъ же день, двухъ подсудимыхъ въ разныхъ отдѣленіяхъ Суда. Совѣтъ обратилъ вниманіе Предсѣдательствующихъ въ уголовныхъ отдѣленіяхъ на средства, съ помощью которыхъ могло бы

быть устранено это неудобство, но предложеніе Совѣта не было принято Предсѣдательствующими (журн. 13 Декабря 1872 и 17 Января 1873 г.). Канцеляріи уголовныхъ отдѣленій сообщаютъ въ Совѣтъ, передъ началомъ каждой сессіи, списки присяжныхъ повѣренныхъ, назначенныхъ къ защитѣ подсудимыхъ; но при установившейся въ послѣднее время быстротѣ производства уголовныхъ дѣлъ въ Окружномъ Судѣ присяжные повѣренные часто назначаются защитниками столь незадолго до слушанія дѣлъ, что не имѣютъ возможности ни сами, ни черезъ посредство Совѣта принять мѣры къ передачѣ другому лицу одной изъ защитъ, одновременно на нихъ возложенныхъ (отчетъ за 1872—73 г.).

2) Въ 1867 г. Совѣтъ обратился къ Предсѣдателю Гражданскаго Департамента Судебной Палаты и Предсѣдателю Окружнаго Суда съ просьбою допускать отсрочку гражданскаго дѣла, когда присяжный повѣренный, въ немъ участвующій, имѣетъ въ тотъ самый день уголовную защиту,— или слушаніе его не въ очередь, а прежде или послѣ наступленія ея, смотря по тому, когда начинается или оканчивается уголовная защита. Ходатайство это было уважено только отчасти; докладъ дѣла не въ очередь былъ признанъ возможнымъ, но отсрочку дѣла рѣшено было допускать лишь при согласіи на то обѣихъ сторонъ (журн. 26 Октября 1867 г. и отчетъ за 1867—68 г.).

3) Въ томъ же 1867 г. Совѣтъ ходатайствовалъ о-раздѣленіи гражданскихъ засѣданій на періоды, для того чтобы присяжные повѣренные могли знать, въ какомъ именно часу они должны явиться въ засѣданіе. Окружной Судъ отклонилъ это ходатайство, но Судебною Палатою оно было уважено и засѣданія Гражданскаго ея Департамента раздѣлены на два періода—до двухъ и послѣ двухъ часовъ. Порядокъ

этотъ, сберегающій для присяжныхъ повѣренныхъ много времени, до сихъ поръ соблюдается въ первомъ Гражданскомъ Департаментѣ Судебной Палаты (журн. 26 Октября 1867 г. и отчетъ за 1867—68 г.).

4) Когда возникъ вопросъ о правѣ окружныхъ судовъ назначать присяжныхъ повѣренныхъ къ защитѣ подсудимыхъ внѣ того города, гдѣ присяжные повѣренные имѣютъ жительство, Совѣтъ вошелъ въ переписку съ судебными мѣстами С.-Петербургскаго округа, доказывая, что такое право окружнымъ судамъ не принадлежитъ и принадлежать не можетъ. Подробный разборъ этого вопроса будетъ представленъ нами въ слѣдующей главѣ.

5) Въ 1873 г. Совѣтъ, въ видахъ сбереженія времени присяжныхъ повѣренныхъ, просилъ Предсѣдательствующаго въ 3-мъ отдѣленіи Окружнаго Суда назначать для защиты бродягъ, дѣла которыхъ слушаются въ одномъ и томъ же засѣданіи, по возможности одного и того же присяжнаго повѣреннаго (журн. 21 Марта 1873 г.).

6) Въ 1868 и 1873 г. Совѣтъ ходатайствовалъ объ устраненіи затрудненій, съ которыми бывалъ иногда сопряженъ впускъ присяжныхъ повѣренныхъ въ залы засѣданій Окружнаго Суда. Ходатайство это оба раза приводило къ желанной цѣли (журн. 23 Августа и 28 Сентября 1868 и 7 марта 1873 г.).

7) Когда въ 1873 г. установлено было Окружнымъ Судомъ обязательное заявленіе тяжущимися о мѣстѣ пребыванія ихъ во время производства дѣла, Совѣтъ обратился въ Окружный Судъ съ просьбою объ освобожденіи присяжныхъ повѣренныхъ отъ соблюденія этой формальности, такъ какъ мѣсто жительства ихъ всегда извѣстно Суду; но

просьба эта не была уважена Окружнымъ Судомъ (журн. 28 Февраля 1873 г.).

8) Въ виду неудобствъ, сопряженныхъ съ внесеніемъ въ кассу Окружнаго Суда мелкихъ канцелярскихъ сборовъ и денегъ на повѣстки, Совѣтъ, согласно съ заявленіемъ присяжнаго повѣреннаго В. А. Шванебаха, ходатайствовалъ объ измѣненіи существующаго въ этомъ отношеніи порядка. Ходатайство Совѣта было признано, по крайней мѣрѣ отчасти, подлежащимъ удовлетворенію, но на практикѣ порядокъ внесенія денегъ въ кассу Окружнаго Суда остался безъ измѣненій (журн. 28 Февраля 1873 г. и отчетъ за 1872—73 г.).

9) Въ 1871 г. между Предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда и Совѣтомъ происходила переписка о порядкѣ назначенія присяжныхъ попечителей изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ (журн. 4 Августа 1871 г.).

О сношеніяхъ Совѣта съ Предсѣдателемъ Коммерческаго Суда, Предсѣдательствующими въ уголовныхъ отдѣленіяхъ Окружнаго Суда и Столичнымъ Мировымъ Съѣздомъ, имѣющихъ цѣлью расширеніе правъ и занятій помощниковъ, упомянуто въ главѣ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ 1869 г. Старшій Предсѣдатель Судебной Палаты препроводилъ на заключеніе Совѣта отношеніе Государственнаго Контролера, въ которомъ высказано было мнѣніе, что кандидаты на судебныя должности, назначаемые къ защитѣ подсудимыхъ, должны получать вознагражденіе наравнѣ съ присяжными повѣренными изъ десятипроцентнаго сбора, установленнаго ст. 398-й Учр. Суд. Устан. Въ заключеніи Совѣта были приведены доказательства тому, что мнѣніе это несогласно съ буквальнымъ смысломъ ст. 398-й (журн. 28 Августа 1869 г.).

По просьбѣ Предсѣдателя Великолуцкаго Окружнаго Суда, Совѣтъ сообщилъ ему свои соображенія по вопросу о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовать, впредь до объявленія комплекта, внѣ предѣловъ судебнаго округа, къ которому они приписаны (журн. 14 Августа 1869 г.).

По просьбѣ С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера, Совѣтъ сообщилъ ему соображенія свои по вопросу о правѣ частныхъ ходатаевъ выставлять на домахъ, гдѣ они живутъ, вывѣски съ означеніемъ своей профессіи (журн. 6 іюля 1867 г.).

Узнавъ отъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, что Полиція требуетъ отъ него взятія адреснаго билета, Совѣтъ обратился къ С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру съ ходатайствомъ не допускать подобныхъ требованій, несогласныхъ съ комментаріемъ къ ст. 406-й Учр. Суд. Устан. Ходатайство это было уважено (журн. 28 Сентября и 12 Октября 1867 г.).

Можетъ ли Совѣтъ заступаться оффиціально за отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ?

49. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, противъ котораго было начато уголовное преслѣдованіе за оскорбленіе, нанесенное имъ будто-бы свидѣтелю при исправленіи обязанностей защитника [1]), просилъ Совѣтъ оказать содѣйствіе къ правильному направленію этого дѣла. Просьба его была оставлена безъ послѣдствій, потому что законъ не даетъ Совѣту права вмѣшиваться въ дѣйствія обвинительной и слѣдственной власти (журн. 14 Августа 1869 г.).

Можетъ ли Совѣтъ, въ случаѣ явнаго нарушенія должностнымъ лицемъ или присутственнымъ мѣстомъ правъ,

---

[1]) Преслѣдованіе это было прекращено и дѣло не доходило до судебнаго разсмотрѣнія.

принадлежащихъ по закону присяжнымъ повѣреннымъ, обратить вниманіе подлежащей власти на это нарушеніе и просить о предупрежденіи его на будущее время? Вопросъ этотъ возникъ въ 1868 г. по слѣдующему поводу: Предсѣдательствующій въ одномъ изъ гражданскихъ отдѣленій Окружнаго Суда сдѣлатъ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ публичное замѣчаніе за сообщеніе противной сторонѣ копій не на гербовой бумагѣ. Совѣтъ, убѣдившись въ дѣйствительности этого факта, сообщилъ о немъ Окружному Суду въ видахъ разъясненія вопроса о правѣ гг. Предсѣдательствующихъ дѣлать присяжнымъ повѣреннымъ подобныя замѣчанія. По мнѣнію Совѣта, предѣлы власти Предсѣдательствующихъ установлены съ достаточною ясностью въ ст. 154, 157 и 158 Учр. Суд. Устан.; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ неправильныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, обнаруженныя судомъ, подлежатъ, по сообщеніямъ Суда, разсмотрѣнію Совѣта. Такъ смотрѣлъ, повидимому, на дѣло и Окружной Судъ, неоднократно сообщая Совѣту о замѣченныхъ имъ неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, для надлежащихъ со стороны Совѣта распоряженій. Но въ опредѣленіи Окружнаго Суда (по общему Собранію), состоявшемся вслѣдствіе вышеупомянутаго сообщенія Совѣта, выраженъ совершенно другой взглядъ на права Совѣта и гг. Предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ Окружнаго Суда. По словамъ этого опредѣленія, право налагать взысканія на присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ не исключительно одному Совѣту, и Окружной Судъ, сообщая Совѣту о неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, дѣйствовалъ не въ силу какого-нибудь общаго правила, а исключительно по довѣрію къ правильности распоряженій Совѣта. Находя, что права, несомнѣнно принад-

лежащія Совѣту, оспариваются Окружнымъ Судомъ и ставятся имъ въ зависимость отъ обстоятельствъ чисто случайныхъ, Совѣтъ представилъ о всемъ вышеизложенномъ на усмотрѣніе Судебной Палаты; но Судебная Палата признала представленіе Совѣта не подлежащимъ своему разсмотрѣнію и оставила его безъ послѣдствій (журн. 6 Ноября 1868, 25 Января и 22 Мая 1869 г.). Не встрѣтивъ такимъ образомъ поддержки ни въ Окружномъ Судѣ, ни въ Судебной Палатѣ и не желая подавать повода къ столкновеніямъ въ средѣ судебнаго вѣдомства, Совѣтъ воздерживался съ тѣхъ поръ отъ подобныхъ представленій, хотя и продолжалъ находить ихъ полезными и правильными, и объявлялъ присяжнымъ повѣреннымъ, считавшимъ себя въ правѣ жаловаться на образъ дѣйствій должностныхъ лицъ, что они могутъ просить о возбужденіи противъ этихъ лицъ судебнаго или дисциплинарнаго производства въ узаконенномъ порядкѣ.

Разъясненіе недоумѣній, встрѣчаемыхъ присяжными повѣренными.

50. Присяжные повѣренные обращались иногда въ Совѣтъ съ просьбою разъяснить имъ, могутъ ли они поступить такъ или иначе, не нарушая своихъ адвокатскихъ обязанностей. Совѣтъ, въ качествѣ оффиціальнаго учрежденія, не считалъ возможнымъ удовлетворять подобныя просьбы. Разрѣшивъ предложенный ему вопросъ, Совѣтъ легко могъ бы быть поставленъ въ затруднительное положеніе, въ случаѣ принесенія жалобы на то именно дѣйствіе присяжнаго повѣреннаго, которое было бы совершено какъ бы съ согласія и одобренія Совѣта (журн. 2 Октября 1869 и 22 Марта 1872 г., отчетъ за 1871—72 г.).

Каждый разъ, когда возникаетъ необходимость установить какое-либо общее начало для руководства присяжныхъ по-

вѣренныхъ, Совѣтъ приготовляетъ проектъ постановленія по этому предмету, предлагаетъ его на обсужденіе Общаго Собранія, облекаетъ его затѣмъ въ окончательную форму и въ случаѣ особенной важности разсылаетъ копіи съ него всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ.

Общіе расходы корпораціи и касса пособій.

51. Для покрытія расходовъ по дѣлопроизводству Совѣта, печатанію списковъ присяжныхъ повѣренныхъ и т. п. установленъ съ самаго начала существованія сословія небольшой взносъ, составлявшій сначала по 5 руб. въ годъ съ каждаго присяжнаго повѣреннаго, а съ 1873 г. возвышенный до 7 руб. (журн. 23 Апрѣля 1873 г.; въ томъ же постановленіи Совѣта опредѣленъ порядокъ взиманія этого сбора). Помощники вносятъ ежегодно по 3 рубля. Въ первый годъ послѣ вступленія въ сословіе присяжный повѣренный платитъ 10 рублей, помощникъ — 5 рублей. Сборъ всѣхъ этихъ взносовъ возлагается на одного изъ членовъ Совѣта, исполняющаго обязанности казначея; онъ же и расходуетъ ихъ, испрашивая только на болѣе крупныя издержки согласіе Совѣта (журн. 28 Апрѣля 1871 г.).

Въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ 5 Ноября 1872 г. принято предложеніе Совѣта объ учрежденіи при немъ кассы присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, если они изъявятъ желаніе присоединиться къ этому дѣлу, и утвержденъ, съ незначительными измѣненіями, составленный Совѣтомъ проектъ правилъ этой кассы.

Правила эти слѣдующаго содержанія: 1) цѣль кассы присяжныхъ повѣренныхъ—выдача пособій присяжнымъ повѣреннымъ, помощникамъ и ихъ семействамъ. 2) Касса образуется изъ обязательныхъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій. 3) Обязательный взносъ раздѣляется на четыре

категоріи: а) 50 рублей, б) 25 рублей, в) 10 рублей и г) 5 рублей (въ годъ). 4) Каждый присяжный повѣренный вноситъ ежегодно сумму, въ одномъ изъ вышеозначенныхъ разрядовъ указанную, выбирая тотъ или другой разрядъ по своему усмотрѣнію. 5) Лица, вступающія въ присяжные повѣренные, могутъ, если пожелаютъ, въ первый годъ послѣ ихъ вступленія не дѣлать въ кассу никакого взноса. 6) Касса находится въ завѣдываніи Совѣта. 7) Имена лицъ, обратившихся съ просьбою о пособіи, сохраняются въ тайнѣ. 8) За мѣсяцъ до общихъ выборовъ въ Совѣтъ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ выбираетъ трехъ членовъ въ ревизіонную коммиссію для повѣрки дѣйствій Совѣта по кассѣ. 9) Отчетъ Совѣта о дѣйствіяхъ его по кассѣ и отчетъ ревизіонной коммиссіи читаются и разсматриваются въ день общихъ выборовъ въ Совѣтъ. Вмѣстѣ съ симъ общее собраніе рѣшило приступить къ образованію кассы немедленно и пригласить гг. присяжныхъ повѣренныхъ къ взносамъ за полугодіе съ 1 Ноября 1872 по 1 Мая 1873 г. Вслѣдствіе сего Совѣтъ постановилъ: 1) копіи съ вышеизложенныхъ правилъ и съ постановленія общаго собранія разослать всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ. 2) Уполномочить къ принятію взносовъ казначея Совѣта, а въ случаѣ отсутствія его и другихъ членовъ Совѣта. 3) Завести для записыванія взносовъ, а также и расходовъ по кассѣ, особую приходорасходную книгу, за шнуромъ и печатью Совѣта. 4) Составить правила для руководства при храненіи и при расходованіи поступающихъ въ кассу денегъ, равно какъ и при разсмотрѣніи и разрѣшеніи просьбъ о пособіяхъ (журн. 22 Ноября 1872 г.). Согласно съ этимъ были составлены Совѣтомъ и утверждены общимъ собраніемъ при-

сяжныхъ повѣренныхъ 26 Февраля 1873 г. слѣдующія правила:

1. *Храненіе суммъ, поступающихъ въ кассу.* Суммы, поступающія въ кассу, вносятся на текущій счетъ въ одинъ изъ С.-Петербургскихъ банковъ. Текущій счетъ открывается на имя Совѣта, который послѣ каждыхъ новыхъ выборовъ немедленно сообщаетъ банку подписи всѣхъ своихъ членовъ. Для выдачи денегъ по чекамъ достаточно подписей двухъ членовъ Совѣта. Чековая книжка хранится у казначея Совѣта или у члена Совѣта, исправляющаго его обязанности. Современемъ, по мѣрѣ увеличенія средствъ кассы, часть капитала можетъ быть обращена въ процентныя бумаги, по усмотрѣнію Совѣта. Бумаги эти вносятся на храненіе въ одинъ изъ банковъ. Казначей Совѣта имѣетъ право хранить у себя такую часть принадлежащихъ кассѣ суммъ, какая будетъ признана необходимою для производства текущихъ, нетерпящихъ отлагательства, расходовъ (не болѣе двухсотъ рублей).

2. *Назначеніе пособій.* Пособія могутъ быть единовременныя, продолжительныя (т. е. назначенныя на опредѣленное число лѣтъ) и пожизненныя (т. е. пенсіи). Они могутъ быть выдаваемы какъ присяжнымъ повѣреннымъ и помощникамъ, такъ и ихъ семействамъ, причемъ подъ именемъ семейства слѣдуетъ разумѣть нетолько жену и дѣтей, но и родителей, братьевъ, сестеръ и вообще всѣхъ тѣхъ, которыхъ содержалъ или поддерживалъ своими трудами умершій или тяжко заболѣвшій присяжный повѣренный или помощникъ. Пособія могутъ быть выдаваемы какъ по заявленіямъ нуждающихся, такъ и безъ нихъ, по усмотрѣнію Совѣта. Заявленіе о пособіи дѣлается на письмѣ или на словахъ, самимъ нуждающимся или другимъ

лицемъ, присутствію Совѣта или одному изъ его членовъ. Одинъ изъ членовъ Совѣта, по его назначенію, собираетъ свѣдѣнія о положеніи нуждающагося и докладываетъ ихъ Совѣту. Для того чтобы могло состояться постановленіе Совѣта о выдачѣ пособія или объ отказѣ, необходимо присутствіе большинства членовъ Совѣта. Рѣшенія постановляются по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, которое имъ принято; но пенсія можетъ быть назначена не иначе, какъ большинствомъ двухъ третей членовъ Совѣта. Всякій членъ Совѣта, которому сдѣлано заявленіе о пособіи, можетъ въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства и по собраніи надлежащихъ свѣдѣній выдать, подъ личною своею отвѣтственностью, просителю до ста рублей, съ обязанностью доложить объ этомъ Совѣту въ слѣдующемъ его засѣданіи. Постановленія Совѣта по просьбамъ о пособіяхъ записываются отдѣльно отъ постановленій его по другимъ дѣламъ и къ концу года переплетаются въ особую книгу. Они должны составлять тайну даже для присяжныхъ повѣренныхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые избраны членами ревизіонной коммиссіи на основаніи пун. 8-го утвержденныхъ 5 Ноября 1872 г. правилъ; но и ревизіонной коммиссіи предъявляются каждый разъ постановленія Совѣта только за послѣдній, а не за предъидущіе года. Отъ лица, получившаго пособіе, зависитъ возвратить его въ кассу, причемъ оно можетъ, по усмотрѣнію его, быть записано въ приходъ или какъ добровольное пожертвованіе, или какъ возвращенное пособіе. Выдача пособій производится казначеемъ по письменнымъ предложеніямъ Совѣта и записывается въ особую книгу, къ которой

прилагаются росписки лицъ, получившихъ пособія (журн. 28 Февраля 1873 г.). Въ продолженіе перваго года со времени учрежденія кассы были выданы два пособія одному и тому же лицу, въ размѣрѣ 300 и 150 рублей. Необходимость кассы вполнѣ доказывается тѣмъ, что до учрежденія ея было два случая сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу емействъ умершихъ присяжныхъ повѣренныхъ, оставшихся въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Само собою разумѣется, что такъназываемые обязательные взносы въ кассу присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ только *нравственно-обязательное* значеніе и не могутъ быть взыскиваемы принудительными мѣрами.

Библіотека и консультація.

52. Упомянемъ въ заключеніе о двухъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ не по иниціативѣ Совѣта — библіотекѣ и консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ. Первая составилась и поддерживается посредствомъ добровольныхъ взносовъ и пожертвованій со стороны присяжныхъ повѣренныхъ; она находится въ завѣдываніи присяжнаго повѣреннаго, избираемаго общимъ собраніемъ и дающаго ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Консультація для словесныхъ и письменныхъ совѣтовъ по дѣламъ гражданскимъ учреждена по мысли присяжнаго повѣреннаго С. Я. Бѣликова въ 1870 г. Участіе въ ней принимаютъ только тѣ присяжные повѣренные, которые изъявятъ на то желаніе. Двое изъ участниковъ консультаціи ежедневно, кромѣ субботы и неприсутственныхъ дней, дежурятъ въ судѣ для подачи словесныхъ совѣтовъ; разъ въ двѣ недѣли бываютъ общія собранія членовъ консультаціи для обсужденія болѣе сложныхъ юридическихъ вопросовъ, предложенныхъ на ея разрѣшеніе, и проектовъ

письменныхъ заключеній по этимъ вопросамъ. За словесные совѣты платятъ только тѣ, которые этого сами пожелаютъ; за письменныя заключенія назначается плата отъ 5 до 250 руб., но для совершенно бѣдныхъ лицъ они приготовляются безплатно. Дѣлами консультаціи завѣдуютъ, по выбору ея участниковъ, три распорядителя. Кругъ дѣйствій ея постоянно расширяется; число совѣтовъ и заключеній, ею данныхъ, доходитъ до 1000 въ годъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Обязанности и права присяжныхъ повѣренныхъ *).

Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовать безвозмездно по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности.

53. Присяжные повѣренные—сказано въ ст. 353-й Учр. Суд. Устан., состоятъ при судебныхъ мѣстахъ для занятія дѣлами по избранію и порученію тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ, а также по назначенію, въ опредѣленныхъ случаяхъ, совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и предсѣдателей судебныхъ мѣстъ.

Совѣтъ назначаетъ присяжныхъ повѣренныхъ по очереди: а) для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности и б) для ходатайства по дѣламъ лицъ, обратившихся въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи имъ

---

*) Все сказанное въ этой главѣ примѣнимо и къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, за исключеніемъ относящагося къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены закономъ спеціально на присяжныхъ повѣренныхъ.

повѣренныхъ (Учр. Суд. Устан. ст. 367 пун. 4 и 5). Мы видѣли уже, что назначенія послѣдняго рода пока еще не обязательны для Совѣта, такъ какъ комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ нигдѣ не объявленъ; остановимся, поэтому, на назначеніи Совѣтомъ повѣренныхъ по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, получивъ такое назначеніе, старался доказать, что оно для него не обязательно, такъ какъ впредь до объявленія комплекта присяжные повѣренные не имѣютъ никакихъ правъ и слѣдовательно не должны нести никакихъ обязанностей; въ подтвержденіе этого онъ сослался на комментарій къ ст. 394-й Учр. Суд. Устан., въ которомъ сказано, что для присяжныхъ повѣренныхъ обязательны порученія Совѣта только по предоставленіи имъ привиллегіи на исключительное веденіе гражданскихъ дѣлъ. Совѣтъ призналъ, что обязанность присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовать безвозмездно, по назначенію Совѣта, по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, не поставлена въ зависимость отъ признанія числа присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ и предоставленія имъ исключительнаго права на веденіе гражданскихъ дѣлъ (ср. ст. 390 и 367 пун. 4 съ ст. 392, 388 и 367 пун. 5 Учр. Суд. Устан.). Въ зависимость отъ этого обстоятельства поставлена лишь обязанность присяжныхъ повѣренныхъ ходатайствовать, по назначенію Совѣта, по дѣламъ лицъ, правомъ бѣдности не пользующихся, но не имѣющихъ возможности прибыть лично въ мѣсто пребыванія суда или не успѣвшихъ согласиться съ мѣстными присяжными повѣренными. Къ этимъ только дѣламъ и примѣнимы тѣ мотивы къ ст. 394-й, на которые указываетъ присяжный повѣренный, какъ на основаніе къ своему отказу. Руководствуясь этими соображеніями, Совѣтъ

*

пригласилъ присяжнаго повѣреннаго приступить безотлагательно къ исполненію возложенной на него обязанности (журн. 16 Ноября 1868 г.).

Выдача свидѣтельствъ на право бѣдности имѣетъ послѣдствіемъ освобожденіе тяжущагося отъ гербовыхъ и судебныхъ пошлинъ (Уст. Гр. Суд. ст. 887), отъ которыхъ въ силу самаго закона освобождено производство дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ (Уст. Гражд. Судопр. ст. 200). Отсюда явствуетъ, что узаконенія о выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности примѣнимы лишь къ дѣламъ, производящимся *въ общихъ* — а не въ мировыхъ — судебныхъ установленіяхъ, и что только для веденія такихъ дѣлъ и могутъ быть назначаемы присяжные повѣренные. Къ тому же заключенію приводитъ и ст. 353 Учр. Суд. Устан., по смыслу которой присяжные повѣренные назначаются для веденія дѣлъ въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, при которыхъ они состоятъ. Такъ какъ свидѣтельства на право бѣдности выдаются только для веденія гражданскихъ дѣлъ въ *новыхъ судебныхъ* установленіяхъ, на основаніи устава гражданскаго судопроизводства, то конечно не можетъ быть и рѣчи о назначеніи присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ уголовнымъ (иначе какъ въ качествѣ защитниковъ, на совершенно другихъ основаніяхъ), или по дѣламъ административнымъ (журн. 7 Ноября 1873 г.) *), или по дѣламъ гражданскимъ, производимымъ въ прежнихъ судебныхъ установленіяхъ, или перешедшимъ оттуда въ новыя судебныя мѣста на основаніи правилъ 10 Марта 1869 г. Столь же

*) Московскій Совѣтъ отказалъ въ назначеніи присяжнаго повѣреннаго по дѣлу, которое, прежде чѣмъ начаться судебнымъ порядкомъ, должно было пройти черезъ административную инстанцію (отчетъ Моск. Сов. за 1872—73 г.).

несомнѣнно и то, что для назначенія присяжнаго повѣреннаго необходимо представленіе въ Совѣтъ свидѣтельства на право бѣдности, выданнаго Окружнымъ Судомъ на основаніи ст. 881-й и послѣд. Уст. Гражд. Судопр.; свидѣтельства же мироваго судьи, полиціи или другаго присутственнаго мѣста, напр. Сиротскаго Суда, не имѣютъ для Совѣта никакой обязательной силы (журн. 24 Февраля и 4 Августа 1871 г.). Болѣе спорными представляются слѣдующіе вопросы:

1) Обязанъ ли присяжный повѣренный, ходатайствовавшій въ первой инстанціи по дѣлу лица, пользующагося правомъ бѣдности, принести, по требованію своего довѣрителя, апелляціонную жалобу на рѣшеніе первой инстанціи, и поддерживать ее передъ Судебной Палатой—или, что тоже самое, обязанъ ли Совѣтъ назначать по просьбѣ лица, пользующагося правомъ бѣдности, присяжнаго повѣреннаго для составленія и поддержки апелляціонной жалобы на рѣшеніе первой инстанціи?

2) Обязанъ ли присяжный повѣренный принести и поддерживать, по требованію своего довѣрителя, кассаціонную жалобу на рѣшеніе второй инстанціи — или, что тоже самое, обязанъ ли Совѣтъ назначать по просьбѣ лица, пользующагося правомъ бѣдности, присяжнаго повѣреннаго для составленія и поддержки кассаціонной жалобы на рѣшеніе Судебной Палаты?

Первый изъ этихъ вопросовъ разрѣшенъ Совѣтомъ утвердительно, по слѣдующимъ соображеніямъ: а) присяжные повѣренные состоятъ при Судебной Палатѣ и должны, слѣдовательно, ходатайствовать, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, по дѣламъ въ ней производящимся. б) Если не легко составить апелляціонную жалобу на совершенно пра-

вильное рѣшеніе суда первой степени, то нелегче написать и исковое прошеніе, когда требованіе истца лишено всякихъ фактическихъ и юридическихъ основаній— а между тѣмъ обязанность предъявить искъ по довѣренности лица, пользующагося правомъ бѣдности, не обусловлена основательностью иска и должна быть во всякомъ случаѣ исполнена присяжнымъ повѣреннымъ. в) Апелляціонная жалоба, по разъясненію Правительствующаго Сената, можетъ и не содержать въ себѣ подробныхъ возраженій противъ рѣшенія суда первой степени. г) При апелляціонномъ производствѣ допускается представленіе какъ тою, такъ и другою стороною новыхъ доказательствъ, и явка сторонъ имѣетъ во многихъ случаяхъ весьма важное значеніе (журн. 19 Января 1874 г.).

Второй вопросъ разрѣшенъ Совѣтомъ отрицательно, по слѣдующимъ соображеніямъ: а) назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, обязательно для Совѣта лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по духу нашихъ законовъ о судопроизводствѣ необходимо, или по крайней мѣрѣ можетъ быть необходимымъ, *хожденіе по дѣлу*, т. е. личная явка тяжущагося въ засѣданіе суда; между тѣмъ кассаціонное производство не требуетъ хожденія по дѣлу—явка сторонъ въ Сенатъ не обязательна и Сенатъ не увѣдомляетъ стороны о назначеніе дѣлъ къ слушанію. б) Не всякое рѣшеніе Палаты можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ; поводы къ отмѣнѣ рѣшеній перечислены въ законѣ (Уст. Гражд. Суд. ст. 793), а составленіе кассаціонной жалобы при отсутствіи этихъ поводовъ представляется рѣшительно невозможнымъ. в) Свидѣтельство на право бѣдности не освобождаетъ просителя отъ представленія

при кассаціонной жалобѣ залога, требуемаго закономъ. г) Назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, представляетъ много общаго съ назначеніемъ ихъ защитниками по дѣламъ уголовнымъ; между тѣмъ для составленія и поддержки кассаціонныхъ жалобъ защитникъ никогда не назначается, и по разъясненію Правительствующаго Сената присяжный повѣренный, назначенный судомъ для защиты подсудимаго при слушаніи дѣла по существу, не имѣетъ даже права принести кассаціонную жалобу безъ спеціальнаго на то уполномонія со стороны подсудимаго. д) При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ въ порядкѣ частномъ, наиболѣе подходящемъ къ кассаціонному, защитникъ также никогда не назначается. е) При существованіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента только въ С.-Петербургѣ, назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для поддержки въ Сенатѣ кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, пало бы всею своею тяжестью на присяжныхъ повѣренныхъ С.-Петербургскаго Округа, что конечно было бы несогласно съ справедливостью (журн. 17 Октября и 29 Декабря 1873 г.).

По принятому въ С.-Петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ порядку, присяжный повѣренный, назначенный Совѣтомъ для ходатайства по дѣлу лица, пользующагося правомъ бѣдности, долженъ быть снабженъ довѣренностью отъ этого лица на общемъ основаніи; замѣнить же довѣренность свидѣтельство Совѣта о назначеніи повѣреннаго не можетъ.

Назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, производится Совѣтомъ, на основаніи закона, *по очереди*; отсюда явствуетъ, что лице, пользующееся правомъ бѣдности,

не имѣетъ права *выбирать* присяжнаго повѣреннаго для веденія его дѣла по назначенію Совѣта, и что такой выборъ, еслибы онъ состоялся и по соглашенію между просителемъ и присяжнымъ повѣреннымъ, нетолько не обязателенъ для Совѣта, но даже *не можетъ* быть имъ одобренъ. «Назначеніе по очереди» — сказано по этому поводу въ журналѣ Совѣта 21 Апрѣля 1871 г. — «служитъ и для тяжущихся, и для присяжныхъ повѣренныхъ гарантіей противъ произвола Совѣта, для Совѣта—гарантіей противъ обвиненій въ пристрастіи и несправедливости. Допустить назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ не по очереди, а по выбору Совѣта, значило бы дать ему право возлагать на однихъ присяжныхъ повѣренныхъ дѣла особенно интересныя, цѣнныя и важныя, на другихъ—дѣла простыя или очевидно лишенныя всякаго основанія. Положимъ, что Совѣтъ не сталъ бы употреблять во зло предоставленную ему свободу; нравственный авторитетъ его все-таки пострадалъ бы уже отъ одной возможности злоупотребленій. Достаточно вредно было бы уже и то, что тяжущійся, проигравшій дѣло, могъ бы приписывать свою неудачу Совѣту, обвиняя его въ намѣренномъ назначеніи ему мало способнаго или мало опытнаго присяжнаго повѣреннаго. Съ другой стороны, назначеніе для веденія дѣла того присяжнаго повѣреннаго, который вошелъ по этому предмету въ соглашеніе съ тяжущимся, было бы явною несправедливостью въ отношеніи къ другимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Веденіе дѣла по назначенію есть бремя, которое должно упадать одинаково на всѣхъ и отъ котораго никто не долженъ ни прямо, ни косвенно освобождаться. Между тѣмъ, вступая съ тяжущимся въ соглашеніе относительно веденія дѣла и затѣмъ уже принимая это дѣло по назначенію отъ Совѣта, при-

сяжный повѣренный очевидно исполнилъ бы обязанность, на немъ лежащую, только по имени, по формѣ. Считать его отбывшимъ свою очередь, было бы столь же неправильно, какъ и зачислить въ очередь уголовныхъ защитъ ex officio такое дѣло, которое присяжный повѣренный въ сущности взялъ на себя по соглашенію съ подсудимымъ. Наконецъ, если тяжущійся, пользующійся правомъ бѣдности, нашелъ присяжнаго повѣреннаго, добровольно берущаго на себя веденіе его дѣла, то ему незачѣмъ просить Совѣтъ о назначеніи этого присяжнаго повѣреннаго; онъ можетъ дать ему довѣренность и заключить съ нимъ условіе на общемъ основаніи». По всѣмъ этимъ основаніямъ Совѣтъ постановилъ отказать просителю, пользующемуся правомъ бѣдности, въ назначеніи того присяжнаго повѣреннаго, на котораго онъ указалъ, и объявилъ ему, что ходатайство по его дѣлу можетъ быть возложено только на присяжнаго повѣреннаго, состоящаго на очереди.

Если лице, по просьбѣ котораго былъ назначенъ присяжный повѣренный, не захочетъ пользоваться его услугами и возьметъ отъ него обратно довѣренность и бумаги, то Совѣтъ не обязанъ назначить вмѣсто него другаго присяжнаго повѣреннаго (журн. 12 Іюля 1868 г.).

Присяжный повѣренный, назначенный для веденія дѣла Совѣтомъ, не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія безъ достаточныхъ къ тому причинъ (Уч. Суд. Устан. ст. 394). Если присяжный повѣренный, назначенный Совѣтомъ для ходатайства по дѣлу лица, пользующагося правомъ бѣдности, прежде, во время бытности на службѣ, занимался уже этимъ дѣломъ и высказывалъ официально свое о немъ мнѣніе, то это обстоятельство даетъ ему право отказаться отъ исполненія возложеннаго

на него порученія, и Совѣтъ назначаетъ вмѣсто него другаго присяжнаго повѣреннаго (журн. 13 октября 1866 г.). Не считаются достаточными поводами къ отказу отъ веденія дѣла по назначенію Совѣта: а) обремененіе присяжнаго повѣреннаго другими дѣлами, хотя бы между ними были и уголовныя защиты по назначенію суда, такъ какъ въ подобномъ положеніи можетъ находиться и всякій другой присяжный повѣренный (журн. 4 мая 1867 г.); б) принесеніе лицемъ, которому назначенъ повѣренный, жалобы на этого повѣреннаго—такъ какъ въ противномъ случаѣ для освобожденія отъ непріятнаго или тяжелаго дѣла достаточно было бы побудить довѣрителя къ подачѣ жалобы въ Совѣтъ (журн. 16 ноября 1868 г.); в) полная неосновательность или даже юридическая невозможность требованій или оправданій, которыя присяжному повѣренному, назначенному Совѣтомъ, приходится поддерживать—такъ какъ Совѣтъ, по смыслу 4 пун. 367 ст. Учр. Суд. Устан., не имѣетъ права сообразоваться, при назначеніи повѣреннаго, съ существомъ дѣла, по которому выдано свидѣтельство на право бѣдности (журн. 24 мая 1867 г.). Примѣняя такимъ образомъ ст. 367-ю по буквальному ея смыслу, Совѣтъ не могъ однако не признать, что въ ней существуетъ пробѣлъ, который желательно было бы пополнить: что назначеніе повѣреннаго безразлично по всякому дѣлу, по которому выдано свидѣтельство на право бѣдности, можетъ привести не столько къ огражденію лицъ дѣйствительно бѣдныхъ, сколько къ размноженію ябедническихъ исковъ, и что присяжнымъ повѣреннымъ слѣдовало бы предоставить право отказываться отъ веденія возложенныхъ на нихъ дѣлъ, если они очевидно лишены всякаго юридическаго основанія и смысла. По мнѣнію Совѣта, заявленія присяжныхъ повѣренныхъ о такомъ

отказѣ слѣдовало бы разсматривать подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Судебной Палаты и при участіи лицъ прокурорскаго надзора. Въ засѣданіи Совѣта при обсужденіи подобнаго рода вопросовъ могъ бы предсѣдательствовать одинъ изъ членовъ Палаты и присутствовать одинъ изъ товарищей прокурора. Если послѣ доклада дѣла и объясненій повѣреннаго, назначеннаго для его веденія, а также послѣ устныхъ объясненій приглашенныхъ въ засѣданіе тяжущихся, состоится единогласное постановленіе всѣхъ членовъ присутствія о достаточности причинъ къ отказу присяжнаго повѣреннаго отъ веденія дѣла, по свойству этого дѣла, то затѣмъ тяжущемуся, пользующемуся правомъ бѣдности, должно быть объявлено, что за признаніемъ уважительности отказа присяжнаго повѣреннаго, Совѣтъ не можетъ назначить повѣреннаго для веденія этого дѣла (журн. 22 іюня 1867 г.). Эти соображенія Совѣта были сообщены Судебной Палатѣ; но въ порядкѣ, противъ котораго они были направлены, не произошло до сихъ поръ никакой перемѣны.

На обязанности присяжнаго повѣреннаго, ведущаго, по назначенію Совѣта, дѣло лица пользующагося правомъ бѣдности, лежитъ совершеніе всѣхъ *судебныхъ* дѣйствій, входящихъ въ составъ процесса, но отнюдь не пріисканіе или собираніе свѣдѣній или бумагъ, клонящихся къ подтвержденію правъ тяжущагося. Если по дѣлу нужна справка изъ другаго присутственнаго мѣста, то взять изъ суда необходимое для того свидѣтельство долженъ присяжный повѣренный, но полученіе самой справки для него не обязательно и можетъ быть предоставлено имъ самому тяжущемуся (журн. 5 апрѣля 1869 г.).

Изъ числа лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, весьма немногія обращаются въ Совѣтъ съ просьбою о назначеніи присяжныхъ повѣренныхъ для веденія ихъ дѣлъ; въ 1866—67 г.

такихъ просьбъ было подано пять, въ 1867—68 г. пять, въ 1868—69 г.—четыре, въ 1869—70 г.—одна, въ 1870—71 г.—одна, въ 1871—72г. — одна, 1872—73 г. — ни одной, въ продолженіи первыхъ десяти мѣсяцевъ 1873—74 г.—одна; всего въ продолженіе восьми почти лѣтъ назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности состоялось только восемнадцать разъ.

Обязанность присяжныхъ повѣренныхъ защищать подсудимыхъ по назначенію суда.

54. Предсѣдатели судебныхъ мѣстъ имѣютъ право назначать присяжныхъ повѣренныхъ: по дѣламъ гражданскимъ—для веденія дѣла вмѣсто отказавшагося отъ него повѣреннаго, впредь до избранія тяжущимся новаго повѣреннаго (Уст. Гражд. Судопр. ст. 254), по дѣламъ уголовнымъ — для защиты подсудимыхъ (Уст. Угол. Судопр. ст. 566). Случаевъ назначенія по ст. 254-й Уст. Гражд. Судопр. до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не было; но защита подсудимыхъ по назначенію суда составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ и требуетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Защита подсудимыхъ возлагалась судомъ на присяжныхъ повѣренныхъ съ самаго введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ порученія суда по этому предмету исполнялись присяжными повѣренными безпрекословно; но въ началѣ 1870 г. одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ поднялъ вопросъ о томъ, обязательно ли для присяжныхъ повѣренныхъ исполненіе подобныхъ порученій, пока число присяжныхъ повѣренныхъ не признано достаточнымъ, т. е. пока имъ не принадлежитъ исключительное право на веденіе гражданскихъ дѣлъ. Вопросъ этотъ возбудилъ разныя мнѣнія какъ въ средѣ Совѣта, такъ и въ средѣ сословія присяжныхъ повѣрен-

ныхъ. Два члена Совѣта нашли, что по смыслу 387 ст. Учр. Суд. Устан., 566 ст. Уст. Угол. Судопр. и разсужденій, на которыхъ основаны ст. 392 и 394 Учр. Суд. Устан., защита подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ можетъ сдѣлаться обязательною для присяжныхъ повѣренныхъ только тогда, когда число ихъ будетъ признано достаточнымъ, т. е. когда имъ будетъ предоставлено исключительное право на ходатайство по дѣламъ гражданскимъ. Въ настоящее время присяжные повѣренные не пользуются никакими привилегіями, и слѣдовательно не должны нести никакихъ обязанностей; въ противномъ случаѣ число лицъ, желающихъ вступить въ присяжные повѣренные — число, и въ настоящее время весьма незначительное,—уменьшится еще больше, а число лицъ, слагающихъ съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго, будетъ увеличиваться еще быстрѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Пять членовъ Совѣта пришли къ противоположному заключенію; они признали, что изъ числа обязанностей, возлагаемыхъ закономъ на присяжныхъ повѣренныхъ, только одна—обязанность вести, по назначенію Совѣта, дѣла лицъ, живущихъ внѣ мѣста нахожденія суда или не успѣвшихъ согласиться съ мѣстными присяжными повѣренными,—поставлена въ зависимость отъ объявленія числа присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ (Учр. Суд. Устан. ст. 392); отсюда слѣдуетъ, что всѣ остальныя обязанности должны быть исполняемы присяжными повѣренными и въ настоящее время. Независимо отъ сего, отказаться, впредь до объявленія числа присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ, отъ защиты подсудимыхъ по назначенію суда, значило бы, по мнѣнію большинства Совѣта, пойти наперекоръ обычаю, установившемуся въ продолженіе почти четырехлѣтняго существованія сословія присяж-

ныхъ повѣренныхъ, и нанести самый существенный вредъ интересамъ правосудія и подсудимыхъ, для которыхъ одинаково необходима защина ex officio. Наконецъ, два члена Совѣта, соглашаясь съ мнѣніемъ меньшинства относительно юридической необязательности защиты, признали однако, согласно съ большинствомъ, что на присяжныхъ повѣренныхъ лежитъ нравственная обязанность не отказываться отъ защиты (журн. 28 Февраля 1870 г.). Мнѣніе большинства Совѣта было одобрено большинствомъ общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, созваннаго для обсужденія этого вопроса. Въ отчетѣ за 1869—70 г. Совѣтъ выразилъ надежду, что никто изъ присяжныхъ повѣренныхъ не станетъ болѣе отказываться отъ защиты подсудимыхъ по назначенію Суда—и надежда эта вполнѣ оправдалась.

Присяжные повѣренные назначаются для защиты подсудимыхъ только въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и только при разсмотрѣніи дѣлъ по существу, а не въ частномъ или кассаціонномъ порядкѣ. Они защищаютъ подсудимыхъ ex officio и въ Окружномъ Судѣ, и въ Судебной Палатѣ, и въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената (когда онъ дѣйствуетъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи), и въ верховномъ уголовномъ судѣ. Въ 1866 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, возникъ вопросъ о томъ, обязаны ли присяжные повѣренные защищать подсудимаго по назначенію суда лишь въ мѣстѣ постояннаго ихъ мѣста жительства, или и въ другихъ городахъ, при открытіи тамъ на время засѣданій суда. При обсужденіи этого вопроса Совѣтъ принялъ въ соображеніе: 1) что ст. 566 Уст. Угол. Судопр. предвидитъ возможность недостатка защитниковъ изъ присяжныхъ повѣрен-

ныхъ и указываетъ способъ пополненія этого недостатка, такъ что неназначеніе защитниковъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ повлечь за собою оставленія подсудимыхъ безъ защиты, 2) что по 356 и 379 ст. Учр. Суд. Устан. присяжнымъ повѣреннымъ предоставляется избирать себѣ мѣсто жительства въ одномъ изъ городовъ округа, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ нигдѣ не указано, чтобы это избранное присяжнымъ повѣреннымъ мѣсто жительства могло быть измѣняемо, хотя бы и на время, помимо его воли, что неминуемо должно имѣть мѣсто при назначеніи присяжныхъ повѣренныхъ на поѣздки въ другіе города; 3) что предвидя необходимость выѣзда членовъ судебнаго вѣдомства изъ мѣста постояннаго ихъ жительства, Учрежденіе Судебныхъ Установленій указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и способъ возмѣщенія ихъ издержекъ по этому случаю (ст. 244), относительно же присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ подобнаго постановленія, что ясно указываетъ на мнѣніе самого законодателя о невозможности предписывать присяжнымъ повѣреннымъ выѣздъ куда-либо изъ мѣстъ постояннаго ихъ жительства для исполненія въ другихъ мѣстахъ обязанностей защитника, тѣмъ болѣе, что обязанность эта исполняется ими, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, совершенно безвозмездно; 4) что отвлеченіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ мѣста производства ввѣренныхъ имъ дѣлъ для защиты подсудимыхъ внѣ постояннаго ихъ мѣста жительства по назначенію предсѣдателя суда не помѣщено въ число причинъ, пріостанавливающихъ производство дѣла (ст. 681 Уст. Гражд. Судопр.), и неявка присяжнаго повѣреннаго на судъ и по этому поводу, — что особенно возможно при отдаленности нѣкоторыхъ городовъ и необходимой потому продолжительности отлучки, —

должна имѣть тѣ же послѣдствія, какъ и неявка по всякой другой неузаконенной причинѣ; 5) что необходимость подобныхъ поѣздокъ вообще сдѣлала бы невозможнымъ исполненіе присяжнымъ повѣреннымъ своихъ обязанностей по веденію дѣлъ гражданскихъ (особенно въ С.-Петербургѣ, гдѣ кромѣ Окружнаго Суда имѣются другія судебныя установленія), ибо ими, какъ повѣренными, согласно съ 309 ст. Уст. Гражд. Судопр., должно быть заявляемо въ судахъ мѣсто жительства именно въ томъ городѣ, гдѣ судъ находится, и всякое заявленіе объ ихъ мѣстѣ жительства внѣ города должно повлечь за собою примѣненіе ст. 311 Уст. Гражд. Судопр., что можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для довѣрителей. По всѣмъ этимъ основаніямъ Совѣтъ призналъ, что защита подсудимыхъ по назначенію суда внѣ мѣста постояннаго жительства присяжныхъ повѣренныхъ для нихъ не обязательна (журн. 20 Октября 1866 г.). С.-Петербургскій Окружной Судъ согласился съ мнѣніемъ Совѣта; но въ 1867 г. тотъ же вопросъ былъ возбужденъ Предсѣдателемъ Бѣлозерскаго Окружнаго Суда, вошедшимъ въ С.-Петербургскую Судебную Палату съ представленіемъ о необходимости командировать присяжныхъ повѣренныхъ для защиты подсудимыхъ во всѣ суды того округа, къ которому присяжные повѣренные причислены. Представленіе это было передано Палатой на заключеніе Совѣта (журн. 17 Іюня 1867 г.). Почти въ то же самое время предсѣдатель Устюжскаго Окружнаго Суда обратился съ подобнымъ требованіемъ непосредственно къ Совѣту (журн. 10 Августа 1867 г.). Совѣтъ, отклонивъ это требованіе, сообщилъ Судебной Палатѣ вышеизложенныя соображенія свои о необязательности для присяжныхъ повѣренныхъ защитъ внѣ постояннаго ихъ мѣста жительства. Со-

ображенія эти были признаны Палатой совершенно правильными (журн. 24 Августа 1867 г.), и спорный вопросъ окончательно разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ полагалъ разрѣшить его Совѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ больше никѣмъ не былъ поднимаемъ. Случаи добровольнаго принятія на себя присяжными повѣренными уголовныхъ защитъ внѣ мѣста постояннаго ихъ жительства — по предложенію суда, безъ соглашенія съ подсудимыми — повторяются довольно часто, особенно при выѣздѣ суда въ города ближайшіе къ С.-Петербургу или соединенные съ нимъ удобными путями сообщенія (Кронштадтъ, Петергофъ, Царское Село, Ямбургъ, Луга).

Имѣетъ ли присяжный повѣренный право передать другому лицу защиту, возложенную на него по назначенію суда? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ согласія суда или подсудимаго подобная передача состояться не можетъ, потому что при такихъ условіяхъ она была бы равносильна отказу отъ защиты, а отказъ отъ возложеннаго судомъ порученія допускается лишь при существованіи достаточныхъ къ тому причинъ (Учр. Суд. Устан. ст. 394). На основаніи ст. 568-й Уст. Угол. Судопр., перемѣна защитника, назначеннаго судомъ, зависитъ отъ предсѣдателя суда; отсюда явствуетъ, что освобожденіе отъ защиты по назначенію суда не зависитъ отъ Совѣта (журн. 25 Января 1869 г.), и что просьба объ освобожденіи отъ защиты, все равно, сопровождается ли она или не сопровождается просьбой о передачѣ защиты другому лицу, можетъ быть обращаема только къ предсѣдателю суда (журн. 8 Декабря 1871 г.). Если защита передается присяжнымъ повѣреннымъ другому лицу съ согласіа подсудимаго, то послѣдній долженъ самъ заявить о томъ предсѣдателю суда, причемъ лице, прини-

мающее на себя защиту, считается уже защитникомъ избраннымъ, а не назначеннымъ. Одинъ присяжный повѣренный, получивъ назначеніе защищать подсудимаго, заявилъ суду о передачѣ защиты другому лицу, а подсудимый сдѣлалъ на этомъ заявленіи надпись о своемъ на то согласіи; Совѣтъ нашелъ, что такая передача защиты не можетъ быть признана правильною, такъ какъ инициатива передачи — если она исходитъ не отъ предсѣдателя суда — должна принадлежать не защитнику, а самому подсудимому (журн. 3 Ноября 1871 г. и 8 Марта 1872 г.). Нашъ законъ допускаетъ только двѣ категоріи защитниковъ: назначенныхъ судомъ и избранныхъ подсудимымъ. Отсюда явствуетъ, что назначенный судомъ защитникъ можетъ сложить съ себя эту обязанность—при не существованіи законныхъ причинъ, препятствующихъ ему ее исполнить — не иначе, какъ по заявленію подсудимаго объ *избраніи* имъ въ защитники другаго лица. Присяжный повѣренный, назначенный защитникомъ подсудимаго, имѣетъ право предложить послѣднему избрать въ защитники другое лице, но онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы отъ этой перемѣны не пострадали интересы подсудимаго, т. е. можетъ предлагать вмѣсто себя въ защитники такое только лице, которое вполнѣ способно исполнить возлагаемую на него обязанность. Совѣтъ предупредилъ присяжныхъ повѣренныхъ, что передача защиты, не соотвѣтствующая этому условію, можетъ имѣть послѣдствіемъ возбужденіе дисциплинарнаго производства противъ присяжнаго повѣреннаго, ее допустившаго (отчетъ за 1871—72 г.).

Всѣ присяжные повѣренные, находящіеся на лице въ С.-Петербургѣ и могущіе, по состоянію своего здоровья, заниматься дѣлами, должны исполнять, по назначенію суда,

обязанности защитниковъ по дѣламъ уголовнымъ. Наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія этихъ обязанностей, лежитъ на Совѣтѣ. Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности Совѣтъ предложилъ присяжнымъ повѣреннымъ увѣдомлять его каждый разъ объ отъѣздѣ ихъ изъ С.-Петербурга и о возвращеніи ихъ (журн. 2 Іюня 1866 г.). Когда по сношенію Совѣта съ Предсѣдательствующими въ уголовныхъ отдѣленіяхъ Окружнаго Суда заведены были въ судѣ особыя книги для записыванія назначеній, получаемыхъ присяжными повѣренными, то въ этихъ книгахъ постановлено было дѣлать, между прочимъ, отмѣтки объ отсутствіи присяжныхъ повѣренныхъ изъ С.-Петербурга— отмѣтки, подлежащія уничтоженію по возвращеніи отсутствовавшаго лица (журн. 16 Декабря 1867 г). Отмѣтки эти дѣлались и дѣлаются или лицемъ, уполномоченнымъ для того отъ Совѣта, или Канцеляріей Суда, на основаніи письменныхъ сообщеній Совѣта. Въ 1873 г. до свѣдѣнія Совѣта дошло, что нѣкоторые присяжные повѣренные, находясь въ С.-Петербургѣ, числятся по спискамъ уголовныхъ отдѣленій Окружнаго Суда отсутствующими и не назначаются поэтому къ защитѣ подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ. Результатомъ этого является неравномѣрное распредѣленіе защитъ между присяжными повѣренными, крайне обременительное для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Неточность имѣющихся въ уголовныхъ отдѣленіяхъ свѣдѣній можетъ зависѣть отъ трехъ причинъ: 1) отъ неаккуратности присяжныхъ повѣренныхъ, если они не заявляютъ Совѣту о возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ, 2) отъ неисправности дѣлопроизводителя Совѣта, если онъ несвоевременно сообщаетъ уголовнымъ отдѣленіямъ о возвращеніи присяжныхъ повѣренныхъ, или вовсе имъ о томъ не сообщаетъ, и 3) отъ

*

небрежности Канцелярій уголовныхъ отдѣленій, если онѣ не дѣлаютъ въ спискахъ соотвѣтствующихъ сообщеніямъ Совѣта отмѣтокъ. Предписавъ дѣлопроизводителю Совѣта соблюдать величайшую точность въ сообщеніяхъ объ отъѣздѣ и возвращеніи присяжныхъ повѣренныхъ, Совѣтъ постановилъ: 1) еще разъ просить присяжныхъ повѣренныхъ безотлагательно увѣдомлять Совѣтъ о возвращеніи ихъ въ С.-Петербургъ, 2) для большей наглядности вести въ Совѣтѣ особый списокъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ отмѣтками объ отъѣздѣ и возвращеніи ихъ и 3) производить ежемѣсячно, черезъ одного изъ членовъ Совѣта, повѣрку списковъ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихся въ уголовныхъ отдѣленіяхъ Окружнаго Суда, и исправленіе сдѣланныхъ въ этихъ спискахъ отмѣтокъ о бытности или небытности присяжныхъ повѣренныхъ въ С.-Петербургѣ (журн. 18 Апрѣля 1873 г.).

Лѣтомъ 1873 г. Совѣтъ замѣтилъ, что нѣкоторые присяжные повѣренные, числясь по спискамъ отсутствующими изъ С.-Петербурга, являются въ гражданскія отдѣленія Окружнаго Суда для представленія бумагъ или словесныхъ объясненій по производимымъ ими дѣламъ гражданскимъ. Совѣтъ нашелъ, что такой образъ дѣйствій не можетъ быть признанъ правильнымъ. Заявляя объ отъѣздѣ своемъ изъ С.-Петербурга или—что все равно—о прекращеніи на время, по болѣзни, своихъ занятій, присяжные повѣренные освобождаются отъ обязательныхъ защитъ по дѣламъ уголовнымъ и этимъ самымъ увеличиваютъ тяжесть обязанности для остальныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, считающихся наличными. Такое положеніе дѣлъ представляется нормальнымъ лишь въ случаѣ дѣйствительнаго и полнаго прекращенія присяжнымъ повѣреннымъ адвокатскихъ занятій

своихъ въ С.-Петербургѣ. Если же онъ, живя здѣсь или пріѣзжая сюда отъ времени до времени, продолжаетъ заниматься гражданскими или уголовными, по соглашенію, дѣлами, то онъ не имѣетъ ни основанія, ни права считать себя свободнымъ отъ обязательныхъ защитъ по дѣламъ уголовнымъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній на будущее время Совѣтъ постановилъ сообщить о вышеизложенномъ циркулярно всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ С.-Петербургскаго округа (журн. 22 Іюня 1873 г.).

Для того чтобы имѣть возможность повѣрять заявленія присяжныхъ повѣренныхъ о болѣзни, препятствующей имъ исполнить возложенную на нихъ судомъ обязанность, Совѣтъ предложилъ присяжнымъ повѣреннымъ подавать такія заявленія одновременно какъ суду, такъ и Совѣту (журн. 23 Ноября 1868 г.). Въ 1871 г. Предсѣдательствующій въ одномъ изъ уголовныхъ отдѣленій Окружнаго Суда обратился въ Совѣтъ съ просьбою обязать присяжныхъ повѣренныхъ доводить своевременно до свѣдѣнія суда о причинахъ, препятствующихъ имъ явиться къ защитѣ подсудимыхъ, и въ случаѣ болѣзни присылать медицинское свидѣтельство, съ указаніемъ возможной продолжительности болѣзни. Разсмотрѣвъ выраженное Окружнымъ Судомъ по этому предмету желаніе, Совѣтъ остановился прежде всего на возможности вполнѣ удовлетворить желаніе суда. Нельзя отрицать того, что неявка защитника въ засѣданіе влечетъ за собою важныя неудобства, и что для устраненія этихъ неудобствъ весьма было бы желательно, чтобы защитники о невозможности явиться въ засѣданіе увѣдомляли судъ заблаговременно и тѣмъ давали бы суду возможность поручить защиту другому лицу; но нельзя также отрицать и того, что присяжный повѣренный можетъ заболѣть настолько сильно, что не будетъ въ состояніи

явиться къ исполненію своихъ обязанностей, и настолько внезапно, что не будетъ имѣть возможности заблаговременно предупредить объ этомъ судъ. Такъ, заболѣвая въ самое утро засѣданія, защитникъ только передъ самымъ засѣданіемъ и можетъ увѣдомить объ этомъ судъ. Представленіе при каждомъ такомъ сообщеніи формальнаго медицинскаго свидѣтельства также весьма затруднительно, потому что при внезапной болѣзни защитникъ долженъ конечно прежде всего озаботиться извѣщеніемъ суда объ этомъ, а не выжидать прихода доктора и полученія отъ него свидѣтельства, что необходимо повлекло бы потерю времени, которое судъ будетъ проводить въ напрасномъ ожиданіи явки защитника. Точно также не всегда возможно опредѣлить заранѣе срокъ выздоровленія, даже съ помощью врача. Хотя до сихъ поръ Совѣту, а по всей вѣроятности и суду, приходилось лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сомнѣваться въ дѣйствительности болѣзни присяжнаго повѣреннаго, неявившагося на защиту, тѣмъ не менѣе въ виду важности тѣхъ неудобствъ, которыя влечетъ за собою отсрочка засѣданія по неявкѣ защитника, Совѣтъ призналъ весьма полезнымъ усилить въ этомъ отношеніи свой надзоръ. Такъ какъ по закону Совѣту принадлежатъ и право, и обязанность слѣдить за правильнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными своего долга, то Совѣтъ нашелъ, что лучшимъ средствомъ къ устраненію неправильныхъ сообщеній о болѣзни можетъ быть немедленное увѣдомленіе судомъ Совѣта о каждой неявкѣ защитника въ засѣданіе; Совѣтъ же конечно приметъ мѣры къ тому, чтобы неправильное уклоненіе отъ защиты не могло имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ призналъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, чтобы присяжные повѣренные, сообщая суду о своей болѣзни, увѣдомляли также,

когда это возможно, и о томъ, насколько, по ихъ предположенію, болѣзнь эта можетъ быть продолжительна. Что же касается до обязательности представленія формальныхъ медицинскихъ свидѣтельствъ, то Совѣтъ, какъ уже сказано выше, призналъ, что установленіе такого правила можетъ повлечь за собою лишь новыя неудобства; присылка свидѣтельства не служила бы несомнѣннымъ доказательствомъ болѣзни, точно также какъ отсутствіе свидѣтельства не можетъ доказывать отсутствіе болѣзни. О всемъ вышеизложенномъ Совѣтъ сообщилъ Окружному Суду, съ просьбою оказать содѣйствіе къ достиженію предположенной Совѣтомъ цѣли, и присяжнымъ повѣреннымъ, для исполненія и руководства (журн. 9 Ноября 1871 г.). Окружной Судъ, согласно ходатайству Совѣта, постоянно сообщаетъ ему о случаяхъ неявки присяжныхъ повѣренныхъ къ защитѣ подсудимыхъ, а Совѣтъ разсматриваетъ эти сообщенія съ особеннымъ вниманіемъ. Мы уже видѣли выше (§§ 40 и 41), что за неявку или несвоевременную явку къ защитѣ подсудимыхъ по назначенію суда, Совѣтомъ—независимо отъ многочисленныхъ внушеній—было сдѣлано (до 1-го Февраля 1874 г.) три предостережнія и пять выговоровъ, въ томъ числѣ два строгихъ.

Присяжные повѣренные обязаны нетолько исполнять возлагаемыя на нихъ судомъ порученія, но и исполнять ихъ тщательно и добросовѣстно. Первое условіе такого исполненія—*изученіе дѣла, приготовленіе къ защитѣ*. Каждый защитникъ обязанъ прежде всего—и во всякомъ случаѣ до истеченія семидневнаго срока, опредѣленнаго закономъ для предъявленія требованій о вызовѣ новыхъ свидѣтелей,—узнать, въ чемъ состоитъ порученное ему дѣло; а узнать обстоятельства его онъ можетъ только посредствомъ прочтенія производства и личнаго объясненія съ подсудимымъ

Очевидно, что безъ этого нельзя вовсе приготовиться къ защитѣ и охранять надлежащимъ образомъ интересы подсудимаго при производствѣ судебнаго слѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что даже самыя подробныя объясненія съ подсудимымъ безъ прочтенія предварительнаго слѣдствіа недостаточны, такъ какъ подсудимые весьма часто не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и еще чаще не понимаютъ ихъ значенія. Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія образъ дѣйствій одного присяжнаго повѣреннаго, который, получивъ повѣстку о назначеніи его защитникомъ по весьма сложному дѣлу за двѣ недѣли до засѣданія, нетолько не ознакомился съ подлиннымъ производствомъ, но даже не объяснился съ подсудимымъ, а только видѣлся съ нимъ случайно въ зданіи Окружнаго Суда, по истеченіи семидневнаго срока и за два дня до засѣданія—Совѣтъ сдѣлалъ виновному строгій выговоръ (журн. 1 Ноября 1872 г.). Въ другомъ случаѣ, присяжный повѣренный вовсе не видѣлся съ подсудимымъ, защитникомъ котораго онъ былъ назначенъ, и оправдывался тѣмъ, что подсудимый сознался и дѣло было несложное. Совѣтъ нашелъ это оправданіе неуважительнымъ, такъ какъ одинъ просмотръ дѣла, безъ объясненія съ подсудимымъ, въ бо́льшей части случаевъ недостаточенъ для рѣшенія вопроса о предѣлахъ и направленіи защиты, и такъ какъ при сознаніи подсудимаго защитнику необходимо выслушать подробный разсказъ его о причинахъ и мотивахъ преступленія. Присяжному повѣренному было сдѣлано предостереженіе и всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ сообщено циркулярно о необходимости предварительныхъ объясненій съ подсудимыми, защита которыхъ на нихъ судомъ возложена (журн. 8 декабря 1873 г.). Итакъ, присяжный повѣренный, назначенный защитникомъ подсудимаго, непремѣнно долженъ

объясниться съ подсудимымъ наединѣ *), прочитать слѣдственное производство и въ случаѣ надобности просить судъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей или экспертовъ.

Защита подсудимыхъ по назначенію суда составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ. На каждаго изъ нихъ приходится въ годъ среднимъ числомъ отъ семи до двѣнадцати защитъ; но не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторыя дѣла требуютъ чрезвычайно продолжительнаго и обширнаго приготовительнаго труда и притомъ продолжаются иногда по нѣскольку дней сряду. Достаточно припомнить политическій процессъ 1871 г., первое отдѣленіе котораго заняло тринадцать, второе—четырнадцать судебныхъ засѣданій; а изъ числа защитниковъ подсудимыхъ многіе исполняли эту обязанность по назначенію суда. Въ послѣднее время число обязательныхъ защитъ, упадающихъ на долю каждаго присяжнаго повѣреннаго, клонится къ уменьшенію, вслѣдствіе увеличенія числа присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ; но какъ видно изъ вышесказаннаго, оно все-таки остается еще весьма значительнымъ.

Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ ихъ довѣрителямъ: а) вовремя веденія дѣла.

55. Переходя отъ дѣлъ, возлагаемыхъ на присяжныхъ повѣренныхъ судомъ или Совѣтомъ, къ дѣламъ, принимаемымъ ими на себя добровольно, мы разсмотримъ прежде всего обязанности ихъ по отношенію къ довѣрителямъ.

---

*) Свиданіе это, особенно по дѣламъ несложнымъ, можетъ происходить и въ судѣ, куда подсудимые вызываются для врученія обвинительнаго акта и для заявленія о дополненіи списка свидѣтелей.

Присяжный повѣренный, взявшій на себя веденіе гражданскаго дѣла, обязанъ совершить всѣ тѣ дѣйствія, которыя существенно необходимы для разъясненія и защиты правъ тяжущагося. Дѣйствуя какъ повѣренный истца, онъ обязанъ формулировать исковыя требованія согласно съ данной ему довѣренностью (журн. 28 апрѣля 1871 г.), и затѣмъ явиться въ засѣданіе суда, такъ какъ въ противномъ случаѣ отвѣтчикъ можетъ просить о прекращеніи дѣла (журн. 9 декабря 1867 г.); но если онъ на нѣсколько минутъ выйдетъ изъ залы засѣданія, а противникъ его воспользуется этимъ, чтобы заявить просьбу о прекращеніи иска, то вся отвѣтственность упадаетъ на послѣдняго, а не на перваго (журн. 1 февраля 1874 г.). Вообще говоря, бытность повѣреннаго на-лице въ засѣданіи Окружнаго Суда представляется необходимой при всякомъ положеніи дѣла; но обязательна ли для него явка въ Судебную Палату, въ которой по закону (Уст. Гражд. Судопр. ст. 770) дѣла рѣшаются и безъ бытности тяжущагося? Разсматривая этотъ вопросъ, Совѣтъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Весьма часто случается, что апелляція заключаетъ въ себѣ единственно критику мотивовъ рѣшенія Окружнаго Суда, и слѣдовательно Судебная Палата для постановленія своего рѣшенія выбираетъ между мотивами суда и апеллятора. Въ подобныхъ случаяхъ возраженіе противъ апелляціи или явка въ засѣданіе часто могутъ представляться сторонѣ, въ пользу которой состоялось рѣшеніе первой инстанціи, совершенно излишними; она можетъ находить соображенія, высказанныя въ рѣшеніи Окружнаго Суда, настолько убѣдительными, что они не могутъ быть поколеблены соображеніями, представленными апеллятором. Совсѣмъ другое дѣло—тѣ случаи, когда при апелляціи представлены новые

документы, или когда въ апелляціи своей апелляторъ неограничивается только критикою соображеній Окружнаго Суда, но ссылается на новыя доказательства, небывшія въ разсмотрѣніи Окружнаго Суда. Въ этихъ случаяхъ тяжущійся, выигравшій дѣло въ Окружномъ Судѣ, если онъ не представитъ ни письменнаго, ни словеснаго возраженія противъ апелляціи, рискуетъ, что Судебная Палата, войдя въ разсмотрѣніе неоцѣненныхъ Окружнымъ Судомъ доказательствъ, приметъ ихъ во вниманіе при постановленіи своего рѣшенія, именно вслѣдствіе отсутствія возраженій противъ этихъ доказательствъ. Такой рискъ особенно великъ при производствѣ дѣла въ Судебной Палатѣ, которая, какъ апелляціонная инстанція, дѣлаетъ представленнымъ доказательствомъ окончательную оцѣнку, а потому такой рискъ, когда онъ допущенъ повѣреннымъ, не можетъ, по мнѣнію Совѣта, не быть признанъ существеннымъ упущеніемъ со стороны повѣреннаго. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что особенно опасно для стороны неприсутствовать при допросѣ свидѣтелей, выставленныхъ противною стороною. Свидѣтели—въ особенности люди мало развитые—какъ бы они ни были добросовѣстны, только тогда могутъ дать суду вполнѣ точныя и безпристрастныя показанія, когда подвергаются перекрестному допросу; иначе, отвѣчая только на тѣ вопросы, которые заблагоразсудитъ предложить имъ одна сторона, они конечно разъяснятъ только тѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу этой стороны. На основаніи этихъ соображеній, Совѣтъ сдѣлалъ предостереженіе присяжному повѣренному, не представившему объясненія противъ апелляціи и не явившемуся въ засѣданіе Палаты, несмотря на то, что апелляторъ представилъ при апелляціи новый документъ и сослался на свидѣтелей, которые и были допрошены Па-

латой (журн. 11 декабря 1869 г.). Явка повѣреннаго со стороны апеллятора также представляется необходимой, если нѣкоторые изъ доводовъ, которыми оспаривается рѣшеніе Окружнаго Суда, требуютъ болѣе подробнаго развитія, или ссылка на доказательства, сдѣланныя въ апелляціи, должна быть подтверждена или дополнена болѣе точными указаніями (журн. 28 апрѣля 1871 и 10 мая 1872 г.). Такъ какъ стороны имѣютъ право представлять въ засѣданіи Палаты новыя доказательства, для опроверженія которыхъ въ свою очередь можетъ встрѣтиться надобность въ новыхъ доводахъ или даже документахъ, то нельзя не признать, что личная явка повѣренныхъ въ Палату вообще желательна, и что они не должны уклоняться отъ нея безъ достаточной причины, въ особенности если апелляція написана коротко или объясненія на апелляцію не подано (журн. (28 апрѣля 1871 и 25 октября 1872 г.). Что касается до явки сторонъ въ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, то она конечно не имѣетъ такого значенія, какъ явка ихъ въ Судебную Палату, потому что новыхъ доказательствъ въ Сенатъ представлять нельзя; но письменное или словесное возраженіе противъ кассаціонной жалобы, сколько-нибудь серьезной, тѣмъ не менѣе далеко не безполезно и потому весьма желательно, равно какъ и явка кассатора, если въ кассаціонной жалобѣ поводы къ кассаціи только намѣчены, а не развиты подробно. Само собою разумѣется, что если присяжный повѣренный приглашенъ спеціально для представленія словесныхъ объясненій въ Судебной Палатѣ или Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ, то личная явка въ засѣданіе Палаты или Сената для него безусловно обязательна.

Если присяжный повѣренный имѣетъ отъ кого-либо общую довѣренность, то онъ не долженъ начинать на осно-

ваніи ея новыхъ дѣлъ, не испросивъ на то предварительно согласія своего довѣрителя. Но если общая довѣренность дана нѣсколькими лицами, дѣйствующими совокупно (напр. опекунами, душеприкащиками и т. п.), то при отсутствіи одного изъ нихъ, для начатія иска достаточно согласія остальныхъ (журн. 8 Декабря 1873 г.).

Если присяжный повѣренный получилъ довѣренность не непосредственно отъ тяжущейся стороны, а отъ ея повѣреннаго, облеченнаго правомъ нередовѣрія, то послѣдній имѣетъ право обращаться къ присяжному повѣренному съ такими же требованіями, какія вообще могутъ быть предъявляемы довѣрителемъ въ отношеніи къ повѣренному (журн. 28 Августа 1869 г.). Другимъ постановленіемъ Совѣта признано, что тяжущійся, по довѣренности котораго совершено передовѣріе на имя присяжнаго повѣреннаго, не можетъ обращаться непосредственно къ послѣднему ни съ какими требованіями (журн. 14 Сентября 1868 г.); но это постановленіе едва-ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ повѣренный, дѣйствующій по передовѣрію, во всякомъ случаѣ представляетъ собою лице первоначальнаго довѣрителя и обязанъ охранять его интересы, а слѣдовательно и давать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Если два лица, ведущія одно общее дѣло, поручили защиту своихъ интересовъ не одному и тому же, а разнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, то каждое изъ нихъ можетъ требовать отчета только отъ того присяжнаго повѣреннаго, къ которому оно непосредственно обратилось, а не отъ другаго (журн. 14 Февраля 1873 г.).

Во все время производства дѣла присяжный повѣренный обязанъ доставлять своему довѣрителю, по первому его требованію, точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла (журн.

9 Февраля 1872, 16 Мая 1873 г.). За сообщеніе своему довѣрителю, хотя бы и по легкомыслію, невѣрныхъ свѣдѣній присяжный повѣренный подлежитъ дисциплинарной отвѣтственности (журн. 18 Декабря 1869 г.).

Для того чтобы довѣрители во всякое время безъ труда могли сноситься съ своими повѣренными, послѣдніе обязаны увѣдомлять первыхъ о всякой перемѣнѣ мѣста жительства (журн. 4 Ноября 1870 г.). По той же причинѣ каждый присяжный повѣренный долженъ назначить опредѣленные дни и часы для пріема своихъ довѣрителей, и въ это время всегда быть для нихъ доступнымъ.

Присяжный повѣренный обязанъ не выходить изъ предѣловъ довѣренности ему данной; но если дѣйствіе, совершенное съ нарушеніемъ этого правила, лишено серьознаго значенія и не могло имѣть никакихъ невыгодныхъ для довѣрителя послѣдствій, или если оно покрывается послѣдующимъ согласіемъ довѣрителя, прямымъ или безмолвнымъ, то оно можетъ и не быть признано поводомъ къ дисциплинарной отвѣтственности присяжнаго повѣреннаго (журн. 1 Декабря 1873 г.).

Способъ веденія дѣлъ, которыя присяжный повѣренный на себя принялъ, зависитъ, какъ уже сказано выше (§ 45), отъ его усмотрѣнія; недостатокъ искусства, находчивости, сообразительности не можетъ быть вмѣняемъ ему въ вину, если только онъ не сдѣлалъ грубыхъ упущеній или не выказалъ совершеннаго незнанія элементарныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно-важныхъ правилъ судопроизводства *). Если то или другое судебное дѣйствіе можетъ быть совер-

*) Примѣры такихъ упущеній приведены въ § 40, №№ 4, 6, и въ § 41, № 2.

шено двумя различными способами, то выборъ одного изъ нихъ зависитъ отъ усмотрѣнія присяжнаго повѣреннаго; такъ напр., требованіе о взысканіи судебныхъ издержекъ можетъ быть предъявлено имъ либо въ исполнительномъ порядкѣ, въ двухнедѣльный срокъ, либо въ общемъ порядкѣ, въ шестимѣсячный срокъ (журн. 15 Мая 1869 г.). Присяжный повѣренный имѣетъ право поручать своему довѣрителю, по взаимному съ нимъ соглашенію, совершеніе тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣйствій, не требующихъ особенной опытности или знаній (журн. 26 Сентября 1873 г.).

Обязанность присяжнаго повѣреннаго, взявшаго на себя веденіе гражданскаго дѣла, ограничивается совершеніемъ *судебныхъ* дѣйствій, изъ которыхъ слагается гражданскій процессъ—если въ словесномъ или письменномъ условіи съ довѣрителемъ не выговорено противное, т. е. не возложено на присяжнаго повѣреннаго совершеніе тѣхъ или другихъ дѣйствій внѣ-судебныхъ. Правило это вытекаетъ какъ изъ смысла закона (Учр. Суд. Устан. ст. 353), по которому присяжные повѣренные состоятъ *при судебныхъ мѣстахъ*, такъ и изъ существа адвокатскихъ обязанностей, которыя конечно могутъ быть расширяемы по взаимному соглашенію сторонъ, но при отсутствіи такого соглашенія не простираются дальше ходатайства передъ судомъ или его органами. Отсюда явствуетъ: 1) что присяжный повѣренный не обязанъ собирать свѣдѣній и документовъ, необходимыхъ для начатія или продолженія дѣла, а имѣетъ полное право ожидать полученія ихъ отъ довѣрителя, принимая на себя, въ случаѣ надобности, только исходатайствованіе отъ суда свидѣтельства, требуемаго ст. 453-ей Уст. Гражд. Судопр. (журн. 16 Ноября 1868, 9 Іюля 1870, 2 Марта 1874 г.). 2) что присяжный повѣренный не обязанъ разыскивать

имущества отвѣтчика, которое могло бы служить обезпеченіемъ иска или на которое могло бы быть обращено присужденное уже взысканіе, а обязанъ только ходатайствовать о наложеніи запрещенія или ареста или объ обращеніи взысканія на имущество, которое будетъ ему довѣрителемъ его указано (журн. 22 Декабря 1871, 5 Января 1874 г.); 3) что присяжный повѣренный не обязанъ разыскивать должника, мѣсто жительства котораго не было ему указано истцемъ (журн. 22 Декабря 1871 г.). Медленность въ начатіи или продолженіи дѣла, происшедшая отъ недоставленія присяжному повѣренному свѣдѣній о мѣстѣ жительства отвѣтчика или другихъ необходимыхъ свѣдѣній и документовъ, не можетъ, слѣдовательно, быть вмѣняема въ вину присяжному повѣренному, равно какъ и сокрытіе должникомъ имущества, существованіе котораго присяжному повѣренному не было извѣстно.

Присяжный повѣренный не обязанъ принимать на свой счетъ расходы, съ которыми сопряжено начатіе и веденіе дѣла, и слѣдовательно можетъ не начинать или не продолжать дѣла, пока ему не будутъ доставлены довѣрителемъ деньги для покрытія этихъ расходовъ (журн. 22 Марта и 14 Августа 1869, 4 Ноября 1870, 26 Января 1872 г.; см. также ст. 18-ю таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ 3 Іюля 1868 г.). Само собою разумѣется, что если присяжный повѣренный, по соглашенію съ довѣрителемъ, принялъ на свой счетъ всѣ или нѣкоторые расходы, сопряженные съ веденіемъ дѣла, то онъ не можетъ ни требовать отъ довѣрителя денегъ на эти расходы, ни оправдывать свое бездѣйствіе или медленность неполученіемъ для нихъ денегъ отъ довѣрителя.

б) При разсчетѣ за веденіе дѣла.

56. Присяжные повѣренные, въ случаѣ неполученія отъ довѣрителей слѣдующаго имъ по условію или по таксѣ вознагражденія, имѣютъ полное право взыскивать его судебнымъ порядкомъ, а слѣдовательно и предупреждать довѣрителей о намѣреніи своемъ предъявить къ нимъ искъ, если къ опредѣленному сроку вознагражденіе не будетъ уплачено добровольно; но предупрежденіе это или вообще требованіе вознагражденія должно быть выражено въ приличной формѣ, безъ угрозъ и оскорбительныхъ выходокъ или намековъ, а также безъ ненужной огласки. По мнѣнію Совѣта, всякій другой способъ требованія несовмѣстенъ съ достоинствомъ присяжнаго повѣреннаго, который всегда долженъ быть разборчивъ въ выборѣ средствъ, а въ особенности тогда, когда дѣло идетъ о его личномъ матеріяльномъ интересѣ, и когда его право оспаривается противною стороною. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что споръ повѣреннаго съ довѣрителемъ о вознагражденіи есть споръ чисто гражданскаго свойства, и что слѣдовательно повѣренный, неполучающій причитающагося ему, по его мнѣнію, вознагражденія, не имѣетъ права упрекать своего довѣрителя въ безчестномъ или противозаконномъ образѣ дѣйствій. Исходя изъ этого общаго начала, Совѣтъ сдѣлалъ предостереженіе присяжному повѣренному, грозившему своей довѣрительницѣ, въ открытомъ письмѣ, сдѣлать въ газетахъ публикацію о розысканіи ея имущества, между тѣмъ какъ состоятельность ея къ уплатѣ небольшой суммы была ему хорошо извѣстна (журн. 7 Сентября 1873 г.), и внушенія двумъ другимъ присяжнымъ повѣреннымъ, изъ—которыхъ одинъ упрекнулъ своего довѣрителя, письменно, въ намѣреніи воспользоваться его деньгами и прибавилъ, что всякій съумѣетъ оцѣнить

нить свойство такого поступка (журн. 1 Февраля 1874 г.), а другой выразился въ письмѣ къ своему довѣрителю слѣдующимъ образомъ: «Я считаю васъ человѣкомъ честнымъ, не думаю чтобы вы, какъ какой-нибудь мошенникъ, желали присвоить себѣ деньги, слѣдуемыя мнѣ за труды и расходы, и чтобы изъ-за незначительной суммы мнѣ пришлось перемѣнить то мнѣніе, которое я до сихъ поръ о васъ имѣлъ, и потерять то чувство уваженія, съ которымъ» и т. д., (журн. 26 Сентября 1873 г.). Независимо отъ этого, Совѣтъ призналъ, что требованіе уплаты вознагражденія или предупрежденіе о намѣреніи взыскивать его судебнымъ порядкомъ не слѣдуетъ заявлять въ открытыхъ письмахъ, хотя бы они были написаны и въ совершенно приличной формѣ (журн. 7 Сентября 1873, 2 Марта 1874 г.). Требуя вознагражденія судебнымъ порядкомъ, присяжный повѣренный долженъ опредѣлять его на точномъ основаніи условія или таксы, не позволяя себѣ никакихъ преувеличеній (журн. 8 Декабря 1871 и 12 Января 1872 г.). Производя взысканіе съ бывшаго довѣрителя своего, присяжный повѣренный имѣетъ право принимать всѣ дозволяемыя закономъ мѣры взысканія, даже просить объ объявленіи отвѣтчика должникомъ несостоятельнымъ, но не долженъ брать на себя по этому предмету обязательствъ передъ третьимъ лицемъ, изъявляющимъ готовность уплатить вмѣсто отвѣтчика слѣдующую присяжному повѣренному сумму, подъ условіемъ взысканія ея съ отвѣтчика по всей строгости законовъ. Соглашаясь на такое условіе и принимая на себя вытекающія изъ него обязательства, присяжный повѣренный въ сущности продаетъ свой искъ третьему лицу и ходатайствуетъ по чужому дѣлу подъ своимъ именемъ. Передать свою претензію, прямо и открыто, другому лицу

присяжный повѣренный имѣетъ право; но обязываться, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, къ принятію крутыхъ мѣръ противъ бывшаго своего довѣрителя—во всякомъ случаѣ предосудительно (журн. 5 Января 1872 г.). Во избѣжаніе недоразумѣній и споровъ, условія присяжныхъ повѣренныхъ съ ихъ довѣрителями должны быть составляемы съ возможно большею ясностью (журн. 22 Декабря 1871 г.).

Изъ взысканныхъ въ пользу довѣрителя денегъ присяжный повѣренный имѣетъ право удержать, въ счетъ вознагражденія за веденіе дѣла, лишь такую сумму, которая несомнѣнно ему въ эту минуту причитается; онъ обязанъ, притомъ, немедленно увѣдомить своего довѣрителя о количествѣ удержанныхъ денегъ и сообщить ему разсчетъ, по которому опредѣлена удержанная сумма. Самовольное удержаніе присяжнымъ повѣреннымъ денегъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ сколько ему безспорно слѣдовало—хотя бы и съ цѣлью заранѣе обезпечить будущее судебное свое требованіе къ довѣрителю, — или несообщеніе довѣрителю разсчета, на основаніи котораго удержаны деньги, подвергаютъ присяжнаго повѣреннаго дисциплинарной отвѣтственности (журн. 12 Апрѣля и 8 Мая 1869, 25 Іюня 1870 г.). Если довѣрителя нѣтъ на лицо, то слѣдующія ему деньги должны быть немедленно высланы по почтѣ, хотя бы присяжный повѣренный и не былъ прямо уполномоченъ на производство почтовыхъ расходовъ. Вносить деньги въ присутственное мѣсто, вмѣсто того чтобы отослать ихъ довѣрителю, присяжный повѣренный не имѣетъ права (журн. 8 Мая 1869 г.). Если количество вознагражденія было опредѣлено условіемъ, то присяжный повѣренный не имѣетъ права разсчитывать его по таксѣ (журн. 12 Апрѣля 1869 г.). Если въ условіи перечислены извѣстныя судебныя дѣйствія,

которыя присяжный повѣренный обязанъ совершить за извѣстное вознагражденіе, то за совершеніе дѣйствій, условіемъ не предусмотрѣнныхъ, присяжный повѣренный имѣетъ право на особое вознагражденіе. Такъ напримѣръ, если по условію обязанности присяжнаго повѣреннаго оканчивались составленіемъ кассаціонной жалобы, то за поддержку ея въ Сенатѣ присяжный повѣренный можетъ получить добавочное вознагражденіе (журн. 8 Декабря 1871 г.). Присяжный повѣренный можетъ получать впередъ часть вознагражденія, выговореннаго имъ за веденіе дѣла (журн. 24 Марта 1871 г.). Если извѣстная сумма денегъ была дана присяжному повѣренному при начатіи дѣла отчасти на расходы, отчасти въ счетъ вознагражденія, безъ опредѣленія, сколько именно причитается на то и на другое, и если присяжнымъ повѣреннымъ было сдѣлано все отъ него зависѣвшее для огражденія интересовъ довѣрителя, то присяжный повѣренный не обязанъ давать довѣрителю отчетъ въ полученныхъ отъ него деньгахъ и возвращать ему остальную, за сдѣланными расходами, сумму (журн. 10 Ноября 1871 г.); но если присяжный повѣренный ничего рѣшительно не сдѣлалъ въ пользу своего довѣрителя, то онъ не можетъ считать заработанными полученныя имъ впередъ деньги потому только, что онъ приготовился къ веденію дѣла—развѣ если между нимъ и довѣрителемъ было особое по этому предмету условіе (журн. 14 Марта 1870 г.). Присяжный повѣренный имѣетъ право на вознагражденіе и при окончаніи дѣла миромъ, если производство дѣла было имъ уже начато или вообще былъ понесенъ какой-нибудь трудъ въ пользу довѣрителя (журн. 11 Іюня 1870, 24 Марта 1871 г.). Присяжный повѣренный можетъ, не унижая своего достоинства, принимать на себя веденіе дѣла во всякомъ судебномъ мѣстѣ и за всякое,

даже самое незначительное, вознагражденіе; его достоинство можетъ пострадать только отъ свойства дѣла и отъ способа веденія его, а не отъ малаго вознагражденія (журн. 14 Марта 1870 г.).

в) При отказѣ или устраненіи отъ веденія дѣла.

57. Присяжный повѣренный имѣетъ полное право отказаться во всякое время отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, имъ производимаго, съ принятіемъ, конечно, надлежащихъ мѣръ къ огражденію интересовъ довѣрителя, впредь до избранія послѣднимъ новаго повѣреннаго (журн. 14 Августа 1869, 24 Января и 4 Ноября 1870, 5 Января 1874 г.). Если довѣритель не находится на-лицо, отказъ долженъ быть ему заявленъ въ страховомъ или заказномъ письмѣ (журн. 22 Сентября 1871 г.), съ объясненіемъ причинъ отказа, когда онъ вызванъ перемѣной въ положеніи дѣла или въ юридическихъ взглядахъ присяжнаго повѣреннаго (журн. 5 Января 1874г.). Присяжный повѣренный, отказывающійся отъ дальнѣйшаго веденія дѣла или устраняемый отъ него довѣрителемъ, обязанъ возвратить послѣднему всѣ полученные отъ него или по его довѣренности документы и бумаги, не исключая слѣдовательно и тѣхъ, которыя были собраны самимъ присяжнымъ повѣреннымъ (журн. 31 Января 1870 г.); но черновыя бумаги и замѣтки самого присяжнаго повѣреннаго составляютъ его собственность и не подлежатъ передачѣ довѣрителю, за исключеніемъ копій или отпусковъ съ бумагъ, официально поданныхъ присяжнымъ повѣреннымъ при производствѣ дѣла (журн. 7 Марта 1870, 22 Іюня 1873 г.). По требованію довѣрителя, присяжный повѣренный обязанъ составить опись возвращаемымъ бумагамъ или по крайней мѣрѣ привести ихъ въ надлежащій порядокъ (журн. 23 Марта 1868 г.). Присяжный повѣренный не имѣетъ права

удерживать у себя бумаги и документы бывшаго своего довѣрителя ни какъ обезпеченіе слѣдующаго ему вознагражденія, ни какъ обезпеченіе разсчета между довѣрителемъ и его кредиторами, за правильность котораго присяжный повѣренный принялъ на себя нравственное ручательство передъ кредиторами. Въ послѣднемъ случаѣ довѣритель обязанъ только сообщить своему бывшему повѣренному адресы своихъ кредиторовъ, для того чтобы тотъ могъ увѣдомить ихъ, что онъ не состоитъ больше повѣреннымъ ихъ должника и ничего не можетъ сдѣлать для удовлетворенія ихъ претензій (журн. 12 Іюня 1869 г.). Обязанность доказать, что документы или бумаги не возвращены присяжнымъ повѣреннымъ, лежитъ на бывшемъ довѣрителѣ его; при отсутствіи такихъ доказательствъ, Совѣтъ вѣритъ на слово присяжному повѣренному, что документы и бумаги возвращены и не производитъ никакого по этому предмету изслѣдованія (журн. 17 Января 1870, 25 Октября 1872 г.). Получать обратно изъ суда представленные къ дѣлу документы и бумаги присяжный повѣренный, послѣ уничтоженія данной ему довѣренности или отказа отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, не обязанъ (журн. 3 Февраля, 12 Іюля и 25 Октября 1872 г.).

г) При ходатайствѣ по дѣламъ лицъ состоящихъ между собою въ тяжбѣ.

58. Имѣетъ ли присяжный повѣренный право быть одновременно — конечно по разнымъ дѣламъ — повѣреннымъ двухъ лицъ, состоящихъ между собою въ тяжбѣ? По мнѣнію Совѣта, присяжный повѣренный, состоящій, хотя бы даже и съ согласія двухъ тяжущихся сторонъ, общимъ повѣреннымъ и той, и другой долженъ такимъ образомъ устроить свои отношенія къ довѣрителямъ, чтобы было совершенно ясно, что его полномочія отъ обѣихъ сторонъ не простираются на одно и то же спорное

между довѣрителями его дѣло, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ тяжущихся, давшихъ ему довѣренности на хожденіе по всѣмъ своимъ дѣламъ, не могъ его упрекать въ томъ, что имѣя эту довѣренность, онъ не дѣйствовалъ въ интересахъ довѣрителя и упущеніемъ причинилъ ему ущербъ. Совѣтъ полагаетъ, что присяжный повѣренный можетъ быть достаточно огражденъ отъ нареканій какъ за упущенія, такъ и за нарушеніе имъ 402 ст. Учр. Суд. Уст., если онъ будетъ придерживаться слѣдующихъ положеній:

1) Повѣренный, имѣющій общія на хожденіе по всѣмъ дѣламъ довѣренности отъ лицъ, состоящихъ между собою въ тяжбѣ, не можетъ принимать участія въ этой тяжбѣ ни съ той, ни съ другой стороны.

2) Повѣренный, имѣющій спеціальную довѣренность отъ одного лица на веденіе извѣстнаго дѣла противъ другаго лица, не иначе можетъ сдѣлаться повѣреннымъ этого послѣдняго лица по общей довѣренности на веденіе всѣхъ его дѣлъ, какъ а) если предваренный о томъ первый довѣритель дастъ на то свое согласіе и б) если въ общей довѣренности втораго довѣрителя будетъ положительно выражено, что повѣренному довѣряется веденіе всѣхъ дѣлъ, кромѣ того, которое имъ уже ведется съ противной стороны.

3) Повѣренный, имѣющій общую довѣренность на веденіе всѣхъ дѣлъ одного лица, не можетъ безъ вѣдома и согласія этого довѣрителя дѣлаться по спеціальнымъ довѣренностямъ повѣреннымъ другихъ лицъ въ тяжбахъ, направленныхъ противъ этого перваго довѣрителя. Правила эти были сообщены циркулярно всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ для свѣдѣнія и руководства (журн. 13 Октября 1873 г.).

Присяжный повѣренный, имѣвшій отъ кого-либо

общую довѣренность, не раньше можетъ предъявить противъ этого лица искъ, какъ по формальномъ уничтоженіи довѣренности или по формальномъ отъ нея отказѣ (журн. 17 Февраля 1868 г.). Если у присяжнаго повѣреннаго была спеціальная довѣренность на веденіе одного только дѣла, то по окончаніи его онъ можетъ начать противъ бывшаго довѣрителя своего дѣло, неимѣющее ничего общаго съ прежнимъ (журн. 4 Августа 1871 г.); но если между обоими дѣлами существуетъ тѣсная связь, если они оба проистекаютъ изъ одного и того же взысканія, то присяжный повѣренный, защищавшій въ одномъ дѣлѣ одну сторону, въ другомъ — другую, заслуживаетъ строгаго порицанія, хотя къ дѣйствіямъ его и не примѣнима, по буквальному своему смыслу, ст. 402 Учр. Суд. Устан., запрещающая присяжному повѣренному переходить *по одному и тому же дѣлу* отъ одной стороны къ другой (журн. 20 Апрѣля 1868 г.).

Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ противной сторонѣ и третьимъ лицамъ.

59. Обязанности присяжнаго повѣреннаго, какъ мы уже видѣли выше (§§ 35—37), не исчерпываются отношеніями его къ довѣрителямъ; защищая и охраняя ихъ права, онъ не долженъ нарушать ни общихъ законовъ, ни правилъ нравственности и чести, не долженъ прибѣгать, для достиженія своей цѣли, къ предосудительнымъ средствамъ, хотя бы этого прямо требовалъ отъ него довѣритель. Поступокъ присяжнаго повѣреннаго, самъ по себѣ безнравственный или противозаконный, не можетъ быть оправдываемъ тѣмъ, что онъ совершенъ согласно съ желаніемъ или волей довѣрителя (журн. 8 Марта и 16 Октября 1869, 13 Октября 1873, 1 Февраля 1874 г.); даже приказаніе отца или

матери, по уполномочію которыхъ дѣйствуетъ присяжный повѣренный, не снимаетъ съ него отвѣтственности за его дѣйствія (журн. 13 Октября 1873 г.). Исходя изъ этихъ общихъ началъ, Совѣтъ подвергалъ присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ за предложеніе взятки Судебному Приставу (журн. 5 Января 1867 г.), за нарушеніе состоявшейся мировой сдѣлки (журн. 8 Марта 1869 г.), за попытку измѣнить выставленное въ повѣсткѣ число и этимъ возстановить пропущенный срокъ на обжалованіе рѣшенія (журн. 4 Декабря 1869 г.), за просьбу прекратить дѣло вслѣдствіе неявки истца, когда повѣренному отвѣтчика было извѣстно, что повѣренный истца вышелъ лишь на нѣсколько минутъ изъ залы засѣданія (журн. 1 Февраля 1874 г.), — хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ присяжные повѣренные, подвергшіеся взысканію, несомнѣнно заботились объ огражденіи интересовъ своихъ довѣрителей. Тѣ же соображенія руководили Совѣтомъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, могутъ ли быть подаваемы по дѣламъ, производящимся въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, частныя записки: «Совѣтъ неоднократно разъяснялъ» — сказано въ постановленіи 2 Декабря 1870 г., — «что присяжные повѣренные, охраняя интересы и защищая права своихъ довѣрителей, должны употреблять для достиженія этой цѣли только законныя и честныя средства, и что присяжные повѣренные могутъ и должны подвергаться отвѣтственности не только за дѣйствія, совершенныя во вредъ ихъ довѣрителямъ, но и за дѣйствія, совершенныя, безъ законнаго и правильнаго на то основанія, во вредъ противной сторонъ или третьимъ лицамъ. Примѣняя эти соображенія къ возникшему въ данномъ случаѣ вопросу, Совѣтъ нашелъ, что разсылка частныхъ записокъ членамъ и про-

курорамъ новыхъ судебныхъ установленій, какъ до, такъ и послѣ слушанія дѣла, имѣетъ характеръ негласнаго ходатайства по дѣлу, совершенно противнаго духу судебныхъ установленій 20 Ноября 1864 г. и введеннаго ими состязательнаго процесса. Обычай разсылки частныхъ записокъ установился при дѣйствіи прежняго порядка судопроизводства, отличительными чертами котораго были письменность и канцелярская тайна. При дѣйствіи этого порядка бумаги, подаваемыя одною стороною, не подлежали непремѣнно сообщенію противной сторонѣ; требованія одной стороны могли быть разрѣшаемы безъ выслушанія другой, и объясненія сторонъ имѣли вообще значеніе второстепенное, несущественное для дѣла. Если рукоприкладство, сдѣланное одною стороною, могло оставаться тайной для другой, то подача и разсылка частныхъ записокъ очевидно не могла быть разсматриваема какъ нарушеніе чьего-либо права. Таково было положеніе дѣлъ до изданія судебныхъ уставовъ, такимъ оно въ сущности осталось и теперь, несмотря на частную реформу 11 Октября 1865 г., для учрежденій дѣйствующихъ на основаніи прежнихъ законовъ; но обычай, соотвѣтствовавшій одному порядку, является совершенно несовмѣстнымъ съ другимъ, прямо противоположнымъ. Новый уставъ гражданскаго судопроизводства, какъ видно изъ соображеній Государственной Канцеляріи 1862 г., имѣлъ главнаго цѣлью введеніе въ гражданскія дѣла гласности и состязательнаго процесса. Статьею 20-ою основныхъ положеній 1862 г. было опредѣлено, что никакое дѣйствіе, показаніе или требоніе одной стороны не должно быть скрываемо отъ другой. Сообразно съ этимъ уставъ гражданскаго судопроизводства запрещаетъ суду давать ходъ какой бы то ни было состязательной бумагѣ, если къ ней не приложено копіи, предна-

значаемой для сообщенія противной сторонѣ (ст. 263 пун. 5,269 пун. 4,567, 746, 756 пун. 3,765, 786, дополненіе къ ст. 801 по прод. 1868 г.), и разрѣшаетъ тяжущимся обозрѣвать всѣ бумаги, входящія въ составъ дѣла (ст. 271). Подача частныхъ записокъ, несообщаемыхъ противной сторонѣ и непріобщаемыхъ къ дѣлу, представляется такимъ образомъ явнымъ нарушеніемъ равноправности сторонъ и отступленіемъ отъ того общаго правила состязательнаго процесса, въ силу котораго всѣ доводы и соображенія одной стороны подлежатъ оспариванію и опроверженію другою стороною. Когда бывшимъ Старшимъ Предсѣдателемъ С.-Петербургской Судебной Палаты былъ возбужденъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли присяжнымъ повѣреннымъ сообщать суду, по окончаніи преній, мотивированныя заключенія, то какъ по мнѣнію Г. Старшаго Предсѣдателя, такъ и по мнѣнію Совѣта, сообщенному въ свое время общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ, необходимымъ условіемъ подобнаго нововведенія должно быть взаимное другъ другу сообщеніе сторонами своихъ мотивированныхъ заключеній. Члены новыхъ судебныхъ установленій должны рѣшать дѣла исключительно на основаніи бумагъ, которыми обмѣнялись стороны, и объясненій, данныхъ ими въ засѣданіи суда; прокуроръ долженъ основывать на томъ же свое заключеніе, когда оно требуется закономъ. Тяжущійся и его повѣренный не должны имѣть ни съ судомъ, ни съ прокуроромъ никакихъ негласныхъ сношеній по дѣлу, подлежащему рѣшенію суда. Точное соблюденіе этихъ правилъ, столь важныхъ для успѣшнаго хода правосудія и для укрѣпленія въ обществѣ уваженія къ суду и закону, въ особенности обязательно для присяжныхъ повѣренныхъ, главное назначеніе которыхъ состоитъ въ содѣйствіи

къ осуществленію высокихъ цѣлей и задачъ суда. Всякое противодѣйствіе этимъ цѣлямъ, исходящее отъ присяжныхъ повѣренныхъ, всякое возвращеніе ихъ къ обычаямъ прежняго времени, несогласнымъ съ духомъ новаго судебнаго устройства, должно быть преслѣдуемо или по крайней мѣрѣ останавливаемо Совѣтомъ, нетолько въ интересахъ корпораціи, но и въ интересахъ цѣлаго общества». По всѣмъ этимъ основаніямъ и во вниманіе къ тому, что вопросъ о правѣ разсылать частныя записки не былъ еще до тѣхъ поръ разъясненъ Совѣтомъ, Совѣтъ сдѣлалъ внушеніе двумъ присяжнымъ повѣреннымъ, пославшимъ товарищу оберъ-прокурора Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената частную записку по дѣлу, по которому онъ долженъ былъ давать заключеніе.

Присяжный повѣренный обязанъ домогаться осуществленія правъ своего довѣрителя не иначе какъ тѣми путями, которые установлены закономъ. На этомъ основаніи Совѣтъ сдѣлалъ внушеніе присяжному повѣренному, обратившемуся къ полковому командиру съ просьбою понудить одного изъ офицеровъ ввѣреннаго ему полка къ уплатѣ должной имъ суммы (журн. 17 Октября 1873 г.), и выговоръ—помощнику присяжнаго повѣреннаго, обратившемуся къ полиціи съ такою жалобой, которая должна была быть принесена судебному мѣсту (журн. 1 Декабря 1873 г.).

Правила, обязательныя для присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ противной сторонѣ, должны быть соблюдаемы ими и въ отношеніи къ третьимъ лицамъ. Дѣйствія, совершенныя во вредъ третьимъ лицамъ, безъ законнаго и правильнаго на то основанія, подвергаютъ присяжныхъ повѣренныхъ такой же отвѣтственности, какъ и всякое другое, ничѣмъ не оправдываемое, правонарушеніе. Мы видѣ-

ли уже (§§ 37—42), что Совѣтъ подвергалъ взысканіямъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ за участіе въ выдачѣ документовъ на сумму высшую противъ дѣйствительнаго долга, съ цѣлью доставить кредитору полное удовлетвореніе при несостоятельности должника — конечно во вредъ остальнымъ кредиторамъ (журн. 22 Марта 1869 г.), за участіе въ сдѣлкахъ, направленныхъ къ избѣжанію платежа долговъ (журн. 17 Февраля 1868, 3 Февраля 1872, 17 Октября 1873 г.) или къ ростовщическимъ оборотамъ (журн. 13 Октября 1873 г.), за покупку имѣнія съ публичнаго торга по цѣнѣ, явно невыгодной для кредиторовъ, несмотря на данное обѣщаніе ограждать ихъ интересы (журн. 24 Января 1870 г.) и т. п.

Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи къ суду и должностнымъ лицамъ.

60. Присяжные повѣренные, призванные къ участію въ отправленіи правосудія, должны подавать примѣръ уваженія къ суду и его органамъ. Исходя изъ этого убѣжденія, Совѣтъ дѣлалъ присяжнымъ повѣреннымъ внушенія или даже подвергалъ ихъ дисциплинарной отвѣтственности какъ за неумѣстныя выраженія на судѣ или въ подаваемыхъ въ судъ бумагахъ (журн. 5 Іюля 1868, 23 Мая 1870, 22 Ноября 1872 г.), такъ и за неприличный способъ дѣйствій на судѣ (21 Сентября 1868, 31 Августа 1872, 19 Января 1874 г.). «Каждый присяжный повѣренный»—сказано въ постановленіи Совѣта 21 Сентября 1868 г., — «въ интересахъ цѣлаго сословія, долженъ строго слѣдить за своими дѣйствіями на судѣ, служить примѣромъ вѣжливаго обращенія, своими дѣйствіями не ослаблять, а напротивъ внушать уваженіи къ суду и ни въ какомъ случаѣ не давать повода къ предположенію, что присяжные повѣренные лишены правдивости, хотя бы нарушеніе этой правдивости было допу-

щено для достиженія самыхъ невинныхъ цѣлей. При уголовныхъ защитахъ въ особенности необходимо присяжнымъ повѣреннымъ быть осмотрительными, такъ какъ всякое нарушеніе съ ихъ стороны установленныхъ правилъ, а также и незаконныя, безполезныя пререканія ихъ отвлекаютъ вниманіе судей отъ сущности дѣла, обращая его на разборъ мелочныхъ обстоятельствъ, касающихся лично не подсудимаго, а его защитника, вслѣдствіе чего подобныя пререканія вредятъ интересамъ правосудія и самыхъ подсудимыхъ». Въ другомъ случаѣ разсмотрѣнію Совѣта подлежали, вслѣдствіе сообщенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, рѣзкія выраженія, употребленныя присяжнымъ повѣреннымъ при защитѣ подсудимыхъ и относившіяся какъ къ обвинителю, такъ и къ присяжнымъ засѣдателямъ. Присяжный повѣренный оправдывался тѣмъ, что былъ вызванъ на эти выраженія такими же оскорбительными выходками обвинителя. Совѣтъ нашелъ, что достоинство защиты не можетъ пострадать отъ неумѣстныхъ выходокъ обвинителя, на которыя, притомъ, защитникъ всегда можетъ обратить вниманіе предсѣдателя. Защитникъ, конечно, не долженъ оставлять безъ отвѣта ни одного изъ доводовъ обвинительной власти, могущихъ подѣйствовать на присяжныхъ; онъ можетъ и долженъ раскрывать ея ошибки, протестовать противъ искаженія фактовъ, если оно ею допущено; онъ не долженъ, однимъ словомъ, дѣлать ей уступокъ, несовмѣстныхъ съ обязанностями защиты; но всѣ эти условія могутъ быть достигнуты и безъ нападеній на личность обвинителя, нападеній, которыми удовлетворяется только самолюбіе защитника, но не достигается цѣль защиты, и которыя отвлекаютъ вниманіе присяжныхъ отъ настоящаго предмета преній. Нельзя не признать, что вызыва-

ющій тонъ обвинителя можетъ иногда нарушить хладнокровіе и спокойствіе защитника; но этимъ вина защитника, въ особенности если онъ уже достаточно опытенъ, только уменьшается, а не уничтожается. Что касается до интересовъ подсудимаго, то они еще менѣе чѣмъ достоинство защиты требуютъ чрезмѣрно-сильныхъ или оскорбительныхъ для кого-нибудь выраженій. Стремленіе склонить присяжныхъ къ оправданію подсудимаго рѣзкими нападеніями на обвиненіе весьма легко можетъ привести къ совершенно противоположному результату, какъ это и было въ настоящемъ случаѣ. Рѣзкія выраженія защитника не помѣшали присяжнымъ обвинить подсудимыхъ, и притомъ безъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ. Но если бы запугиванье присяжныхъ эпитетами, въ родѣ употребленныхъ въ данномъ случаѣ защитникомъ, и могло привести къ оправданію подсудимыхъ, то защитникъ, прибѣгающій къ такому средству, все-таки заслуживалъ бы строгаго порицанія, потому что защита — какъ и обвиненіе — должна дѣйствовать на присяжныхъ только убѣжденіемъ (журн. 31 Августа 1872 г.). Уваженіе къ суду можетъ быть нарушено нетолько словами, но и дѣйствіемъ; Совѣтъ подвергнулъ строгому порицанію присяжнаго повѣреннаго, который сталъ уходить изъ камеры мироваго судьи во время провозглашенія судьею резолюціи по его дѣлу, на приглашеніе судьи выслушать резолюцію отвѣчалъ, что никакой законъ его къ тому не обязываетъ, и возвратясь къ каѳедрѣ обратился почти спиною къ судьѣ, продолжавшему читать резолюцію (журн. 19 Января 1874 г.). Столь же строго Совѣтъ отнесся къ другому присяжному повѣренному, упорно взводившему на канцелярію судебнаго мѣста совершенно неосновательное обвиненіе въ завѣдомо-неправильномъ составле-

ніи записки по дѣлу (журн. 22 Ноября 1872 г.) Предложеніе, сдѣланное присяжнымъ повѣреннымъ мировому судьѣ взять назадъ принесенную на него жалобу, если онъ съ своей стороны не дастъ хода составленному имъ протоколу о неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго, Совѣтъ призналъ крайне неумѣстнымъ и неприличнымъ (журн. 19 Января 1874 г.). Наконецъ, по мнѣнію Совѣта, присяжные повѣренные должны воздерживаться отъ всякихъ попытокъ поколебать силу такихъ рѣшеній, которыя имѣютъ характеръ безусловно-окончательный и ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ дальнѣйшей повѣркѣ и пересмотру. «Судебная реформа 1864 г.» — сказано въ постановленіи Совѣта по этому предмету (журн. 9 Декабря 1870 г.)— «была направлена, между прочимъ, къ уменьшенію числа судебныхъ инстанцій и къ отдѣленію власти судебной отъ власти законодательной и исполнительной (основн. полож. ст. 1.). Съ этою цѣлью Правительствующему Сенату, т. е. Кассаціоннымъ его Департаментамъ, было присвоено значеніе верховнаго кассаціоннаго суда (основн. полож. ст. 2), который, по выраженію составителей судебныхъ уставовъ (Суд. Уст. изд. Госуд. Конц. Т. III стр. 17), не можетъ имѣть надъ собою никакого высшаго учрежденія. Сообразно съ этимъ ст. 927 Уст. Угол. Судопр. опредѣляетъ, что на рѣшенія Сената жалобы ни въ какомъ случаѣ не допускаются и никѣмъ не могутъ быть принимаемы. Хотя въ уставѣ гражданскаго судопроизводства и нѣтъ соотвѣтствующаго постановленія, но это конечно не значитъ, чтобы между рѣшеніями уголовнаго и гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ существовало, въ отношеніи къ ихъ окончательной силѣ, какое-либо различіе. При такомъ положеніи дѣлъ, всякая жалоба на кассаціонное рѣшеніе, всякая просьба объ

его отмѣнѣ со стороны присяжныхъ повѣренныхъ, обязанныхъ охранять достоинство суда и неприкосновенность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, должна быть признана совершенно неумѣстною. Въ данномъ случаѣ всеподданнѣйшая просьба, составленная присяжнымъ повѣреннымъ, не заключаетъ въ себѣ ходатайства объ отмѣнѣ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената,—она имѣетъ предметомъ разъясненіе законодательною властью изданнаго ею спеціальнаго закона, нисколько не противное духу новыхъ судебныхъ уставовъ. Совѣтъ не можетъ не замѣтить однако, что для достиженія этой цѣли составителю прошенія не было никакой надобности входить въ критическій разборъ рѣшеній Правительствующаго Сената, говорить, что просители не имѣютъ никакой помощи отъ суда; ему достаточно было доказать, что спорное законоположеніе требуетъ разъясненія, что неясность изложенія его можетъ породить множество процессовъ. Для критическаго разбора кассаціонныхъ рѣшеній въ печати существуетъ такой же просторъ, какъ и для разбора другихъ судебныхъ рѣшеній; но въ офиціальныхъ бумагахъ возраженія противъ рѣшенія окончательнаго, составляющаго безусловно-послѣднее слово процесса, представляются несовмѣстными съ характеромъ этого рѣшенія, возбуждая предположеніе о возможности его отмѣны или измѣненія».

Въ сношеніяхъ съ должностными лицами судебнаго и другихъ вѣдомствъ присяжные повѣренные должны избѣгать всего того, что могло бы подать поводъ къ столкновеніямъ между ними. Въ видахъ сохраненія своего достоинства, присяжные повѣренные не должны быть слишкомъ настойчивы въ вопросахъ или требованіяхъ, обращаемыхъ къ должностному лицу и, получивъ однажды отказъ въ своей просьбѣ,

не должны больше повторять ея, а могутъ, въ случаѣ надобности, обжаловать дѣйствія должностнаго лица его начальству (журн. 8 Января 1872 г.). Присяжный повѣренный не долженъ предлагать должностнымъ лицамъ исполненіе такихъ порученій, которыя не входятъ въ кругъ ихъ обязанностей; такъ напримѣръ, не слѣдуетъ предлагать судебному приставу наведеніе, за извѣстную плату, справки о положеніи дѣла, производящагося въ судѣ, при которомъ приставъ состоитъ (журн. 27 Сентября 1872 г.).

Столкновеніе между обязанностями защитника и свидѣтеля.

61. Можетъ ли присяжный повѣренный быть спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о подсудимомъ, защиту котораго онъ на себя принялъ? Вопросъ этотъ возникъ въ Совѣтѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: одинъ изъ судебныхъ слѣдователей сообщилъ Совѣту, что по производимому имъ слѣдствію были потребованы отъ помощника присяжнаго повѣреннаго NN два письма, текстъ коихъ относится до существа производимаго дѣла. Вопреки 368 ст. Уст. Угол. Судопр. помощникъ отказался отъ выдачи писемъ, основываясь на томъ соображеніи, что имъ принята на себя защита одного изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу, почему онъ не можетъ оглашать ввѣренныхъ ему тайнъ. Признавая, что при предварительномъ слѣдствіи защита не имѣетъ мѣста, что NN обязанъ былъ представить требуемые отъ него документы, подлежащіе пріобщенію къ дѣлу, что ссылка его на 403 ст. Учр. Суд. Устан. и 709 ст. Уст. Угол. Судопр. не можетъ считаться уважительною, судебный слѣдователь просилъ Совѣтъ сдѣлать распоряженіе о понужденіи NN къ представленію требуемыхъ писемъ.

Противъ этого сообщенія судебнаго слѣдователя помощникъ присяжнаго повѣреннаго далъ слѣдующее объясненіе:

28 или 29 Марта 1873 г. онъ получилъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, вызывавшаго его въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о поддѣлкѣ документовъ. Обвиняемыми по этому дѣлу состояли А, Б и В. Такъ какъ въ это время NN былъ не совсѣмъ здоровъ, то онъ послалъ судебному слѣдователю извѣщеніе, что явиться къ нему не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ присовокуплялъ, что свидѣтелемъ по дѣлу онъ вообще быть не можетъ, такъ какъ ранѣе вызова къ слѣдствію онъ принялъ на себя защиту подсудимаго А, и при-этомъ сослался на ст. 403 Учр. Суд. Устан. и на 704 и 709 Уст. Угол. Судопр. Дня три спустя NN получилъ повѣстку о новомъ вызовѣ его въ камеру судебнаго слѣдователя по тому же самому дѣлу. До этого втораго вызова, черезъ прокурора Окружнаго Суда NN переслана была отъ А, содержавшагося въ тюрьмѣ, довѣренность на веденіе его дѣла. Явившись къ судебному слѣдователю, NN отвѣчалъ на предложенные ему вопросы о А., что самое имя А. ему сдѣлалось извѣстнымъ въ первый разъ только тогда, когда мать А., еще въ началѣ 1872 г., обратилась къ нему, NN, съ просьбою защищать ея сына, что защиту эту онъ принялъ на себя, и затѣмъ все, что ему только извѣстно по этому дѣлу, стало ему извѣстно какъ защитнику, и потому онъ не считаетъ себя вправѣ сообщать, какъ свидѣтель, то что ему было сообщено какъ защитнику. NN прибавилъ къ этому, что если бы какое-либо обстоятельство этого дѣла было ему извѣстно до того момента, когда онъ принялъ защиту, то онъ никоимъ образомъ не счелъ бы возможнымъ уклоняться отъ свидѣтельства по этому дѣлу, прикрываясь званіемъ защитника. На вопросъ слѣдователя, получилъ ли NN нѣсколько писемъ отъ брата А., проживающаго за границей, NN отвѣчалъ,

*

что этотъ вопросъ онъ долженъ оставить безъ отвѣта, такъ какъ отвѣчая на него какъ свидѣтель, онъ нарушилъ бы свои обязанности какъ защитникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ судебному слѣдователю довѣренность, выданную ему для защиты А. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ NN былъ у слѣдователя, послѣдній явился къ NN въ квартиру съ полиціей и понятыми для производства выемки вышеозначенныхъ писемъ. Предоставивъ ему разсмотрѣть всѣ свои бумаги, NN не счелъ возможнымъ при этомъ въ чемъ-либо измѣнить первоначальный свой отвѣтъ.

По содержанію сообщенія судебнаго слѣдователя и объясненій помощника присяжнаго повѣреннаго NN разсмотрѣнію Совѣта подлежали слѣдующіе вопросы:

1) Возникаютъ ли обязанности защитника относительно подсудимаго, равно какъ и права, соединенныя съ этими обязанностями, лишь со времени оффиціальнаго признанія кого-либо защитникомъ, или же независимо отъ этого признанія, со времени принятія кѣмъ-либо на себя защиты?

2) Освобождается ли защитникъ, въ силу самаго своего званія, отъ обязанности давать свидѣтельскія показанія по дѣлу лица, ввѣрившагося его защитѣ, и иредставлять, по требованію суда, относящіеся къ этому дѣлу документы?

3) Если не освобождается, то въ какихъ предѣлахъ, при какихъ условіяхъ и о какихъ предметахъ онъ можетъ дать свидѣтельское показаніе по дѣлу своего кліента, или какіе можетъ представить къ этому дѣлу документы, не нарушая обязанностей защитника?

По первому вопросу Совѣтъ нашелъ, что хотя Уставъ Уголовнаго Судопроизводства предусматриваетъ участіе защиты въ уголовномъ дѣлѣ лишь со времени поступленія дѣла въ судъ, разрѣшающій его по существу, и со вре-

мени вручения подсудимому обвинительнаго акта, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы неоффиціальное участіе защитника въ предъ идущихъ періодахъ уголовнаго производства было противно духу нашего законодательства. Подсудимый долженъ отвѣчать слѣдователю самъ, не можетъ являться къ нему въ сопровожденіи защитника; но ему не воспрещено совѣщаться съ лицемъ, которому онъ желаетъ поручить свою защиту. Когда такое совѣщаніе невозможно для самого подсудимаго, вслѣдствіе содержанія его подъ стражей, то оно можетъ быть предпринято, по его порученію, его родственниками или друзьями. Еслибы задача предварительнаго слѣдствія исчерпывалась, относительно обвиняемаго, отобраніемъ объясненія о личныхъ дѣйствіяхъ его, то обвиняемому незачѣмъ было бы обращаться къ помощи посторонняго лица, опытнаго и знакомаго съ законами; но во время предварительнаго слѣдствія часто возникаютъ сложные и запутанные юридическіе вопросы, которыхъ самъ обвиняемый не можетъ ни разрѣшить, ни даже понять, не смотря на всю важность ихъ для него, напр. вопросы о подсудности, о необходимости предварительнаго разсмотрѣнія дѣла судомъ гражданскимъ, о давности, объ обезпеченіи гражданскаго иска и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отказъ обвиняемому въ совѣтѣ защитника былъ бы явною несправедливостью. Вотъ почему судебная практика допускаетъ даже оффиціальное участіе защитника или повѣреннаго подсудимаго въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, предшествующихъ окончанію предварительнаго слѣдствія — напримѣръ въ поддержкѣ жалобъ, приносимыхъ подсудимыми на распоряженія слѣдователя. Если отношенія, установляющіяся между защитникомъ и обвиняемымъ во время предварительнаго слѣдствія, не могутъ, такимъ образомъ, быть призна-

ны противозаконными, то они очевидно должны возлагать на защитника тѣже нравственныя обязательства, какія онъ принимаетъ на себя послѣ оффиціальнаго заявленія объ избраніи его защитникомъ. Тайна, ввѣренная защитнику, *какъ защитнику*, во время предварительнаго слѣдствія, не менѣе священна, чѣмъ тайна, ввѣренная ему послѣ вступленія дѣла въ Окружной Судъ. Противъ раскрытія той и другой говорятъ одни и тѣ же соображенія — необходимость оградить довѣріе подсудимаго къ защитнику, освободить послѣдняго отъ выбора между нарушеніемъ этого довѣрія и лжеприсягой. Къ такому же заключенію приводитъ и ст. 704-ая Уст. Угол. Судопр., устраняющая отъ свидѣтельства защитниковъ по предмету признанія, сдѣланнаго имъ довѣрителями *во время производства о нихъ дѣла.* Дѣйствіе этого закона несомнѣнно распространяется и на признаніе, сдѣланное во время предварительнаго слѣдствія, такъ какъ предварительное слѣдствіе входитъ въ составъ производства уголовнаго дѣла. Въ опроверженіе этого взгляда можетъ быть указано на то, что единственнымъ доказательствомъ существованія между двумя лицами отношеній защитника къ подсудимому служитъ заявленіе, сдѣланное о томъ послѣднимъ послѣ врученія обвинительнаго акта, что до этого времени защитникомъ можетъ называть себя всякій, хотя бы и безъ малѣйшаго на то права, и что слѣдовательно примѣненіе ст. 704-ой ко времени, предшествующему вступленію дѣла въ Окружной Судъ, могло бы дать поводъ къ неосновательнымъ и недобросовѣстнымъ отказамъ отъ свидѣтельства. Но возраженіе это теряетъ свою силу, если принять во вниманіе, что возложеніе на извѣстное лице обязанностей защитника можетъ быть доказано и раньше оффиціальнаго заявленія—выдачей на его имя подсуди-

мымъ довѣренности, или участіемъ его въ совершеніи тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣйствій, или, наконецъ, показаніями лицъ, служившихъ посредниками между защитникомъ и подсудимымъ или вообще знакомыхъ съ ихъ отношеніями. При отсутствіи всякихъ доказательствъ тому, чтобы лице, вызываемое въ качествѣ свидѣтеля, приняло на себя до этого вызова обязанности защитника подсудимаго, отказъ его, какъ защитника, отъ дачи свидѣтельскаго показанія конечно допущенъ быть не можетъ. Примѣняя вышеизложенныя соображенія къ данному случаю, Совѣтъ нашелъ, что помощникъ присяжнаго повѣреннаго NN, задолго до вызова его къ судебному слѣдователю вступившій въ сношенія съ подсудимымъ А. черезъ посредство матери его и принявшій на себя обязанности его защитника, а впослѣдствіи получившій отъ него формальную довѣренность, имѣлъ полное право и даже долженъ былъ считать себя защитникомъ А. и сообразовать съ этимъ свои отвѣты на требованія и вопросы судебнаго слѣдователя.

По второму вопросу Совѣтъ нашелъ, что безусловное освобожденіе защитника отъ обязанности давать свидѣтельскія показанія по дѣлу своего кліента или представлять относящіеся къ этому дѣлу документы не вытекаетъ ни изъ буквальнаго смысла, ни изъ духа дѣйствующихъ законовъ. Ст. 709 Уст. Угол. Судопр. установляетъ, что никто не можетъ быть допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля совмѣстно съ исполненіемъ по тому же дѣлу обязанностей защитника подсудимаго; но Правительствующій Сенатъ истолковалъ эту статью не въ томъ смыслѣ, чтобы лице, принявшее на себя обязанности защитника, не могло быть спрошено въ качествѣ свидѣтеля, а наоборотъ, въ томъ смыслѣ, что лице, подлежащее спросу въ качествѣ свидѣ-

теля, не можетъ принять на себя или сохранить за собою обязанность защитника (рѣш. Угол. Касс. Д-та по дѣлу Салтыкова 1868 г. № 575). Другое толкованіе этой статьи едвали и возможно, такъ какъ по справеливому замѣчанію Правительствующаго Сената, свидѣтель есть лице необходимое, которое не можетъ быть никѣмъ замѣнено, а одинъ защитникъ можетъ быть замѣненъ другимъ. Статья 403 Учр. Суд. Устан. возлагаетъ на присяжнаго повѣреннаго обязанность не оглашать тайнъ своего довѣрителя нетолько во время производства дѣла, но и въ случаѣ устраненія отъ онаго и даже послѣ окончанія дѣла. Хотя эта статья помѣщена въ главѣ о присяжныхъ повѣренныхъ и говоритъ только о нихъ однихъ, она безъ сомнѣнія можетъ и должна быть примѣняема, по аналогіи, ко всякому повѣренному или защитнику; но она касается только *тайнъ* довѣрителя, а не всего, что повѣренный можетъ знать по дѣлу, которое ему ввѣрено, и потому отнюдь не составляетъ основанія къ безусловному отказу отъ свидѣтельства. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о ст. 704 Уст. Угол. Судопр., по 3-му пункту которой не допускаются къ свидѣтельству присяжные повѣренные и другія лица, исполневшія обязанности защитниковъ подсудимыхъ—въ отношеніи къ признанію, сдѣланному имъ довѣрителями во время производства о нихъ дѣлъ. Освобожденіе защитника отъ свидѣтельства ограничено и здѣсь извѣстнымъ предметомъ и не имѣетъ, слѣдовательно, безусловнаго характера. Отсюда явствуетъ, что NN, мотивируя свой отказъ отвѣчать на вопросы судебнаго слѣдователя исключительно званіемъ защитника А. и ссылкою на 403 Учр. Суд. Устан. и ст. 704 и 709 Уст. Угол. Судопрозв., поступилъ неправильно; но неправильность эта не

можетъ быть поставлена ему въ вину, такъ какъ вопросъ объ обязанности защитника давать свидѣтельскія показанія по дѣлу его кліента не былъ до настоящаго времени окончательно разъясненъ ни совѣтомъ, ни судебными рѣшеніями.

Приступая къ обсужденію *третьяго вопроса*, Совѣтъ усматриваетъ изъ объясненія самого NN, что онъ не счелъ бы возможнымъ уклониться отъ свидѣтельства по такимъ обстоятельствамъ, къ дѣлу А. относящимся, которыя сдѣлались бы ему извѣстны до принятія имъ защиты А. Въ этомъ объясненіи заключается признаніе, что обязанность защитника, сама по себѣ взятая, не всегда даетъ право на отказъ отъ свидѣтельства, что многое зависитъ въ этомъ отношеніи отъ предмета, о которомъ требуется показаніе; но обусловливать обязанность свидѣтельства, какъ это дѣлаетъ NN, исключительно временемъ, съ котораго защитнику что-либо извѣстно, очевидно не представляется возможнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что о всемъ извѣстномъ защитнику до принятія имъ на себя защиты онъ долженъ давать свидѣтельскія показанія на общемъ основаніи; но столь же несомнѣнно и то, что онъ не имѣетъ ни права, ни основанія умалчивать все сдѣлавшееся ему извѣстнымъ, какъ защитнику, послѣ принятія защиты. Такъ напримѣръ защитникъ, уже послѣ принятія имъ этого званія и именно въ качествѣ защитника, можетъ получить анонимное письмо съ угрозами ему или его кліенту, на случай если они станутъ касаться на судѣ того или другого обстоятельства или лица. Представивъ это письмо судебному слѣдователю, по его требованію, или давъ свидѣтельское о содержаніи письма показаніе, защитникъ конечно не измѣнитъ своему кліенту, не повредитъ его интере-

самъ, между тѣмъ какъ отказъ отъ представленія письма или отъ отвѣта на вопросы къ нему относящіеся могъ бы воспрепятствовать раскрытію истины и достиженію цѣлей правосудія. Правда, однажды явясь свидѣтелемъ, защитникъ можетъ быть вынужденъ сложить съ себя защиту подсудимаго; но общая гражданская обязанность свидѣтеля имѣетъ преимущество передъ спеціальною обязанностью защитника, до тѣхъ поръ пока исполненіе первой не сопряжено съ нарушеніемъ послѣдней. Чтобы опредѣлить условія, при которыхъ отказъ защитника отъ свидѣтельства можетъ быть признанъ правильнымъ и законнымъ необходимо, слѣдовательно, обратиться къ разсмотрѣнію существа отношеній защитника къ подсудимому. Отношенія эти предполагаютъ полную откровенность со стороны подсудимаго, правдивое сообщеніе защитнику всѣхъ обстоятельствъ дѣла, передачу ему всѣхъ матеріаловъ и указаній, необходимыхъ для защиты. Съ такою же откровенностью должны относиться къ защитнику и лица, близкія къ подсудимому, могущія способствовать разъясненію его участія въ дѣлѣ. Между тѣмъ, подобная откровенность немыслима безъ увѣренности, что все конфиденціально, въ интересахъ защиты сообщенное защитнику останется ему только одному извѣстнымъ и ни въ какомъ случаѣ обнаружено имъ не будетъ. Отсюда проистекаетъ первая обязанность защитника — отнюдь не раскрывать, даже по требованію суда, того, что онъ узналъ отъ самого подсудимаго, или отъ другихъ лицъ по порученію подсудимаго, *подъ условіемъ тайны*. Все остальное, сообщенное защитнику, *какъ защитнику*, подсудимымъ или другими лицами, по порученію или безъ порученія подсудимаго, или замѣченное самимъ защитникомъ, при исправленіи имъ его обязанностей (напримѣръ смущеніе, овладѣвающее

подсудимымъ при произнесеніи извѣстнаго имени, при упоминаніи извѣстнаго факта), должно быть хранимо имъ въ тайнѣ, *насколько это необходимо въ интересахъ защиты*; другими словами, раскрытіе того, что однимъ изъ этихъ путей сдѣлалось защитнику извѣстнымъ, позволительно только тогда, когда по убѣжденію защитника оно не можетъ повредить подсудимому. Требовать отъ защитника свидѣтельскихъ показаній о томъ, что онъ узналъ какъ защитникъ и что можетъ повредить подсудимому, значило бы впадать въ прямое противорѣчіе съ назначеніемъ защиты и ставить защитника въ положеніе, невыносимое для всякаго честнаго человѣка. Опредѣлить, что именно было ввѣрено защитнику подъ условіемъ тайны, разглашеніе чего именно было бы вредно для подсудимаго, можетъ только самъ защитникъ, по внутреннему убѣжденію, основанному на знакомствѣ съ дѣломъ и съ оправданіями, которыя будетъ на судѣ представлять подсудимый. Къ такому разрѣшенію вопроса пришла почти повсемѣстно западно-европейская судебная практика, въ нѣкоторыхъ государствахъ освященная и положительными предписаніями закона. Цахаріе, въ своей книгѣ о нѣмецкомъ уголовномъ процессѣ [1]) выводитъ изъ обычаевъ и законовъ, дѣйствующихъ въ различныхъ германскихъ государствахъ, слѣдующее общее правило: защитникъ освобождается отъ свидѣтельства по тѣмъ замѣченнымъ имъ или подъ условіемъ тайны ему сообщеннымъ обстоятельствамъ, *разглашеніе которыхъ могло бы ухудшить положеніе обвиняемаго*. Фостенъ Эли, извѣстный комментаторъ французскихъ уголовныхъ законовъ и членъ

---

[1]) Handbuch des deutschen Strafprocesses т. II-й, вып. I-й, § 98.

французскаго кассаціоннаго суда, считаетъ адвоката необязаннымъ показывать о такихъ обстоятельствахъ, которыя сообщены ему конфиденціально, въ интересахъ защиты [1]). Таково же, въ сущности, мнѣніе Молло, автора уважаемаго сочиненія объ адвокатской профессіи [2]). Французскій кассаціонный судъ, рѣшеніями 1828 и 1844 г., призналъ за адвокатомъ, вызываемымъ въ свидѣтели по дѣлу его кліента, право руководствоваться въ своихъ отвѣтахъ только внушеніями своей совѣсти. Наши дѣйствующіе законы не заключаютъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ такимъ взглядомъ на обязанности защитника; напротивъ того, ст. 704 Уст. Угол. Судопр. прямо устраняетъ защитника отъ свидѣтельства о признаніи, сдѣланномъ ему довѣрителемъ, а ст. 403 Учр. Суд. Устан. доказываетъ необходимость толкованія ст. 704 въ распространительномъ смыслѣ, т. е. примѣненія ея нетолько къ признанію подсудимаго, но и къ другимъ обстоятельствамъ, которыя защитникъ, *какъ защитникъ*, узналъ отъ самого подсудимаго или отъ другихъ лицъ, подъ условіемъ сохраненія ихъ въ тайнѣ. Въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Салтыкова (1868 г. № 575), на которое выше была уже сдѣлана ссылка, сказано между прочимъ, что допросъ въ качествѣ свидѣтеля лица, бывшаго прежде защитникомъ подсудимаго и имѣвшаго съ нимъ объясненіе, могъ представлять нѣкоторыя затрудненія, въ виду необходимости не выходить изъ предѣловъ закона, устраняющаго бывшаго защитника отъ свидѣтельства въ отношеніи къ признанію, сдѣланному ему довѣрителемъ. Изъ этихъ словъ Правительствующаго

---

[1]) Traité de l'instruction criminelle, § 357.

[2]) Règles de la prefession d'avocat, § 108.

Сената можно вывести заключеніе, что допросъ защитниковъ въ качествѣ свидѣтеля ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть направленъ къ нарушенію обязанностей, принятыхъ на себя защитникомъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то необходимо предоставить защитнику самому дѣлать различіе между вопросами, подлежащими и не подлежащими съ его стороны отвѣту, потому что никто кромѣ защитника не можетъ знать, какой отвѣтъ ведетъ и какой не ведетъ къ обнаруженію тайнъ, ввѣренныхъ защитнику его кліентомъ.

Все сказанное выше о свидѣтельскихъ показаніяхъ защитника примѣняется вполнѣ къ представленію имъ, по требованію суда, документовъ, дошедшихъ къ нему отъ подсудимаго или вообще полученныхъ имъ въ качествѣ защитника. Если защитникъ обязанъ не выдавать тайнъ своего кліента путемъ свидѣтельскихъ показаній, то было бы нелогично и несправедливо не признавать за нимъ той же обязанности относительно выдачи документовъ. Обязанность быть свидѣтелемъ и обязанность представлять требуемые судебною властью документы имѣютъ одинаковое основаніе и одинаковую важность; если законодатель нашелъ, тѣмъ не менѣе, необходимымъ и возможнымъ допустить исключеніе изъ первой, то нѣтъ никакого повода не допускать такого же исключенія, при такихъ же условіяхъ, и изъ второй. Судебный слѣдователь ссылается въ своемъ отношеніи на ст. 368 Уст. Угол. Судопр., за силою которой ни присутственныя мѣста, ни должностныя или частныя лица не могутъ отказаться отъ выдачи нужныхъ къ производству слѣдствія письменныхъ или вещественныхъ доказательствъ; но эта статья заключаетъ въ себѣ лишь общее правило, изъ котораго, какъ и изъ всякаго другаго, могутъ быть допускаемы исключенія,

соотвѣтствующія духу закона. Статья 370-ая того же Устава предусматриваетъ случай, когда представляется необходимость, при производствѣ слѣдствія, въ полученіи бумагъ, переданныхъ присяжному повѣренному съ условіемъ сохранить ихъ въ тайнѣ; но она очевидно относится не къ бумагамъ, переданнымъ присяжному повѣренному какъ защитнику обвиняемаго, къ дѣлу котораго бумаги требуются, а къ бумагамъ, переданнымъ присяжному повѣренному по другому дѣлу; иначе въ ст. 370-ой говорилось бы не о присяжномъ повѣренномъ, а о защитникѣ, и требовалось бы не простое разсмотрѣніе бумагъ судебнымъ слѣдователемъ вмѣстѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ, а пріобщеніе ихъ къ слѣдственному дѣлу. Невозможность принуждать адвоката къ выдачѣ бумагъ и документовъ, полученныхъ имъ въ качествѣ защитника, въ западной Европѣ сознана вполнѣ; Ф. Эли допускаетъ выемку бумагъ у адвоката лишь въ такомъ случаѣ, если онъ-самъ привлекается къ дѣлу какъ обвиняемый или если бумаги получены имъ не по поводу исправленія обязанностей адвоката *). По глубокому убѣжденію Совѣта, соблюденіе этого правила у насъ является столь же необходимымъ, сколько согласнымъ съ духомъ нашего законодательства. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Совѣтъ нашелъ, что онъ не можетъ понудить помощника присяжнаго повѣреннаго NN къ выдачѣ требуемыхъ отъ него судебнымъ слѣдователемъ по дѣлу А. документовъ, такъ какъ одинъ только NN можетъ по совѣсти опредѣлить—если эти документы имъ дѣйствительно получены,—представляетъ ли содержаніе ихъ что-либо несовмѣстное съ интересами защиты А.; Совѣтъ можетъ только предложить NN, на слу-

*) См. Mollot, § 134.

чай если онъ будетъ вновь вызванъ судебнымъ слѣдователемъ или Окружнымъ Судомъ къ допросу по дѣлу А., не уклоняться безусловно отъ отвѣта на всѣ вопросы, которые будутъ ему предлагаемы, а отвѣчать на тѣ изъ нихъ, на которые онъ найдетъ возможнымъ отвѣтить безъ нарушенія интересовъ подсудимаго, ввѣрившагося его защитѣ.

Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи другъ къ другу и къ цѣлой корпораціи.

62. Въ отношеніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ между собою — насколько они имѣютъ официальный, дѣловой характеръ — должна господствовать прежде всего безусловная вѣжливость. Присяжные повѣренные должны избѣгать, особенно въ публичномъ мѣстѣ, споровъ не о существѣ дѣла, а о нравственныхъ качествахъ ихъ довѣрителей, такъ какъ подобные споры всегда безплодны и кромѣ взаимнаго раздраженія ни къ чему не приводятъ. Не слѣдуетъ высказывать своему противнику, въ присутствіи посторонихъ лицъ, мнѣнія о недобросовѣстности поддерживаемыхъ имъ требованій, въ особенности когда это мнѣніе основано лишь на одностороннемъ знакомствѣ съ дѣломъ (журн. 3 Мая 1872 г.). Если присяжный повѣренный и считаетъ себя вправѣ претендовать на тѣ или другія дѣйствія своего противника, онъ не долженъ порицать эти дѣйствія публично, въ особенности не объяснившись предварительно съ своимъ противникомъ о причинахъ, которыми они были вызваны (журн. 24 Января 1873 г.). Рѣзкія и неприличныя выходки присяжнаго повѣреннаго противъ своего товарища, если онѣ были допущены въ помѣщеніи суда, могутъ подвергнуть его даже дисциплинарному взысканію со стоуоны Совѣта (журн. 23 Мая 1873, 19 Февраля 1874 г.). Присяжный повѣренный имѣетъ право выражать, въ частномъ, конфиденціальномъ разговорѣ, неблагопріятное

мнѣніе о нравственныхъ свойствахъ того или другаго изъ своихъ товарищей; но если это мнѣніе не основано на положительныхъ фактахъ, оно не должно быть выражаемо при такихъ условіяхъ, при которыхъ можетъ возникнуть предположеніе о желаніи присяжнаго повѣреннаго получить этимъ путемъ въ свои руки нѣкоторыя изъ дѣлъ, товарищемъ его производимыхъ (журн. 17 Октября 1873 г.). Обѣщаніе, данное однимъ присяжнымъ повѣреннымъ другому, должно имѣть для перваго безусловно обязательную силу, за исключеніемъ такихъ случаевъ, когда оно основано на недоразумѣніи и дано до полнаго и точнаго знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла (журн. 1 Марта 1872 г.). Когда дѣло приняло миролюбивый оборотъ, по взаимному соглашенію обоихъ повѣренныхъ, одинъ изъ нихъ не долженъ скрывать отъ другаго дѣйствій, направленныхъ къ предупрежденію предполагаемой сдѣлки (журн. 12 Апрѣля 1872 г.). Весьма желательно, чтобы недоразумѣнія, возникающія между присяжными повѣренными, были безотлагательно доводимы ими до свѣдѣнія Совѣта, безъ взведенія другъ на друга преждевременныхъ обвиненій, которыя при ближайшемъ разборѣ дѣла могутъ оказаться лишенными достаточнаго основанія (журн. 1 Марта 1872 г.).

Присяжный повѣренный не долженъ принимать на себя обязанностей или занятій, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ адвоката — напр. коммиссіонерства или посредничества въ торговыхъ сдѣлкахъ, въ покупкѣ и продажѣ недвижимыхъ имѣній и другихъ предметовъ и т. п. (журн. 2 Мая 1873 г.). Онъ не долженъ употреблять никакихъ искуственныхъ мѣръ къ расширенію своей практики—не долженъ выставлять вывѣсокъ, не долженъ печатать о себѣ въ газетахъ ни рекламъ, ни даже простыхъ объявленій, за иск-

люченіемъ только объявленій о перемѣнѣ мѣста жительства; но и послѣднія не должны быть повторяемы болѣе трехъ разъ, потому что иначе они приняли бы именно характеръ напоминаній о себѣ, къ которымъ прибѣгать не слѣдуетъ *). Адресы всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ печатаются отъ времени до времени, по распоряженію Совѣта, въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и сверхъ того имѣются у швейцара зданія судебныхъ установленій.

Присяжные повѣренные, какъ мы уже видѣли выше, обязаны доводить до свѣдѣнія Совѣта объ отъѣздѣ своемъ изъ С.-Петербурга, о возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ и о болѣзни, не позволяющей имъ вообще заниматься дѣлами или явиться въ засѣданіе суда для исполненія обязанностей защитника по уголовному дѣлу (§ 54). Если присяжный повѣренный оставляетъ С.-Петербургъ на сколько-нибудь продолжительное время, онъ долженъ увѣдомить Совѣтъ, кому онъ на время своего отсутствія передаетъ веденіе своихъ дѣлъ имъ наблюденіе за ними (журн. 28 Мая 1870 г.). Въ 1870 г. возникъ вопросъ, имѣетъ ли присяжный повѣренный право передать веденіе своихъ дѣлъ, на время своего отсутствія изъ С.-Петербурга, лицу не принадлежащему къ числу присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. По закону (ст. 385 Учр. Суд. Устан.) присяжный повѣренный, уѣзжающій въ другой городъ, обязанъ сперва прочія, находящіяся у него дѣла, подлежащія производству въ его отсутствіе, передать, съ согласія своихъ довѣрителей, другому присяжному повѣренному. Законъ

*) Постановленій Совѣта по этому вопросу мы привести не можемъ, потому что мѣры противъ вывѣсокъ и объявленій были принимаемы Совѣтомъ частнымъ образомъ, безъ записки въ журналъ.

этотъ, по мнѣнію Совѣта, можетъ имѣть примѣненіе только тогда, когда число присяжныхъ повѣренныхъ для Петербурга будетъ признано достаточнымъ, ибо только тогда, по силѣ 387 ст. Учр. Суд. Устан., ходатайствовать въ судахъ по довѣренностямъ будутъ имѣть право одни лишь присяжные повѣренные. Въ настоящее же время, когда число жительствующихъ въ Петербургѣ присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ не объявлено и когда слѣдовательно каждое частное лице имѣетъ право ходатайства въ судѣ, въ качествѣ повѣреннаго, Совѣтъ не признаетъ возможнымъ вмѣнить уѣзжающимъ изъ Петербурга присяжнымъ повѣреннымъ въ непремѣнную обязанность наблюденіе за своими дѣлами поручать присяжнымъ же повѣреннымъ. Но принимая во вниманіе съ другой стороны, что частныя лица, не состоящія въ спискѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, не могутъ подчиняться никакому со стороны Совѣта контролю и что потому Совѣтъ лишенъ возможности удовлетворять заявляемыя ему довѣрителями отсутствующихъ присяжныхъ повѣренныхъ требованія, Совѣтъ въ интересахъ сословія призналъ желательнымъ, чтабы присяжные повѣренные, на время отсутствія своего, поручали наблюденіе за своими дѣлами присяжнымъ же повѣреннымъ или своимъ помощникамъ (журн. 23 Іюля 1870 г.). Это мнѣніе Совѣта было доведено до свѣдѣнія всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ и принято ими къ руководству.

Обязанности присяжныхъ повѣренныхъ по платежу десяти процентнаго сбора.

63. Къ числу обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ, наконецъ, взносъ десятипроцентнаго сбора съ вознагражденія, полученнаго ими по таксѣ (см. выше, § 47). Вопросъ о порядкѣ взиманія этого сбора былъ разрѣшенъ

Совѣтомъ, 10 Апрѣля 1872 г., на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Статья 398-ая Учрежденія Судебныхъ Установленій опредѣляетъ, что изъ получаемаго присяжными повѣренными по таксѣ вознагражденія удерживается извѣстный процентъ, для составленія общей по всей Россіи суммы на вознагражденіе присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемыхъ для защиты подсудимыхъ. Вопросъ о томъ, съ какихъ именно суммъ долженъ быть взимаемъ десятипроцентный сборъ, разрѣшается буквальнымъ смысломъ этого закона, на основаніи котораго опредѣленный таксою процентъ удерживается *изъ вознагражденія, получаемаго присяжными повѣренными, съ слѣдующей имъ по таксѣ суммы.* Отсюда проистекаютъ слѣдующіе несомнѣнные выводы: 1) десятипроцентный сборъ взимается исключительно съ вознагражденія, получаемаго присяжными повѣренными *по дѣламъ, подлежащимъ дѣйствію таксы,* т. е. по дѣламъ гражданскимъ, производимымъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ на основаніи уставовъ 20 Ноября 1864 г. Дѣйствіе таксы не распространяется ни на уголовныя дѣла, ни на гражданскія дѣла, производимыя въ мировыхъ учрежденіяхъ, ни на дѣла, производимыя въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ или административнымъ порядкомъ; слѣдовательно съ вознагражденія, получаемаго присяжными повѣренными по всѣмъ этимъ дѣламъ, десятипроцентный сборъ взимаемъ быть не можетъ. Онъ не можетъ также быть взимаемъ съ дѣлъ, производимыхъ присяжными повѣренными не въ томъ судебномъ округѣ, къ которому они приписаны, потому что они являются тамъ не какъ присяжные повѣренные, а какъ частныя лица. Исключеніе изъ этого правила составляютъ дѣла, начавшія-

ся въ томъ судебномъ округѣ, въ которомъ присяжный повѣренный числится, но переданныя Правительствующимъ Сенатомъ въ Судебную Палату другаго округа. 2) Десятипроцентный сборъ взимается не со всего полученнаго присяжнымъ повѣреннымъ вознагражденія, а только съ той части этого вознагражденія, которая причитается ему по таксѣ; слѣдовательно суммы, полученныя сверхъ таксы, по условію, десятипроцентнымъ сборомъ не облагаются. 3) Десятипроцентный сборъ взимается только съ вознагражденія, дѣйствительно присяжнымъ повѣреннымъ полученнаго, а не съ того, которое слѣдовало ему по таксѣ. Это правило столь же необходимо, сколько и справедливо, потому что въ большей части случаевъ вознагражденіе, въ дѣйствительности получаемое присяжными повѣренными, ниже того, которое слѣдовало бы имъ по таксѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: а) по таксѣ вознагражденіе опредѣляется соотвѣтственно присужденной суммѣ, — въ условіяхъ, заключаемыхъ присяжными повѣренными, оно почти всегда опредѣляется соотвѣтственно суммѣ дѣйствительно взысканной, потому что рѣдкій истецъ захочетъ платить извѣстный процентъ съ суммъ, принадлежащихъ ему только на бумагѣ; б) такса не дѣлаетъ различія между дѣлами спорными и безспорными, а на практикѣ это различіе дѣлается постоянно, и за веденіе дѣлъ безспорныхъ, въ особенности малоцѣнныхъ, присяжные повѣренные всегда почти получаютъ процентъ меньшій сравнительно съ тѣмъ, который установленъ таксой; в) такса установляетъ вознагражденіе въ пользу присяжнаго повѣреннаго, проигравшаго дѣло; между тѣмъ въ условіяхъ, заключаемыхъ присяжными повѣренными, такое вознагражденіе

выговаривается только въ рѣдкихъ случаяхъ и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; г) тяжущіеся, выигравшіе дѣло, далеко не всегда исполняютъ свои обязательства передъ присяжными повѣренными, а послѣдніе весьма рѣдко рѣшаются взыскивать слѣдующія имъ съ довѣрителей деньги судебнымъ порядкомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, исчисленіе десятипроцентнаго сбора съ вознагражденія, слѣдующаго по таксѣ, было бы крайне обременительно для присяжныхъ повѣренныхъ, въ особенности для тѣхъ, которые только-что начинаютъ свою дѣятельность.

Кто долженъ завѣдывать взиманіемъ десятипроцентнаго сбора? Этотъ вопросъ не разрѣшенъ закономъ, который возлагаетъ на Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ только *распредѣленіе* между присяжными повѣренными процентнаго сбора, соразмѣрно съ числомъ уголовныхъ защитъ, отбытыхъ каждымъ изъ нихъ по назначенію Суда (Учр. Суд. Устан. ст. 367 п. 7). Тѣмъ неменѣе нельзя не признать, что и по общему смыслу закона, поручающаго Совѣту завѣдываніе всѣми дѣлами сословія присяжныхъ повѣренныхъ, и въ видахъ практическаго удобства, всего проще и правильнѣе возложить обязанность взиманія десятипроцентнаго сбора именно на Совѣтъ, имѣющій постоянныя и непосредственныя отношенія ко всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, знакомый съ ихъ дѣлами и облеченный обязанностью охранять достоинство сословія, наблюдать за добросовѣстностью каждаго изъ его членовъ. Возложить обязанность взиманія на мѣсто или лице судебнаго или административнаго вѣдомства, значило бы нетолько создать безъ всякой надобности новую отрасль дѣлопроизводства, но и затруднить контроль надъ правильностью взноса десятипроцентнаго сбора. Недоумѣнія, которыя мог-

ли бы возникнуть относительно права Совѣта принять на себя взиманіе десятипроцентнаго сбора, устраняются окончательно тѣмъ, что требованіе Министерства Юстиціи по этому предмету сообщено Судебною Палатою Совѣту *для исполненія.*

Руководствуясь этими соображеніями, Совѣтъ постановилъ: 1) обязать присяжныхъ повѣренныхъ С.-Петербургскаго Судебнаго Округа вести особый списокъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, производимыхъ ими, какъ присяжными повѣренными, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ на основаніи Уставовъ 20 Ноября 1864 года. 2) Снабдить для этого присяжныхъ повѣренныхъ книгами за шнуромъ и печатью Совѣта, по однообразной формѣ, съ графами для означенія: а) номера дѣла, б) времени его начатія и мѣста его производства, в) названія дѣла и цѣны иска, г) сущности рѣшенія, д) полученнаго вознагражденія, е) вознагражденія слѣдующаго по таксѣ и ж) суммы причитающагося десятипроцентнаго сбора, а также съ графой для росписки члена Совѣта въ принятіи отъ присяжнаго повѣреннаго десятипроцентнаго сбора. 3) Обязать присяжныхъ повѣренныхъ каждое получаемое ими по дѣламъ, подлежащимъ дѣйствію таксы, вознагражденіе *тотчасъ же* отмѣчать въ вышеупомянутой книгѣ, а всю сумму слѣдующаго по этимъ дѣламъ десятипроцентнаго сбора представлять въ Совѣтъ, вмѣстѣ съ книгою, по третямъ года, въ продолженіе мѣсяца по истеченіи каждой трети, и сдавать ее подъ росписку члена Совѣта, который будетъ къ тому Совѣтомъ уполномоченъ. 4) Всѣ полученныя такимъ образомъ суммы представлять однажды въ годъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ, въ Главное Казначейство или, если это будетъ признано возможнымъ, въ кассу Окружнаго

Суда, а квитанцію на внесенную сумму препровождать въ Министерство Юстиціи, такъ какъ отъ него зависитъ распредѣленіе десятипроцентнаго сбора между Совѣтами (Учр. Суд. Уст. ст. 398). 5) Всѣ возникающіе по предмету взиманія десятипроцентнаго сбора общіе вопросы и недоумѣнія разрѣшать постановленіями Совѣта, по предварительномъ обсужденіи въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ. 6) Въ случаѣ возбужденія кѣмъ-либо или самимъ Совѣтомъ сомнѣнія въ правильности означенія присяжнымъ повѣреннымъ въ его книгѣ количества полученнаго имъ вознагражденія, или въ случаѣ уклоненія присяжнаго повѣреннаго отъ взноса денегъ или отъ представленія книги, производить изслѣдованіе по тѣмъ же правиламъ, которыя соблюдаются Совѣтомъ при разсмотрѣніи жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ, и подвергать виновныхъ взысканіямъ, на основаніи ст. 368 Учр. Суд. Устан. 7) Ввести въ дѣйствіе вышеозначенныя правила съ 1-го Мая 1872 года, распространивъ ихъ на всѣ подлежащія дѣйствію таксы дѣла, принятыя къ производству съ вышеозначеннаго числа.

Установивъ форму книгъ для записыванія дѣлъ, подлежащихъ дѣйствію таксы, Совѣтъ нашелъ полезнымъ распространить эту мѣру и на всѣ остальныя дѣла, производимыя присяжными повѣренными. Обязанность веденія списка всѣмъ дѣламъ, находящимся въ производствѣ у присяжнаго повѣреннаго, установлена закономъ (Учр. Суд. Установ. ст. 406); но для правильнаго исполненія ея необходимы болѣе точныя правила, которыя служили бы гарантіей и для тяжущихся, и для самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ случаѣ заявленія противъ нихъ жалобъ или подозрѣній. Въ практикѣ Совѣта уже встрѣчались слу-

чаи, въ которыхъ весьма важно было опредѣлить нетолько то, состояло ли извѣстное дѣло въ производствѣ у присяжнаго повѣреннаго, но и то, не внесено ли оно въ книгу заднимъ числомъ, не составлена ли вообще вся книга только въ виду принесенной на присяжнаго повѣреннаго жалобы. Для устраненія на будущее время подобныхъ недоумѣній, Совѣтъ постановилъ снабдить присяжныхъ повѣренныхъ, для записыванія всѣхъ вообще дѣлъ, книгами за шнуромъ и печатью Совѣта, съ графами для обозначенія: 1) номера дѣла, 2) времени его принятія и мѣста производства, 3) названія дѣла и 4) времени окончанія дѣла.

18 Октября 1872 г. Совѣтъ постановилъ: 1) возложить принятіе суммъ, слѣдующихъ въ счетъ десятипроцентнаго взноса, на того изъ членовъ Совѣта, который исполняетъ обязанности казначея, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его отсутствія право принимать эти суммы принадлежало и другимъ членамъ Совѣта; 2) получаемыя деньги записывать въ особо заведенную, прошнурованную и скрѣпленную Совѣтомъ книгу десятипроцентнаго сбора, и впредь до отправленія ихъ въ Министерство Юстиціи вносить ихъ на текущій счетъ въ одинъ изъ банковъ [1]). Въ 1873 г. однимъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, подлежитъ ли оплатѣ десятипроцентнымъ сборомъ вознагражденіе, получаемое присяжнымъ повѣреннымъ не за веденіе одного опредѣленнаго дѣла, а въ видѣ постояннаго жалованья за веденіе всѣхъ дѣлъ извѣстнаго лица, въ какомъ бы присутственномъ мѣстѣ они ни произ-

---

[1]) Текущій счетъ открытъ въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ Банкѣ.

водились. По обсужденіи этого вопроса, Совѣтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: постоянное жалованье назначается присяжному повѣренному обыкновенно не только за веденіе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, но и за совѣщанія о всѣхъ юридическихъ вопросахъ, касающихся интересовъ его до вѣрителя, за составленіе по важнѣйшимъ изъ нихъ письменныхъ заключеній, за составленіе или просмотръ контрактовъ и другихъ документовъ и т. п. Опредѣлить съ точностію, какая доля труда и времени, потраченнаго присяжнымъ повѣреннымъ, упадаетъ на всѣ эти занятія, какая—на веденіе дѣлъ подлежащихъ дѣйствію таксы, не представляется никакой возможности. Посему, и принимая во вниманіе, что взысканіе 10% сбора со всего постояннаго жалованья было бы явно несправедливо, а съ части его—совершенно произвольно, слѣдуетъ признать, что съ вознагражденія, получаемаго въ видѣ постояннаго жалованья, 10% сборъ взыскиваемъ быть не можетъ.

Разсмотрѣвъ затѣмъ остальные вопросы о примѣненіи 10% сбора, возбуждающіе недоумѣніе на практикѣ, Совѣтъ постановилъ: 1) что дѣла, производимыя присяжными повѣренными въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, подлежатъ 10% сбору, хотя бы они поступили изъ судебныхъ мѣстъ другихъ округовъ, кромѣ С. Петербургскаго, такъ какъ дѣло, производящееся въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ, подлежитъ, откуда бы оно ни поступило, дѣйствію таксы, а слѣдовательно и 10% сбора.

2) Что по дѣламъ, оконченнымъ миромъ безъ предъявленія иска, 10% сборъ не взыскивается.

3) Что равномѣрно не подлежатъ его дѣйствію дѣла, хотя и производящіяся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, но не при-

надлежащія къ числу тѣхъ, которыя предусмотрѣны таксой (т. е. дѣлъ тяжебныхъ и охранительныхъ). Таковы напримѣръ дѣла объ утвержденіи публичной продажи, о снятіи запрещеній, о несостоятельности, объ исполненіи рѣшеній, дѣла опекунскія и др.

4) Что если одно и тоже дѣло ведено двумя присяжными повѣренными — однимъ по довѣренности тяжущагося, другимъ по передовѣрію отъ перваго,—то каждый изъ нихъ вноситъ 10% сборъ съ суммы полученнаго имъ вознагражденія, такимъ впрочемъ образомъ, чтобы сумма обоихъ взносовъ не превышала того, который причитается по таксѣ.

5) что взносъ 10% сбора дѣлается не раньше какъ по вступленіи рѣшенія въ окончательную законную силу и по истеченіи срока для подачи кассаціонной жалобы или по оставленіи ея безъ послѣдствій, хотя бы вознагражденіе (сполна или отчасти) было получено и прежде.

6) Что нумерація дѣлъ въ обоихъ спискахъ должна быть продолжаема непрерывно, не возобновляясь по истеченіи каждаго года (журн. 28 Февраля 1873 г.).

7) Что въ тѣхъ случаяхъ, когда сумма полученнаго вознагражденія больше суммы слѣдующей по таксѣ, нѣтъ надобности означать въ книгѣ съ точностью размѣръ полученной суммы, а достаточно отмѣтить, что получено все слѣдующее по таксѣ.

8) Что вознагражденіе по дѣламъ, оконченнымъ миромъ уже послѣ возбужденія судебнаго производства, подлежитъ оплатѣ десяти-процентнымъ сборомъ, на точномъ основаніи ст. 10-ой таксы 3-го Іюля 1868 г. (журн. 18-го Апрѣля 1873 г.).

Права присяжныхъ повѣренныхъ.

64. Главное право, предоставленное присяжнымъ повѣреннымъ судебными уставами 1864 г., заключается въ томъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ — а какое именно число признается для каждаго города достаточнымъ, это опредѣляется въ особой табели, вносимой Министромъ Юстиціи, по представленіямъ судебныхъ палатъ, черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе, — тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ ихъ дѣламъ въ судахъ того города только лицамъ, принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ (Учр. Суд. Устан. ст. 387 и 388). Сознавая всю важность этого права, Совѣтъ ходатайствовалъ еще въ 1866 г. объ объявленіи числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое будетъ признано достаточнымъ для С. Петербурга. «Ко времени открытія въ С. Петербургѣ новыхъ судебныхъ установленій» — сказано въ постановленіи Совѣта 9 Ноября 1866 г. — «Министромъ Юстиціи было утверждено 27 человѣкъ въ званіи присяжныхъ повѣренныхъ; съ тѣхъ поръ, а именно съ 17 Апрѣля текущаго года, число это едва удвоилось, хотя въ пріемѣ желающихъ Совѣтъ руководился облегчительными условіями, постановленными въ ст. 44 полож. о введ. въ дѣйст. судебн. уставовъ 20 Ноября 1864 г. Большая часть присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ весьма мало дѣлъ, а нѣкоторые даже вовсе не имѣли случая являться повѣренными частныхъ лицъ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ. Причина этого заключается въ томъ, что по настоящее время, на основаніи ст. 387 и 388 Учр. Суд. Устан., не представлено на Высочайшее утвержденіе табели о числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, достаточномъ для С. Петербурга, вслѣдствіе чего всѣ неприписанные къ со-

словію присяжныхъ повѣренныхъ, занимающіеся съ давняго времени хожденіемъ по дѣламъ, принимаютъ довѣренности по дѣламъ, производящимся въ новыхъ судахъ. Эти лица сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ значительное число процессовъ, такъ какъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ многіе или вовсе не занимались прежде ходатайствомъ, или же если и занимались, то случайно, при другихъ своихъ болѣе постоянныхъ занятіяхъ. Между тѣмъ присяжные повѣренные были уже занимаемы безвозмездною защитою подсудимыхъ по назначенію предсѣдателей, и сверхъ того нѣкоторымъ изъ нихъ поручено Совѣтомъ ходатайство по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Такимъ образомъ, выполняя самыя тягостныя условія своего званія, присяжные повѣренные пока не пользуются преимущественнымъ правомъ ходатайства по дѣламъ тяжущихся. Если такое положеніе дѣлъ продлится, то есть полное основаніе полагать, что число присяжныхъ повѣренныхъ не только не увеличится, но уменьшится; въ этомъ убѣждаетъ какъ незначительное число лицъ, изъявляющихъ желаніе поступить въ это званіе, такъ и то, что многіе, занимаясь ходатайствомъ и не смотря на соединеніе въ себѣ условій, требуемыхъ закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, не принимаютъ на себя этого званія единственно потому, что не видятъ особой надобности подвергать себя обязанностямъ, съ нимъ сопряженнымъ. Для предотвращенія сего и для предоставленія присяжнымъ повѣреннымъ въ дѣйствительности того главнаго преимущества, за пользованіе которымъ законъ требуетъ отъ нихъ, въ свою очередь, исполненія извѣстныхъ обязанностей, единственное средство— скорѣйшее опредѣленіе достаточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ для С. Петербурга, на основаніи вышеприведен-

ныхъ ст. 387 и 388 Учр. Суд. Устан. Съ такимъ опредѣленіемъ настоящіе присяжные повѣренные получатъ, по крайней мѣрѣ, обезпеченіе въ томъ, что права ихъ въ дѣйствительности будутъ соотвѣтствовать лежащимъ на нихъ обязанностямъ, и велѣдствіе сего не будутъ вынуждены искать себѣ другой дѣятельности; съ тѣмъ вмѣстѣ эта мѣра побудитъ вступать въ присяжные повѣренные и всѣхъ занимающихся нынѣ хожденіемъ по тяжебнымъ дѣламъ, если они соединяютъ въ себѣ требуемыя для сего условія. Тогда только сословіе присяжныхъ повѣренныхъ можетъ вполнѣ организоваться и принести обществу ту существенную пользу, которую законодатель имѣлъ въ виду при составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ. Опредѣленіе въ настоящее время достаточнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ имѣть послѣдствіемъ монополіи нынѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ въ С. Петербургѣ на веденіе тяжебныхъ дѣлъ, ибо, съ одной стороны, этимъ опредѣленіемъ не преграждается вступленіе въ присяжные повѣренные новыхъ лицъ, такъ какъ вступленіе сихъ лицъ ограничивается не числомъ, а только извѣстными условіями, а въ столицѣ не можетъ быть недостатка въ лицахъ, соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ, въ особенности въ виду предстоящаго упраздненія прежнихъ судебныхъ мѣстъ; съ другой же стороны, въ виду ст. 389 и примѣчанія къ оной, тяжущіеся, и при достаточномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, имѣютъ всегда возможность поручать веденіе своихъ дѣлъ ходатаямъ и не изъ присяжныхъ повѣренныхъ.» Вслѣдствіе сего Совѣтъ постановилъ о вышеизложенныхъ соображеніяхъ довести до свѣдѣнія Судебной Палаты и просить войти съ представленіемъ объ установленіи, на основаніи ст. 388 Учр. Суд. Устан., табели достаточнаго числа присяжныхъ

повѣренныхъ для г. С. Петербурга. Ходатайство это было уважено Судебной Палатой, признавшей, что для г. С. Петербурга достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ могло бы быть опредѣлено въ 125 (Совѣтъ считалъ возможнымъ опредѣлить его въ 100 — журн. 15 Іюня 1867 г.); но г. Управлявшій Министерствомъ Юстиціи не призналъ возможнымъ установить табель присяжныхъ повѣренныхъ для С. Петербурга (журн. 13 Сентября 1867 г.). Въ 1868 г. Совѣтъ, принимая во вниманіе: 1) что послѣ отрицательнаго отвѣта, даннаго Министерствомъ Юстиціи на первое представленіе Совѣта по этому предмету, прошло уже болѣе года, 2) что въ продолженіе этого времени въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ С. Петербургѣ принято вновь только 17 лицъ, 3) что въ продолженіе того же времени три лица выбыли изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ округа С. Петербургской Судебной Палаты, 4) что незначительное число лицъ, изъявляющихъ желаніе вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и увеличивающее число лицъ, слагающихъ съ себя это званіе, объясняется преимущественно несоразмѣрною тяжестью обязанностей, лежащихъ на присяжныхъ повѣренныхъ, сравнительно съ правами, которыми они въ настоящее время пользуются, или лучше сказать совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ правъ, которыя были бы спеціально сопряжены съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, 5) что назначеніе числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое будетъ признано достаточнымъ на основаніи ст. 388 Учр. Суд. Устан., — хотя бы это число и было значительно выше того, до котораго достигло въ настоящее время сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ С. Петербургѣ, — повлечетъ за собою быстрое увеличеніе числа желающихъ вступить въ корпорацію и предупредитъ выходъ

изъ нея лицъ, къ ней уже принадлежащихъ, и 6) что сосредоточеніе тяжебныхъ дѣлъ въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ облегчитъ дѣятельность судебныхъ мѣстъ, затрудняемыхъ нынѣ множествомъ дѣлъ, предъявляемыхъ безъ всякаго къ тому основанія и производимыхъ безъ знанія основныхъ началъ новаго процеса,— постановилъ: возобновить ходатайство о скорѣйшемъ изданіи табели, опредѣленной ст. 388 Учр. Суд. Устан., и одновременно съ представленіемъ о томъ въ Судебную Палату сообщить о всемъ вышеизложенномъ С. Петербургскому Окружному Суду, съ тѣмъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ содѣйствовать съ своей стороны удовлетворенію ходатайства Совѣта (журн. 12 Октября 1868 г.). Ходатайство Совѣта было поддержано и Судебною Палатой, и Окружнымъ Судомъ, но осталось безъ всякихъ послѣдствій. Въ 1870 г. оно составляло предметъ словесныхъ объясненій, представленныхъ г. Министру Юстиціи, отъ имени Совѣта, предсѣдателемъ его и двумя членами; и на этотъ разъ оно не привело ни къ какому результату. Въ 1873 г. возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли вновь возобновить ходатайство о комплектѣ. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, Совѣтъ принялъ въ соображеніе, что предоставленіе присяжнымъ повѣреннымъ исключительнаго права на ходатайство по дѣламъ гражданскимъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ число ихъ будетъ признано достаточнымъ, должно было, какъ видно изъ объясненій къ ст. 387-ой Учр. Суд. Устан. (изд. госуд. канцел. Т. 3-й, стр. 222) содѣйствовать образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Составители судебныхъ уставовъ полагали, что никто не станетъ стѣснять себя припискою къ этому сословію и ограничивать свои права опредѣленными въ законѣ обязанностями, когда и безъ того можно быть повѣреннымъ, не

подчиняясь никакимъ условіямъ. Съ перваго взгляда это предположеніе можетъ показаться ошибочнымъ, такъ какъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ имперіи до извѣстной степени сложилось, не смотря на отсутствіе комплекта; но оно вполнѣ оправдалось въ томъ отношеніи, что сословіе присяжныхъ повѣренныхъ нигдѣ не достигло и не могло достигнуть ни тѣхъ размѣровъ, ни той прочности и устойчивости, которыя имѣлись въ виду при составленіи судебныхъ уставовъ. Число присяжныхъ повѣренныхъ возрастаетъ медленно, несоразмѣрно съ числомъ дѣлъ и съ потребностью въ адвокатахъ; многія лица, вступившія въ сословіе, скоро опять изъ него выходятъ, оставляя въ немъ иногда весьма чувствительный пробѣлъ. Къ концу перваго года со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С. Петербургѣ присяжныхъ повѣренныхъ при С. Петербургской Судебной Палатѣ числилось 59; къ 1 Мая 1872 г. ихъ было 112, т. е. въ продолженіе пяти лѣтъ число ихъ увеличилось менѣе чѣмъ вдвое; въ настоящее время, (т. е. въ апрѣлѣ 1873 г.) ихъ только 111, т. е. число ихъ въ продолженіе года не увеличилось, а уменьшилось— фактъ до сихъ поръ небывалый. Между тѣмъ число частныхъ ходатаевъ по дѣламъ постоянно растетъ и достигаетъ въ С. Петербургѣ громадной цифры, несравненно большей чѣмъ число присяжныхъ повѣренныхъ. При увеличивающейся конкуренціи пріобрѣтеніе практики, даже самой скромной, становится все труднѣе и труднѣе, и множество лицъ спеціально образованныхъ и подготовленныхъ не рѣшаются вступить на адвокатское поприще, опасаясь остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію. Опасеніе это подтверждается вполнѣ примѣромъ многихъ присяжныхъ повѣрен-

ныхъ, которымъ приходится ожидать перваго своего гражданскаго дѣла по году и больше, несмотря на то что они обладаютъ и опытностью, и знаніями *). Не получая рѣшительно ничего, они обязаны однако защищать подсудимыхъ по назначенію предсѣдателя, а когда наконецъ у нихъ появляются первые скудные заработки, они должны лишиться десятой ихъ части, на основаніи ст. 398 Учр. Суд. Устан. и таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ. Въ тоже самое время частные ходатаи, имѣющіе весьма обширную практику, остаются свободными отъ всякихъ обязанностей и взносовъ, равно какъ и отъ всякаго наблюденія и контроля. Такое положеніе дѣлъ конечно не можетъ благопріятствовать образованію сословія присяжныхъ повѣренныхъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали его составители судебныхъ уставовъ.

Противъ объявленія числа присяжныхъ повѣренныхъ, которое будетъ признано достаточнымъ для С. Петербурга, приводятся обыкновенно слѣдующія главныя возраженія:

1) Объявленіе это будетъ имѣть послѣдствіемъ сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ наличнаго состава присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. монополію, вредную для тяжущихся.

2) Число присяжныхъ повѣренныхъ не будетъ соотвѣтствовать числу дѣлъ, вслѣдствіе чего дѣла не будутъ производимы съ надлежащимъ стараніемъ и должною быстротою.

---

*) Со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ С. Петербургѣ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ умерло 7 человѣкъ; изъ нихъ нѣкоторые, несмотря на совершенно скромную жизнь, не оставили послѣ себя достаточныхъ средствъ, не только для обезпеченія своего семейства, но даже для погребенія.

3) Тяжущіеся, въ особенности иногородные, будутъ затруднены въ пріисканіи себѣ повѣренныхъ и могутъ оставаться безъ судебной защиты.

Первое изъ этихъ возраженій было предусмотрѣно и опровергнуто составителями судебныхъ уставовъ. Въ предоставленіи присяжнымъ повѣреннымъ исключительнаго права на ходатайство по дѣламъ гражданскимъ — сказано въ объясненіи къ ст. 387-ой — «нѣтъ и не можетъ быть никакой монополіи въ пользу повѣренныхъ, ибо право быть повѣреннымъ опредѣляется закономъ, и при удовлетвореніи прописаннымъ въ немъ условіямъ, никому не запрещается приписываться къ сословію повѣренныхъ, всѣ-же права этого сословія распространяются не на ограниченное какое-либо число повѣренныхъ, а на всѣхъ въ него записавшихся». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что объявленіе числа присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ повлечетъ за собою быстрое увеличеніе числа присяжныхъ повѣренныхъ, и что составъ сословія будетъ постоянно пополняться молодыми людьми, окончившими курсъ юридическихъ наукъ и занимавшимися при присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ. Вновь вступающія въ сословіе лица будутъ пользоваться тѣми же правами, какъ и ихъ предшественники; никакой замкнутости—этого отличительнаго признака монополіи—сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представлять не будетъ. Опасаться злоупотребленія власти со стороны Совѣта, т. е. неосновательныхъ отказовъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго, вызванныхъ только желаніемъ уменьшить число лицъ, занимающихся адвокатурой, и слѣдовательно увеличить получаемыя ими выгоды, — нельзя уже потому, что Совѣтъ дѣйствуетъ подъ контролемъ Судебной Палаты, которая конечно замѣтила бы подобное стремленіе

и положила бы ему конецъ, отмѣною неправильныхъ постановленій Совѣта по жалобамъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ они состоялись. Притомъ, интересъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, а слѣдовательно и Совѣта, требуетъ привлеченія къ нему возможно большаго числа полезныхъ дѣятелей. Отступленіе отъ этого начала отразилось бы вредно на всемъ сословіи, потому что побудило бы тяжущихся къ обходу закона, предоставляющаго присяжнымъ повѣреннымъ (при признаніи числа ихъ достаточнымъ) исключительное право на ходатайство по дѣламъ гражданскимъ. Готовое средство для такого обхода заключается въ ст. 389 Учр. Суд. Устан.

Второе возраженіе также было отчасти предусмотрѣно составителями судебныхъ уставовъ. „Ни одинъ повѣренный“—сказано въ объясненіи къ ст. 387-ой—«не позволитъ себѣ отправлять свои обязанности небрежно, нетолько изъ опасенія взысканій, которымъ онъ можетъ подвергнуться со стороны Совѣта, но еще болѣе потому, что подобнаго повѣреннаго никто не станетъ избирать для своихъ дѣлъ, а всѣ станутъ обращаться къ его товарищамъ». Что касается до отношенія между числомъ присяжныхъ повѣренныхъ и числомъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ, то отношеніе это будетъ регулироваться общимъ закономъ предложенія и запроса, въ силу котораго увеличенію числа дѣлъ будетъ соотвѣтствовать увеличеніе числа присяжныхъ повѣренныхъ. Независимо отъ сего, излишнее скопленіе дѣлъ въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ быть предупреждено предоставленіемъ права ходатайствовать по дѣламъ гражданскимъ, и послѣ установленія комплекта, помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленіи Совѣта 1872 г.

*

Третье возраженіе устраняется ст. 392-ою Учр. Суд. Устан., возлагающею на Совѣтъ, тамъ гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ признано достаточнымъ, обязанность назначать повѣреннаго всякому тяжущемуся, не могущему прибыть въ городъ гдѣ должно производиться его дѣло или же не успѣвшему согласиться съ мѣстными присяжными повѣренными на счетъ хожденія по его дѣлу. Отсюда явствуетъ, что установленіе комплекта не только не затруднитъ пріисканіе тяжущимися повѣренныхъ, но напротивъ того, предоставитъ имъ такое для того средство, которымъ они не пользуются въ настоящее время. Общество, между тѣмъ, желаетъ пользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 392 ст. Учр. Суд. Устан.; это доказывается тѣмъ, что не смотря на сдѣланную Совѣтомъ публикацію, что въ Петербургѣ не объявлено еще комплекта присяжныхъ повѣренныхъ и что посему Совѣтъ не въ правѣ назначать повѣренныхъ для веденія гражданскихъ дѣлъ, въ Совѣтъ поступило 160 просьбъ частныхъ лицъ о назначеніи имъ повѣренныхъ для защиты ихъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти просьбы остались безъ удовлетворенія.

Нельзя наконецъ не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства: 1) въ продолженіе истекшаго года начатъ взносъ присяжными повѣренными десятипроцентнаго сбора, т. е. осуществлена ими новая обязанность, не уравновѣшиваемая никакимъ правомъ. 2) полтора года тому назадъ прекращено дѣйствіе временныхъ правилъ 1865 года, облегчавшихъ съ формальной стороны пріемъ въ присяжные повѣренные—т. е. признано, что настаетъ время организовать сословіе присяжныхъ повѣренныхъ на точномъ основаніи Учрежденія Судебныхъ Установленій, и 3) установленіе комплекта не предполагаетъ непремѣнно признанія до-

статочнымъ *наличнаго*, въ данную минуту, числа присяжныхъ повѣренныхъ, а лишь объявленіе числа, которое *будетъ* признано достаточнымъ для С.-Петербурга.

Несмотря на всѣ вышеизложенныя соображенія, убѣждающія въ необходимости установленія комплекта, Совѣтъ не нашелъ возможнымъ возобновить ходатайство о томъ передъ Министерствомъ Юстиціи, такъ какъ неудача всѣхъ прежнихъ представленій не позволяла надѣяться на успѣхъ такого ходатайства. Важнѣйшее изъ правъ, предоставленныхъ закономъ присяжнымъ повѣреннымъ, остается такимъ образомъ до сихъ поръ мертвою буквой. Нѣсколько времени тому назадъ положеніе присяжныхъ повѣренныхъ—не говоря уже объ обязанности ихъ защищать подсудимыхъ по назначенію суда, ходатайствовать по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности и платить десятипроцентный сборъ—было тѣмъ болѣе невыгодно, сравнительно съ положеніемъ частныхъ ходатаевъ, что въ нѣкоторыхъ судебныхъ округахъ (напр. въ Московскомъ) присяжные повѣренные другаго округа не допускались къ веденію гражданскихъ дѣлъ, по примѣненію къ ст. 383-й Учр. Суд. Устан.; но Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что до изданія табели, т. е. до признанія числа присяжныхъ въ извѣстномъ городѣ достаточнымъ, право на ходатайство въ судахъ этого города принадлежитъ присяжнымъ повѣреннымъ другаго судебнаго округа наравнѣ со всѣми другими лицами, не лишенными по закону права ходатайствовать по чужимъ дѣламъ (рѣш. Гражд. Касс. Д-та по дѣлу Шихманова 1872 г. № 881).

Если сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, несмотри на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, организовалось, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, довольно крѣпко и достигло

численности довольно значительной, то это слѣдуетъ приписать конечно не незначительнымъ правамъ, принадлежащимъ присяжнымъ повѣреннымъ въ отношеніи къ способу сообщенія копій *) (Уст. Гр. Судопр. ст. 308), къ защитѣ обвиняемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ (Учр. Суд. Устан. ст. 281), а тому корпоративному устройству, которое связываетъ ихъ въ одно цѣлое и даетъ имъ драгоцѣнное право самоуправленія.

---

*) Совѣтъ призналъ, что копіи, сообщаемыя однимъ присяжнымъ повѣреннымъ другому, должны быть написаны на установленной гербовой бумагѣ; но присяжные повѣренные имѣютъ, по мнѣнію Совѣта, право ограничиваться предъявленіемъ другъ другу представляемыхъ ими документовъ и бумагъ, не сообщая съ нихъ копій (журн. 16 Ноября 1868 г.).

Во время печатанія настоящей книги окончился восьмой годъ дѣятельности С. Петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Дисциплинарныхъ производствъ въ продолженіе этого года было всего 77; изъ нихъ 61 касалось присяжныхъ повѣренныхъ, 16 — помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Съ 1 Февраля по 1 Мая 1874 г. состоялось девять постановленій Совѣта о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ присяжныхъ повѣренныхъ. Одинъ присяжный повѣренный подвергся *выговору* за медленность въ пересылкѣ своему довѣрителю взысканныхъ въ его пользу денегъ (журн. 6 Апрѣля 1874 г.); двумъ присяжнымъ повѣреннымъ былъ сдѣланъ *строгій выговоръ* — одному за несообщеніе довѣрителю необходимыхъ для него свѣдѣній и за крайнюю медленность въ доставленіи Совѣту объясненія, послѣдствіемъ чего была невыгодная для довѣрителя мировая сдѣлка (журн. 6 Марта 1874 г.), другому—за неявку въ судъ для защиты подсудимаго, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (журн. 9 Марта 1874 г.). На этого же присяжнаго повѣреннаго были поданы, почти въ одно и тоже время, четыре жалобы со стороны его довѣрителей. При разсмотрѣніи одной изъ нихъ обнаружилось, что взявъ на себя веденіе дѣла въ Астрахани и получивъ впередъ

значительную сумму денегъ (1200 р.), онъ въ продолженіе двухъ слишкомъ лѣтъ въ Астрахани не былъ и ограничился подачей, въ концѣ 1873 г., одного прошенія, вовсе не подвинувшаго дѣло къ желанному результату. Присяжный повѣренный оправдывался тѣмъ, что лѣтомъ 1872 г. онъ посылалъ въ Астрахань одно лице, при немъ занимавшееся; но Совѣтъ призналъ это оправданіе недоказаннымъ и притомъ недостаточнымъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ бездѣйствіе присяжнаго повѣреннаго продолжалось гораздо болѣе года (журн. 9 Марта 1874 г.). Вторая жалоба заключалась въ томъ, что присяжный повѣренный, принявъ въ 1871 г. для обмѣна безъименный билетъ Коммиссіи Погашенія долговъ, не возвращаетъ ни стараго, ни новаго билета. Присяжный повѣренный объяснилъ, что ввѣренный ему билетъ былъ переданъ для обмѣна другому лицу, и за смертью послѣдняго утраченъ; но объясненіе это было признано Совѣтомъ совершенно неправдоподобнымъ (журн. 9 Марта 1874 г.). Третья жалоба, вполнѣ подтвердившаяся, имѣла предметомъ крайнюю небрежность въ веденіи дѣла, вслѣдствіе которой начатый искъ былъ прекращенъ и не былъ возобновленъ въ продолженіе полутора года, и сообщеніе довѣрителю завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла (журн. 16 Марта 1874 г.). Четвертая жалоба обнаружила цѣлый рядъ упущеній со стороны присяжнаго повѣреннаго— неявку въ судъ къ слушанію дѣла, подачу отзыва на заочное рѣшеніе безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, пропущеніе срока на обжалованіе опредѣленія суда о непринятіи отзыва — и сверхъ того введеніе довѣрителя въ заблужденіе насчетъ хода дѣла и шансовъ выигрыша, по всей вѣроятности съ цѣлью продолжать заемъ у него денегъ (журн. 27 Марта 1874 г.). Въ первыхъ трехъ слу-

чаяхъ Совѣтъ призналъ присяжнаго повѣреннаго подлежащимъ запрещенію исправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе шести мѣсяцевъ; но при разсмотрѣніи послѣдней жалобы Совѣтъ, въ виду трехъ предшествовавшихъ постановленій, нашелъ, что присяжный повѣренный, по множеству возникающихъ о немъ дѣлъ, не можетъ внушать къ себѣ, какъ адвокатъ, никакого довѣрія, и что безъ вреда для сословія онъ въ средѣ его терпимъ быть больше не можетъ; поэтому Совѣтъ, примѣняясь къ ст. 369-й Учр. Суд. Устан., постановилъ исключить его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. На всѣ эти четыре постановленія Совѣта присяжный повѣренный принесъ жалобу Судебной Палатѣ. Нѣсколько недѣль спустя на него была подана новая жалоба, по разсмотрѣніи которой Совѣтъ призналъ его виновнымъ въ нерадѣніи, причинившемъ существенный вредъ его довѣрителю, и подлежащимъ запрещенію исправлять обязанности присяжнаго повѣреннаго въ продолженіе шести недѣль, съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была приведена въ исполненіе лишь въ случаѣ отмѣны постановленія Совѣта о совершенномъ исключеніи присяжнаго повѣреннаго изъ сословія (журн. 13 Апрѣля 1874 г.). Другой присяжный повѣренный, которому было уже однажды запрещено исправленіе обязанностей повѣреннаго, былъ вновь подвергнутъ Совѣтомъ такому же взысканію, на срокъ трехмѣсячный, за удержаніе въ свою пользу, въ видѣ вознагражденія за веденіе дѣла, такой суммы, на которую онъ не имѣлъ никакого права, и за заключеніе, безъ согласія довѣрителя сдѣлки для него невыгодной (журн. 16 Марта 1874 г.). Такимъ образомъ общее число дисциплинарныхъ взысканій за 1873—74 г. достигло весьма высокой, небывалой еще цифры — 19 (одно исключеніе, девять запрещеній — въ

томъ числѣ четыре противъ одного и того же присяжнаго повѣреннаго, — шесть выговоровъ и три предостереженія), а общее число всѣхъ дисциплинарныхъ мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ противъ присяжныхъ повѣренныхъ въ продолженіе первыхъ восьми лѣтъ его дѣятельности — 62 (пять исключеній, пятнадцать запрещеній, двадцать четыре выговора и восемнадцать предостереженій). Число присяжныхъ повѣренныхъ, подвергшихся взысканіямъ, увеличилось только съ 33 на 34, такъ какъ изъ дисциплинарныхъ мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ въ послѣдніе три мѣсяца 1873—74 г., только одна (выговоръ) постигла присяжнаго повѣреннаго, прежде взысканіямъ не подвергавшагося.

Постановленіе Совѣта о временномъ запрещеніи хадатайства, приведенное въ § 42 подъ № 6, утверждено Судебною Палатой. Кассаціонныя жалобы двухъ присяжныхъ повѣренныхъ на опредѣленія Палаты, которыми были утверждены постановленія Совѣта о запрещеніи, приведенныя въ § 37 подъ №№ 5 и 6, оставлены правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

Судебная Палата оставила безъ разсмотрѣнія жалобу присяжнаго повѣреннаго на постановленіе Совѣта, которымъ ему было сдѣлано внушеніе (см. §§ 26 и 38).

Постановленіями Совѣта, состоявшимися въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1873—74 г., признано, между прочимъ:

1) что отлучка присяжнаго повѣреннаго изъ С. Петербурга, не смотря на данную имъ полиціи, вслѣдствіе предъявленія къ нему взысканія по векселю, подписку о невыѣздѣ изъ города, составляетъ нарушеніе правилъ о взысканіи по векселямъ, спеціально предусмотрѣнное уставомъ торговымъ, а потому неподсудна Совѣту (журн. 9 Марта 1874 г.);

2) что присяжный повѣренный, получившій довѣренность не непосредственно отъ тяжущагося, а отъ его повѣреннаго, обязанъ руководствоваться указаніями и инструкціями послѣдняго, и что дѣйствія, совершенныя согласно съ этими указаніями или инструкціями, не могутъ быть со стороны тяжущагося предметомъ жалобы на присяжнаго повѣреннаго (журн. 23 Февраля и 16 Марта 1874 г.);

3) что присяжный повѣренный не обязанъ увѣдомлять о положеніи дѣла такое лице, отъ котораго онъ уполномочія не имѣетъ, хотя бы оно и было заинтересовано въ исходѣ дѣла (журн. 16 Марта 1874 г.);

4) что присяжный повѣренный не долженъ уклоняться отъ личныхъ объясненій съ своими довѣрителями, для которыхъ кабинетъ его непремѣнно долженъ быть открыть въ извѣстное, назначенное время (журн. 9-го Марта 1874 г.);

5) что присяжный повѣренный, вслѣдствіе неявки котораго прекращено дѣло, обязанъ возвратить своему довѣрителю деньги, полученныя отъ него на расходы по предъявленію иска (журн. 20 Апрѣля 1874 г.);

6) что въ замѣнъ уплаты вознагражденія, слѣдующаго за веденіе дѣла, присяжный повѣренный имѣетъ право получить отъ своего довѣрителя вексель на третье лице (журн. 16 Февраля 1874 г.);

7) что хотя присяжному повѣренному и не можетъ быть безусловно запрещено брать въ займы деньги у своего довѣрителя, но отношенія, такимъ образомъ установляющіяся, не должны имѣть вліянія на веденіе порученнаго присяжному повѣренному дѣла; такъ напримѣръ, присяжный повѣренный не долженъ поддерживать въ довѣрителѣ неосновательную надежду на выигрышъ дѣла, съ цѣлью склонить

его этимъ путемъ къ исполненію просьбы повѣреннаго о займѣ денегъ (журн. 27 Марта 1874 г.);

8) что присяжный повѣренный не долженъ позволять себѣ неумѣстныхъ и оскорбительныхъ выраженій даже въ письмахъ къ своему противнику (журн. 16 Февраля 1874 года);

9) что увѣдомленія о болѣзни, препятствующей присяжному повѣренному явиться для исполненія обязанностей защитника, должны быть посылаемы не Секретарю, а Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи (журн. 16 Февраля 1874 г.).

Совѣтъ два раза призналъ присяжныхъ повѣренныхъ нравственно обязанными возвратить своимъ довѣрителямъ полученныя отъ нихъ деньги (журн. 9 и 16 Марта 1874 года).

На выборахъ, произведенныхъ 28 Апрѣля 1874 г., въ составъ Совѣта вошли два новые члена, чего не было съ 1870 г. Совѣтъ, избранный на девятый (1874—75) годъ. состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предс. К. К. Арсеньевъ, Тов. Предс. В. Д. Спасовичъ, Члены: В. Н. Герардъ, И. Д. Зубаревъ, В. І. Люстигъ, П. А. Потѣхинъ, Н. М. Соколовскій, А. Н. Турчаниновъ и А. М. Унковскій. Всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ С. Петербургскомъ Округѣ, въ моментъ избранія Совѣта, было 115.

Въ Сентябрѣ 1874 г., вслѣдствіе выхода К. К. Арсеньева изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдателемъ совѣта на его мѣсто избранъ А. М. Унковскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ стр. 80-й.

Въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ 20 октября 1874 г. опредѣлено—въ отмѣну прежняго порядка, основаннаго на постановленіи Совѣта 19 октября 1868 г. *)—не печатать во всеобщее свѣдѣніе постановленій Совѣта о запрещеніи присяжнымъ повѣреннымъ на время исправлять обязанности повѣреннаго.

Къ стр. 158-й.

Опредѣленіе Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Рихтера, на которое у насъ сдѣлана ссылка, напечатано въ «Указателѣ юридическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ Угол. Касс. Д—томъ и Общимъ Собраніемъ Касс. Д—товъ Прав. Сената», составленномъ Г. И. Трахтенбергомъ и вышедшемъ въ свѣтъ въ октябрѣ 1874 г. (стр.

*) Въ текстѣ книги по ошибкѣ напечатано вмѣсто 19-го—16-го октября.

820—824). По важности этого опредѣленія, мы заимствуемъ его изъ «Указателя» въ полномъ его составѣ.

«Присяжные повѣренные, по учр. суд. уст., не отнесены къ числу *должностныхъ лицъ* и первоначальное предположеніе предоставить имъ служебныя права и преимущества и учредить для нихъ, въ инстанціи совѣта, нѣкотораго рода обвинительную камеру, при составленіи уставовъ было отвергнуто. Прямая цѣль учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ состояла въ томъ, чтобы, въ виду учрежденія гласнаго и состязательнаго производства, установляемаго въ совершенно новыхъ формахъ, предложить обществу, нуждающемуся въ повѣренныхъ, такихъ лицъ, которыя бы могли заслуживать его довѣріе. Но, создавая такое учрежденіе, которое получало значительныя преимущества предъ простыми повѣренными прежняго времени, необходимо было принять самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, поддержать довѣріе въ обществѣ къ новому учрежденію, а съ другой—оградить частныхъ лицъ отъ неправильныхъ дѣйствій повѣренныхъ. Прежнее правило, на основаніи котораго повѣренный, за нарушеніе обязанностей своихъ противъ довѣрителя, отвѣчалъ предъ закономъ на правахъ частнаго лица, представлялось крайне неудобнымъ, какъ потому, что заставляло довѣрителя прибѣгать къ долгому и убыточному производству, такъ и потому, главное, что нарушенія эти, въ большинствѣ случаевъ, такого рода, что, представляя прямо несправедливое и предосудительное дѣяніе, вмѣстѣ съ тѣмъ не подходятъ къ числу такихъ проступковъ, которые положительно запрещены уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Чтобы не оставить безъ взысканія такіе явно предосудительные для званія повѣреннаго проступки, чтобы дать возможность частному лицу по-

лучить скорое и справедливое удовлетвореніе, и тѣмъ самымъ поддержать къ новому учрежденію довѣріе въ обществѣ, признано было за лучшее составить изъ присяжныхъ повѣренныхъ какъ бы отдѣльное сословіе, соединить ихъ при палатахъ въ особые округи, предоставивъ имъ самимъ взаимный надзоръ другъ за другомъ въ лицѣ ими же избираемаго совѣта. Этому-то совѣту Учр. Суд. Уст. предоставило почти безповѣрочное право собирать тѣ свѣдѣнія, которыя онъ признаетъ нужнымъ, о всякомъ желающемъ вступить въ это званіе, дѣлать окончательные выводы о нравственныхъ качествахъ вступающаго, и затѣмъ, или принимать его въ это сословіе, или, по неудовлетворительности собранныхъ свѣдѣній, отказывать въ этомъ (см. разсужд. подъ 1 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.).

На этотъ же совѣтъ уставы возложили и дальнѣйшій надзоръ за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими закономъ установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими обязаяностей, сообразно съ пользою ихъ довѣрителей (367 ст. 2 п. учр. Суд. Уст.), разсмотрѣніе поступающихъ на нихъ со стороны довѣрителей жалобъ, а равнымъ образомъ и наблюденіе за тѣмъ, чтобы присяжные повѣренные и въ частныхъ отношеніяхъ своихъ, помимо обязанностей по своему званію, не допускали поступковъ, явно предосудительныхъ и безчестныхъ, которые могутъ подорвать довѣріе къ ихъ сословію. Въ виду существенной важности такого надзора и значительности проступковъ, которые могутъ подлежать при этомъ вѣдомству совѣта, проступковъ, въ большинствѣ случаевъ не предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ, законъ предоставилъ совѣту обширную дисциплинарную власть надъ присяжными повѣренными (ст. 368), совершенно от-

личную отъ дисциплинарной власти судебной, какъ по формѣ производства, такъ и по свойству налагаемыхъ совѣтомъ взысканій. На основаніи этой власти совѣтъ вправѣ налагать на повѣренныхъ взысканія, не только вслѣдствіе частныхъ жалобъ, но и по собственному усмотрѣнію, а въ особенно важныхъ случаяхъ и вовсе исключать изъ своего сословія лицъ, оказавшихся неблагонадежными (разсужд. подъ 1 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.). Во всѣхъ дѣлахъ этого рода совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ представляется не только посредникомъ между повѣреннымъ и его довѣрителемъ, но и прямою порукою предъ обществомъ за дѣйствія всего сословія. Въ дѣлахъ этихъ совѣтъ составляетъ первую инстанцію, постановленія его считаются наравнѣ съ рѣшеніями окружнаго суда. Но, обратившись съ полнымъ довѣріемъ къ новому учрежденію, и предоставивъ такую обширную власть его совѣту, правительство нашло необходимымъ оградить лица, обращающіяся къ его суду, отъ возможнаго произвола. Съ этою цѣлью постановлено: о всѣхъ рѣшеніяхъ совѣта относительно взысканія съ присяжныхъ повѣренныхъ или освобожденія отъ онаго, сообщать прокурору того мѣста, при которомъ совѣтъ состоитъ (370 ст.); при чемъ прокурору представлено право ходатайствовать объ измѣненіи состоявшагося приговора по существу, а равнымъ образомъ, признавая дѣло по признакамъ обвиненія выходящимъ изъ круга дѣятельности совѣта, возбуждать вопросъ объ его неподсудности совѣту и переносить дѣло на разсмотрѣніе общаго собранія судебной палаты. Кромѣ того, независимо отъ взысканія, наложеннаго совѣтомъ на присяжнаго повѣреннаго, или оправданія его вслѣдствіе жалобы частнаго лица, таковымъ предоставлено право искать съ повѣреннаго вознагражденія убытковъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ ни одно постановленіе совѣта по дѣламъ этого рода не можетъ избѣгнуть законнаго наблюденія со стороны прокурорскаго надзора и каждое изъ нихъ можетъ быть доведено до разсмотрѣнія общаго собранія судебной палаты въ апелляціонномъ порядкѣ, и Правительствующаго Сената въ порядкѣ производства кассаціоннаго. *Но всѣ эти особенности производства относятся только до тѣхъ случаевъ, которые исчислены выше; затѣмъ всѣ преступленія, имѣющія чисто уголовный характеръ, должны подлежать разсмотрѣнію и наказанію въ порядкѣ общаго уголовнаго производства. Въ дѣлахъ этого рода совѣтъ непосредственнаго участія не принимаетъ.* Ему должно быть сообщаемо о начатіи слѣдствія по онымъ, а равно о преданіи суду повѣреннаго, единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ въ качествѣ мѣста, обязаннаго слѣдить за дѣйствіями повѣреннаго, могъ принять своевременно противъ обвиняемаго одну изъ мѣръ, указанныхъ въ 3 и 4 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст., если дѣйствія его на столько предосудительны для званія присяжнаго повѣреннаго, что совѣтъ не найдетъ возможнымъ оставлять за нимъ веденіе дѣлъ, впредь до окончательнаго оправданія его по взведенному обвиненію.

Въ настоящемъ случаѣ присяжный повѣренный Рихтеръ обвиняется въ произнесеніи на судѣ *неосторожнаго выраженія*, какъ выразились совѣтъ и судебная палата, и *прямо оскорбительныхъ словъ для товарища прокурора*, какъ доказываютъ это прокуроръ судебной палаты и его товарищъ.

Произнесеніе неприличныхъ словъ во время засѣданія, съ намѣреніемъ оказать явное неуваженіе къ судебному мѣсту, составляетъ преступленіе противъ порядка управле-

нія, предусмотрѣнное общимъ уголовнымъ закономъ; а такъ какъ слова эти сказаны повѣреннымъ противъ прокурора, принадлежащаго, по смыслу 595 ст. Уст. Угол. Суд., къ составу суда, то самый проступокъ подлежитъ взысканію по 282 ст. Улож. Поэтому, если бы при первоначальномъ обвиненіи были положительно установлены признаки, указанные этою статьею уложенія, то окружному суду слѣдовало бы дать дѣлу ходъ въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства. Установить эти признаки лежало на прямой обязанности самого суда. По смыслу 156, 157 и 158 ст. Учр. Суд. Уст., огражденіе порядка въ публичномъ засѣданіи суда принадлежитъ прежде всего предсѣдателю суда. Законъ даетъ ему право дѣлать замѣчанія, предостереженія, выговоры и даже подвергать удаленію изъ присутствія не только сторонних лицъ, но и лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда они, при докладѣ дѣла, употребятъ оскорбительныя выраженія противъ личности своего противника. Такимъ образомъ въ настоящемъ дѣлѣ, присяжному повѣренному Рихтеру за сказанныя имъ слова и выраженія, что товарищъ прокурора обвинялъ Глуховцева *незаконно*, было сдѣлано предсѣдателемъ суда *замѣчаніе*. Относительно другихъ словъ, «что послѣ всего сказаннаго *безсовѣстно было бы обвинять* Глуховцева въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ», которыя товарищъ прокурора окружнаго суда счелъ для себя оскорбительными, со стороны предсѣдателя было сдѣлано разъясненіе, что слова эти, сказанныя въ безличной формѣ, до товарища прокурора не относились, и оскорблять его не могли. Въ случаѣ дальнѣйшихъ пререканій, окончательное установленіе признаковъ и значенія выраженій, употребленныхъ Рихтеромъ, уже могло быть сдѣлано однимъ судомъ, такъ какъ

лицо прокурорскаго надзора, находящееся въ судебномъ засѣданіи, входитъ въ составъ присутствія суда, а всякое оскорбленіе, нанесенное ему, должно считаться оскорбленіемъ, нанесеннымъ присутствію суда. Затѣмъ протоколъ по дѣлу Глуховцева былъ разсмотрѣнъ окружнымъ судомъ въ распорядительномъ засѣданіи; судъ не придалъ при этомъ словамъ Рихтера значенія, указаннаго въ 282 ст. Улож. Онъ нашелъ въ нихъ одно пререканіе повѣреннаго съ товарищемъ прокурора, и, независимо отъ взысканія, уже наложеннаго на Рихтера въ засѣданіи суда, препроводилъ дѣло въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ мѣсто, обязанное наблюдать за дѣйствіями повѣренныхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, какъ сказано выше, когда дѣйствія эти могли бы подвергнуться или уже и подверглись обсужденію въ общемъ порядкѣ, но почему-либо представлялись предосудительными для лица, состоящаго въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Постановленіе окружнаго суда состоялось при участіи лица прокурорскаго надзора, которое при этомъ на то, чтобы проступокъ Рихтера подходилъ подъ дѣйствіе 282 ст. Улож., не указывало и противъ подсудности этого дѣла совѣту не возражало. Общее собраніе департаментовъ Московской судебной палаты, разбирая вопросъ о подсудности, и сославшись въ приговорѣ своемъ на разъясненіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, который при разсмотрѣніи дѣла Глуховцева назвалъ выраженія, употребленныя присяжнымъ повѣреннымъ Рихтеромъ, *неосторожными и неосмотрительными*, тоже подтвердило, согласно съ доводами, изложенными въ опредѣленіи совѣта, что выраженія эти не заключаютъ въ себѣ *прямаго оскорбленія* для товарища прокурора. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго

Сената находитъ, что ни по первоначально установленнымъ признакамъ, ни по опредѣленію окружнаго суда, состоявшемуся при участіи лица прокурорскаго надзора, ни по признакамъ, установленнымъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ и общимъ собраніемъ департаментовъ Московской судебной палаты, проступокъ присяжнаго повѣреннаго Рихтера не могъ подлежать преслѣдованію въ порядкѣ, указанномъ 282 и 283 ст. Улож. о Наказ. и что затѣмъ дѣло Рихтера принято совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ къ своему разсмотрѣнію правильно, а потому опредѣляетъ: кассаціонный протестъ товарища прокурора Московской судебной палаты оставить безъ послѣдствій».

Этимъ опредѣленіемъ Прав. Сената подтверждено еще разъ, что совѣту принадлежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы присяжные повѣренные *и въ частныхъ отношеніяхъ своихъ, помимо обязанностей по своему званію*, не допускали поступковъ явно предосудительныхъ и безчестныхъ, которые могутъ подорвать довѣріе къ ихъ сословію. Но вопросъ о значеніи пун. 5 ст. 368 Учр. Суд. Уст. разрѣшеніе котораго мы предполагали найти въ вышеприведенномъ опредѣленіи, остается и теперь не вполнѣ разъясненнымъ. Соображенія Прав. Сената повидимому клонятся къ отрицанію всякаго участія совѣта въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ присяжными повѣренными, хотя бы и при отправленіи ими своихъ обязанностей; это слѣдуетъ заключить изъ того мѣста опредѣленія, которое напечатано у насъ курсивомъ. Но какой же практическій смыслъ имѣетъ, въ такомъ случаѣ, пун. 5 ст. 368 Учр. Суд. Уст., по которому совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ правѣ своею властью подвергать присяжныхъ повѣренныхъ, за нарушеніе принятыхъ ими на себя обя-

занностей, преданію суду, въ случаяхъ особенно важныхъ? Толковать это постановленіе закона такимъ образомъ, что совѣтъ, усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго признаки уголовнаго преступленія, обязанъ немедленно прекратить производство дѣла и сообщить его прокурорскому надзору, для зависящаго распоряженія,—значило бы идти въ разрѣзъ съ буквою ст. 368, предоставляющей совѣту предавать присяжныхъ повѣренныхъ суду своею властью. Намъ кажется, что всего правильнѣе было бы слѣдующее разъясненіе пун. 5 ст. 368: о всякомъ дѣйствіи, совершенномъ присяжнымъ повѣреннымъ при исполненіи адвокатскихъ обязанностей и заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, прокурорскій надзоръ сообщаетъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, который постановляетъ опредѣленіе о томъ, есть ли достаточный поводъ къ преданію обвиняемаго уголовному суду, руководствуясь при этомъ тѣми же правилами, какъ и обвинительная камера. Такое же опредѣленіе постановляется совѣтомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда признаки преступленія усмотрѣны имъ самимъ, при обсужденіи дисциплинарнаго о присяжномъ повѣренномъ производства. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ опредѣленіе совѣта можетъ быть опротестовано прокуроромъ судебной палаты или обжаловано присяжнымъ повѣреннымъ на общемъ основаніи (Учр. Суд. Уст. ст. 370, 376), такъ что окончательное разрѣшеніе вопроса о преданіи или непреданіи присяжнаго повѣреннаго уголовному суду зависитъ отъ того самаго судебнаго мѣста, которому и въ другихъ дѣлахъ принадлежитъ роль обвинительной камеры. При такомъ порядкѣ правило, выраженное въ пун. 5 ст. 368 Учр. Суд. Уст., было бы исполнено въ точности, безъ установленія въ пользу присяжныхъ повѣренныхъ какой-либо льготы, безъ изъятія

ихъ изъ вѣдомства общихъ судебныхъ учрежденій; совѣту принадлежала бы при этомъ не столько роль обвинительной камеры—такъ какъ опредѣленія его не имѣли бы окончательной силы,—сколько роль эксперта, высказывающаго свое мнѣніе о свойствѣ и характерѣ дѣйствій обвиняемаго. Если бы толкованіе пун. 5 ст. 368, поддерживаемое нами, было принято, то судебной практикѣ предстояло бы разрѣшить нѣсколько вопросовъ, касающихся процессуальной стороны дѣла: устраняетъ ли опредѣленіе совѣта о преданіи присяжнаго повѣреннаго суду необходимость производства предварительнаго слѣдствія; составленіе обвинительнаго акта предшествуетъ ли постановленію этого опредѣленія или слѣдуетъ за нимъ; если предшествуетъ, то имѣетъ ли совѣтъ право измѣнить редакцію обвинительнаго акта или замѣнить его своимъ опредѣлеиіемъ; никѣмъ неопротестованное и не обжалованное опредѣленіе совѣта о преданіи суду подлежитъ ли ревизіи Судебной Палаты или прямо обращается къ исполненію, и т. п. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, мы замѣтимъ только, что они могли бы быть разрѣшены по общему смыслу законовъ, безъ дополненія или разъясненія ст. 368 въ законодательномъ порядкѣ.

5-го Декабря 1874 г. состоялось Высочайшее повелѣніе (распубликованное въ № 2 собранія узаконеній за 1875 г.) о пріостановленіи временно дальнѣйшаго учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ они до сего времени еще не открыты.